Двадцать одна лит. таблицъ - рисунки.

[illegible]

...е выдается на домъ.

Изъ Украинской старины

La petite Russie d'autrefois

РИСУНКИ

академиковъ

С. И. Васильковскаго

и

Н. С. Самокиша.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ

Профессора

Д. И. ЭВАРНИЦКАГО.

DESSINS

par les académiciens

S. J. Vassilkovsky

et

N. S. Samokisch.

TEXTE EXPLICATIF

du Professeur

D. I. EVARNITSKY.

...ственная библиотека
21 ФЕВР. 1908
№ 50084.

1086177

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

ST. PÉTERSBOURG.
Edition de A. F. MARCKS.

Дозволено цензурою. СПБ. 8 марта 1900.

Артист. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Ст. Подьяч., 1.

Къ Альбому Украинской Старины.

Въ наше время никто не станетъ отрицать великаго образовательнаго значенія науки археологіи или науки о древностяхъ. Напротивъ того, въ наше время и ученые специалисты и образованные люди дошли до полнаго сознанія того, что занятіе стариной есть и весьма необходимое, и во всѣхъ отношеніяхъ полезное занятіе. Въ самомъ дѣлѣ, наука о старинѣ, кромѣ того, что обогащаетъ насъ безцѣнными матеріалами, она связываетъ насъ непосредственно съ нашими отдаленными предками, знакомитъ насъ съ внѣшней и внутренней обстановкой жизни ихъ, указываетъ на тѣ или другія сношенія ихъ съ различными народами, развиваетъ въ насъ чувство изящнаго, облагораживаетъ наше сердце, воспитываетъ въ насъ любовь ко всему родному, расширяетъ нашъ умственный горизонтъ и, наконецъ, чрезъ все это умудряетъ насъ жизненнымъ опытомъ, преподаетъ уроки будущаго и дѣлаетъ насъ настоящими сынами нашего отечества, истинными патріотами. Оттого-то въ настоящее время и Высочайшія Особы, и правительственныя учрежденія, и частныя лица выказываютъ большія заботы и не мало покладаютъ средствъ на собираніе всякаго рода отечественныхъ древностей, наполняя не только столичные, но и провинціальные музеи сокровищами всевозможныхъ рѣдкостей. Оттого-же всякая попытка изданія отечественной старины не только не будетъ излишняя, а, напротивъ того, будетъ весьма необходима и весьма желательна, какъ пособіе для науки о древностяхъ и какъ поучительная книга для всякаго читающаго человѣка. Правительственныя учрежденія и частныя лица уже не мало издали различныхъ альбомовъ старины и немалую принесли тѣмъ самымъ пользу отечественной археологіи. Таковы наиболѣе извѣстныя изданія: «Древности россійскаго государства», «Описаніе одежды и вооруженій русскаго войска», «Опись московской оружейной палаты», «Памятники древне-русскаго зодчества» Рихтера, «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ» Ровинскаго, «Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки народной жизни» Прохорова, «Русскій народный орнаментъ» Стасова и многія другія.

Но во всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ изданіяхъ мы видимъ или очень мало или вовсе не видимъ южно-русской старины и именно старины козацкаго

Préface à l'Album de l'antiquité de l'Ukraine.

Personne ne s'aviserait à notre époque, de nier la grande importance de l'archéologie ou la science de l'antiquité. Bien au contraire, les savants spécialistes et même les lettrés contemporains professent la ferme conviction que l'étude de l'antiquité est une étude indispensable et utile sous tous les rapports. En effet, l'archéologie non seulement nous fournit des matériaux précieux, mais elle établit encore des liens immédiats entre nous et nos aïeux, nous renseigne sur les détails extérieurs et intérieurs de leur existence, sur les rapports qu'ils entretenaient avec les autres peuples, développe en nous le sentiment du beau, élève nos coeurs, nous inspire l'amour de la patrie, élargit notre horizon intellectuel et nous enseigne enfin la sagesse de la vie, nous avertit des choses futures et fait de nous des fils véritables de notre patrie, de vrais patriotes. Aussi à l'heure qu'il est les Augustes Personnages ainsi que les institutions de l'Etat et même nombre de particuliers se préoccupent-ils beaucoup de l'antiquité; on ne recule pas devant des sacrifices pécuniaires pour rassembler toutes sortes de souvenirs anciens du pays natal et l'on remplit non seulement les musées des capitales, mais encore ceux de la province d'objets rares, précieux et variés. Ceci posé, toute tentative de publication d'un ouvrage traitant des questions de notre antiquité, ne saurait être considérée comme superflue, mais au contraire comme hautement utile et bienvenue, car une pareille publication est une ressource pour les archéologues et une lecture instructive pour tout lettré. Les institutions de l'Etat et quelques particuliers ont déjà publié d'assez nombreux albums de l'antiquité qui ont rendu des services considérables à l'archéologie de notre patrie. Citons les ouvrages les plus connus: «Les antiquités de l'empire russe», «La description des costumes et des armes des troupes russes», «L'inventaire de l'Arsenal de Moscou», «Les monuments de l'ancienne architecture russe» de Richter, «Le dictionnaire détaillé des portraits gravés russes» de Rovinsky, «Les matériaux pour l'histoire des costumes et de tous les détails de la vie russe» de Prokhoroff, «L'ornementation nationale russe» de Stassoff et quantité d'autres.

Mais dans tous les ouvrages susdits, ainsi que dans d'autres ouvrages du même genre on ne trouve que peu de chose ou même rien du tout sur l'antiquité du midi de la Russie et particulièrement sur celle de la période cosaque de l'histoire de la Petite-Russie. On ne connait

періода исторіи Малой Россіи. До сихъ поръ извѣстно только два изданія козацкой старины: одно сдѣлано въ Москвѣ «Обществомъ исторіи и древностей», издавшимъ нѣсколько портретовъ козацкаго, мѣщанскаго и крестьянскаго сословія юго-западной Россіи, да и то лишь въ видѣ приложенія къ «Лѣтописному повѣствованію о Малой Россіи» Ригельмана; другое предпринято было въ Кіевѣ, частнымъ лицомъ, В. В. Тарновскимъ, издавшимъ на собственныя средства нѣсколько портретовъ малороссійскихъ гетмановъ, въ видѣ иллюстрацій къ сочиненію Антоновича и Беца «Историческіе дѣятели юго-западной Россіи».

А между тѣмъ въ прошлой жизни Малой Россіи было столько оригинальнаго, столько своеобразнаго, столько поучительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ столько поэтически-привлекательнаго, что все это уже давно само собой просится на свѣтъ Божій и давно уже влечетъ къ себѣ истинныхъ любителей и цѣнителей южно-русской старины.

И въ самомъ дѣлѣ, историческая жизнь Малой Россіи съ ея козацкимъ населеніемъ въ городахъ и на низовьяхъ Днѣпра, въ Запорожьѣ, не разъ выдвигала такихъ героевъ, имена которыхъ могутъ быть смѣло вписаны на страницы всемірной исторіи. И появленіе такихъ героевъ на исторической сценѣ Малой Россіи и Запорожья не случайное. Занимая боевой постъ между турко-татарами съ одной стороны и поляками съ другой, козаки представляли изъ себя настоящій живой оплотъ для всей русской народности и на своихъ плечахъ выносили всѣ удары какъ со стороны мусульманскаго Крыма и Турціи, такъ и со стороны католической Польши. Борясь за политическую свободу, за православную вѣру, за русскую народность, козаки каждую пядь родной земли поливали своею кровью и засѣвали своими костьми и тутъ же создавали такихъ богатырей-героевъ, которые вызывали у современниковъ и вызываютъ у потомковъ справедливое удивленіе.

Въ особенности велики были подвиги тѣхъ защитниковъ отчизны и вѣры, которые изъ городовъ уходили въ днѣпровскія низовья и открытыя степи.

Уходя въ степи, козаки отрекались отъ семьи, отъ всѣхъ радостей земныхъ, отъ человѣческаго жилья и жили поначалу, въ холодъ и стужу, въ зной и спеку, прямо подъ открытымъ небомъ, потомъ въ звѣриныхъ норахъ и жалкихъ землянкахъ, питались, по словамъ древнихъ лѣтописцевъ, въ счастливыхъ случаяхъ рыбой или птицей, въ несчастныхъ случаяхъ — отваромъ изъ воды и роговъ дикихъ козловъ, валявшихся въ степи, или же ржанымъ толокномъ, заплѣсневѣлыми сухарями, вывозимыми изъ городовъ, утѣшая себя въ послѣднемъ случаѣ тѣмъ, что отъ такой пищи «человѣкъ дѣлается легче и потому свободнѣе переплываетъ всѣ рѣки на своемъ пути». «Козаки, якъ мали диты: дай богато — все зъидять, дай мало — довольни будуть».

Желая подойти внезапно къ непріятелю и внезапно напасть на него, козаки чрезъ то и сами нерѣдко терпѣли крайнія лишенія и подвергались тяжкимъ испытаніямъ: они не могли развести огнища,

jusqu'à présent que deux ouvrages qui s'occupent de l'histoire des cosaques: l'un a été publié à Moscou, par la «Société historique et archéologique», qui a publié plusieurs portraits des représentants des classes cosaques, bourgeoises et paysannes du sud-ouest de la Russie, et encore sous forme de supplément aux «Annales de la Petite Russie» de Riegelmann; l'autre ouvrage a été entrepris à Kiew par un particulier, Tarnovsky, qui fit paraître à ses frais quelques portraits d'hetmans petit-russiens, comme illustrations à l'ouvrage d'Antonovitch et de Betz, «Les personnalités historiques du sud-ouest de la Russie.» Et cependant dans le passé de la Petite-Russie il y a eu tant de choses originales, typiques, instructives, et en même temps si poétiquement attachantes que depuis longtemps déjà tout cela réclame la grande publicité et séduit depuis longtemps les vrais amateurs et admirateurs de la Russie méridionale.

Et en effet, la vie historique de la Petite-Russie, avec sa population cosaque des villes et des régions du bas-Dniéper, le Zaporojié, a produit maintes fois des héros dont les noms peuvent être hardiment inscrits sur les pages de l'histoire universelle. L'apparition de ces héros sur la scène historique de la Petite-Russie et du Zaporojié n'a nullement un caractère accidentel. Placés à un poste de combat, entre les turcs et les tatares d'un côté et les polonais de l'autre, les cosaques formaient un véritable rempart vivant à toute la nation russe et offraient leurs épaules à tous les coups, tant du côté de la Crimée et de la Turquie musulmanes que de celui de la Pologne catholique. En luttant pour la liberté politique, pour la religion orthodoxe, pour la nationalité russe, les cosaques arrosaient de leur sang chaque pouce du sol natal et le semaient de leurs ossements; il y eut parmi eux des preux et des héros qui provoquèrent chez leurs contemporains et provoquent chez leurs descendants une admiration bien justifiée.

Les plus grands exploits des défenseurs de la patrie et de la foi furent accomplis par ceux d'entre eux qui habitaient le bas-Dniéper et dans l'immensité des steppes.

En se retirant dans les steppes, les cosaques renonçaient à la famille, à toutes les joies terrestres, à une demeure humaine, et vécurent au début, qu'il fit froid et qu'il gelât ou qu'il fit une chaleur ardente et un soleil brûlant tout simplement à la belle étoile; plus tard ils se terrèrent dans des repaires de bêtes ou en de misérables huttes, se nourrissant, d'après les anciens historiens, de poisson ou de gibier en cas de chance favorable, et en cas de malechance d'un bouillon fait avec de l'eau et des cornes de chevreuils dont la steppe était semée, de farine de blé noir séchée ou de biscuits moisis, apportés des villes, se consolant, lorsqu'ils en étaient réduits là, par la pensée qu'une semblable nourriture «rend l'homme plus léger et lui permet de traverser plus facilement à la nage toutes les rivières qu'il rencontre en chemin.» «Les cosaques sont comme de petits enfants: si on leur donne beaucoup à manger ils dévoreront tout, mais qu'on leur en donne peu ils s'en contenteront tout de même».

Voulant s'approcher de l'ennemi à l'improviste et le surprendre, les cosaques s'imposaient souvent les plus grandes privations et s'exposaient à des épreuves pénibles: ils

чтобы согрѣть въ зимнее время свои закоченѣвшіе отъ холода члены; не смѣли выкресать себѣ огня для люльки, которою обыкновенно поддерживали себя въ бодрственномъ состояніи, не позволяли ржать своимъ лошадямъ, завязывая имъ морды тряпками; не могли даже шопотомъ переговариваться между собой и сидѣли на одномъ мѣстѣ по нѣскольку часовъ точно окаменѣлые, безъ рѣчи и безъ всякаго движенія.

Избѣгая встрѣчи съ черезчуръ многочисленными врагами, козаки нерѣдко прятались въ высокой, покрывавшей вола съ рогами или всадника съ конемъ, степной травѣ-тирсѣ и блукали въ ней по цѣлымъ днямъ и по цѣлымъ недѣлямъ, при чемъ, желая сбить съ толку своихъ преслѣдователей, неподражаемо выли волками, лаяли лисицами, кричали пугачами, точно истые волки, истыя лисицы, истые пугачи. Оттого-то и сложилось такое повѣрье, будто всякій запорожскій козакъ могъ превращаться во что угодно и когда угодно, и въ хорта и въ кота: «Винъ оце перекынется у кота тай нявчйтъ: ты думаешь, що то и справди китъ, ажъ то запорожець»... «Постійте, братци, пидождить, не шевелытця!.. Уставъ съ коня (кошевой Сирко), отдавъ его якомусь (какому-то) козакови, а самъ кувырдь! тай зробывсь хортомъ (охотничьей собакой)»...

Застигнутые въ одиночку въ голой, выжженной солнцемъ или спаленной огнемъ степи, козаки мгновенно бросались къ берегамъ рѣкъ, озеръ и лимановъ; тутъ или сидя въ густыхъ и непролазныхъ камышахъ, или же прямо бросаясь въ воду, они оставались по нѣскольку часовъ на днѣ рѣкъ, дыша посредствомъ камышины, одинъ конецъ которой держали во рту, а другой надъ поверхностью воды. Путь свой козаки днемъ «правили» по солнцу да по высокимъ курганамъ, а ночью по звѣздамъ, по теченію рѣкъ да по направленію вѣтра, который у нихъ, смотря по тому, откуда дулъ, носилъ названія то москаля, то донца, то ляха, то бусурмена.

Черезъ все это козаки подвергались такимъ страданіямъ, о которыхъ мирные жители городовъ не имѣли и приблизительнаго представленія. Скрываясь въ разныхъ трущобахъ, тернахъ, чагарникахъ да буеракахъ, козаки царапали себѣ колючками руки, кололи острыми «спичака́ми» ноги, сдирали вѣтками съ себя кожу. Забираясь въ звѣриныя норы или въ естественныя пещеры, въ густые камыши, или въ болотистые плавни, они встрѣчались тамъ съ ядовитыми змѣями, черными пауками, тарантулами или «мармуками», неисчислимыми миріадами мошки, комаровъ, слѣпней, оводовъ. Въ открытой, сухой, сожженной солнцемъ или пожаромъ степи козаки испытывали страшныя мученія отъ голода и жажды, и тутъ часто съ предсмертными стонами ихъ сливался вой дикихъ волковъ, которые, растерзавъ тѣло человѣка и не насытившись имъ, вновь «квылили-проквиляли, — тожъ воны похоро́ны по козацькому тилу справлялы»... Въ непролазныхъ камышахъ и топкихъ плавняхъ козаки подвергались, особенно въ періодъ цвѣтенія камыша, изнурительнымъ лихорадкамъ и же-

ne pouvaient allumer un bûcher pour réchauffer en hiver leurs membres engourdis par le froid; ils n'osaient pas battre le briquet pour allumer leur pipe qui les empêchait généralement de s'endormir; ils ne permettaient pas à leur chevaux le moindre hennissement, et, pour les en empêcher, leur entortillaient le mufle avec des lambeaux d'étoffe; ils ne pouvaient même pas s'entretenir à voix basse et restaient des heures entières sans bouger de leur place, comme pétrifiés, muets et immobiles.

Pour éviter des rencontres avec des ennemis trop nombreux, les cosaques se blottissaient souvent dans les hautes herbes des steppes, si hautes qu'elles dérobaient à la vue un taureau avec ses cornes ou un cavalier avec sa monture; ils y erraient des jours et des semaines entières, et, pour dépister ceux qui les poursuivaient, ils imitaient merveilleusement les hurlements des loups, les aboiements des renards et les hululements des hiboux: — on aurait dit de vrais loups, de vrais renards, de vrais hiboux. De là la légende que tout cosaque zaporogue peut se métamorphoser à volonté et prendre la forme qui lui convient le mieux, que ce soit celle du chien ou du matou: «Le voilà qui se change en matou et se met à miauler: on s'imagine que c'est un vrai matou, mais il se trouve que c'est un zaporogue...» «Attendez, camarades, attendez, ne bougez pas!.. Le chef Sirko descendit de cheval, le passa à un cosaque, fit une culbute! et en un clin d'oeil il se métamorphosa en chien de chasse.»

Surpris isolément dans la steppe dénudée, brûlée par le soleil, les cosaques gagnaient vivement les bords des fleuves, des lacs et des limans; là, ils se cachaient dans les épais roseaux ou, plongeant dans l'eau, ils y restaient des heures entières, ne respirant qu'à l'aide d'une tige de roseau dont ils prenaient l'une des extémités dans la bouche, tandis que l'autre émergeait à la surface de l'eau. Le soleil et quelques tertres élevés permettaient aux cosaques de s'orienter le jour; la nuit ils se guidaient sur les étoiles, la ligne des courants d'eau et la direction du vent, auquel ils avaient donné différents surnoms, selon la région d'où il soufflait: c'était tantôt le moscovite, tantôt l'habitant du Don, tantôt le polonais ou bien le mécréant.

Il résultait de tout cela que les cosaques enduraient des souffrances, dont les paisibles citadins ne pouvaient même pas avoir une idée approximative. Se cachant sans cesse dans toutes sortes de trous, de ronces et de ravins, les cosaques se déchiraient les mains aux ronces, se piquaient les pieds aux chardons, se blessaient jusqu'au sang dans les épaisses broussailles. Lorsqu'ils se glissaient dans les repaires des bêtes ou dans les cavernes, dans les roseaux touffus ou dans les iles basses marécageuses, ils y rencontraient des serpents venimeux, de noires araignées, des tarentules, d'innombrables myriades de thrips, de moustiques, de taons, d'oestres. En pleine steppe rase, stérile, brûlée par le soleil ou l'incendie, les cosaques souffraient horriblement de la faim et de la soif, et souvent leur râle d'agonie s'unissait aux hurlements des loups sauvages qui, après avoir déchiqueté les cadavres humains sans avoir assouvi leur faim, les «tournaient et les retournaient, — comme célébrant à leur façon les obsèques des défunts cosaques»... Dans les roseaux inextricables et dans les ilots marécageux, surtout à l'époque de la floraison des roseaux,

стокимъ горячкамъ и умирали отъ нихъ трагическою смертью, вдали отъ родины, вдали отъ друзей, безъ послѣдняго утѣшенія. Набѣгая на Крымъ или на турецкія области, козаки нерѣдко заносили оттуда такъ называемую «черную хворобу», или чуму, и подвергались «наглой смерти»; тогда, «туляючись по балкамъ, по днѣпровымъ островамъ, по темнымъ пещерамъ», они подъ конецъ погибали въ совершенно безызвѣстныхъ и глухихъ мѣстахъ, валялись въ степи вовсе непогребенными, подобно павшей скотинѣ, оставаясь нетронутыми даже со стороны хищныхъ звѣрей и хищной птицы, всегда избѣгающей зачумленнаго тѣла человѣка. И лежало въ открытой степи «козацкое тило, чумацькое било», обмываемое дождемъ, обвѣваемое вѣтромъ, палимое солнцемъ, лежало до тѣхъ поръ, пока вмѣсто тѣла получался голый скелетъ и пока промежъ костей того скелета не прорастала зеленая трава, а черезъ отверстія глазъ не пробивался высокій бурьянъ,—то и служило покровомъ, вмѣсто савана, для погибшаго въ борьбѣ за родину козака...

И вся эта жизнь, полная отреченія, полная мукъ, полная всевозможныхъ лишеній, предпринималась козаками ради того, чтобы защитить свою родину, матку Украйну, а вмѣстѣ съ ней защитить всю Русь, весь христіанскій міръ отъ страшныхъ турокъ, наводившихъ въ свое время ужасъ на всю Европу, и хищныхъ татаръ, безпрестанно врывавшихся тысячами, десятками и нерѣдко даже сотнями тысячъ на Украйну и всегда ознаменовавшихъ свои набѣги пожарами, грабежами и уводами неисчислимаго числа несчастныхъ христіанъ въ плѣнъ.

Такъ же тяжела, такъ же страшна и такъ же мучительна была борьба козаковъ съ другими ихъ сосѣдями, поляками. Тутъ дѣло шло о политической свободѣ, о русской народности, о земельныхъ благахъ, о сословныхъ правахъ, о національной вѣрѣ, въ особенности о святой предковской православной вѣрѣ. Вѣра тутъ играла одну изъ первыхъ и важнѣйшихъ ролей. Во всю свою историческую жизнь южно-русскій народъ не зналъ ни раскола, ни ересей и тщательно оберегалъ чистоту своей православной вѣры отъ «жидовскаго зловѣрія» и отъ «хищнаго» католичества. Въ одной народно-козацкой думѣ временъ гетмана Богдана Хмельницкаго о причинахъ войны козаковъ съ поляками говорится:

«Якъ у святый день,
Божественный вивторокъ,
Гетьманъ Хмельницкый козакивъ до схидъ сонця у походъ выряжкивъ,
И стыха словамы промовлявъ:
Гей, козакы вы, диты-друзи!
Прошу васъ, добре вы дбайте,
Одъ сна вставайте,
Святый Отче-нашъ читайте,
На славу Украины прыбувайте,
Жыдивъ-рандаривъ,
Ляхивъ, мостывыхъ панивъ
У пень рубайте,

les cosaques contractaient des fièvres malignes et putrides, et succombaient tragiquement, loin des parents, des amis, sans un mot de consolation suprême. Lorsqu'ils envahissaient la Crimée ou les provinces turques, les cosaques en rapportaient fréquemment ce qu'on appelait le «mal noir» ou la peste, s'exposant ainsi à la «mort abominable»; alors, «se cachant dans les ravins, les îlots du Dniéper et les noires cavernes», ils expiraient a la fin dans des endroits inconnus et perdus, et leurs cadavres gisaient dans la steppe sans sépulture, telles des charognes de bétail crevé, intacts, car ni les fauves même, ni les oiseaux de proie ne touchent jamais aux cadavres des pestiférés. Et le «cadavre cosaque, la charogne tchoumaque», gisait en pleine steppe, fouettée par la pluie et le vent, brûlée par le soleil, jusqu'au moment où la charogne devenait un squelette dénudé et jusqu'à ce que l'herbe verte se mît à pousser entre les ossements du squelette et que de hautes herbes surgissent des orbites vides,—c'était la couverture, remplaçant le suaire du cosaque, trépassé en combattant pour la patrie...

Et si les cosaques s'imposaient volontairement cette vie pleine de souffrances et de privations de toutes sortes, c'était pour défendre leur patrie, leur mère—Ukraine, et en même temps la Russie tout entière, tout le monde chrétien contre ces turcs effrayants qui semaient, à une certaine époque, l'épouvante dans l'Europe entière, et contre ces féroces tatares dont les hordes inondaient l'Ukraine de milliers, de dizaines et de centaines de milliers d'ennemis, signalant toujours leur invasion par des incendies et des pillages et capturant toujours une quantité innombrable de malheureux chrétiens.

Non moins pénible, terrible et douloureuse était la lutte des cosaques avec leurs autres voisins, les polonais. Ici il s'agissait de liberté politique, de nationalité russe, de biens territoriaux, de droits civils, de croyance nationale, surtout de la foi orthodoxe ancestrale. La question de la religion jouait là dedans l'un des premiers, des principaux rôles. L'histoire de la population du midi de la Russie n'est entachée d'aucun schisme, ni hérésie, et la pureté de la foi orthodoxe fut soigneusement préservée du «mécréantisme judaïque» et du «rapace» catholicisme. Dans une ballade cosaque populaire de l'époque de l'hetman Bogdane Khmelnitsky on trouve ce qui suit au sujet des causes de la guerre des cosaques avec les polonais:

«Et voici que le Jour saint
«Du mardi divin
«L'hetman Khmelnitsky, rassemblant les cosaques à l'aube pour aller en campagne
«Leur parla en vers comme il suit:
«Hé, les cosaques, mes fils, mes amis,
«Debout, je vous prie,
«Réveillez-vous, levez-vous,
«Priez notre Père qui est dans les cieux,
«Ne pensez qu'à la gloire de l'Ukraine,
«Assomez, hachez sans merci
«Tous les fermiers juifs,
«Polonais et seigneurs maudits,
«Mélez leur sang au sable jaune des steppes,
«Ne laissez par insulter notre foi chrétienne!»

Кровъ ихъ у поли зъ жовтымъ пискомъ мишайте,
Виры своеи хрестіяньскои у поругу не дайте!»

Но еще яснѣе выражается причина постоянныхъ войнъ козаковъ съ поляками въ томъ военномъ кликѣ, съ которымъ они обращались передъ войной ко всему православному населенію Украйны: «Кто хочетъ за вѣру христіанскую быть посаженнымъ на колъ, кто хочетъ быть четвертованъ, колесованъ, кто готовъ претерпѣть всякія муки за святой крестъ, кто не боится смерти—приставай къ намъ. Не надо бояться смерти: отъ нея не убережешься. Такова козацкая жизнь».

И козаки не разъ такою, именно такою смертью умирали, и опять-таки умирали какъ истые герои, не «скыгляче», т. е. не воя, и не «скаржычись», т. е. не жалуясь на свою жестокую судьбу. Приговоренные къ мучительной казни—сдиранію съ живого человѣка кожи, козацкіе герои, презирая своихъ безчеловѣчныхъ мучителей, громко, во всеуслышаніе, заявляли имъ, что такая казнь козаку не казнь, а чистый смѣхъ, что отъ сдиранія съ тѣла кожи они не испытываютъ ни малѣйшей боли, а только чувствуютъ, будто по тѣлу у нихъ ползаютъ мурашки: «отъ казалы, що воно болячé, ажъ воно мовъ комашня кусає»... Присужденный врагами-католиками къ «шибеницѣ», т. е. къ висѣлицѣ, козакъ нерѣдко просилъ себѣ, какъ милости, не вѣшать его, а посадить на колъ или на *столбъ* съ острымъ желѣзнымъ спицомъ на верхнемъ концѣ, чтобы умереть потомственною *столбовою* смертью: «Такъ умиравъ мій дидусь—царство ему небесне! такъ умеръ мій батько—нехай винъ царствуе на тимъ свити! такъ и я хочу умерты», т. е. потомственною столбовою смертью. И козакъ умиралъ, сидя на остромъ спицу пали. И какъ умиралъ? Точно потѣшаясь и надъ самою смертью, и надъ своими палачами, онъ просилъ дать ему люльку, чтобы въ послѣдній разъ повеселить тютюнцомъ душу свою и съ весельемъ закрыть очи свои. Покуривши люльки, козакъ обводилъ страшными очами своихъ мучителей, плевалъ имъ съ пали «у сами очи» и, проклиная какъ ихъ самихъ, такъ и всѣ порядки ихъ, тутъ же, сидя на палѣ, испускалъ послѣдній вздохъ свой... У поляковъ относительно козаковъ создалась даже такая легенда, будто они умирали настоящею подлинною смертью не послѣ первой, не послѣ второй, да и не послѣ третьей, а лишь послѣ четвертой смертельной раны...

И не только гоненіе со стороны поляковъ-католиковъ православной вѣры заставляло малороссійскихъ и запорожскихъ козаковъ браться за оружіе: козаки, а съ ними и простой «посполитый» или крестьянскій людъ, поднимались противъ поляковъ и за то, что они губили ихъ семьи, насиловали ихъ женъ, безчестили ихъ дочерей, снимали съ нихъ послѣднюю одежинку, вырывали у нихъ изо рта послѣдній кусокъ хлѣба: «Тикай, ляше, бо все, що на тоби, то наше!» говорили вожаки народнаго возстанія противъ польскихъ-пановъ притѣснителей и, давая полную волю своимъ страстямъ, жестоко мстили богачамъ за свою нищету и за свои лишенія. Здѣсь

Mais la raison des guerres perpétuelles des cosaques avec les polonais se manifeste encore plus clairement dans l'allocution belliqueuse quil's adressaient avant la guerre à toute la population orthodoxe de l'Ukraine! «Que celui qui veut être empalé pour la foi orthodoxe, que celui qui veut être écartelé, roué, que celui qui est prêt à subir tous les supplices au nom de la croix sainte, que celui qui ne redoute pas la mort, — se joigne à nous. On ne doit pas craindre la mort, car nul ne saurait l'éviter. Tel est le lot des cosaques.»

Et souvent les cosaques mouraient justement de cette mort-là, mouraient comme de vrais héros sans se plaindre ni se lamenter au sujet de leur cruelle destinée. Condamnés à être écorchés vifs, les héros cosaques, pleins de mépris pour leurs bourreaux inhumains, déclaraient à haute et intelligible voix, afin que tout le monde les entendît, que ce n'était pas un supplice pour un cosaque, mais une pure dérision, que cela ne leur faisait aucun mal et que c'était comme si des fourmis leur parcouraient le corps: «on prétendait que c'est douloureux, mais ça ne fait pas plus mal que des piqûres de moustiques»... Condamnés par leurs ennemis catholiques à la potence, ils imploraient souvent comme une grâce, qu'on les empalât sur un poteau garni d'une pointe tranchante en fer à son extrémité, afin de mourir de la mort traditionnelle de leurs ancêtres: «Mon grand-pére, que le Seigneur ait son âme, est mort ainsi! mon père a obtenu le royaume des cieux en mourant de cette même mort! je veux mourir comme eux», c'est à dire empalé comme eux. Et les cosaques mouraient sur la pointe aiguë du pal. Et il fallait voir comment! L'empalé semblait se moquer de la mort elle même et de son bourreau, demandait une pipe pour se délecter une dernière fois à fumer sa bonne bouffarde et pour fermer les yeux joyeusement. Sa pipe une fois fumée, le cosaque promenait un regard terrible sur ses bourreaux, leur crachait du haut de son pal en «pleine figure», lançait une malédiction suprême sur eux-mêmes et sur toutes leurs contumes et exhalait son dernier soupir sur le pal même... Une légende s'était formée chez les polonais, qui prétendait que ce n'était pas après la première, ni après la seconde, ni après la troisième blessure que les cosaques mouraient pour de bon, mais après la quatrième seulement...

Ce n'était pas seulement parce que les catholiques polonais persécutaient la religion orthodoxe, que les cosaques petit-russiens et zaporogues prenaient les armes: les cosaques et la population rurale s'insurgeaient encore contre les polonais parce que ceux-ci ruinaient leurs familles, violaient leurs femmes, déshonoraient leurs filles, leur arrachaient jusqu'à leur derniers vêtements, leur enlevaient jusqu'à leur dernière bouchée de pain. «File, polonais, car tout ce qui est sur toi est à nous», disaient les chefs de l'insurrection nationale contre les seigneurs polonais oppresseurs, et, donnant libre cours à leur fureur, ils vengeaient sur les riches leur misère et leurs privations. La haine prenait parfois des proportions telles que les opprimés, selon une chanson cosaque, ne se contentaient pas d'exercer des représailles contre les oppresseurs pendant la vie, mais les menaçaient encore d'une vengeance posthume. Lorsque leurs têtes, détachées du tronc, roulaient sur l'échafaud, elles clamaient:

озлобленіе иногда простиралось такъ далеко, что обиженные, по словамъ козацкой пѣсни, мстили своимъ притѣснителямъ не только при самой жизни, но и грозили имъ местью послѣ смерти, когда уже отрубленныя отъ туловища головы козаковъ валились на плаху:

«А я того, вражи ляхы, повикъ не забуду,
И якъ била ляшкивъ-панкивъ, такъ и биты буду».

Такъ, не щадя ни средствъ, ни силъ, ни самой жизни, козаки, на сушѣ и на морѣ, конные и пѣшіе, цѣлыми массами и отдѣльными «купами», безъ устали и безъ перерыва воевали со своими вѣковѣчными врагами, то татарами и турками, то ляхами-католиками, и это дѣло считали самымъ высокимъ и самымъ святымъ для себя дѣломъ. Держа высоко свое знамя и свято выполняя свою задачу, они ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ не уступали: не страшились они ни огня, ни морскихъ пучинъ, ни страшнаго голода, ни мучительной жажды въ степи, ни самыхъ жестокихъ, самыхъ варварскихъ казней въ плѣну у своихъ враговъ:

«Ой, полемъ, полемъ Кылиймськымъ,
Та шляхомъ бытымъ Ордынськымъ
Ой, тамъ гулявъ козакъ Голота,
Не боится винъ ни огня, ни меча, ни третёго болота»...

Гдѣ же черпали козаки силы для такой борьбы съ окружающими ихъ многочисленными непріятелями? Черпали и въ самихъ себѣ, въ глубинѣ своей души, и въ живѣйшемъ содѣйствіи своего православнаго духовенства, которое въ свое время было и передовымъ, и боевымъ, и образованнымъ. Связь между духовнымъ и козацкимъ сословіемъ была въ то время самая живая и самая тѣсная, и строгаго разграниченія между тѣмъ и другимъ сословіемъ вовсе не существовало. Оттого сегодняшній козакъ-воинъ дѣлался священникомъ, и сегодняшній іерей или чернецъ подавалъ руку воину и становился въ ряды козаковъ. Вспомнимъ знаменитаго въ исторіи просвѣщенія южной Руси Петра Могилу, который мужественно сражался въ 1621 году противъ турокъ подъ крѣпостью Хотиномъ, а потомъ сдѣлался кіевскимъ митрополитомъ и боронилъ русскую вѣру отъ католиковъ не мечомъ, а крестомъ и живою проповѣдью. Вспомнимъ сына гетмана Богдана Хмельницкаго, Юрія Хмельниченка, сперва также гетмана, а потомъ архимандрита Гедеона и снова вторично гетмана. Вспомнимъ Михайла Вуяхевича, который былъ войсковымъ судьей, и потомъ избранъ былъ братіей Кіево-Печерской лавры архимандритомъ, подъ именемъ Мелетія. Вспомнимъ, наконецъ, въ XVIII вѣкѣ полкового лубенскаго писаря Семена Петриковскаго, бывшаго потомъ, подъ именемъ Силуана, брянскимъ архимандритомъ. А сколько было такихъ козаковъ, которые, оставивъ свое званіе, уходили въ иноки Самарско-Николаевскаго, въ предѣлахъ Запорожья, или Кіево-Межигорскаго монастыря, или даже сами основывали гдѣ-нибудь въ глухой балкѣ или оврагѣ уединенный скитокъ и тамъ, находясь между небомъ и землей, вели молитвенныя бесѣды съ Бо-

«Sachez, polonais maudits, que je ne l'oublierai jamais,
«Et que je tuerai vos seigneurs comme je les ai déjà tués».

Et, n'épargnant ni leurs biens, ni leurs forces, ni même leur vie, les cosaques, sur terre et sur mer, à pied ou à cheval, en masses nombreuses ou par «groupes» séparés, sans trêve ni repos, guerroyaient avec leurs éternels ennemis, les tatares et les turcs ou les polonais, considérant cette guerre comme leur plus grand et leur plus sacré devoir. Drapeau haut, ils remplissaient saintement leur tâche ne pliant jamais devant rien, ni personne, ne redoutant, ni le feu, ni les gouffres marins, ni la faim dévorante, ni la vie solitaire dans le désert, ni les plus cruels, les plus barbares supplices que leurs ennemis infligeaient aux prisonniers:

«Ohé, par les champs, par les champs infinis.
«Par les routes familières aux tatares,
«Ohé, le cosaque Holota va et vient,
«Il n'a peur ni du feu, ni du fer, ni du diabolique marais...»

Où puisaient donc les cosaques la force de combattre tous ces nombreux ennemis qui les environnaient? Ils la puisaient en eux-mêmes, dans leur propre âme, ainsi que dans le concours le plus actif du clergé orthodoxe qui était à cette époque éclairé, militant et érudit. Le lien le plus vivace et le plus étroit unissait les ecclésiastiques et les cosaques et aucune démarcation sévère n'existait entre ces deux corps si divers. Aussi voyait on le soldat cosaque d'aujourd'hui devenir prêtre le lendemain, tandis que le prêtre ou le moine se joignait aux rangs des cosaques. Citons Pierre Moghila, célèbre dans l'histoire de la civilisation de la Russie méridionale, qui se battit bravement en 1621 contre les turcs au fort Khotine et qui devint ensuite métropolite de Kiew et continua à défendre la croyance orthodoxe, non plus par le glaive, mais par la croix sainte et par ses discours. Citons le fils de l'hetman Bogdane Khmelnitsky, Jouri Khmelnitchenko, qui fut hetman d'abord, l'archimandrite Gédéon ensuite et qui redevint hetman. N'oublions pas Michel Vouiakhévitch qui, fut d'abord grand prévôt, puis se vit élire archimandrite par la confrérie de la laure Kiévo-Petchersky, sous le nom de Mélétius. Mentionnons enfin au XVIII siècle le clerc du régiment de Loubensk, Siméon Petrikovsky, qui fut ensuite archimandrite de Briansk sous le nom de Sylvain. Et combien de cosaques abandonnaient leur régiment pour se faire moines au couvent de Samara—Nicolaïevsk sur le territoire zaporogue ou au couvent Kiévo—Méjigorsky, ou qui fondaient eux-mêmes dans un ravin isolé quelconque un ermitage, et là, entre ciel et terre, adressaient à Dieu des prières recueillies! Et bien qu'une pareille transformation présente en elle-même un phénomène remarquable, elle s'explique par ce fait qu'à cette époque le moine comme le cosaque «étaient également soldats et citoyens de leur patrie», c'est à dire qu'ils servaient la civilisation, créaient des écoles, fondaient des confréries chargées de lutter contre les dissidents, étudiaient l'histoire de leur patrie, s'occupaient de poésie tout en se battant bravement et sans cesse pour la foi orthodoxe des ancêtres, en même temps que pour la nationalité russe. Toute la différence résidait en ce que l'un brandissait la croix sainte et l'autre le sabre ou

томъ? И такой переходъ хотя и составляетъ замѣчательное само по себѣ явленіе, но онъ объясняется тѣмъ, что въ то время монахъ и козакъ «одинаково были воинами и одинаково были гражданами своей родины», т. е. служили просвѣщенію, заводили школы, учреждали для борьбы съ иновѣріемъ братства, изучали отечественную исторію, занимались поэзіей и сражались, неустанно и мужественно сражались за предковскую православную вѣру и вмѣстѣ съ ней за русскую народность. Разница состояла только въ томъ, что одинъ дѣйствовалъ крестомъ, а другой саблей или копьемъ, но и тутъ часто ратоборцы мѣнялись своимъ оружіемъ—монахъ бралъ копье, а козакъ бралъ крестъ, отъ чего борьба, съ перемѣной ролей, продолжалась противъ враговъ православія еще съ большей силой и еще съ большимъ одушевленіемъ. Такая тѣсная связь между духовнымъ сословіемъ и сословіемъ козаковъ давала поводъ уже въ прошлые вѣка назвать то и другое сословіе «однимъ тѣломъ единаго духа».

«Тимъ-той старалась по всему свѣту
Страшенная козацькая сыла,
Що у насъ, панове-молодци,
Була воля и душа едына...»

Вѣчно воюя съ непріятелями, вѣчно то нападая на нихъ, то отражая ихъ, напрягая черезъ это всѣ свои и физическія, и умственныя, и нравственныя силы, показывая истинныя чудеса храбрости, козаки своими подвигами вызывали у современниковъ чувство невольнаго удивленія и невольно заставляли другихъ прославлять козацкую удаль и всѣ козацкія дѣянія. Такимъ образомъ въ эпоху расцвѣта южнорусскаго козачества, подъ вой степного вѣтра, подъ ревъ Чернаго моря да подъ громъ оружія, родилась и сложилась масса истинно-художественныхъ народно-козацкихъ думъ и народно-козацкихъ пѣсенъ, поражающихъ насъ и своими безподобными красотами, и своими гармоническими напѣвами, и полнымъ согласіемъ съ исторической правдой и необыкновенно теплымъ чувствомъ, въ нихъ вложеннымъ, и замѣчательнымъ трагизмомъ, вызывающимъ невольныя слезы у слушателя. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы всѣ думы и всѣ пѣсни, сложенныя въ эпоху козачества южно-русскимъ народомъ, дошли и сохранились до нашего времени, то ни одно славянское племя не могло бы поспорить богатствомъ въ отношеніи народно-поэтическаго творчества съ южно-русскимъ племенемъ. Теперь въ этомъ отношеніи могутъ спорить съ украинцами только одни сербы, да и то только потому, что Малая Русь съ ея политически-козацкимъ строемъ не дожила до тѣхъ дней, когда зародилась и выросла наука этнографіи, т. е. та наука, которая поставила себѣ высокую и благотворную задачу изученія духа народнаго, поскольку онъ отразился въ обычаяхъ, нравахъ, сказкахъ, преданіяхъ, пословицахъ, пѣсняхъ и думахъ чисто-народнаго творчества, составляющихъ духовное богатство всякаго народа, передаваемое какъ самый дорогой и священный завѣтъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Но если по количеству произведеній южно-русское творчество и не превосходитъ сербско-

la lance, et encore les combattants échangeaient souvent leurs armes,—le moine s'emparait de la lance et le cosaque de la croix. Et lorsque ce changement de rôles avait lieu, le combat contre les ennemis de l'orthodoxie reprenait avec encore plus de force et d'acharnement. Ce lien étroit entre le clergé et les cosaques faisait dire dans les siècles passés que ces deux corps si divers ne «formaient qu'un seul corps animé d'un seul esprit».

«Et si la force cosaque
«A épouvanté le monde entier,
«C'est parce que nous n'avions, mes braves,
«Qu'une seule volonté, qu'une seule âme...»

Toujours guerroyant avec les ennemis, tantôt les attaquant et tantôt les repoussant, ce qui entretenait leurs forces physiques et morales dans une tension perpétuelle, accomplissant des prodiges de bravoure, les cosaques excitaient par leurs exploits un sentiment d'étonnement involontaire chez leurs contemporains, et forçaient sans le vouloir les autres à chanter les louanges de la bravoure des cosaques. Il s'ensuivit qu'à la plus belle époque de la gloire des cosaques du midi de la Russie, aux hurlements du vent des steppes, aux mugissements de la mer Noire, au choc des armes, on vit naître une foule de ballades et de chants cosaques réellement artistiques, qui nous frappent par leurs incomparables beautés, par leurs harmonieuses melodies, et par leur complète conformité avec la vérité historique, et par le sentiment de chaleur extraordinaire qu'ils respirent et par leur remarquable caractère tragique provoquant chez l'auditeur des pleurs involontaires. Il est indubitable que si toutes les ballades et tous les chants composés par le peuple de la Russie méridionale à l'époque cosaque, s'étaient conservés jusqu'à notre époque, aucun peuple slave n'aurait pu lutter de richesse poétique et nationale avec le peuple petit-russien. Il n'y a que les serbes qui puissent lutter sur ce terrain avec les habitants de l'Ukraine et encore parce que la Petite-Russie avec son régime politique cosaque n'a pas atteint l'époque où l'on a vu naître et se développer la science de l'ethnographie, c'est à dire la science qui poursuit la tâche lourde et bienfaisante de l'étude de l'esprit national, se manifestant dans les usages, les moeurs, les contes, les traditions, les proverbes, les chants et les ballades créés par le génie national, formant la richesse intellectuelle de chaque peuple, transmis de génération en génération comme le legs le plus cher et le plus sacré. Mais si le génie créateur de la Russie méridionale ne surpasse pas en quantité le génie créateur des serbes, en revanche les ballades et les chants du midi russe, par le caractère profondément dramatique de leur sujet, par l'harmonie et la variété des motifs, par la profusion de perles poétiques et de tours originaux, occupent bien justement la première place parmi les oeuvres du génie créateur slave. Les propagateurs et les gardiens de ces ballades et de ces chants furent pour la plupart des rapsodes cosaques, d'aveugles joueurs de pandoure...

Les exploits des cosaques n'inspiraient pas seulement les aveugles joueurs de pandoure: ces exploits étaint souvent décrits par des auteurs de mémoires, des chroniqueurs, des historiens, tant ecclésiastiques que séculiers, d'origine non seulement cosaque, mais même polonaise. C'est bien

народнаго творчества, то зато южно-русскія думы и пѣсни, по глубокому драматизму содержанія, по мелодичности и разнообразію мотивовъ, по истиннымъ перламъ поэтическихъ красотъ и оригинальности оборотовъ, справедливо занимаютъ первое мѣсто среди всѣхъ произведеній славянскаго творческаго генія. Разносителями и хранителями такихъ думъ и пѣсенъ были большею частію козацкіе рапсоды, слѣпцы-кобзари, слѣпцы-бандуристы...

И не однихъ слѣпцовъ-бандуристовъ вдохновляли своими подвигами козаки: за описаніе козацкихъ дѣяній брались и мемуаристы, и лѣтописцы, и историки, и притомъ не только духовные, но и свѣтскіе, и не только изъ среды самихъ козаковъ, но даже и изъ среды поляковъ. Не кому иному, какъ именно козачеству, поколѣніе обязано появленіемъ южно-русскихъ козацкихъ лѣтописей и необыкновеннымъ развитіемъ ихъ въ теченіе трехъ столѣтій, почти со времени зарожденія козачества и до самой политической смерти его. То монахи въ какомъ-нибудь монастырѣ, то «значные» люди изъ малороссійской генеральной старшины, то ученые питомцы главнаго разсадника южно-русскаго просвѣщенія, кіевскаго духовнаго коллегіума—всѣ такія лица, стоявшія всегда болѣе или менѣе близко къ событіямъ своего времени, изображали или просто безъ всякихъ «піитическихъ хитростей», или же съ пріемами настоящей риторики, дѣянія козаковъ и дѣлали ихъ извѣстными не только для соотечественниковъ, но и для цѣлаго міра всей Европы. Такъ появились у насъ южно-русскія лѣтописи: Беркулабовская, Густынская, Самовидца, Грабянки, Величка, Юзефовича, Рубана, Бѣлозерскаго; діаріуши или дневники: Зорьки, Ханенка, Освѣцима и многія другія. Такого лѣтописнаго богатства, какое развилось въ южной Руси въ эпоху козачества, не знала Великая или сѣверная Русь: въ ней не было и самой почвы для созданія козацко-русскихъ лѣтописей.

Такимъ образомъ южно-русскіе козаки, боровшіеся съ многочисленными врагами за православную вѣру, за русскую народность, за свободу совѣсти, за человѣческія права, не знавшіе у себя раскола, никакихъ ересей, отличавшіеся высокою религіозностью и въ то же время чуждые крайней нетерпимости; козаки, создавшіе множество высоко-художественныхъ думъ и высоко-нравственныхъ и правдивыхъ историческихъ пѣсенъ, составляющихъ, въ соединеніи съ напѣвомъ, цѣлыя баллады, цѣлыя поэмы чувствъ; козаки, создавшіе богатую историческую литературу; свято хранившіе всѣ дорогіе завѣты своихъ предковъ; выступавшіе въ качествѣ носителей высшей гражданственности, поражавшіе современниковъ, поражающіе и потомковъ своею замѣчательною дальновидностью, эти козаки, наконецъ, прекрасно понимавшіе и цѣнившіе красоты природы, по справедливости заслуживаютъ того, чтобы всѣ ихъ дѣянія представлены были въ обстоятельной, живой и художественной исторіи, и ихъ военный и домашній бытъ, какъ и главнѣйшіе историческіе дѣятели ихъ, были изображены въ наглядныхъ образахъ и художественныхъ иллюстраціяхъ. Послѣдняя задача и положена въ основаніе настоящаго изданія.

aux cosaques que la postérité est redevable de l'apparition des annales de la Russie méridionale et de leur développement extraordinaire dans le courant de trois siècles; elles commencent à l'éclosion du régime cosaque et s'arrêtent presque à sa mort politique. C'étaient tantôt les moines de quelque couvent, tantôt les plus vieux «notables» petit-russiens, tantôt les élèves érudits de la principale pépinière de l'instruction publique de la Russie méridionale, le collège religieux de Kiew, — tous plus ou moins participant aux évènements de leur époque, qui peignaient simplement, sans «aucune recherche poétique», ou bien avec de véritables procédés de rhétorique, les exploits des cosaques et qui les rendaient célèbres, non seulement aux yeux de leurs compatriotes, mais à ceux de l'Europe entière. C'est ainsi que nous avons vu apparaitre les chroniques de Berkoulabovsk, de Goustynsk, de Samovidets, de Grabianka, de Vélitchko, de Iousèfovitch, de Roubane, de Bélozersky; les notes au jour le jour de Zorko, de Khanenko, d'Osvétsym et quantité d'autres. Cette grande richesse historique de la Russie méridionale à l'époque du règne des cosaques était inconnue à la Grande Russie ou Russie du nord, dépourvue du sol même qui eût pu produire de pareilles chroniques.

Il en résulte que les cosaques de la Russie méridionale qui combattaient de nombreux ennemis pour défendre la religion orthodoxe, la nationalité russe, la liberté de la conscience, les droits de l'homme, qui ne connaissaient ni schisme, ni hérésie, qui se montraient extrêmement religieux et en même temps étrangers à l'intolérance; ces cosaques qui ont créé une foule de légendes éminemment artistiques et de chants historiques éminemment moraux et véridiques qui forment avec leur mélodie des ballades entières, de vrais poèmes de sentiments; ces cosaques qui ont créé toute une riche littérature historique, qui ont gardé saintement toutes les traditions des ancêtres, qui se dressaient comme les gardiens des droits de la citoyenneté, qui frappaient d'étonnement leurs contemporains, qui étonnent la postérité par leur remarquable clairvoyance; ces cosaques enfin, qui comprenaient et savaient apprécier les beautés de la nature, méritent en toute justice que tous leurs exploits soient décrits dans une histoire détaillée, artistique et vibrante et que leur existence militaire et domestique, ainsi que leurs principaux personnages historiques se trouvent représentés par des illustrations artistiques qui en donnent une juste idée. C'est ce dernier but que se propose la présente publication.

[library stamp]

Петръ Конашевичъ Сагайдачный.

Петръ Конашевичъ Сагайдачный—одна изъ самыхъ выдающихся личностей на всемъ пространствѣ времени, отъ начала и до конца, историческаго существованія козачества въ Малой Россіи и въ Запорожьѣ. При всемъ томъ, хотя Сагайдачнаго въ свое время знали и Польша, и Турція, и Россія, и Запорожье, и Украйна, и Галиція, о родѣ его и юношескихъ годахъ извѣстно весьма мало. По свидѣтельству польскаго лѣтописца Яхима Ерлича и малорусскаго Самойла Величка, Сагайдачный былъ уроженецъ галиційскаго города Самбора и принадлежалъ къ шляхетской, т. е. дворянской семьѣ. Изъ церковнаго памятника, хранящагося въ кіевскомъ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ, видно, что отца Сагайдачнаго звали Кономомъ или, говоря по-малороссійски, Конашемъ. Отсюда «Конашевичъ» нужно считать отчествомъ, а не двойной фамиліей къ фамиліи «Сагайдачный», какъ считали русскіе историки, Соловьевъ и за нимъ многіе другіе. Родившись въ Галиціи, Сагайдачный, однако, первоначальное обученіе получилъ въ городѣ Острогѣ, на Волыни, въ знаменитомъ училищѣ князей Острожскихъ, которое въ свое время считалось центромъ «наукъ учтивыхъ» для всей юго-западной Руси. Послѣ училища князей Острожскихъ Сагайдачный, какъ думаютъ, побывалъ еще въ училищѣ львовскаго братства и уже послѣ того, достаточно «навыкши въ писмѣ словенскомъ», поступилъ домашнимъ учителемъ къ кіевскому судьѣ Аксаку. Оставивъ по неизвѣстной причинѣ семью Аксака и вмѣстѣ съ тѣмъ покинувъ городъ Кіевъ, Сагайдачный ушелъ въ Сѣчь къ запорожцамъ. Тамъ не одинъ «молодець» находилъ себѣ долю и счастье, не одинъ «лыцарь» добывалъ себѣ имя и славу. Нашелъ все это въ Сѣчи и Петръ Сагайдачный. Какъ долго Сагайдачный расправлялъ свои могучія крылья въ Запорожьѣ — неизвѣстно. Извѣстно лишь то, что съ самаго начала XVII вѣка онъ предпринимаетъ съ запорожцами рядъ морскихъ походовъ къ турецкимъ крѣпостямъ и сразу пріобрѣтаетъ славу грознаго и непобѣдимаго предводителя низовыхъ козаковъ. Въ 1605 году онъ взялъ крѣпость Варну, а въ 1616 году «опровергъ до фундамента» крымскій городъ Кафу,

L'hetman Pierre Konachévitch Sagaïdatchny.

Pierre Konachévitch Sagaïdatchny est l'une des personnalités les plus remarquables de l'histoire des cosaques de la Petite Russie et du Zaporojié. Cependant, malgré toute la popularité dont Sagaïdatchny jouit à son époque en Pologne, en Turquie, en Russie, au Zaporojié, en Ukraïne et en Galicie, on ne sait que peu de chose sur sa famille et ses années de jeunesse. L'historien polonais Joachim Erlitch et l'historien petit-russien Samuel Vélitchko affirment que Sagaïdatchny était originaire de la ville galicienne Sambor et qu'il appartenait à une famille de nobles. Au couvent St. Michel aux Coupoles d'or de Kiew s'est conservé un registre d'après lequel on voit que le père de Sagaïdatchny s'appelait Konone, — Konache en petit-russien. Il s'ensuit qu'il fautconsidérer ce mot de «Konachévitch» comme une dénomination patronymique, et non comme un deuxième nom ajouté a «Sagaïdatchny», ainsi que l'a affirmé l'historien russe Solovieff et bien d'autres après lui. Né en Galicie, Sagaïdatchny reçut cependant sa première éducation dans la ville d'Ostrog en Volhynie au fameux collège des princes Ostrojsky, renommé à cette époque comme le centre des «sciences civiles» de tout le sud-ouest de la Russie. On suppose qu 'il passa ensuite par le collège de la confrérie de Lvow et que ce n'est qu'après ces études, dorénavant suffisamment versé dans «l'écriture Slovène» qu'il entra en qualité de précepteur chez un juge de Kiew, Aksak. Plus tard, quittant pour des raisons ignorées la maison d'Aksak et la ville, Sagaïdatchny se retira dans la Siétcha, chez les zaporogues, où tant de «braves» avaient trouvé leur destinée et leur bonheur, ou tant de «chevaliers» avaient glorieusement illustré leur nom. Il en fut de même pour lui. Combien de temps se prépara Sagaïdatchny à déployer ses ailes puissantes dans le Zaporojié,—l'histoire l'ignore. On sait seulement qu'à partir du commencement du XVII siècle il entreprend avec les zaporogues une série de campagnes navales contre les forteresses turques et que dès les premiers pas la renommée le sacra chef redoutable et invincible des cosaques de l'embouchure du Dniéper. En 1605 il prit la forteresse de Varna et en 1616 «détruisit de fond en comble» la ville de Caffa en Crimée, — ou la Théodosie moderne; il y égorgea 14.000 musulmans, brûla et coula nombre de galères turques, délivra des milliers de chrétiens captifs

т. е. теперешнюю Ѳеодосію, гдѣ побилъ 14,000 мусульманъ, сжегъ и потопилъ множество турецкихъ судовъ-каторгъ, освободилъ изъ неволи тысячи плѣнныхъ христіанъ и навелъ страхъ на самого падишаха, т. е. верховнаго властелина мусульманъ.

И всякій разъ, когда Сагайдачный громилъ татаръ, онъ старался о томъ, чтобы какъ можно больше вызволить изъ мусульманской неволи несчастныхъ христіанъ, будетъ ли то русскій или полякъ, православный или католикъ. Не мало слезъ отеръ чрезъ это великодушный гетманъ у дѣтей, у родителей, у женъ и у мужей, лишившихся въ разное время дорогихъ имъ лицъ вслѣдствіе увода ихъ въ далекую и тяжкую мусульманскую неволю.

«Много тогды зъ неволи христіанъ свободилъ,
За што Богъ зъ воинствомъ его благословилъ,
Бо за найбольшую нехъ (пусть) собѣ нагороду
Почитаетъ рыцеръ, кгды кого на свободу
Вызволитъ: за што грѣховъ собѣ отпущене
Одержитъ, а по смерти въ небѣ вмѣщене».

Вѣсти о подвигахъ Сагайдачнаго противъ турокъ и татаръ съ низовьевъ Днѣпра скоро дошли и въ столицу Польши, до сената и короля. Въ то время польскій король Сигизмундъ III велъ упорную войну съ Москвой, желая добыть московскую корону для своего сына Владислава, несмотря на то, что на Руси уже пятый годъ царствовалъ молодой царь, Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Владиславъ уже стоялъ у стѣнъ Москвы, какъ вдругъ войско, бывшее при немъ, не получивъ отъ королевича обѣщаннаго жалованья, оставило его на произволъ судьбы и ушло вонъ изъ предѣловъ Россіи. Положеніе Владислава, имѣвшаго при себѣ всего лишь 3000 польскихъ солдатъ, оказалось поистинѣ критическимъ. Кого же могли послать король и сенатъ на выручку королевича? Петра Сагайдачнаго съ его непобѣдимыми рыцарями, запорожскими козаками, находившимися въ то время въ подчиненіи у польскаго правительства и слѣдовательно обязанными ему своимъ повиновеніемъ

Получивъ предложеніе отъ польскаго правительства оказать содѣйствіе королевичу Владиславу, Сагайдачный, однако, не сразу далъ на то свое согласіе, а поставилъ королю и сенату два условія: 1) признать козацкимъ сословіемъ все населеніе кіевскаго, браплавскаго и черниговскаго воеводствъ и 2) признать оффиціально самого Сагайдачнаго гетманомъ всего козацкаго войска, въ чемъ польское правительство до тѣхъ поръ всегда отказывало козакамъ, если они «самовольно» выбирали себѣ гетмана. Когда и король, и сенатъ изъявили на то свое согласіе, тогда Сагайдачный, съ козацкимъ войскомъ въ 20,000 человѣкъ, двинулся весной 1618 года изъ Украйны къ предѣламъ московскаго государства. Взявъ по пути города—Ливны, Елецъ, Михайловъ, захвативъ въ свои руки московское посольство, ѣхавшее въ Крымъ, разсѣявъ отрядъ войскъ князей Пожарскаго и Волконскаго, разбивъ у Донского монастыря русскую рать, выступившую-было изъ Москвы, Сагайдачный

et terrorisa le padischah lui-même. Et chaque fois que Sagaïdatchny remportait des victoires sur les tatares il cherchait à rendre à la liberte le plus possible de malheureux chrétiens, russes ou polonais, orthodoxes ou catholiques — indifféremment. Le magnanime hetman sécha ainsi les larmes d'une foule d'enfants, de parents, d'épouses et d'époux, auxquels des êtres chers avaient été ravis par les musulmans qui les gardaient prisonniers.

«Et de nombreux chrétiens captifs furent alors délivrés par lui
«Et le Seigneur le bénit, ainsi que ses soldats.
«Car il ne saurait y avoir plus grande récompense pour un preux.
«Que de rendre un captif à la liberté.
«Tout libérateur obtiendra la rémission de ses péchés.
«Et ira tout droit au ciel après sa mort.»

Le bruit des exploits de Sagaïdatchny contre les turcs et les tatares parvint bientôt jusqu'à la capitale de la Pologne, jusqu'aux oreilles du roi lui-même. A ce moment le roi de Pologne, Sigismond III, faisait une guerre obstinée à la Russie, voulant s'emparer de la couronne russe pour son fils Ladislas, et cela malgré que depuis 5 ans déjà le jeune tsar Michel Féodorovitch Romanoff régnât en Russie. Ladislas était déjà sous les murs de Moscou, lorsque tout à coup ses troupes, auxquelles le prince n'avait pas payé leur solde, l'abandonnérent à son sort et quittèrent la frontière russe. La position de Ladislas, n'ayant auprès de lui que 3.000 soldats polonais, devint alors vraiment critique. Quel secours pouvaient envoyer au prince le roi et le sénat? On s'arreta sur Sagaïdatchny avec ses invincibles guerriers, les cosaques zaporogues, qui étaient soumis à cette époque à la Pologne et se voyaient par conséquent obligés d'obéir à son oguvernement.

Aux ouvertures qu'on lui fit à ce sujet Sagaïdatchny, loin de consentir du premier coup à secourir le prince Ladislas, commença par poser au roi et au sénat, deux conditions: 1) on reconnaitrait pour corporation cosaque tous les habitants des vayvodies de Kiew, de Tchernigow et de Braczlaw; 2) on le reconnaitrait officiellement, lui, Sagaïdatchny, pour l'hetman de toute l'armée cosaque, ce que le gouvernement polonais avait toujours refusé jusque là aux cosaques, lorsqu'ils avaient élu un hetman arbitrairement. Dès que le roi et le sénat eurent accordé leur consentement, Sagaïdatchny, à la tête de 20.000 cosaques, se mit en marche au printemps de 1618, se dirigeant de l'Ukraine vers la frontière russe. Après avoir pris en chemin les villes Livno, Eletz, Mikhaïlow, après avoir capturé l'ambassade russe qui se rendait en Crimée, après avoir dispersé les troupes d'avant-garde des princes Pojarsky et Volkonsky, après avoir battu près du couvent Donskoï l'armée russe qui venait de sortir de Moscou, Sagaïdatchny s'approcha tranquillement de la capitale russe, campa à la porte d'Arbate et commença le siège. L'assaut était déjà fixé à la nuit de la fête de l'Intercession de la Sainte-Vierge, le 1-er octobre, la porte d'Ostrog avait déjà été démolie par des pétards, les cosaques s'élançaient déjà à l'assaut, lorsque Sagaïdatchny donna brusquement l'ordre de suspendre les hostilités

свободно подошелъ къ русской столицѣ и, расположившись у Арбатскихъ воротъ, приступилъ къ осадѣ. Уже назначено было время для приступа, ночь подъ праздникъ св. Покрова, 1-го октября; уже выломаны были петардою Острожныя ворота; уже козаки бросились-было въ атаку, какъ вдругъ Сагайдачный велѣлъ прекратить нападенiе на русскую столицу, «и отыде прочь и ста въ таборахъ. Государь же поставилъ храмъ каменный, по обѣту своему, во имя Покрова пресв. Богородицы, во дворцовомъ селѣ Рыбцовѣ». Что побудило Сагайдачнаго отступить отъ Москвы — для поколѣнiя осталось совершенно неизвѣстнымъ; можно только съ полною увѣренностью сказать, что въ этомъ случаѣ Сагайдачнымъ не руководили ни трусость, ни корыстолюбiе.

Такъ или иначе, но Сагайдачный исполнилъ свою обязанность по отношенiю къ своему законному польско-литовскому правительству, и Владиславъ, заключивъ въ селѣ Деулинѣ, на $14\frac{1}{2}$ лѣтъ, выгодный для Польши договоръ, отступилъ въ Польшу, а Сагайдачнаго отпустилъ на Украйну. Съ тѣхъ поръ Сагайдачный уже до конца своихъ дней не выступалъ противникомъ московскаго царя.

Возвратившись на Украйну съ узаконеннымъ титуломъ «гетмана», Сагайдачный сталъ распоряжаться въ ней, какъ полновластный правитель, и скоро обнаружилось, что этотъ человѣкъ, обладавшiй широтою взгляда, спокойною настойчивостью и твердою волею, имѣлъ несомнѣнныя дарованiя великаго администратора. Время Сагайдачнаго было временемъ ожесточенной борьбы православныхъ людей съ унiей, которую проводило на Украйнѣ польское правительство и черезъ которую оно хотѣло въ концѣ концовъ окатоличить и ополячить все православно-русское населенiе Украйны. Сагайдачный выступилъ открытымъ врагомъ унiи и мужественнымъ защитникомъ православiя и сумѣлъ отразить всѣ нападенiя польской пропаганды не оружiемъ, а единственно путемъ слова и благоразумной тактики въ отношенiи правительства Рѣчи-посполитой. Тутъ оказалось, что насколько Сагайдачный искусно дѣйствовалъ на полѣ брани мечомъ, настолько же искусно онъ дѣйствовалъ дома, въ тиши, перомъ: онъ написалъ сочиненiе объ унiи, которое даже польско-литовскiй канцлеръ Левъ Сапѣга въ письмѣ къ епископу Iосафату Кунцевичу назвалъ «предрагоцѣннымъ». Чтобы дать южно-русской церкви прямого и законнаго защитника, Сагайдачный добился того, что польское правительство согласилось на посвященiе для южной Руси митрополита въ Кiевѣ. Уже 25 лѣтъ Кiевъ оставался безъ митрополита, такъ какъ на то не было позволенiя со стороны польскаго правительства, и вотъ теперь, по настоянiю Сагайдачнаго, iерусалимскiй патрiархъ Θеофанъ, проѣзжавшiй изъ Москвы черезъ южную Русь, посвятилъ въ митрополиты Iова Борецкаго и кромѣ того 6 епископовъ на разныя провинцiальныя каθедры, и всѣ семь святителей оказались впослѣдствiи великими защитниками православной церкви и русской народности. «Поучаше бо тогда святитель (т. е. патрiархъ Θеофанъ) своихъ чадъ содержатися

contre la capitale russe et «transporta son camp à distance. Et le tsar, comme il en avait fait le voeu, érigea une église de pierre en l'honneur de l'Intercession de la Sainte-Vierge au sélo Rybtsovo.» Quel motif avait poussé Sagaïdatchny à battre en retraite, la postérité l'ignore, mais on peut cependant affirmer en toute sécurité qu'il n'a été guidé ni par la lâcheté, ni par la cupidité. Quoiqu'il en fût, Sagaïdatchny avait rempli son devoir envers le gouvernement polonais et lithuanien, Ladislas conclut au village Déoulino un traité avantageux pour la Pologne, valable pendant 14 ans et demi, et reprit le chemin de la Pologne en laissant Sagaïdatchny retourner en Ukraine. A partir de ce moment et jusqu'à la fin de sa vie Sagaïdatchny ne se livra plus jamais à des hostilités contre le tsar russe.

Une fois de retour en Ukraine, en qualité «d'hetman» reconnu officiellement, Sagaïdatchny se mit à la gouverner en souverain absolu, et bientôt il devint évident que cet homme, doué de vues larges, d'une calme obstination et d'une ferme volonté, avait incontestablement en lui l'étoffe d'un grand administrateur. L'époque où il vivait était l'époque d'une lutte acharnée entre les orthodoxes et l'Eglise grecque unie que le gouvernement polonais cherchait à imposer en Ukraine, voulant en somme avec son aide transformer toute la population russe et orthodoxe de l'Ukraine en catholique et polonaise. Sagaïdatchny se déclara franchement l'adversaire de l'Eglise grecque unie et défenseur courageux de l'orthodoxie, et il sut repousser la propagande polonaise non à l'aide des armes, mais uniquement par la persuasion et par une tactique adroite avec le gouvernement de la république de Pologne. Et il se trouva que s'il savait agir sur le champ de bataille, il savait tout aussi bien tenir la plume entre quatre murs, car il écrivit sur l'Eglise grecque unie un ouvrage que même le chancelier de Pologne, Léon Sapiéga reconnait d'une «valeur précieuse» dans une lettre à l'évêque Josaphat Kunciewicz; Afin que l'église méridionale russe eût un défenseur immédiat et légal, Sagaïdatchny obtint du gouvernement polonais qu'on fit sacrer à Kiew un métropolite pour la Russie méridionale. Depuis 25 ans déjà Kiew n'avait pas de métropolite, parce que le gouvernement polonais n'en voulait pas, mais sur les instances de Sagaïdatchny le patriarche de Jérusalem Théophane qui traversait le Midi de la Russie en revenant de Moscou, sacra un métropolite, Job Boretsky et 6 évêques pour différents diocèses, et tous ces 7 prélats furent plus tard de grands champions de l'église orthodoxe et de la nationalité russe. «Et le prélat (le patriarche Théophane) prêchait à ses ouailles la piété, l'humilité et l'amour; il leur recommandait de supporter sans murmurer peines et persécutions; et sur la place de la ville il bénit toute l'armée fidèle, l'exhortant à voix haute et avec un grand zèle religieux.. Il dit ensuite aux soldats de ne plus jamais se battre contre la Russie, de ne jamais plus faire la guerre au peuple orthodoxe.»

Non content encore de ce qu'il faisait pour l'orthodoxie et les intérêts de l'église, Sagaïdatchny menait de front l'administration des cosaques de la Petite-Russie et dépensait une grande activité. Par exemple il élargit les cadres de l'armée et les porta à 40,000 hommes; il agran-

истиннаго благочестія, смиренія и любве; скорби же и гоненія со всякою покорою переносити; такожде и все благочестивое воинство благословляше, ставше на торжищѣ посредѣ града, всѣмъ во слухъ глаголаше имъ съ зелнымъ усердіемъ поученіе... По семъ увѣщевая ихъ, дабы отъ того времени не ходили на Москву, народъ христіанскій, бранію».

Не довольствуясь обороною православія и устройствомъ церковныхъ дѣлъ, Сагайдачный вмѣстѣ съ этимъ много трудился и много сдѣлалъ также въ дѣлахъ козацкаго управленія Малой Руси. Такъ, онъ увеличилъ число своего войска, которое съ этого времени доходило до 40,000 человѣкъ; расширилъ козацкую территорію, прибавивъ къ козацкимъ полкамъ Сѣверскую и Кіевскую области; раздѣлилъ войско козацкое на полки и удалилъ изъ козацкихъ городовъ всѣхъ пановъ. Не довольствуясь и всѣмъ этимъ, Сагайдачный возобновлялъ на свой счетъ прежнія братства, разоренныя врагами православія, и учреждалъ новыя для борьбы за православіе и за русскую народность и хлопоталъ о заведеніи новыхъ училищъ и школъ для обученія въ нихъ дѣтей всѣхъ классовъ южно-русскаго населенія. Вездѣ онъ дѣйствовалъ открыто, твердо и увѣренно и, издавая отъ себя универсалы, подписывалъ ихъ «власною» рукою. Черезъ все это Сагайдачный сдѣлалъ то, что козацкое дѣло изъ чисто сословнаго, какимъ оно было раньше того, стало всенароднымъ: козаки, до сихъ поръ защищавшіе только свои сословные интересы, теперь выступили защитниками всѣхъ классовъ населенія, защитниками всей украинско-русской страны, охранителями православной вѣры и православныхъ церквей.

Дѣйствуя увѣренной рукой на Украинѣ и смѣло отстаивая свои чисто національные интересы, Сагайдачный въ то же время сумѣлъ держаться на мирной ногѣ и въ отношеніи правительства польской Рѣчипосполитой. Мало того, какъ вѣрный подданный польскаго короля, онъ дѣйствовалъ оружіемъ противъ враговъ Польши, — то крымскихъ татаръ, то турокъ.

Послѣднимъ дѣломъ гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго въ пользу поляковъ былъ его походъ противъ турокъ, въ 1621 году, подъ крѣпость Хотинъ. Въ то время Польшѣ грозила страшная бѣда: противъ нея поднялся войной самъ турецкій султанъ Османъ, имѣя подъ рукой боевого войска 300,000 турокъ и 100,000 татаръ. Польша могла противоставить турецкому султану 57,000 войска, стянутаго коронным гетманомъ Ходкевичемъ, да 30,000 войска, приведеннаго подъ Хотинъ королевичемъ Владиславомъ. Въ виду такой грозы польскій король Сигизмундъ III и обратился съ просьбой къ гетману Сагайдачному объ оказаніи помощи королевичу. Сагайдачный не заставилъ долго ждать себя и съ отрядомъ въ 40,000 человѣкъ малороссійскихъ и запорожскихъ козаковъ поспѣшилъ на помощь къ Владиславу. Занявъ позицію и окопавшись кругомъ глубокимъ рвомъ, Сагайдачный расположился со своими козаками въ челѣ польскаго войска и готовился

dit le territoire cosaque en annexant aux régiments cosaques ceux des provinces de Novgorod-Siéversk et de Kiew; il divisa l'armée en régiments et fit quitter à tous les seigneurs polonais les villes cosaques. Toujours insatisfait de ses efforts, Sagaïdatchny réorganisa à ses propres frais d'anciennes confréries religieuses ruinées par les ennemis de l'orthodoxie et en fonda d'autres, toujours pour soutenir l'église et la nationalité russes; il multipliait des démarches dans le but de fonder des collèges et des écoles, afin que les enfants de toutes les classes de la population méridionale russe pussent recevoir l'instruction nécessaire. Et toujours il agissait ouvertement, ferme et résolu, et lorsqu'il publiait des messages universels, il y apposait une signature de «souverain». Grâce à ses efforts les cosaques qui n'avaient eu jusqu'ici qu'une importance de corporation isolée, acquirent une importance publique: les cosaques, qui n'avaient défendu jusque là que les intérêts de leur caste, devinrent à présent le soutien de toutes les classes de la population, de tout le pays de l'Ukraine russe, les gardiens de la foi et des églises orthodoxes.

Tout en déployant en Ukraine sa ferme activité et en défendant hardiment ses intérêts nationaux, Sagaïdatchny savait fort bien conserver la paix avec le gouvernement polonais. En sa qualité de fidèle sujet du roi de Pologne, il guerroyait même avec les ennemis de la Pologne, tantôt avec les tatares de la Crimée et tantôt avec les turcs.

La dernière campagne de l'hetman Sagaïdatchny au profit de la Pologne fut son expédition contre les turcs en 1612 à la forteresse du Khotine. La Pologne se voyait menacée d'un grand désastre: le sultan turc Osman lui avait déclaré la guerre le premier et il possédait une armée de 300.000 turcs et de 100.000 tatares. La Pologne ne pouvait guère lui opposer que 57.000 soldats mobilisés par l'hetman Khodkievicz et 30.000 soldats commandés par le prince Ladislas qui marchait sur le Khotine. Sous le coup d'une pareille menace, le roi Sigismond III s'adressa à l'hetman Sagaïdatchny en le priant de venir au secours du prince. Sagaïdatchny s'empressa de prêter main-forte à Ladislas, et se mit à la tête de 40.000 cosaques petit-russiens et zaporogues. Choisissant sa position et se retranchant derrière un profond fossé, Sagaïdatchny se plaça avec ses cosaques à l'avant-garde de l'armée polonaise, se préparant à repousser les attaques des turcs, nonobstant l'inégalité des forces armées, et sans faire attention aux vantardises du sultan qui prétendait qu'il «dejeunerait dans l'armée zaporogue, dinerait avec les vivres polonais, attellerait nos prêtres aux charrues et transformeraiten écuries les temples du Seigneur.»

Sachant fort bien que les polonais comptaient surtout sur l'hetman Sagaïdatchny, les turcs dirigeaient à dessein leurs attaques du côté des cosaques, voulant les battre coûte que coûte. Ceux-là cependant, conduits par leur valeureux hetman, capitaine émérite, repoussèrent toutes les attaques de l'ennemi et pénétrèrent même dans le train des bagages turc, dont il se seraient emparés si les polonais leur avaient prêté main-forte. Le capitaine des cosaques fut grièvement blessé dans cette affaire, et, quoique sa blessure fût fort douloureuse, on se battit tout de même pendant cinq semaines; le redoutable Osman

отражать всѣ нападенія турокъ, несмотря на всю неравномѣрность боевыхъ силъ и на похвальбы султана, который «хотѣлъ въ запорожскомъ войскѣ снѣдати, а въ польскомъ обозѣ мыслилъ обѣдати, нашихъ священниковъ хотѣлъ въ плугъ запрягати и въ домахъ божіихъ коней хотѣлъ ставляти».

Зная, что поляки возлагали главнымъ образомъ свои надежды на гетмана Сагайдачнаго, турки всѣ удары старались направить на козаковъ, желая, во что бы то ни стало, сломить ихъ. Однако, козаки, руководимые мужественнымъ и опытнымъ въ военномъ дѣлѣ гетманомъ, не только отбили всѣ непріятельскіе приступы, а даже сами ворвались въ турецкій обозъ и, если бы встрѣтили подмогу со стороны поляковъ, несомнѣнно овладѣли бы имъ. Во время этого приступа козацкій вождь получилъ тяжкую рану, которая причиняла ему жестокія страданія. Тѣмъ не менѣе война продолжалась цѣлыхъ пять недѣль, и подъ конецъ грозный Османъ запросилъ у поляковъ и у козаковъ мира. Миръ былъ заключенъ къ выгодѣ Польши и къ вѣчной славѣ гетмана Сагайдачнаго. На радостяхъ королевичъ Владиславъ устроилъ пиръ въ своемъ лагерѣ, отправивъ въ то же время нѣсколько бочекъ горилки, винъ и меду въ козацкій обозъ для веселья гетману и козакамъ. Но гетману не до веселья было: онъ лежалъ больной отъ полученной раны. Узнавъ объ этомъ, королевичъ навѣстилъ лично больного, осыпалъ его наградами, подарилъ ему для переѣзда прекрасную, вмѣстѣ съ лошадьми, великолѣпно отдѣланную лектичку и опредѣлилъ къ нему своего доктора-француза для лѣченія.

Оставивъ Хотинъ, гетманъ Сагайдачный передъ филипповскими заговѣнами прибылъ больной въ Кіевъ и былъ тамъ встрѣченъ своей женой Анастасіей, урожденной Повченской. Въ Кіевѣ Сагайдачный получилъ новые подарки, уже отъ самого короля Сигизмунда III — хоругвь, булаву, золотую цѣпь, 400,000 битыхъ талеровъ для войска, 4.000 червонцевъ на гетманскій пай и на пай войсковой старшины и кромѣ того милостивую королевскую грамоту: «Мы, довольные вашею преданностію и усердіемъ къ намъ и ко всей коронѣ польской, которыя вы показали военными подвигами вашими подъ Хотинымъ, изъявляемъ вамъ и всему войску вашему запорожскому милость нашу и признательность, которую во всѣхъ потребностяхъ и нуждахъ войска охотно оказывать обѣщаемъ».

Гетманъ Сагайдачный, отвѣчая на такое письмо короля глубокою признательностію, въ то же время не забывалъ напомнить ему о нуждахъ своей «матки» Украйны и просилъ королевское величество о томъ, чтобы онъ поудержалъ нѣсколько «высокодумныхъ и вельможныхъ пановъ коронныхъ, власть свою на Украйнѣ распростирающихъ и холодными и непріязненными вѣтрами повѣвающихъ, къ ярму работническому безбожно людей православныхъ наклоняющихъ. И не такъ намъ жалостно есть на пановъ пререченыхъ, якъ на ихъ старостокъ, нецнотливыхъ сыновъ и пьяницъ, которые ни Бога (не) боятся,

finit par proposer la paix aux polonais et aux cosaques. Et cette paix fut conclue à l'avantage de la Pologne et à la gloire éternelle de l'hetman Sagaïdatchny. Dans sa joie le prince Ladislas donna dans son camp un grand festin et envoya des tonneaux d'eau-de-vie, de vin et d'hydromel aux cosaques pour qu'ils se réjouissent aussi avec leur hetman. Mais l'hetman ne songeait pas à la joie: sa blessure le retenait au lit. Lorsque le prince en fut informé, il vint en personne voir le malade, le combla de présents, lui donna un magnifique carrosse de voyage avec son attelage et plaça auprès de lui son propre médecin français pour le soigner pendant le trajet.

L'hetman Sagaïdatchny quitta le Khotine et arriva tout malade à Kiew où l'attendait sa femme Anastasie, née Povtchensky. Il fut comblé à Kiew de nouveaux présents, cette fois par le roi Sigismond III lui-même qui lui donna une bannière, une massue, une chaîne d'or, 400.000 thalers frappés pour ses troupes, 4.000 ducats pour lui et pour les doyens des cosaques. Le tout était accompagné d'une lettre royale qui disait: «Satisfait de votre dévouement et de votre zèle envers. Nous et notre couronne de Pologne, signalés par vos exploits valeureux sous le Khotine, nous vous exprimons à vous, ainsi qu'à toute votre armée zaporogue notre souveraine gratitude et nous promettons volontiers de la manifester en toute occasion où cela pourra être utile à l'armée».

Tout en répondant à cette lettre royale avec une gratitude profonde, l'hetman Sagaïdatchny n'oublia pas cependant de rappeler les besoins de sa «mère» l'Ukraine, priant sa royale majesté de modérer un peu les appétits des «orgueilleux et illustres seigneurs polonais dont l'autorité s'étend jusque sur l'Ukraine, y apportant des souffles glacés et hostiles, imposant impudemment au peuple orthodoxe une espèce de servage. Et ce n'est pas tant des seigneurs eux-mêmes que nous nous plaignons que de leurs intendants, méchants et ivognes qui ne craignent pas Dieu et qui n'obéissent pas aux mandats souverains de votre sérénissime majeste... J'embrasse humblement les pieds de votre royale majesté et je vous conjure les larmes aux yeux d'interdire de causer des préjudices aux cosaques et d'apaiser leurs maux par un haut et puissant mandat de votre gracieuse majesté. Et surtout que l'Eglise grecque unie que le saint Théophane, patriarche de Jérusalem, s'appuyant sur la magnanime autorisation de votre royale majesté, a pu expulser de la Russie, ne puisse plus y reparaître, y montrer de nouveau son terrible fantôme».

Constamment plongé dans les affaires d'écoles, d'églises, d'hôpitaux, malgré sa blessure qui lui infligeait d'horribles souffrances, l'hetman Sagaïdatchny finit par succomber aux douleurs physiques et parvint à la fin de sa pénible carrière terrestre, ayant rempli tous les devoirs d'un fidèle orthodoxe. «Le 10 avril de l'année 1622, le pieux seigneur Pierre Konachévitch Sagaïdatchny, capitaine de l'armée zaporogue, ayant accompli nombre d'exploits dans le cours de son service militaire, s'étendit sur sa couche pour le repos suprême et rejoignit ses pères; il fut toujours fidèle à sa foi et prodigue de belles et bonnes actions. Décédé à Kiew, il fut inhumé à la paroisse de l'école de Slovensk du Podol, dans la maison de la sainte

ни премощныхъ вашого найяснѣйшаго величества монаршихъ мандатовъ (приказаній) (не) слухають... Я, монаршіе вашого королевского величества нозѣ смиренно обнявши, покорне и слезно прошу, дабы тое козакамъ творимое бѣдствіе и озлобленіе, превысокимъ и грознымъ вашого найяснѣйшого величества мандатомъ, было запрещено и укромлено. А особливо унія, за милостивымъ вашого найяснѣйшого королевского величества позволеніемъ, теперь зъ Руси, чрезъ святѣйшого Өеофана, патріарха іерусалимского, знесенная, обы (чтобы) впредь въ той же Руси никогда не обновлялась и своихъ роговъ не возносила».

Хлопоча безпрерывно то о школахъ, то о братствахъ, то о шпиталяхъ, гетманъ Сагайдачный попрежнему страшно страдалъ отъ полученной на войнѣ раны и, наконецъ, не выдержавъ физическихъ страданій и исполнивъ всѣ обязанности истинно-православнаго христіанина, окончилъ свои трудные земные дни. «Року 1622, апрѣля 10-го, благочестивый мужъ, панъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, войска его королевской милости запорожского, по многихъ знаменитыхъ военныхъ послугахъ и звитязствахъ, на ложи своемъ простеръ нози свои, приложился къ отцемъ своимъ, съ добрымъ исповѣданіемъ, исполненъ благихъ дѣлъ и милостыни, въ Кіевѣ. Погребенъ при церкви школы Словенское въ мѣсте, на Подолѣ, въ дому братства церковного. Помяни Господи души рабъ своихъ: Петра, Конона, Елисея, Якова, Германа». Бывшій въ то время ректоръ Богоявленскаго братства, Вассіанъ Саковичъ, сочинилъ «Вѣрши» или стихи на смерть гетмана, и на этихъ «Вѣршахъ», напечатанныхъ въ Кіевѣ еще въ 1622 году, изображенъ Сагайдачный.

confrérie. Que le Seigneur ait en sa sainte garde les âmes des défunts: Pierre, Konone, Elysée, Jacques, Hermann.» Le recteur de la confrérie de l'Epiphanie, Bassien Sakovitch, fit des vers sur la mort de l'hetman et ces vers, publiés à Kiew en 1622 sont précédés du portrait de Sagaïdatchny.

Гетманъ Богданъ Михайловичъ Хмельницкій.

Во всей исторіи Малой Россіи нѣтъ личности болѣе популярной, какъ личность гетмана Богдана Хмельницкаго. Имя Богдана Хмельницкаго неразрывно связано съ вопросомъ объ освобожденіи въ 1654 году Малой Россіи изъ-подъ ига польскаго и объ отдачѣ ея «подъ высокую руку» московскаго царя. Это обстоятельство, главнымъ образомъ, и создало вѣчное имя Хмельницкому. Время Хмельницкаго было самымъ тяжкимъ временемъ для малороссійскаго народа, хотя начало бѣдствій для Украйны положено было далеко раньше Хмельницкаго. Отдавшись, еще за 80 лѣтъ до Хмельницкаго, по такъ называемой люблинской уніи, подъ верховную власть польскаго королевства съ условіемъ безпрепятственно исповѣдывать православную вѣру и пользоваться одинаковыми съ поляками и литовцами гражданскими правами, южно-руссы скоро нашли себѣ закаленныхъ враговъ въ Польшѣ, которые лишили ихъ не только гражданскихъ, но всякихъ человѣческихъ правъ. Это

L'hetman Bogdane Mikhaïlovitch Khmelnitsky.

Il n'y a guère dans toute l'histoire de la Petite Russie, de personnalité plus populaire que l'hetman Bogdane Khmelnitsky. Son nom est indissolublement lié à l'histoire de la Petite-Russie délivrée en 1654 du joug polonais et remise «sous la haute puissance» du tsar russe, et c'est cette dernière circonstance qui a particulièrement immortalisé le nom de Khmelnitsky. Ce fut l'époque la plus pénible pour le peuple petit-russien que l'époque de Khmelnitsky, bien que le commencement des maux de l'Ukraine lui fût bien antérieur. 80 ans avant Khmelnitsky, les méridionaux russes avaient par le traité de Lublin reconnu la puissance souveraine de la Pologne, mais à la condition de confesser librement la foi orthodoxe et de jouir des mêmes droits de citoyenneté que les polonais et les lithuaniens, mais bientôt ils rencontrèrent en Pologne des ennemis jurés, et se virent enlever non seulement leurs droits de citoyens, mais encore tous les droits humains. Les prêtres jésuites d'un côté, les nobles et les autoritaires magnats polonais de l'autre qui piétinaient les

были, съ одной стороны, ксендзы-іезуиты; съ другой, буйные шляхтичи и своевольные польскіе магнаты, которые попирали ногами права всѣхъ людей низшаго званія и ставили свою личную волю выше воли общегосударственнаго сейма и выше воли короля. Соединившись съ Польшей на правахъ, «яко ровные до ровныхъ и вольные до вольныхъ», православно-русскіе люди скоро дознали, что эти права существуютъ для нихъ только на бумагѣ, а не на самомъ дѣлѣ: въ короткое время южно-руссы лишены были свободы исповѣданія вѣры, покровительства законовъ, неприкосновенности личности и имущественныхъ правъ.

Зная, какую силу для русскаго населенія Украйны имѣла православная вѣра, отцы-іезуиты прежде всего начали съ православной вѣры, и тутъ русскіе претерпѣли отъ нихъ неисчислимое число бѣдъ и насилій, о какихъ въ наше время нельзя и подумать. Постепенно пріобрѣтая силу и постепенно расширяясь въ своихъ дѣйствіяхъ, польскіе ксендзы захватили наши церкви и монастыри, и тогда часть изъ нихъ была отдана на откупъ евреямъ, часть вовсе разорена и обращена въ гостинницы и шинки; при этомъ церковныя имѣнія были отняты и расхищены, церковная утварь, священническія облаченія и казна были ограблены и большая часть этого добра также попала въ руки евреевъ и пропивалась въ шинкахъ; священники, иноки и прислужники церковные или вовсе перебиты, или же изувѣчены и разогнаны. Дѣйствуя на властныхъ людей въ королевствѣ, тѣ же ксендзы достигли того, что людямъ православной вѣры запрещено было вести торговлю, записываться въ цехи, хоронить по своему обряду умершихъ, вѣнчаться по православному, даже изготовлять самолично къ празднику Свѣтлаго Христова Воскресенія куличи, а непремѣнно покупать ихъ готовыми у евреевъ. Требовалось ли совершить богослуженіе въ церкви, крестить новорожденнаго ребенка, вѣнчать молодыхъ людей, хоронить умершихъ—ради всего этого нужно было идти въ еврейскую корчму, торговаться тамъ съ евреемъ-арендаторомъ церкви и платить ему пошлину за то, чтобы онъ позволилъ отпереть церковь и позвонить въ колокола по душѣ покойника, ибо ключи отъ церкви и веревки отъ колоколовъ находились у евреевъ-арендаторовъ.

Претерпѣвая великія бѣдствія отъ гонителей православной вѣры, малороссійскій народъ претерпѣвалъ не менѣе того и отъ несправедливыхъ судовъ. По свидѣтельству самихъ же поляковъ, крестьяне даже въ королевскихъ имѣніяхъ не пользовались покровительствомъ законовъ и подвергались систематическимъ ограбленіямъ со стороны «господарскихъ» чиновниковъ: судей, ассесоровъ, экзекторовъ, войтовъ, бурмистровъ и всѣхъ другихъ. «Въ судахъ у насъ, говоритъ полякъ Старовольскій, завелись неслыханные поборы и подкупы; наши войты, лавники, бурмистры—всѣ подкупны, а о доносчикахъ, которые подводятъ невинныхъ людей на бѣду, и говорить нечего: поймаютъ богатаго, запутаютъ и засадятъ въ тюрьму, да и тянутъ съ него подарки и взятки» Такъ

droits de toutes les classes inférieures et mettaient leur autorité personnelle au-dessus de la volonté de la diète de l'état et de la volonté royale,—tes étaient ces ennemis. Ralliés à la Pologne à la condition de jouir des mêmes droits que les polonais, ayant traité jusqu'ici «d'égal à égal, d'homme libre à homme libre», les orthodoxes russes apprirent bientôt à leurs dépens que leurs droits n'existaient que sur le papier: en peu de temps ils se virent enlever la liberte religieuse, la protection des lois, l'inviolabilité individuelle et les droits de propriété.

Connaissant l'ascendant de la religion orthodoxe sur la population russe de l'Ukraine, les pères jésuites commencèrent leurs persécutions par la religion et les russes eurent à subir des maux et des violences innombrables, tels qu'on ne saurait même se les imaginer à notre époque. Etendant de plus en plus leur champ d'action au fur et à mesure que leur pouvoir augmentait, les prêtres polonais s'emparèrent de nos églises et de nos couvents, dont une partie fut affermée aux juifs et l'autre complètement détruite et transformée en auberges et en cabarets; les biens de l'église furent dilapidés, les vases sacrés, les ornements sucerdotaux et le trésor-pillés. La plus grande partie de ces richesses tomba également entre les mains des juifs et celles des cabaretiers; les prêtres, les moines et les hommes d'église furent égorgés ou mutilés et dispersés. Par leurs intrigues auprès des personnages puissants, les prêtres polonais arrivérent à faire interdire aux orthodoxes de s'occuper du commerce, de s'inscrire dans des corps de métiers, d'inhumer les morts et de se marier selon les rites orthodoxes, et même de préparer à domicile pour le Dimanche de Pâques le mets pascal, mais de l'acheter aux juifs. Avait-on à célébrer un service religieux, à baptiser un nouveau-né, à marier des jeunes gens, à enterrer des morts, on se voyait toujours forcé de s'en aller dans un cabaret juif, de débattre les conditions avec le fermier juif de l'église et de lui payer un impôt plus ou moins considérable, afin qu'il permit d'ouvrir l'église et de sonner des cloches pour le repos de l'âme d'un mort, car c'était le fermier qui détenait les clés de l'église et les cordes des cloches.

S'il souffrait force maux de la part des persécuteurs de la foi orthodoxe, le peuple petit-russien n'en supportait pas moins de la part des tribunaux. Ainsi que le certifient les polonais eux-mêmes, les paysans, même ceux des domaines royaux, ignoraient toute protection des lois et se voyaient systématiquement dépouillés par les employés des «hospodar», juges, assesseurs, huissiers, baillis et autres. «Une corruption inouïe régne dans nos tribunaux, écrit le polonais Starovolsky; nos baillis et nos huissiers sont tous à vendre, sans parler des dénonciateurs qui par leurs délations intéressées perdent nombre d'innocents. Ayant réussi à prendre dans leurs filets un riche, ils l'impliquent dans une fausse affaire quelconque, le jettent en prison et lui extorquent force présents et pots de vin.» S'il en était ainsi dans les domaines royaux, c'était encore pis dans les propriétés des seigneurs; d'aprés le décret de 1557 les propriétaires polonais et leurs intendants avaient le droit, en cas de nécessité, d'appliquer la peine de mort à leurs paysans et d'après le décret de 1572 toute plainte contre leurs seigneurs était interdite aux paysans. Ce qu'il

было въ королевскихъ земляхъ, въ земляхъ же панововъ еще хуже того: по постановленію 1557 года польскому помѣщику и его управляющему предоставлено было право, въ случаѣ надобности, казнить своихъ крестьянъ смертію; а по постановленію 1572 года запрещалось крестьянамъ жаловаться на своихъ пановъ. И что горше всего, это то, что паны, отказываясь лично управлять своими имѣніями, предоставляли это право евреямъ, съ правами надъ жизнью и смертью православнаго населенія. Чрезъ это бѣдствія крестьянъ удесятерялись, и самые смѣлые изъ нихъ падали духомъ и приходили въ отчаяніе.

Лишенные защиты въ судахъ, православно-русскіе люди лишены были личныхъ и имущественныхъ правъ: все принадлежало пану и ничего мужику, — какъ самая земля, на которой жилъ крестьянинъ, такъ и все то, что произрастала земля, было собственностью помѣщика. По такому положенію, крестьянинъ, не считая прямыхъ пошлинъ, платилъ помѣщику безчисленное множество косвенныхъ — и хлѣбомъ, и скотомъ, и мясомъ, и птицей, и плодами, и деньгами. Кромѣ этого, если панъ ѣхалъ на сеймъ, если онъ собирался на богомолье, если затѣвалъ свадьбу, на крестьянъ накладывались новые подати и поборы. А если панъ изъ одного своего имѣнія пріѣзжалъ въ другое, то тутъ его слуги портили у мужика на поляхъ хлѣбъ, а въ домахъ грабительски забирали скотъ, птицу, продукты, и жаловаться пану на такой произволъ отнюдь никто не смѣлъ изъ крестьянъ. Крестьянинъ, кромѣ обыкновенной панщины, работалъ на пана во всякое время и не только самъ лично, но и его жена и всѣ его дѣти. Оттого недаромъ французскій инженеръ Бопланъ, жившій много лѣтъ на Украйнѣ и видѣвшій тамъ бѣдствія крестьянъ, сказалъ, что тамъ крестьяне мучатся какъ въ аду, а господа блаженствуютъ какъ въ раю. Если панъ владѣлъ мѣстечкомъ или городомъ, то торговцы должны были нести ему матерію, мясники — нести мясо, корчмари — напитки, ремесленники — свои издѣлія, и всѣ безъ всякаго вознагражденія, даже безъ всякой благодарности со стороны пана.

Такимъ образомъ и въ религіи, и въ судахъ, и въ личной свободѣ, и въ имущественныхъ правахъ — вездѣ русскій народъ былъ униженъ, подавленъ и обездоленъ. Гдѣ же было искать защиты несчастному народу въ такихъ бѣдахъ? Къ кому обратиться за помощью? Къ королю? Но король самъ былъ плѣнникомъ могущественныхъ и всевластныхъ магнатовъ! Кто же взялъ на себя роль Моисея и выказалъ смѣлость спасти «избранный народъ»? Никто иной, какъ Богданъ Хмельницкій.

Хмельницкій выступилъ на историческое поприще именно потому, что самъ жестоко потерпѣлъ отъ произвола польскихъ пановъ. Дотолѣ онъ былъ счастливымъ «господаремъ» и владѣлъ небольшимъ хуторомъ Суботовымъ, близъ города Чигирина; у него была жена и трое сыновей. Но подстаростѣ чигиринскому, пану Чаплинскому, понравился хуторъ Суботовъ, и онъ, въ отсутствіи Хмельницкаго, насильно захватилъ его; вмѣстѣ съ этимъ засѣкъ до

y avait de pis, c'est que les seigneurs, renonçant à administrer personnellement leurs terres, abandonnaient cette administration à des juifs qui acquéraient ainsi droit de vie et de mort sur la population orthodoxe. La situation déjà pénible des paysans s'en aggravait épouvantablement, au point que les plus courageux, les plus vaillants d'entre eux, perdaient tout courage et se livraient au désespoir.

Non défendus déjà par les tribunaux, les orthodoxes russes étaient encore dépouillés des droits individuels et mobiliers; tout appartenait au seigneur et rien au paysan, tout, — la terre même qu'habitait le paysan et tous ses produits. Sans parler de l'impôt direct, le paysan payait de cette façon au propriétaire une foule de redevances indirectes, — en blé, en bétail, en viande, en volaille, en fruits et en argent. Ce n'était pas encore tout: si le seigneur aevait à se rendre à la diète, ou entreprenait un pèlerinage, ou préparait une noce, les paysans étaient frappés de nouveaux impôts et redevances. Et chaque fois que le seigneur avait à se rendre dans une autre de ses terres, sa valetaille produisait des dégâts dans les champs de blé des paysans, leur prenait impudemment bestiaux, volaille et tous les divers produits de champs, et il était interdit aux paysans de se plaindre au seigneur de ces abus. Sans parler de la corvée ordinaire, chaque paysan devait travailler pour son seigneur à sa première réclamation, et non pas lui seul, mais encore sa femme et ses enfants. Aussi n'étaient — ce pas de vains propos que les affirmations de l'ingénieur français Beauplan, qui avait longtemps vécu en Ukraine et avait été témoin des maux endurés par la population campagnarde, et qui disait que les paysans de l'Ukraine souffraient toutes les tortures de l'enfer, tandis que les seigneurs goûtaient des félicités paradisiaques. Si parmi les propriétés du seigneur se trouvait un bourg ou une ville, les marchands étaient obligés de lui fournir des pièces d'étoffes, les bouchers-de la viande, les cabaretiers — des boissons, les artisans — leurs produits, le tout sans rémunération aucune, sans même un mot de remerciment de la part du seigneur.

De cette manière, qu'il s'agit de sa religion, de ses droits à la justice, de sa liberté individuelle, ou de ses droits de propriété, — le peuple russe était toujours humilié, écrasé, deshérité. Où donc le pauvre peuple, accablé de tant de maux, aurait-il cherché aide et protection? A qui demander du secours? Au roi? Mais le roi était lui-même le prisonnier des tout-puissants magnats. Il se trouva un homme qui assuma le rôle formidable de Moïse et eut l'audace de sauver le «peuple des élus». Cet homme fut Bogdane Khmelnitsky.

L'apparition de Khmelnitsky dans l'arène de l'histoire fut déterminée précisément par l'arbitraire des seigneurs polonais, dont il eut à souffrir cruellement lui-même. Il vivait tranquillement, heureux possesseur d'une petite métairie, Soubbotovo, aux environs de la ville de Tchiguirine, avec sa femme et ses trois fils. Mais Soubbotovo plut au seigneur Czaplinsky, sous-staroste de Tchiguirine et, profitant d'une absence de Khmelnitsky, il s'en empara, fit mourir sous les verges le cadet des fils de Khmelnitsky et enleva sa femme. Dépouillé de son bien, privé de sa femme et de son fils cadet, Khmelnitsky demanda aide et protection au sénat et au roi. Mais au lieu de

смерти малолѣтняго сына Хмельницкаго и увезъ съ собой жену его. Тогда Хмельницкій, лишенный состоянія, потерявшій жену и младшаго сына, сталъ искать защиты у сената и короля. Но вмѣсто удовлетворенія на свои справедливыя жалобы онъ услыхалъ только насмѣшки и издѣвательства, и подъ конецъ даже попалъ въ тюрьму и былъ приговоренъ къ смерти. Счастливый случай, однако, спасъ его отъ бѣды, и онъ въ началѣ декабря 1647 года изъ тюрьмы села Бужина бѣжалъ въ Запорожье.

Явившись въ Сѣчь, которая въ то время находилась на Микитиномъ-Рогѣ (теперь мѣстечко Никополь, Екатеринославскаго уѣзда), Хмельницкій, въ присутствіи кошевого атамана, старшинъ и козаковъ, сказалъ трогательную рѣчь, въ которой краснорѣчиво описалъ поруганіе со стороны іезуитовъ надъ православною церковью и служителями святаго алтаря, глумленіе сейма надъ козацкими правами, насилія со стороны польскихъ войскъ надъ населеніемъ украинскихъ мѣстечекъ и городовъ, вымогательства и мучительства со стороны «проклятаго жидовскаго рода». «Къ вамъ уношу душу и тѣло, — укройте меня, стараго товарища, защищайте самихъ себя, и вамъ то же угрожаетъ». Тронутые этой рѣчью, козаки отвѣтили Хмельницкому: «Прыймаемо тебе, пане Хмельницькій, хлибомъ-силью и щырымъ сердцемъ!»

Подготовивъ почву въ Запорожьѣ, Хмельницкій внезапно оставилъ Сѣчь и уѣхалъ съ сыномъ Тимоѳеемъ въ Крымъ просить помощи у хана противъ поляковъ. Великаго труда стоило Хмельницкому склонить на свою сторону хана Исламъ-Гирея: Исламъ-Гирей только тогда склонился на просьбы Хмельницкаго, когда онъ оставилъ ему своего сына въ заложники; но и то ханъ лично не пошелъ, а позволилъ Хмельницкому пригласить къ себѣ на помощь перекопскаго мурзу Тугай-бея съ ордой въ 4,000 человѣкъ.

Заключивъ союзъ съ Тугай-беемъ, Хмельницкій вновь возвратился въ Сѣчь и, явившись тамъ на войсковую раду или совѣтъ, подробно изложилъ свое дѣло всему «товариству запорожскаго низового войска». «Слава и честь Хмельницкому! Мы какъ стадо безъ пастуха; пусть Хмельницкій будетъ нашимъ головою, а мы всѣ, сколько насъ тутъ есть, всѣ готовы идти противъ пановъ и помогать Хмельницкому до послѣдней утраты нашего живота!» отвѣтили Хмельницкому всѣ, какъ одинъ человѣкъ, сѣчевые «молодцы» и тутъ же выбрали его въ гетманы и поздравили въ новомъ званіи. Въ заключеніе дали ему 8,000 человѣкъ войска, снабдили войсковыми регаліями, или такъ называемыми клейнотами, и сильною артиллеріею, и тогда новоизбранный гетманъ двинулся, апрѣля 22, 1648 года, съ войскомъ изъ татаръ и запорожцевъ навстрѣчу полякамъ, шедшимъ въ числѣ около 30,000 человѣкъ противъ него рѣкою Днѣпромъ и сухопутьемъ, подъ главнымъ начальствомъ Стефана Потоцкаго.

Развѣдавъ о планахъ поляковъ и дознавъ о томъ, что они двигались въ Запорожье двумя отдѣльными отрядами, Хмельницкій сперва бросился къ тому

rencontrer la satisfaction qui lui était dûe, il se vit en butte aux railleries, au persiflage et fut finalement, jeté en prison et condamné à mort. Cependant il fut sauvé par un heureux hasard; au commencement de décembre 1647 il réussit à s'évader de la prison du bourg Boujino et à gagner le Zaporojié.

Arrivé à la Siétcha qui se trouvait alors au Nikitine-Rog (à présent le bourg Nicopol du district de Iékatérinoslaw), Khmelnitsky se présenta devant l'ataman, les doyens et les cosaques et prononça un discours émouvant, dans lequel il peignit éloquemment les outrages dont les jésuites accablaient l'église orthodoxe et les serviteurs du Seigneur, le mépris de la diète envers les droits des cosaques, les violences que les soldats polonais exerçaient sur la population des bourgs et des villes de l'Ukraine, la vénalité et la tyrannie de «la maudite race des juifs». «Je me livre à vous corps et âme, cachez-moi, votre vieux camarade, et défendez-vous vous-mêmes, car les mêmes maux vous menacent.» Emus par ce discours, les cosaques répondirent: «Sois le bienvenu, seigneur Khmelnitsky, et accepte le pain et le sel que nous t'offrons de tout notre coeur».

Ayant ainsi préparé le terrain au Zaporojié, Khmelnitsky partit brusquement avec son fils Timothée pour la Crimée, demander secours au Khan contre les polonais. Il eut toutes les peines du monde à obtenir le concours du Khan Islam-Ghiréï qui ne céda à ses instances qu'après qu'il lui eût laissé son fils pour otage; encore ne se mit-il pas lui-même en campagne, se contentant d'autoriser Khmelnitsky de demander au mirza de Pérécop, Tougaï-bey, de se joindre à lui avec sa horde de 4.000 hommes.

Ayant conclu une alliance avec Tougaï-bey Khmelnitsky revint à la Siétcha, se présenter au conseil des cosaques et exposa en détail ses plans à tout «le corps d'armée zaporogue». «Gloire et honneur à Khmelnitsky! Nous sommes comme un troupeau sans pâtre; que Khmelnitsky soit notre chef, et tous tant que nous sommes, nous nous déclarons prêts à marcher contre es seigneurs polonais et nous battre à côté de Khmelnitsky jusqu'à la dernière goutte de notre sang!» répondirent comme un seul homme tous les «vaillants» cosaques qui l'élurent sur le champ pour hetman et lui présentèrent les félicitations d'usage. Il reçut une troupe de 8.000 hommes, les insignes cosaques, une artillerie considérable et le nouvel hetman se mit en marche le 22 avril 1648 avec une armée de tatares et de zaporogues contre 30.000 polonais qui s'avançaient par eau sur le Dniéper et par voie de terre, sous le commandement de Stéphane Potocky.

Ayant pris des renseignements sur les projets des polonais et ayant appris qu'ils marchaient sur le Zaporojié en deux corps d'armée séparés, Khmelnitsky se jeta d'abord sur celui qui naviguait sur le Dniéper, commandé par Barabache, Vadovsky et Iliache et composé pour la plupart des mêmes cosaques petit-russiens, forcés de servir le gouvernement polonais. Khmelnitsky n'eut pas beaucoup de peine à leur persuader de se joindre à lui et de noyer leurs chefs dans le fleuve. Content d'avoir si bien débuté, il se jeta ensuite dans la steppe, dans la direction des Eaux-Jaunes où se trouvaient les forces

отряду, который плылъ, подъ предводительствомъ Барабаша, Вадовскаго и Ильяша, по рѣкѣ Днѣпру къ Сѣчѣ и который состоялъ большею частью изъ тѣхъ же малороссійскихъ козаковъ, но обязанныхъ неволею служить польскому правительству. Хмельницкому небольшого труда стоило склонить этотъ отрядъ на свою сторону и заставить его перетопить своихъ начальниковъ въ рѣкѣ.

Обрадованный счастливымъ началомъ дѣла, Хмельницкій отъ Днѣпра бросился въ степь, къ урочищу Желтымъ-Водамъ (теперь Верхнеднѣпровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи), гдѣ расположились главныя силы поляковъ при Стефанѣ Потоцкомъ, Шембергѣ, Сапѣгѣ и Чарнецкомъ, и тамъ, у Желтыхъ-Водъ, какъ разъ противъ польскаго лагеря, устроилъ таборъ козаковъ, сомкнувъ ихъ, по козацкому обычаю, желѣзными цѣпями, колесо къ колесу.

Битва началась 4-го мая и продолжалась съ перерывами нѣсколько дней. Подъ конецъ поляки, сбитые со всѣхъ пунктовъ, принуждены были покинуть Желтыя-Воды и отступить къ глубокой и лѣсистой балкѣ Княжимъ-Байракамъ. Но это отступленіе оказалось роковымъ для нихъ: не подозрѣвая того, что въ тылу ихъ стоялъ Тугай-бей съ татарами и что Хмельницкій, предвидя ихъ отступленіе, послалъ въ Княжіе-Байраки пѣшихъ козаковъ съ приказаніемъ покопать тамъ рвы и канавы, поляки, не ожидая никакой засады, внезапно были окружены со всѣхъ четырехъ сторонъ своими жестокими врагами, долго отбивались отъ нихъ, но потомъ побросали свою артиллерію и были всѣ въ лоскъ истреблены, кромѣ немногихъ, взятыхъ въ плѣнъ. Самъ Потоцкій скончался отъ ранъ среди степи, а другіе начальники войскъ—Шембергъ, Сапѣга, Чарнецкій были взяты въ плѣнъ и немедленно отправлены въ Чигиринъ. «Отъ це жъ вамъ, панове, за тее, що не схотилы съ козакамы-молодцями у мири жыты: лучче вамъ булы жиды-збойци, нижъ запорожци-молодци».

Побѣда Хмельницкаго надъ поляками подъ Желтыми-Водами открыла ему путь на Украйну и далѣе въ глубь Польши, и онъ, не замедляя своего похода, отъ Желтыхъ-Водъ двинулся на Черкасы, Корсунь, Стеблевъ, Бѣлую-Церковь, Пиляву и вездѣ, гдѣ только встрѣчался съ поляками, наносилъ имъ пораженія, забиралъ ихъ въ плѣнъ или обращалъ въ дикое и безпорядочное бѣгство, какъ это было въ особенности подъ Пилявою. Подвигаясь все дальше и дальше, Хмельницкій прошелъ на Волынь, Подолію и Червонную Русь и тутъ, подъ Зборовымъ, нанесъ пораженіе самому королю Яну-Казиміру, хотя и отказался взять его въ плѣнъ.

Шесть съ половиной лѣтъ велъ войны Хмельницкій съ поляками и подъ конецъ увидѣлъ, что собственными силами ему не достигнуть того, къ чему онъ стремился, т. е. не освободить Украйны отъ «лядскаго ига». Тогда онъ рѣшилъ отдаться подъ покровительство какого-нибудь сильнѣйшаго сосѣдняго государства и тутъ сперва остановилъ свое вниманіе на Турціи, подъ верховною властью которой находилось не мало западно-славянскихъ *

principales des polonais, commandées par Stéphane Potocky, Schemberg, Sapiéga et Czarnecky, il disposa le camp de ses cosaques juste en pace du camp polonais, et, selon la coutume des cosaques, il ceignit son camp de chaînes de fer à chaînons étroitement serrés.

Le combat commença le 4 mai et dura plusieurs jours de suite, avec quelques interruptions. Finalement les polonais, délogés de toutes leurs positions, furent obligés de quitter les Eaux-Jaunes et de battre en retraite du côté d'un profond ravin boisé, Kniajié-Baïraki. Mais cette retraite leur fut fatale: ne se doutant nullement qu'ils eussent derrière eux Tougaï-bey avec ses tatares, et que Khmelnitsky, prévoyant leur retraite, eût expédié vers le ravin des cosaques fantassins, en leur enjoignant d'y creuser quantité de fossés, bref, ne s'attendant à aucune embuscade, les polonais se virent brusquement cernés des quatre côtés par leurs féroces ennemis. Ils se défendirent avec acharnement, mais finirent par abandonner leur artillerie et furent complétement exterminés, à l'exception de peu nombreux prisonniers. Potocky, lui-même succomba à ses blessures en pleine steppe, tandis que les autres chefs, — Schemberg, Sapiéga, Czarnecky furent faits prisonniers et expediés sans retard à Tchiguirine. «Voici qui vous apprendra, messeigneurs, de refuser de vivre en paix avec les braves cosaques et de préférer de sales juifs à des vaillants zaporogues».

Cette première victoire sur les polonais, remportée par Khmelnitsky, lui ouvrit le chemin de l'Ukraine et celui du coeur de la Pologne; il se dirigea sans retard sur Tcherkassy, Kherson, Stieblevo, Biélaïa-Tserkow, Piliava, battant les polonais à chaque rencontre, faisant des prisonniers lorsque l'ennemi ne se dispersait pas en une fuite sauvage et désordonnée, ainsi que cela se produisit à Piliava. Avançant toujours, il marcha sur la Volhynie, la Podolie, la Russie Rouge et une fois là il battit sons Zborow le roi Jean Casimir lui-même, qu'il ne voulut pourtant pas faire prisonnier. Khmelnitsky fit la guerre aux polonais pendant 6 ans et demi et finit par s'apercevoir qu'il ne parviendrait pas, rien qu'avec ses propres forces, à atteindre le but qu'il visait, c'est à dire la délivrance de l'Ukraine du «joug polonais». Il résolut alors de demander protection à un état voisin plus puissant que lui et il songea d'abord à la Turquie, dont le pouvoir s'étendait sur plusieurs principautés slaves de l'ouest. Puis il passa à la Russie où régnait alors le tsar Alexis Mikhaïlovitch, souverain orthodoxe d'un état orthodoxe. Les pourparles de Khmelnitsky avec le tsar Alexis Mikhaïlovitch, durèrent 2 ans et finalement, le 6 janvier 1654, à Péréiaslaw, au conseil général des cosaques la Petite-Russie fut déclarée annexée à la Grande Russie. Le traité de l'annexion comportait 14 articles.

Ces articles conféraient les privilèges suivants: 1) Les droits et les libertés d'antan de l'armée petite-russienne sont confirmés d'ordre suprême et il est interdit aux boyards, aux vayvodes et aux dapifers d'y attenter; la corporation cosaque est autorisée de juger elle-même ses propres affaires, — deux hommes sur trois peuvent juger le troisiéme; 2) Les villes petite-russiennes sont autorisées à élire elles-mêmes des «sous-officiers», des baillis et des huissiers, chargés d'administrer les affaires et de verser

княжествъ. Затѣмъ отъ Турціи онъ перешелъ къ Россіи, гдѣ царствовалъ Алексѣй Михайловичъ, православный государь православной державы. Два года длились переговоры Хмельницкаго съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и наконецъ 6-го января, 1654 года, въ городѣ Переяславѣ, на всеобщей козацкой радѣ, объявлено было присоединеніе Малой Россіи къ Великой на основаніи 14 статей или пунктовъ.

Эти пункты состояли въ слѣдующемъ: 1) Подтверждаются, именемъ царскаго величества, давнія права и вольности войска малороссійскаго и запрещается вмѣшиваться въ нихъ боярамъ, воеводамъ и стольникамъ; предоставляется право войсковому товариству имѣть свои суды — гдѣ три человѣка, тамъ третьяго судятъ. 2) Дозволяется малороссійскимъ городамъ выбирать изъ своей среды собственныхъ «урядниковъ» — войтовъ, бурмистровъ, райцевъ и лавниковъ, которые будутъ управлять другими и отдавать въ казну надлежащій доходъ царскимъ людямъ, которые будутъ присланы въ Кіевъ и въ Переяславъ. 3) Жалуется гетману на булаву староство Чигиринское «съ принадлежностями» и сверхъ того жалованье 1,000 золотыхъ червонныхъ. 4) Дозволяется, по смерти гетмана, самому войску малороссійскому выбирать новаго гетмана, но выбравъ, доносить о томъ государю, а новоизбранному гетману ѣздить въ Москву, гдѣ ему будутъ жаловать грамоту, булаву и знамя. 5) Запрещается отнимать у козаковъ ихъ имѣнія и оставляются при нихъ и при ихъ дѣтяхъ всѣ вольности, какія имѣли ихъ предки. 6) Опредѣляется писарю войсковому и обозному жалованье по 3.000, судьѣ по 300, писарю судейскому по 100, а хорунжему по 50 золотыхъ польскихъ. 7) Дозволяется малороссійскому козацкому войску имѣть въ городѣ Корсунѣ свою артиллерію и при ней содержать обознаго, асаула, хорунжаго, писаря, пушкарей и другихъ начальниковъ. 8) Оставляются за духовными и мірскими людьми всѣ права, пожалованныя имъ «изъ вѣковъ» отъ князей и королей, но митрополиту кіевскому, также и другимъ духовнымъ особамъ быть подъ благословеніемъ святѣйшаго патріарха московскаго. 9) Запрещается гетману отправлять гонцовъ и пословъ къ иностраннымъ государямъ и принимать къ себѣ пословъ отъ иностранныхъ государей, исключая тѣхъ случаевъ, когда о томъ государь повелитъ гетману. 10) Запрещается гетману имѣть съ крымскимъ ханомъ какія бы то ни было сношенія и вмѣняется ему въ обязанность имѣть съ ханомъ миръ тогда, когда укажетъ царское величество. 11) Дозволяется собирать доходы въ малороссійскихъ городахъ войтамъ, бурмистрамъ, райцамъ и лавникамъ и отдавать ихъ тѣмъ людямъ, которыхъ пришлетъ царское величество. 12) Дозволяется для совершенія «правъ и уставовъ» имѣть людей мѣстныхъ, кто будетъ постарше, и обѣщается не посылать на Украйну воеводъ, чтобы они не ломали правъ, не чинили тягостей и не дѣлали людямъ великой досады. 13) Даруется царскаго величества привелѣй съ печатьми вислыми на то, что

les redevances de l'état aux employés du Tsar, dépêches dans ce but à Kiew et à Péréiaslaw; 3) L'hetman reçoit la starostie de Tchiguirine avec ses dépendances», attribut de la massue, et 1.000 ducats d'or d'appointements; 4) A la mort de l'hetman l'armée petite-russienne a le droit d'en élire un nouveau, mais l'élection accomplie, elle doit en aviser le souverain et le nouvel hetman est tenu de se rendre à Moscou où lui seront remis sa lettre patente, sa massue et son drapeau; 5) Il est défendu de dépouiller les cosaques de leurs biens et tous les privilèges de leurs aucêtres leur sont conserves à eux ainsi qu'à leurs enfants; 6) Le clerc de l'armée et celui du train des bagages toucheront 3.000 florins de Pologne, le juge — 300, le greffier du juge — 100 et le cornette — 50; 7) L'armée des cosaques petit-russiens est autorisée d'avoir à Kherson sa propre artillerie et d'y entretenir un vaguemestre, un capitaine, un cornette, un greffier, des canonniers, etc.; 8) Les ecclésiastiques et les laïques conservent tous les droits d'antan» qui ont pu leur être octroyés par des princes et des rois, mais le métropolite de Kiew, ainsi que tous les autres membres du clergé dépendront du très-saint patriarche de Moscou; 9) Il est défendu à l'hetman d'envoyer courriers et ambassadeurs aux souverains étrangers ainsi que de recevoir leurs ambassadeurs, à moins que le tsar ne l'ordonne à l'hetman; 10) Il est défendu à l'hetman d'entretenir avec le Khan de Crimée toute relation et il doit vivre en paix avec le Khan chaque fois que sa Majesté lui en donnera l'ordre; 11) Les baillis, les huissiers et autres employés sont autorisés à percevoir les impôts des villes petite-russiennes pour les transmettre ensuite aux envoyés du tsar; 12) Il est permis d'élire des doyens locaux chargés de maintenir les «droits et statuts» et on promet de ne pas envoyer en Ukraine des vayvodes, susceptibles de porter préjudice aux libertés octroyées, d'infliger aux habitants ennuis et vexations; 13) Sa Majesté accorde le privilège à chaque cosaque de demeurer cosaque, à chaque paysan la liberté de rester paysan, et cette faveur est scellée du sceau souverain; 14) Sa Majesté le tsar «promet» au métropolite de Kiew une lettre patente lui garantissant un domaine épiscopal.

Une fois rallié à la Russie et ayant prête au tsar le serment de fidélité, Khmelnitsky ne déposa pas cependant les armes et se battit encore contre les polonais pendant 3 ans et demi, cette fois en qualité de sujet du tsar russe et avec le concours des vayvodes russes. Mais ces campagnes perpétuelles, ainsi que les continuelles inquiétudes et agitations qu'elles comportaient, jointes à certains excès que se permettait l'hetman, sapérent sa robuste nature et le «vieux Khmel» expira le 27 juin 1657 à Tchiguirine. Mais avant de mourir il exprima le désir d'être inhumé à sa metairie Soubbotovo qu'il avait reconquise, ainsi qu'il s'exprimait, aux prix de rudes peines et qui avait servi de point de départ pour cette guerre, destinée à délivrer l'Ukraine. La volonté de l'hetman fut accomplié et on l'inhuma à Soubbotovo, dans une église en pierre, érigée aux frais de l'hetman. En descendant le corps de Khmelnitsky dans la fosse, les cosaques sanglotaient si fort que leurs sanglots couvraient les voix des chantres et le glas des cloches. «On eut dit que le soleil se voilait de

кто козакъ, тотъ и останется вольнымъ козакомъ, а кто крестьянинъ, тотъ и останется тѣмъ же. 14) «Обѣщается» царскимъ величествомъ жалованная грамота кіевскому митрополиту на митрополичьи мáетности.

Отдавшись Москвѣ и присягнувъ русскому царю на вѣрность, Хмельницкій и послѣ того все еще не успокоился и въ течение трехъ съ половиной лѣтъ воевалъ, уже какъ подданный московскаго царя, заодно съ русскими воеводами противъ польскаго короля. Но эти безпрерывныя войны и связанныя съ ними постоянныя тревоги и волненія, въ связи съ нѣкоторыми излишествами, какія дозволялъ себѣ гетманъ, сломили его мощную натуру, и 27 іюля, 1657 года, «старого Хмеля» не стало. Хмельницкій умеръ въ городѣ Чигиринѣ, но, однако, передъ смертью, пожелалъ быть похороненнымъ въ своемъ хуторѣ Субботовѣ, который онъ, какъ самъ говорилъ, пріобрѣлъ кровавыми трудами, и изъ-за котораго у него возникъ пламень войны, освободившій Украйну. Воля гетмана была исполнена, и его похоронили въ Субботовѣ, въ каменной церкви, сооруженной на гетманскій коштъ. Опуская тѣло гетмана въ могилу, козаки такъ громко рыдали, что черезъ ихъ плачъ не было слышно церковнаго пѣнія и звона колоколовъ. «То не чорни хмары ясне сонце застылали, не буйніи витры у темнимъ лису бушувалы, то козаки Хмельницького у яму ховали, батька своего оплакали». При погребеніи Хмельницкаго была масса народа и кромѣ того присутствовали — посолъ польскаго короля Яна Казиміра, Станиславъ Беневскій, и домашній секретарь гетмана, Самоилъ Зорька, произнесшій надъ прахомъ умершаго слово на польскомъ языкѣ. Но было бы напраснымъ трудомъ искать въ настоящее время могилы Богдана Хмельницкаго: спустя семь лѣтъ послѣ смерти гетмана, во время борьбы поляковъ съ запорожцами, польскій предводитель Чарнецкій ворвался въ Чигиринъ и велѣлъ выбросить кости Хмельницкаго изъ могилы на площадь, вѣроятно, слѣдуя пословицѣ, что «и мертвому льву слѣдуетъ вырвать бороду».

noirs nuages que le vent soufflait en tempête dans la forêt sombre! Mais non, ce n'était que le bruit des pleurs des cosaques, déposant Khmelnitsky dans la fosse et pleurant leur pére». Une foule immense assistait aux obséques de Khmelnitsky, mais il n'y avait pas là que le peuple, — il y avait aussi l'ambassadeur du roi de Pologne Jean-Casimir, Stanislas Benevsky et le secrétaire privé de l'hetman, Samuel Zorka qui prononça sur la tombe du défunt un discours en polonais.

Mais ce serait une peine inutile que de chercher à présent la tombe de Bogdane Khmelnitsky; 7 ans après la mort de l'hetman, au cours de la lutte entre les polonais et les zaporogues. un chef polonais, Czarnecky envahit Tchiguirine, fit arracher de la tombe les ossements de Khmelnitsky et les disperser aux quatre vents. Il obéissait probablement au proverbe qui prescrit d'arracher toujours la crinière du lion, même «s'il est mort».

Воевода Адамъ Григорьевичъ Кисель.

Время съ конца XVI и до половины XVII столѣтія въ исторіи Малой Россіи есть время разгара борьбы православія съ католичествомъ, время борьбы русскаго низшаго населенія, козаковъ, мѣщанъ и черни, съ польскимъ панствомъ, не признававшимъ въ другомъ человѣкѣ, не-католикѣ и не-шляхтичѣ, правъ человѣка и гражданина. Начало этой борьбы положено въ городѣ Брестѣ, въ 1596 году, послѣ введенія въ Малой Россіи такъ называемой церковной уніи, придуманной іезуитами для приведенія православно-малороссійскаго народа сперва къ обезличенію, а потомъ къ католичеству и полному слiянію съ польско-литовскимъ населеніемъ. Имѣя цѣлью

Le vayvode Adam Grigoriévitch Kissel.

Dans l'histoire de la Petite-Russie la fin du XVI siécle et la moitié du XVII ont été l'époque de la lutte la plus violente entre l'orthodoxie et le catholicisme, de la lutte des cosaques, des petits bourgeois et du peuple russe contre les seigneurs polonais qui ne reconnaissaient aucuns droits à quiconque n'était ni catholique, ni noble polonais. Cela commença à Brest en 1596 lorsqu'on eut introduit dans la Petite-Russie l'Eglise grecque unie sur l'initiative des jésuites dont le but était de dépouiller le peuple petit-russien orthodoxe de tout caractère personnel et de l'amener ensuite au catholicisme et à la fusion complète avec la population polonaise. Les propagateurs de l'Eglise grecque unie qui tendaient à l'unification de

объединеніе государства, распространители церковной уніи, однако, не только не достигли этого, а, напротивъ того, именно съ этихъ поръ раздѣлили все населеніе польской Рѣчи-посполитой на два вѣчно враждебныхъ лагеря—«уніатовъ» съ одной стороны и «неуніатовъ», иначе «дизунитовъ» или «схизматиковъ» съ другой, и выкопали вѣковѣчную пропасть между православнымъ и католическимъ населеніемъ польско-литовскаго королевства. Покровительствуемые королемъ Сигизмундомъ III, ярымъ фанатикомъ католичества, іезуиты воздвигли страшныя гоненія на православіе, которыя, усиливаясь съ необыкновенною быстротой, выразились въ ужасающихъ формахъ насилія надъ православными.

Къ великому бѣдствію Украйны навстрѣчу іезуитовъ пошло и высшее или дворянское сословіе Малой Россіи, которое, забывъ свою православную вѣру и свой предковскій языкъ и соблазненное безконечной свободой польскаго панства, скоро выступило врагомъ всего православно-русскаго населенія въ краѣ. Едва прошло 30 лѣтъ со времени введенія на Украйнѣ уніи, какъ русское дворянство, по словамъ очевидца, и притомъ иностранца, француза-католика, Боплана, стало даже стыдиться исповѣдывать иную вѣру, кромѣ католической, хотя самые сильные и могущественные представители этого дворянства вели свой родъ отъ русскихъ православныхъ дворянъ. И точно, изъ документальныхъ данныхъ, дошедшихъ до нашего времени, видно, что всѣ такія именитости Польши, какъ Вишневецкіе, Мосальскіе, Острожскіе, Ружинскіе, Чарторыйскіе, Корецкіе, Сангушки, Служки, Тышкевичи, и многіе другіе, числомъ до 140 фамилій, будучи искони русскими и искони православными, скоро послѣ брестской уніи приняли католичество и перешли въ ряды поляковъ, увлекши за собой многочисленную дворню свою или придворный ôршакъ.

Исключенія изъ этого общаго явленія были весьма немногочисленны, и лица дворянскаго происхожденія, выступавшія въ качествѣ защитниковъ православія, слишкомъ извѣстны были въ русскомъ и польскомъ лагерѣ. Таковы, напримѣръ, въ первой половинѣ XVII столѣтія—Вороничъ, Лаврентій Древинскій, Василій Литинскій, Іоахимъ Ерличъ, Адамъ Кисель и нѣкоторые другіе.

Изъ этихъ фамилій Адамъ Кисель принималъ самое живое и самое дѣятельное участіе въ событіяхъ до и во время гетмана Богдана Хмельницкаго.

Адамъ Григорьевичъ Кисель былъ родомъ изъ Брусилова, возлѣ Чернигова, и по вѣрѣ и по происхожденію принадлежалъ къ дворянско-православной фамиліи. Начавъ свою службу съ подкоморія, Кисель былъ потомъ черниговскимъ генеральнымъ судьей, носовскимъ старостою, брацлавскимъ воеводой и, наконецъ, воеводой кіевскимъ и сенаторомъ и сохранилъ свою вѣру до самой смерти, послѣдовавшей около 1653 года.

Однако, нельзя сказать того, чтобъ этотъ человѣкъ, будучи по происхожденію русскимъ и православнымъ, въ то же время по духу и по воззрѣніямъ представлялъ изъ себя вполнѣ русскаго чело-

l'état, non seulement n'atteignirent pas le but visé, mais encore ils divisérent toute la population de la Petite-Russie en deux camps ennemis, — les »catholiques grecs« et les »schismatiques« et creusérent à jamais un abîme entre la population orthodoxe et catholique de la Pologne. Protégés par le roi Sigismond III, ardent fanatique du catholicisme, les jésuites se mirent à persécuter cruellement l'orthodoxie et ces persécutions revêtirent rapidement des formes d'une violence inouïe.

Ce qui porta à son comble le désastre de l'Ukraine, c'est que la classe des nobles de la Petite-Russie se joignit aux jésuites, oubliant la religion orthodoxe et l'idiome ancestral, séduite par les privilèges illimités de la noblesse polonaise, comme le certifie un témoin oculaire, un étranger, un catholique, le français Beauplan, avait déjà honte de confesser une autre religion que le catholicisme, bien que les représentants les plus puissants de cette noblesse fussent de souche de nobles russes orthodoxes. On peut, en effet, constater d'après les documents qui sont parvenus jusqu'à nous que toutes les notabilités de la Pologne, comme les Vichnévetsky, les Mossalsky, les Ostrojsky, les Ruzinsky, les Czartorysky, les Koretsky, les Sanguszko, les Pluszko, les Tyczkiévicz et quantité d'autres, 140 familles environ, russes et orthodoxes depuis un temps immémorial, embrassèrent le catholicisme bientôt après l'introduction de l'Eglise grecque unie, et passèrent dans le camp polonais entrainant à leur suite leur nom breuse valetaille.

Les exceptions furent rares et les quelques nobles qui se montrérent les champions de l'orthodoxie étaient bien connus dans les camps russe et polonais. On peut citer dans la première moitié du XVII siécle; Voronitch, Laurent Drévinsky, Basile Litinsky, Joachim Erlitch, Adam Kissel et quelques autres.

Ce fut Adam Kissel qui prit la part la plus vive et la plus active aux événements qui précédérent et suivirent l'époque de l'hetman Bogdane Khmelnitsky.

Adam Grigoriévitch Kissel était né à Roussilovo, prés de Tchernigow et appartenait par sa religion et son origine, à une famille de russes orthodoxes. Ayant débuté comme chambellan, Kissel fut ensuite juge général à Tchernigow, staroste à Nossovo, vayvode à Breslau et enfin vayvode et sénateur à Kiew; il resta fidèle à sa religion jusqu'à sa mort qui survint vers 1653.

Et pourtant on ne peut pas dire que cet homme russe et orthodoxe de naissance, fut tout à fait russe d'esprit et d'opinions; il était plutôt polonais qu'autre chose. Aussi, bien qu'il prétendit lui-même être un vrai russe, les petit-russiens ne le considéraient pas comme tel. «Je suis du même sang que vous autres» affirmait-il à l'hetman Bogdane Khmelnitsky. «Oui, le sang est le même, mais la peau est lithuanienne.« C'est pour cela que l'on voit souvent Adam Kissel jouer un rôle équivoque! il apparait simultanément comme champion de la religion orthodoxe et avocat des cosaques, ainsi que comme agent politique de la Pologne, conseillant en cette dernière qualité aux cosaques de se soumettre aux polonais et de rester fidèles à la République de Pologne, qui est à ses yeux, séduits par sa grande liberté politique, l'idéal de l'Etat sur la terre. Courant, pour ainsi dire, deux lièvres à la fois, Adam Kissel

вѣка: въ этомъ случаѣ онъ былъ скорѣе полякъ, нежели русскій. Оттого, считая себя истинно русскимъ человѣкомъ, Кисель не былъ признаваемъ за таковаго украинцами. «Я кость отъ костей вашихъ», доказывалъ онъ гетману Хмельницкому. «Кость-то у тебя наша, да только она обросла лядськимъ мясомъ». Оттого же мы видимъ Адама Киселя очень часто въ двусмысленной роли: въ одно и то же время онъ выступаетъ и въ качествѣ защитника православія или печальника за козаковъ и тутъ же въ качествѣ политическаго агента отъ Польши, совѣтующаго козакамъ покориться полякамъ и свято держаться Рѣчи-посполитой, которую онъ считаетъ, по широкой политической свободѣ, идеаломъ государства на землѣ. Дѣйствуя, такъ сказать, на двѣ руки, Адамъ Кисель черезъ это не могъ, разумѣется, заслужить симпатіи ни съ той, ни съ другой стороны и, вызывая вражду противъ себя со стороны козаковъ, не разъ грабившихъ и разорявшихъ его имѣнія, принужденъ былъ въ то же время выслушивать жестокіе упреки со стороны поляковъ, которые открыто, на обще-государственномъ сеймѣ, называли его «схизматикомъ» и заявляли, что отъ «схизматика» до «здрайцы», т. е. измѣнника, только одинъ шагъ. И при всемъ томъ въ трудныхъ и самыхъ щекотливыхъ положеніяхъ, когда полякамъ приходилось слишкомъ тѣсно отъ козаковъ, польское правительство избирало для переговоровъ съ ними Адама Киселя, какъ самаго удобнаго посредника для обѣихъ сторонъ.

Отрѣшаясь отъ пристрастныхъ взглядовъ современниковъ на Адама Киселя, мы должны сказать, что онъ не былъ «измѣнникомъ» ни для козаковъ, ни для поляковъ, и если въ его дѣйствіяхъ видны часто двойственность и даже противорѣчія, то онѣ вытекали не изъ двуличности и своекорыстія Киселя, а изъ фальши самого положенія его, съ одной стороны, какъ человѣка русскаго происхожденія и православной вѣры, а съ другой, какъ человѣка польско-шляхетскихъ понятій и воззрѣній. Онъ не выступалъ противъ козаковъ какъ противъ сословія, онъ вполнѣ раздѣлялъ ихъ требованія полноправія и вполнѣ признавалъ за ними право на существованіе, но, ставя интересы государства выше интересовъ сословія, онъ тѣмъ самымъ становился врагомъ козаковъ тогда, когда козаки, не считая правительства Рѣчи-посполитой совершеннымъ правительствомъ, совершенно отрицали его и подымали противъ него оружіе.

Установивъ такую точку зрѣнія на личность Адама Киселя, мы поймемъ, что этотъ человѣкъ весьма часто переживалъ въ своей душѣ истинно-трагическіе моменты, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда вѣра и кровь влекли его къ русскимъ, а политическіе идеалы и дворянскія воззрѣнія влекли къ полякамъ.

На исторической сценѣ Малой Россіи Адамъ Кисель явился уже за 15 лѣтъ раньше появленія знаменитаго гетмана Богдана Хмельницкаго: онъ выступилъ, въ качествѣ защитника православія, еще въ 1632 году, послѣ смерти короля Сигизмунда III, на такъ называемомъ конвокаціонномъ сеймѣ. На такомъ

ne pouvait naturellement se concilier les sympathies ni de l'un ni de autre parti, et tout en armant contre soi les cosaques qui pillèrent et dévastèrent à plusieurs reprises ses terres, il s'exposait en même temps aux cruels reproches des polonais qui le traitaient ouvertement aux séances de la diète de «schismatique», ajoutant que du «schismatique» au traître il n'y a qu'un pas. Néanmois, dans les situations les plus embrouillées et les plus délicates, lorsque les polonais se voyaient trop acculés par les cosaques, le gouvernement polonais chosissait toujours Adam Kissel pour entrer en pourparlers avec eux, comme l'intermédiaire le plus commode pour les deux partis.

Ne partageant nullement la partialité de ses contemporains à l'égard d'Adam Kissel, nous sommes obligés de déclarer qu'il ne «trahissait» ni les cosaques ni les polonais, et si ses actes sont souvent entachés de duplicité et même de contradictions, cela ne découle ni de la fausseté, ni de la cupidité de Kissel, mais de l'ambiguité même de sa position de russe et orthodoxe de naissance—d'une part, d'homme à opinions et à idées de noble polonais, — d'une autre. Il n'était nullement contre la classe des cosaques, il partageait entièrement leurs aspirations à l'égalité en toutes choses, il reconnaissait leurs droits à l'existence, mais, plaçant les intérêts de l'état au-dessus des intérêts d'une classe, il devenait ainsi hostile aux cosaques lorsque ceux-ci, ne voulant pas admettre la perfection du gouvernement de la République de Pologne, la reniaient et levaient les armes contre elle.

Ceci posé, nous comprendrons facilement qu'Adam Kissel ait dû traverser souvent moralement des périodes tragiques, notamment dans les occasions où sa religion et son origine le faisaient pencher du côté des russes, tandis que son idéal politique et ses idées de noble l'attiraient vers les polonais.

Adam Kissel surgit sur la scène historique de la Petite-Russie 15 ans avant l'apparition du fameux hetman Bogdane Khmelnitsky; on le voit paraitre comme champion de l'orthodoxie dès 1632, après la mort de Sigismond III, à la diète convoquée à cette occasion. D'ordinaire on procédait à ces sortes de diètes à une revision générale terminée par l'énoncé des réformes désirables que le roi futur aurait à accomplir. Tous ceux qui se considéraient comme lésés, tous les mécontents profitaient de cela pour exposer leurs griefs, tant les polonais d'origine que les russes qui suivaient naturellement leur exemple. En butte à de cruelles persécutions de la part du clergé catholique, les cosaques de la République de Pologne, mettant à profit la prochaine diète, envoyèrent des délégués spécialement élus dans la capitale de la Pologne, porteurs d'un message au primat catholique; ils demandaient qu'on les délivrat de l'oppression» des catholiques grecs que ceux-ci étendaient sur toute la population russe en général. «Ils ont pris les couvents aux orthodoxes, ils ont supprimé les églises, interdit les fonctions municipales aux honorables bourgeois et semé le trouble dans la population rurale! les enfants restent non baptisés, les hommes cohabitent avec les femmes sans bénédiction nuptiale, beaucoup passent de vie à trépas sans pouvoir communier au lit de mort. Aussi nous vous

сеймѣ, обыкновенно, дѣлался общій обзоръ царствованія умершаго короля и въ заключеніе выставлялись требованія, въ видѣ желательныхъ улучшеній, для исполненія будущему королю. Этимъ пользовались всѣ, считавшіе себя въ чемъ-либо обиженными и чѣмъ-либо недовольными, прежде всего коренные поляки, а вмѣстѣ съ ними, разумѣется, и русскіе.

Претерпѣвая жестокія гоненія со стороны католическаго духовенства, козацкое сословіе Малой Россіи, воспользовавшись предстоявшимъ сеймомъ, отправило черезъ избранныхъ депутатовъ въ польскую столицу письмо на имя перваго католическаго архіепископа или примàса и въ томъ письмѣ просило объ устраненіи «утѣсненій», какія дѣлали уніаты въ прошедшее царствованіе козакамъ и всему вообще русскому народу. «Они отняли (у православныхъ) монастыри, уничтожили св. церкви, отстранили отъ городскихъ должностей добродѣтельныхъ мѣщанъ и засмутили сельскій народъ: дѣти остаются некрещенными, взрослые сожительствуютъ безъ брачнаго обряда, многіе разстаются съ жизнью, не получивъ передъ смертью св. причащенія. Поэтому всенижайше и всепокорнѣйше просимъ васъ, превелебный во Христѣ отецъ и милостивый панъ, пусть эта новоизмышленная унія со всѣми безпорядками, проистекающими изъ нея, будетъ уничтожена теперь же, до коронаціи будущаго государя».

Но такая просьба козаковъ показалась дерзостью рáднымъ панамъ, и козацкихъ депутатовъ заставили уѣхать изъ Варшавы ни съ чѣмъ, кромѣ краткаго, съ самымъ неопредѣленнымъ отвѣтомъ, письма на имя всего козацкаго войска.

При всемъ томъ, когда за конвокаціоннымъ сеймомъ открыли сеймъ элекціонный или избирательный, то тутъ нашлись нѣкоторыя лица изъ православно-русскаго дворянства, которыя, независимо отъ просьбы козаковъ, потребовали свободы исповѣданія православной вѣры въ странѣ и даже грозили, въ противномъ случаѣ, отказаться отъ совѣщанія о какихъ бы то ни было дѣлахъ, пока не уладится вопросъ о русской вѣрѣ. Однимъ изъ такихъ-то смѣлыхъ защитниковъ православія былъ Адамъ Кисель. Въ виду такого заявленія рѣшено было устроить комиссію изъ католиковъ и не-католиковъ и поручить этой комиссіи выработать правила для свободы вѣры не-католиковъ. Но благомыслящіе люди возстали и противъ этой мѣры: эта мѣра казалась имъ совершенно излишней, такъ какъ православная вѣра, какъ самая древнѣйшая въ странѣ, имѣла право на свое существованіе безъ всякихъ правилъ, составляемыхъ на сеймахъ. «Наше дѣло, говорилъ Кисель, не богословское, а политическое; идетъ рѣчь не о вѣрѣ, а о мѣрѣ, т. е. равноправности».

Такое мужество, выказанное поборниками православія и поддержанное потомъ молодымъ королемъ Владиславомъ IV, заявившимъ себя человѣкомъ чуждымъ католической нетерпимости, сдѣлало то, что православная вѣра открыто признана была польскимъ сеймомъ 1632 года за вѣру, вполнѣ законную, имѣющую всѣ права на существованіе въ государствѣ.

supplions humblement et respectueusement, père très béat en Jésus-Christ et gracieux seigneur, de bien vouloir ordonner d'abolir sur le champ, avant le couronnement du noveau souverain, cette Eglise grecque unie, récemment imposée, ainsi que tous les désordres qui en résultent.»

Mais cette supplique des cosaques fut trouvée impertinente par les conseillers et la députation des cosaques fut forcée de quitter Varsovie sans avoir rien obtenu qu'un court message à l'armée cosaque, renfermant la réponse la plus vague.

Cependant lorsque la diète préliminaire fut suivie par la diète de l'élection, quelques membres de la noblesse russe orthodoxe, indépendamment de la réclamation des cosaques, réclamèrent aussi la liberté de confesser la religion orthodoxe, et allèrent jusqu'à menacer, dans le cas où il ne serait pas fait droit à leur demande, de ne prendre part à aucune délibération tant que la question de la religion russe ne serait pas réglée. L'un de ces hardis champions de l'orthodoxie fut Adam Kissel. En face d'une pareille déclaration on décida de former une commission de catholiques et de non-catholiques chargée d'élaborer le règlement de la liberté religieuse pour les non-catholiques. Mais les gens de bon sens protestérent encore contre cette mesure qui leur semblait entièrement superflue, parce que la religion orthodoxe, étant la plus ancienne dans le pays, avait le droit d'exister sans aucun réglement établi par la diète. «Ce n'est pas une question théologique, disait Kissel, mais politique; il s'agit non d'une religion, mais d'une mesure, c'est à dire de l'égalité juridique.»

Cette résistance courageuse de la part des champions de l'orthodoxie, appuyée dans la suite par le jeune roi Ladislas IV, étranger à l'intolérance catholique, fit reconnaitre la religion orthodoxe par la diète de 1632 comme une religion officiellement tolérée dans la République de Pologne. Le mérite d'Adam Kissel en cette affaire, pour ses cottemporains comme pour la postérite, est indiscutable, car il en donna des preuves probantes en distribuant ensuite ses biens mobiliers et immobiliers aux églises et et aux convents, ce qui lui procura l'immortelle renommée de zélateur de la foi orthodoxe.

Sa réputation, en ce qui concernait sa position d'intermédiaire entre les polonais et les cosaques, est toute différente. Kissel avait assumé ce rôle à l'époque la plus pénible pour les cosaques du midi: battus en 1625 au lac Kourouk, sur la rive droite du Dniéper, en aval de Kiew, les cosaques étaient très opprimés par les polonais. Ils étaient limités à un nombre de 6.000 hommes, à la solde du gouvernement ne montant qu'à 60.000 florins de Pologne par an; il leur était sévérement interdit d'entretenir toute relation avec les puissances étrangères et de se mêler de quoi que ce soit en dehors de leurs affaires cosaques; ils étaient soumis à un fonctionnaire supérieur, lequel, bien qu'élu dans le milieu cosaque, était sanctionné par le gouvernement polonais et portait le titre de «doyen», au lieu de celui d'«hetman» usité chez les cosaques; les cosaques qui ne faisaient pas partie de la liste des 6.000 devaient se mettre à la disposition des starostes et des seigneurs et rendre à ces

Рѣчи-посполитой. Тутъ заслуга Адама Киселя и передъ современниками, и передъ потомками неоспорима, ибо и въ послѣдующее время, раздавая свое и движимое и недвижимое имущество на церкви и монастыри, Кисель стяжалъ себѣ безсмертное имя ревнителя православія.

Иною славою пользовался у современниковъ Адамъ Кисель, какъ посредникъ между поляками и козаками. Въ этой роли Кисель выступилъ въ самое тяжелое время для южно-русскаго козачества: козаки, побитые въ 1625 году подъ Курруковымъ озеромъ, у праваго берега Днѣпра, далеко ниже Кіева, стѣснены были поляками до послѣдней крайности: число ихъ ограничено было всего лишь 6000 человѣкъ съ жалованьемъ отъ правительства въ размѣрѣ 60,000 злотыхъ въ годъ; имъ строго было воспрещено сноситься съ иноземными державами и вмѣшиваться въ какія бы то ни было не-войсковыя дѣла; имъ приказано было повиноваться высшему правительственному лицу, хотя выбранному и изъ козацкой среды, но утвержденному польскимъ правительствомъ съ наименованіемъ «старшого», а не «гетмана», какъ принято было у самихъ козаковъ; тѣмъ изъ нихъ, которые не попали въ списокъ или реестръ шести тысячъ человѣкъ, велѣно было отдаться въ распоряженіе старостъ и дѣдичныхъ пановъ и приказано возвратить всѣ захваченныя земли и имущества панамъ. Поставивъ въ такія тѣсныя рамки дѣйствія козаковъ, правительство Рѣчи-посполитой и этимъ не довольствовалось: по цѣлымъ годамъ оно не платило реестровому войску жалованья, хотя и пользовалось его услугами при оборонѣ государственныхъ границъ. Тогда реестровые козаки, выведенные изъ терпѣнія, отправили въ 1636 году къ королю депутатовъ съ просьбой выдачи имъ законнаго жалованья. Здѣсь-то, впервые, и выступилъ Адамъ Кисель, какъ посредникъ между поляками и козаками.

Явившись передъ козацкими депутатами, Кисель прежде всего высказалъ преданность свою рускимъ людямъ и руской вѣрѣ и затѣмъ завѣрилъ всѣхъ въ томъ, что требуемое козаками жалованье непремѣнно будетъ имъ уплачено, но просилъ только депутатовъ обождать до извѣстнаго срока. Однако, прошелъ не одинъ, а три срока, а жалованья козакамъ не высылалось попрежнему ни единаго злотаго. Тогда козаки, выйдя окончательно изъ терпѣнія, начали грозить возмущеніями. Кисель, чтобы предупредить бунтъ, прибѣгъ, по его собственному признанію въ письмѣ къ коронному гетману Конецпольскому, къ тремъ, самымъ вѣрнымъ, мѣрамъ: «съ козаками могутъ удаться три способа: они уважаютъ духовныхъ греческой религіи и любятъ богослуженіе, хотя сами больше походятъ на татаръ, чѣмъ на христіанъ; во-вторыхъ, на нихъ дѣйствуетъ страхъ королевскаго имени, а въ-третьихъ, они любятъ взять тамъ, гдѣ можно достать. Сообразно этому я употребилъ всѣ три способа». И точно, для успокоенія козацкой массы Кисель дѣйствовалъ на нее и именемъ кіевскаго митрополита, и именемъ короля, писавшаго будто бы къ Киселю письмо съ угрозой козакамъ и

derniers tous les biens qu'ils leur avaient pris. Ayant restreint ainsi l'activité des cosaques par un cadre aussi étroit, le gouvernement polonais, non encore satisfait, ne payait pas la solde de l'armée régulière, et cela pendant des années entières, bien qu'il usât d'elle dès qu'il s'agissait de défendre les frontières de l'état. Perdant toute patience, les cosaques dépêchérent au roi, en 1636 une députation ponr demander le payement de leur solde. C'est alors qu'Adam Kissel apparut pour la première fois comme intermédiaire entre les polonais et les cosaques.

Se présentant devant la députation cosaque, Kissel commença par protester de son dévoûment pour les russes et pour leur religion, leur assurant ensuite que la solde, réclamée par les cosaques allait leur être payée, demandant seulement à la députation d'accorder un délai. Le délai accordé fut dépassé trois fois sans que les cosaques vissent arriver un seul florin de la somme qui leur était dûe. Perdant définitivement patience, ils menacèrent de se soulever. Voulant prévenir cette révolte, Kissel, ainsi qu'il l'avoue lui-même dans une lettre à l'hetman Koniecpolski, recourut aux trois plus sûrs moyens: «il existe trois moyens pour réussir quand on a à faire aux cosaques: il faut profiter de leur vénération pour le clergé du culte grec et de l'amour qu'ils professent pour le service divin, bien qu'ils ressemblent plutôt à des tatares qu'à des chrétiens; il ne faut pas perdre de vue qu'ils ont une crainte salutaire du nom du roi et enfin qu'ils sont enclins à s'emparer de ce qui est à prendre. Je me suis donc servi de ces trois moyens.» En effiet, dans le but d'apaiser les cosaques, Kissel invoqua le nom du métropolite de Kiew, le nom du roi qui lui aurait, soi-disant, dépêché un message courroucé contre les cosaques et promettant le payement de la solde, (ce qui était faux), et enfin il recourut à l'autorité de leurs doyens qu'il se concilia par des envois de présents et par des promesses de différentes récompenses.

Cependant, quelques pratiques que fussent ces moyens, d'après l'opinion de Kissel, les cosaques, ne recevant toujours pas la solde promise, indignés en outre contre l'hetman royal qui avait laissé s'installer dans les bourgades cosaques des soldats polonais, et contre l'usurpation par les polonais de la ville de Kherson, organisérent une véritable insurrection. Pour étouffer cette insurrection le gouvernement polonais prit le parti de dépêcher aux cosaques, en qualité de commissaire, le même Adam Kissel en lui adjoignant Stanislas Potocky et un clerc du trésor aux gages du roi.

Au conseil militaire, spécialement convoqué, les cosaques se révoltèrent, exigeant bruyamment des commissaires qu'on rendit à l'armée cosaque la ville de Kherson, où depuis longtemps se trouvait l'artillerie de l'armée, et qu'on leur laissât les quelques canons qu'ils avaient pris récemment à Kiew. Les commissaires comprenaient parfaitement que les cosaques se révoltaient parce qu'on ne leur payait pas leur solde et parce qu'ils ne voulaient pas supporter les mesures prises contre eux par le gouvernement. En face de leur surexcitation les commissaires n'osèrent pas leur faire une réponse négative, leur déclarèrent qu'une pareille demande devait être adressée au

съ обѣщаніемъ уплаты имъ жалованья (чего въ дѣйствительности не было) и, наконецъ, авторитетомъ ихъ же старшинъ, которымъ посылалъ подарки и обѣщалъ различныя награды.

Однако, какъ ни практичны были, на взглядъ Киселя, всѣ эти три способа, но козаки, тѣмъ не менѣе, не получая отъ польскаго правительства положеннаго жалованья, а также негодуя на коронняго гетмана за разстановку по козацкимъ селеніямъ польскаго войска и за захватъ поляками козацкаго города Корсуня, произвели настоящій бунтъ. Тогда для усмиренія ихъ польское правительство рѣшило отправить къ нимъ, въ качествѣ комиссара, того же Адама Киселя съ прибавкой къ нему Станислава Потоцкаго и скарбоваго писаря съ королевскимъ жалованьемъ.

На собранной по этому поводу войсковой радѣ козаки подняли шумъ и потребовали отъ комиссаровъ, чтобы войску возвращенъ былъ городъ Корсунь, гдѣ оно съ давнихъ поръ держало свою армату или артиллерію, и чтобы за нимъ остались тѣ немногія пушки, которыя передъ тѣмъ захвачены были козаками въ Кіевѣ. Комиссарамъ ясно стало, что козаки бунтовали какъ отъ того, что не получали жалованья, такъ и отъ того, что не желали терпѣть взятыхъ относительно ихъ правительственныхъ мѣръ. Видя сильное возбужденіе со стороны козаковъ, комиссары, поэтому, побоялись отвѣчать имъ отрицательно и отвѣчали въ томъ духѣ, что съ такой просьбой они должны обратиться къ самому королю, а пока прійдетъ на нее отвѣтъ, они теперь же должны принести присягу въ соблюденіи прежняго договора въ Курувовѣ и обѣщать полное подчиненіе правительству Рѣчи-посполитой. Послѣ продолжительныхъ волненій козаки подъ конецъ смирились и принесли присягу, и польскіе комиссары сочли свою миссію вполнѣ исполненной.

Адамъ Кисель, возвратившись изъ посольства, писалъ коронному гетману Станиславу Конецпольскому о результатахъ переговоровъ съ козаками и вновь высказывалъ свои взгляды на то, какъ можно привести козаковъ къ послушанію—разъединить ихъ между собой всю массу и держать, при помощи подарковъ, на своей сторонѣ старшинъ.

Насколько дѣйствительны были подобныя мѣры, видно изъ того, что, въ слѣдъ за отъѣздомъ комиссаровъ въ Польшу, на Украйнѣ, въ началѣ октября того же 1637 года снова поднялось возмущеніе противъ правительства Рѣчи-посполитой, и за козацкія права выступили два вожака, Карпо Павлюкъ и Карпо Скиданъ. Тогда даже въ имѣніи Адама Киселя составилась шайка бунтарей, отъ которой самъ владѣлецъ принужденъ былъ бѣжать изъ собственныхъ владѣній. Когда же, вслѣдъ затѣмъ, противъ Павлюка и Скидана выступило польское войско, подъ начальствомъ Николая Потоцкаго, то въ числѣ польскихъ военачальниковъ былъ и Адамъ Кисель, черниговскій подкоморій и воевода носовскій. Видя, какъ козаки выступали на битву противъ поляковъ подъ деревней Кумейками, Адамъ Кисель съ горечью замѣтилъ: «славные люди, какъ смѣло, какъ бодро

roi lui-même et qu'en attendant l'arrivée de la réponse ils devaient prêter immédiatement le serment de respecter l'ançien traité de Kouroukovo et promettre une soumission absolue à la République de Pologne. Après de longues tergiversations les cosaques finirent par se soumettre et par prêter le serment exigé, et les commissaires considérèrent leur mission comme bien et dûment terminée.

De retour de son ambassade, Adam Kissel éçrivit à l'hetman royal, Stanislas Koniecpolsky, les résultats de ses pourparlers avec les cosaques, exprimant de nouveau ses idées sur la façon de s'y prendre pour réduire les cosaques, — qui était de semer la division parmi eux et de se concilier toujours les doyens par des présents.

Quant à l'efficacité de pareils moyens on peut en juger par ce fait: bientôt après le départ des commissaires, au commencement du mois d'octobre de la même année 1637, une nouvelle insurrection contre la Pologne éclata en Ukraine sous le commandement de deux chefs, Karpo Pavliouk et Karpo Skidane. Dans le domaine même d'Adam Kissel on vit se former une bande d'insurgés qui mit en fuite le propriétaire lui-même. Bientôt après, lorsqu'une troupe de polonais, commandée par Stanislas Potocky se mit en campagne contre Pavliouk et Skidane, parmi ses chefs se trouvait aussi Adam Kissel, vayvode de Nossow. Sous le village Kouméïki, en observant les cosaques qui s'avançaient au-devant des polonais, Kissel remarqua avec amertume: «avec quelle bravoure et quelle audace vont ces braves gens au-devant de la mort! Pourquoi faut-il qu'ils marchent ainsi contre leur propre souverain et contre la République de Pologne, au lieu de marcher contre les ennemis de la Sainte Croix!» Après la bataille de Kouméïki, comme on se préparait à se battre à Borovitsa, Adam Kissel s'adressa aux cosaques en les adjurant de se calmer et de livrer les instigateurs de l'insurrection, promettant au nom du roi la grâce de tous les coupables. Mais les cosaques ne croyaient plus ni les polonais, ni Adam Kissel, le combat eut lieu et les cosaques furent battus par les polonais à Borovitsa, après quoi on leur dépêcha de nouveau le même Adam Kissel comme commissaire.

Accompagné par son camarade Stanislas Potocky, Adam Kissel se présenta aux conseil des cosaques, les accusant d'avoir commis un crime tel que jamais on n'en avait vu de pareil, depuis que la terre existait: non seulement ils avaient attenté à la vie des soldats de leur souverain, mais encore ils avaient voulu appeler à leur aide les tatares, aussi «avaient-ils signé eux-mêmes leur propre condamnation pour une pareille trahison»; pour les punir, le «doyen» élu par eux serait remplacé officiellement par Iliasch Karaïmovitch auquel ils devaient se soumettre sans réplique; on leur enlevait tous leurs canons, tous les insignes militaires, tous les droits juridiques et électoraux, toute leur autonomie; dorénavant, au lieu de colonels élus par eux, ils n'auront que des colonels nommés par le gouvernement lui-même; les enfants des cosaques, comme des enfants de traitres, ne seraient plus inscrits dans les régiments cosaques, et enfin tous les cosaques étaient sommés de prêter à nouveau le serment de fidélité au roi et à la République de Pologne.

(они) идутъ на смерть! Зачѣмъ идутъ они на своего государя-короля и Рѣчь-посполитую, а не на враговъ Христова креста!» Послѣ сраженія подъ Кумейками и въ виду новой битвы подъ Боровицей Адамъ Кисель обращался къ козакамъ со словомъ увѣщанія прекратить бунтъ и выдать зачинщиковъ, ручаясь именемъ короля прощеніемъ всѣмъ виновникамъ. Но козаки не вѣрили полякамъ, не вѣрили и Адаму Киселю и вновь выступили на битву и были побѣждены поляками подъ м. Боровицей, и тогда къ нимъ снова посланъ былъ, въ качествѣ комиссара, Адамъ Кисель.

Выступивъ на козацкой радѣ, Кисель, вмѣстѣ съ другимъ товарищемъ Станиславомъ Потоцкимъ, укорялъ козаковъ въ томъ, что они совершили преступленіе, неслыханное отъ вѣка вѣковъ на свѣтѣ: не только подняли руки на войско своего государя, но даже хотѣли привлечь къ своему возстанію татаръ, и потому, «за такую измѣну подписали приговоръ собственною своею кровью»: они лишились выбраннаго ими «старшого» Скирскаго, вмѣсто котораго имъ назначался отъ правительства Ильяшъ Караимовичъ и которому они должны были повиноваться безпрекословно; кромѣ того у нихъ отбирались всѣ орудія; всѣ войсковые знаки или клейноты, всѣ права и вольности на избраніе старшины и на самоуправленіе; вмѣсто выборныхъ полковниковъ съ этихъ поръ козаки должны имѣть полковниковъ, которые будутъ назначаться самимъ правительствомъ; съ этихъ же поръ дѣти козаковъ, какъ дѣти измѣнниковъ, лишаются права быть записанными въ козацкіе полки, и, наконецъ, въ заключеніе всего козаки снова должны были принести присягу на вѣрность королю и Рѣчи-посполитой.

Таковы были тѣ условія, какія продиктовалъ Адамъ Кисель козакамъ подъ Боровицей.

При всемъ томъ, когда послѣ усмиренія козаковъ главные руководители ихъ, Карпо Павлюкъ, Василь Томиленко и Иванъ Злый были доставлены въ Варшаву для казни, то за нихъ горячо вступился тотъ же Адамъ Кисель: «они сдались добровольно: я поручился, что Рѣчь-посполитая даруетъ имъ жизнь; иначе, они защищались бы до послѣдней возможности. Если теперь, несмотря на мое поручительство, ихъ казнятъ, то это подорветъ вѣру въ слово не только поручителя, но и довѣрителя, т. е. Рѣчи-посполитой». Несмотря, однако, на такую рѣчь Киселя, Павлюкъ, Томиленко и Злый были казнены.

Такую-то роль игралъ Адамъ Кисель между поляками и козаками до возстанія гетмана Богдана Хмельницкаго. Такую же роль онъ долженъ былъ играть и во все время польско-козацкихъ войнъ при Хмельницкомъ.

Прежде всего, когда Хмельницкій выступилъ на историческое поприще, брацлавскій воевода Адамъ Кисель, какъ и многіе другіе истые польскіе паны, не придалъ этому особенно серьезнаго значенія и полагалъ, что все дѣло обойдется безъ боя. По крайней мѣрѣ, Кисель, вмѣстѣ съ канцлеромъ Оссолинскимъ и другими, совѣтовалъ коронному гетману

Telles furent les conditions que Kissel dicta aux cosaques à Borovitsa.

Cependant, l'insurrection des cosaques apaisée, lorsque les principaux meneurs, Karpo Pavliouk, Vassil Tomilenko et Jean Zlyï furent amenés à Varsovie pour y être exécutés, le même Adam Kissel prit chaleureusement leur défense: «ils se sont rendus volontairement; je me suis porté garant au nom de la République de Pologne qu'ils auraient la vie sauve, sans quoi ils se seraient défendus jusqu'à la dernière goutte de leur sang. Si on les exécute à présent, malgré ma caution, cela détruira toute foi en la parole, non seulement du répondant, mais encore du commettant, c'est à dire de la République de Pologne.» Le discours d'Adam Kissel n'y fit rien: les trois meneurs furent exécutés.

Tel fut le rôle d'Adam Kissel auprès des polonais et des cosaques avant l'insurrection de l'hetman Bogdane Khmelnitsky. Tel fut le rôle qu'il devait jouer plus tard, tant que dura la lutte des cosaques et des polonais à l'époque de Khmelnitsky.

Lorsqu'on vit poindre Khmelnitsky à l'horizon historique, le vayvode de Braczlaw, Adam Kissel, comme la plupart des purs seigneurs polonais, ne lui accordèrent aucune importance sérieuse, supposant que les choses s'arrangeraient sans qu'on en vienne aux mains. Encore Kissel, soutenu par le chancelier Ossolinsky et quelques autres, conseilla-t-il du moins à l'hetman royal Potocky, qui s'entêtait à vouloir amener Khmelnitsky à la soumission au moyen d'implacables représailles, — d'employer plutôt avec le «rebelle» la bonté et la persuasion. Kissel croyait, comme les autres seigneurs polonais, qu'il serait facile d'étouffer l'insurrection suscitée par Khmelnitsky et qu'il n'y avait pour arriver à cela, qu'à s'emparer de l'instigateur lui-même. Dans ce but Kissel entama des pourparlers par écrit avec les vayvodes russes limitrophes, et, se basant sur le traité entre la Russie et la Pologne, leur demanda de s'emparer du «tcherkesse rebelle» et de l'expédier en Pologne. Les vayvodes russes répondirent à Kissel qu'ils étaient tout prêts à servir la Pologne. Mais grâce à la vigilance de Khmelnitsky les réponses des vayvodes ne parvinrent pas à Adam Kissel et tombèrent même entre les mains du «tcherkesse», et précisement dans un moment où l'hetman avait déjà remporté les deux brillantes victoires sur les polonais aux Eaux-Jaunes et à Kherson et où il venait d'envoyer lui-même une députation à Varsovie, profitant de l'élection du nouveau roi.

Devançant alors Khmelnitsky, Adam Kissel lui expédia une lettre dans laquelle il se recommandait à lui, comme un homme profondément dévoué à la religion orthodoxe, et comme tel, digne d'une confiance absolue; il affirmait qu'il ne voulait que du bien à Khmelnitsky et le conjurait de congédier sans retard les tatares, de suspendre les massacres et d'envoyer à Varsovie une députation chargée de conclure la paix avec la République de Pologne, car il n'y a pas au monde d'état supérieur à la Pologne, vu «que c'est le seul pays libre qui soit au monde».

Bien que Khmelnitsky eût en sa possession les lettres de Kissel aux vayvodes russes et bien que l'armée cosaque ne voulût pas entendre parler de paix avec les polo-

Потоцкому, задавшемуся мыслью привести Хмельницкаго къ покорности мѣрами безпощадной кары, употребить въ отношеніи «бунтовщика» милость и убѣжденіе. Такъ же какъ и прочіе польскіе паны, Адамъ Кисель полагалъ, что поднятое Хмельницкимъ возстаніе легко усмирить: стóитъ только захватить въ руки самого виновника возстанія. Для этого брацлавскій воевода вступилъ въ переписку съ московскими порубежными воеводами, прося ихъ, на основаніи существовавшаго договора между Россіей и Польшей, изловить «своевольнаго черкешенина» и доставить его въ Польшу. Московскіе воеводы отвѣчали Киселю полною готовностью служить Польшѣ. Однако, благодаря бдительности самого Хмельницкаго, отвѣты воеводъ не только не дошли до Киселя, а попали въ руки «черкешенина» и именно въ то время, когда гетманъ уже одержалъ двѣ блистательныя побѣды надъ поляками, подъ Желтыми-Водами и подъ Корсунемъ, и когда онъ отправилъ отъ себя депутатовъ въ Варшаву въ виду выборовъ новаго короля. Тогда Адамъ Кисель предупредилъ Хмельницкаго и отправилъ къ нему письмо, въ которомъ указывалъ на себя, какъ на человѣка, который глубоко преданъ православной вѣрѣ и потому имѣетъ право на довѣріе къ себѣ, который желаетъ Хмельницкому одного добра, только добра, и который, поэтому, проситъ его немедленно отослать отъ себя татаръ, прекратить кровопролитіе и прислать въ Варшаву депутатовъ для примиренія съ Рѣчью-посполитою: нѣтъ лучше въ мірѣ государства, какъ Польша, ибо «только она одна во всемъ свѣтѣ наслаждается свободой».

Несмотря на то, что войско козацкое и слушать не хотѣло о примиреніи съ поляками, Хмельницкій все-таки написалъ отвѣтъ Киселю на его письмо и просилъ пріѣхать на Украйну для переговоровъ о мирѣ.

По полученіи письма Хмельницкаго рáдные паны опредѣлили отправить къ нему Адама Киселя съ нѣсколькими панами въ качествѣ комиссара, но тутъ же рѣшили, соблюдая строгую тайну, набрать новое войско и двинуть его противъ Хмельницкаго.

Но Киселю на этотъ разъ не суждено было лично говорить съ Хмельницкимъ. Прежде чѣмъ отправиться лично къ гетману, Кисель отправилъ къ нему подъ Бѣлую-Церковь собственныхъ посланцевъ съ требованіями сейма объ отдачѣ взятаго козаками у поляковъ, во время сраженія, оружія и объ удаленіи отъ себя татаръ, но съ умышленнымъ умолчаніемъ о козацкихъ правахъ и вольностяхъ. Вдобавокъ къ этому тотъ же Кисель и въ то же самое время отправилъ отъ себя письмо въ Москву о томъ, что Хмельницкій, поднявъ бунтъ противъ Рѣчи-посполитой и призвавъ на помощь къ себѣ татаръ, жаждалъ только крови христіанъ, а его козаки думали только о добычѣ и грабежахъ, по каковой причинѣ Хмельницкаго нужно считать жестокимъ врагомъ Польши и въ то же время Москвы.

Только послѣ этого Адамъ Кисель собрался въ путь, но пока онъ добрался до мѣста своей поѣздки, *

* nais, Khmelnitsky répondit à Kissel, le priant de venir en Ukraine pour les pourparlers.

A la réception de la réponse de Khmelnitsky les conseillers décidèrent de dépêcher auprès de lui Adam Kissel en qualité de commissaire, accompagné de quelques autres seigneurs. Mais en même temps il fut décidé en grand mystère d'envoyer contre Khmelnitsky une nouvelle armée.

Mais cette fois-ci Kissel ne devait pas traiter personnellement avec Khmelnitsky. Avant de se mettre en route Adam Kissel lui dépêcha lui-même à l'Eglise Blanche des émissaires, porteurs des réclamations de la diète qui exigeait la reddition des armes que les cosaques avaient prises aux polonais et le renvoi des tatares; c'est à dessein qu'on ne soufflait mot des prérogatives des cosaques. Kissel envoyait en même temps à Moscou une lettre dans laquelle il disait que Khmelnitsky s'était insurgé contre la Pologne, avait appelé les tatares à son aide, se montrait assoiffé du sang des chrétiens, tandis que ses cosaques ne rêvaient que butin et pillage, et cela donné, qu'il fallait considérer Khmelnitsky comme un cruel ennemi de la Pologne, en même temps que celui de la Russie.

Ce ne fut qu'après avoir fait tout cela que Kissel se mit en route, mais avant qu'il n'atteignit le but de son voyage, Khmelnitsky fut déjà informé des plans des polonais en train d'organiser une armée importante pour la mener contre lui. Il n'accorda plus à l'émissaire des polonais qu'un mépris absolu, et Kissel, qui apprit à son tour que le chef des cosaques avait démasqué les plans des polonais, rebroussa chemin.

Bientôt après eut lieu la bataille de Piliava et cet intervalle fut pour Adam Kissel une des périodes les plus tragiques de son existence: en effet, lui, orthodoxe, il se voyait obligé de se battre contre des orthodoxes, et, — magnat polonais, se voir accusé de trahison par les magnats polonais. «Mes services et mes efforts sont payés en insultes et en ingratitude. Interrogez mes compagnons d'ambassade sur les outrages dont nous ont abreuvés les cosaques; notre vie même était menacée par les paysans déchaînés, rendus impudents par le succès! Et nous voici finalement en butte aux insultes et aux outrages de nos frères.»

Niant toute intention de trahison envers les polonais et poursuivant toujours son idée, Adam Kissel définit le rôle joué par lui avec une netteté qu'on ne retrouve plus chez lui ni avant, ni après. Il resta fidèle à cette opinion-là jusqu'à la fin de ses jours. «Je suis désigné pour consommer la paix, établir la concorde et non pour être le messager de la guerre; que n'ai-je entrepris, que n'ai-je supporté pour parvenir à la paix désirée, pour rendre ma patrie heureuse? Ma vie a été menacée, mes terres dévastées, j'ai subi des insultes, des blessures plus amères que la mort même; et voici que dans la même main qui devait vous apporter le rameau d'olivier, je tiens un glaive! Je suis gentilhomme polonais et sénateur... Je n'ai rien de commun avec les rebelles, car il n'y a pas de gentilhommes parmi eux. Je professe la religion orthodoxe et je suis toujours prêt à la défendre, mais je suis le premier à désirer que l'hydre de la rébellion soit étouffée par la main d'Hercule... Mais vous demandez ce qu'il faut faire? Guerroyer, mais non se battre, répondrai-je: il n'y a que

тѣмъ временемъ Хмельницкій, узнавъ о планахъ поляковъ, собиравшихъ противъ него большое войско, выказалъ полное невниманіе къ Адаму Киселю, какъ польскому депутату, и тогда Кисель, въ свою очередь узнавъ о томъ, что планы поляковъ уже стали извѣстны вождю козаковъ, повернулъ назадъ.

Передъ битвой подъ Пилявой, тотчасъ за симъ послѣдовавшей, воевода Адамъ Кисель пережилъ одинъ изъ самыхъ трагическихъ моментовъ своей жизни, когда ему, съ одной стороны, какъ православному человѣку, приходилось сражаться противъ православныхъ, а съ другой, какъ польскому магнату, приходилось выслушивать обвиненія въ измѣнѣ отъ польскихъ магнатовъ. «За мои услуги, за мои старанія мнѣ платятъ оскорбленіями и неблагодарностью. Спросите товарищей моихъ, комиссаровъ, какія обиды терпѣли мы отъ козаковъ, какъ самая жизнь наша была въ опасности отъ необузданнаго мужичья, наглаго въ счастьи! И вотъ, наконецъ, пришлось намъ терпѣть обиды и оскорбленія отъ своихъ братьевъ».

Снявъ съ себя всякое подозрѣніе въ измѣнѣ полякамъ и развивая свою мысль дальше, Адамъ Кисель при этомъ высказалъ взглядъ на свою роль съ такой опредѣленностью, какъ нигдѣ ни раньше, ни послѣ того, и этому взгляду онъ остался вѣренъ до конца своихъ дней. «Я избранъ совершителемъ мира, установителемъ согласія, а не феціаломъ, не вѣстникомъ войны; чего не предпринималъ я, чего не претерпѣвалъ, чтобъ достигнуть желаннаго успокоенія, доставить отечеству благополучіе? Жизнь моя была въ опасности, имѣнія мои разорены; ругательства, невыразимыя оскорбленія для меня горше смерти; и вотъ послѣ всего я держу мечъ въ той рукѣ, въ которой долженъ былъ принесть вамъ оливковую вѣтвь! Я польскій дворянинъ и сенаторъ... Я ничего не имѣю общаго съ мятежниками; тамъ нѣтъ дворянъ. Исповѣдую православную вѣру и всегда готовъ защищать ее, но желалъ бы первый, чтобъ гидра мятежа пала подъ геркулесовскою рукою... Но вы спрашиваете, что дѣлать? Воевать, но не сражаться—отвѣчаю я: медленностью, проволочкою времени мы можемъ достигнуть вѣрнѣйшей побѣды и прочнѣйшаго мира... Окажемъ мятежникамъ милость, дадимъ имъ время опомниться, и они захотятъ возвратиться къ прежнимъ обязанностямъ повиновенія».

Своей роли примирителя между козаками и поляками Адамъ Кисель не покидалъ и въ послѣдующія за тѣмъ польско-козацкія войны времени гетмана Богдана Хмельницкаго, но примирительныя намѣренія его нигдѣ не достигали цѣли: Адамъ Кисель не понималъ причинъ козацкаго движенія, а Богданъ Хмельницкій не понималъ идеаловъ польскихъ государственниковъ, для которыхъ не было «болѣе свободной страны, какъ Рѣчь-посполитая». Горько разочарованный въ своей политически-примирительной миссіи, Адамъ Кисель сошелъ въ могилу, по крайней мѣрѣ съ яснымъ сознаніемъ того, что онъ былъ истинно православный сынъ православной церкви, для которой онъ не щадилъ ни своихъ силъ, ни своихъ матеріальныхъ средствъ.

par des lenteurs et des atermoiements que nous puissions obtenir la plus sûre des victoires et la paix la plus solide... Soyons bons envers les rebelles, laissons leur le temps de revenir à eux mêmes et ils redeviendront soumis d'eux-mêmes.»

Adam Kissel garda encore son rôle de pacificateur pendant toutes les autres guerres des polonais et des cosaques de l'époque de Khmelnitsky, mais jamais ses intentions n'atteignaient leur but: Adam Kissel ne saisissait pas les causes du mouvement des cosaques, tandis que Bogdane Khmelnitsky, lui, ne pouvait saisir l'idéal des hommes d'état polonais qui ne connaissaient pas de «pays plus libre que la Pologne». Amèrement déçu dans sa mission politico-pacificatrice, Adam Kissel descendit du moins au tombeau avec la conscience d'avoir réellement été le fils orthodoxe de l'église orthodoxe, pour laquelle il n'avait épargné ni ses forces ni ses biens.

Полковникъ реестровыхъ малороссійскихъ полковъ.

Тысяча-двѣсти-сороковой годъ — замѣчательный годъ въ исторіи южной Россіи: въ этотъ годъ столица ея, славный городъ Кіевъ, завоевана была пришедшими изъ глубины Азіи дикими татарами. Съ тѣхъ поръ южная Русь, постепенно ослабѣвая и постепенно упадая, сдѣлалась достояніемъ сперва великихъ литовскихъ князей, а потомъ польско-литовскихъ королей. Въ 1362 году Кіевъ завоеванъ былъ великимъ княземъ литовскимъ Ольгердомъ Гедиминовичемъ, а въ 1569 году кіевское княжество съ другими областями, въ силу уніи, происшедшей между Литвой и Польшей и объявленной въ городѣ Люблинѣ, было отдѣлено отъ Литвы и присоединено непосредственно къ Польшѣ. Въ такомъ соединеніи съ Польшей Малая Русь находилась до времени гетмана Богдана Хмельницкаго, который, оторвавъ ее отъ польской Рѣчи-посполитой, въ 1654 году, присоединилъ къ Великой Россіи.

Въ теченіе литовско-польскаго періода въ Малой Россіи возникло и развилось козацкое сословіе, которое играло въ ней выдающуюся роль въ теченіе почти двухсотъ-пятидесяти лѣтъ. Поставленная, такъ сказать, на военное положеніе и обязанная своимъ существованіемъ козацкому сословію, Малая Русь и управлялась на народно-козацкихъ началахъ. Администрація, судоустройство, военные порядки въ Малой Россіи за все это время были мѣстные, и хотя на Украйну въ этомъ отношеніи не могла не влiять и Польша, но все же въ общемъ въ основаніи ихъ лежали чисто-народныя малороссійскія начала. Такъ, извѣстно, что въ XVI вѣкѣ польскій король Стефанъ Баторій пытался организовать малороссійское козачество и для того ввелъ такъ называемый реестръ или списокъ козаковъ, куда вошло 6 полковъ по 1000 семействъ въ каждомъ полку. Этимъ полкамъ даровано было право выбора военныхъ начальниковъ, т. е. старшого, асаула, судьи и писаря, а также право учрежденія собственнаго судебнаго трибунала въ городѣ Трехтемировѣ. Но такъ какъ въ этотъ реестръ попало всего лишь 6000 человѣкъ козаковъ и такъ какъ помимо реестровыхъ оставалась еще цѣлая масса козачества, которая должна была, по реформѣ Баторія, отойти къ крѣпостному сословію и признать надъ собой власть польскихъ пановъ, то это обстоятельство тотъ же часъ повело къ борьбѣ между нереестровыми козаками и польскими панами.

Эта борьба, приводившая не разъ козаковъ то къ побѣдамъ, то къ пораженіямъ, заставляла ихъ сплачиваться между собой и организоваться на свой собственный ладъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ вражда между поляками и козаками все болѣе и болѣе обострялась, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ козаки все больше и больше обособлялись отъ Польши. Когда же польское правительство къ первой причинѣ гоненія козаковъ прибавило еще новую причину, гоненіе за православіе, то тогда бой закипѣлъ во всѣхъ мѣ-

Le colonel des régiments réguliers petit-russiens.

Dans l'histoire de la Russie méridionale l'année 1240 est une date marquante, celle de la conquête de sa capitale, la glorieuse ville de Kiew, par les sauvages tatares venus du fond de l'Asie. A partir de ce moment la Russie méridionale s'affaiblit de plus en plus, déchut et devint la proie, d'abord des grands-ducs lithuaniens, ensuite des rois de Pologne et de Lithuanie. En 1362 Kiew tomba au pouvoir du grand-duc lithuanien Olgherd Guédiminovitch; en 1369 la principauté de Kiew, ainsi que d'autres provinces encore, après l'alliance survenue entre la Lithuanie et la Pologne, proclamée à Lublin, furent séparées de la Lithuanie et annexées à la Pologne. La Petite Russie fit ainsi partie de la Pologne jusqu'à l'époque de l'hetman Bogdane Khmelnitsky qui l'enleva à la Pologne et la réunit en 1654 à la Grande-Russie.

Pendant que la Petite-Russie était dans la dépendance lithuano-polonaise, apparut et se développa la classe des cosaques qui joua un rôle fort important pendant presque 250 ans. La Petite-Russie, placée pour ainsi dire sur un pied de guerre et qui devait son existence même aux cosaques, s'appuyait sur des principes nationaux et cosaques. Son administration, ses tribunaux, ses coutumes militaires conservèrent un caractère éminemment local, et bien que l'influence de la Pologne se fit naturellement sentir, la Petite-Russie garda ses principes nationaux. On sait, par exemple, qu'au XVI siècle le roi polonais, Stéphane Bathory, tenta d'organiser les cosaques en armée régulière et forma dans ce but 6 régiments réguliers de 1.000 familles chacun. On octroya à ces régimets le droit d'élire leurs chef, c'est à dire le doyen, le capitaine, le juge et le clerc, ainsi que le droit d'avoir leur propre tribunal dans la ville de Trekhtémirow. Mais comme en outre de ces 6.000 hommes il restait encore quantité de cosaques que la réforme de Bathory forçait de passer à la classe des serfs et de reconnaître le pouvoir des seigneurs polonais, cela provoqua immédiatement une lutte entre les cosaques non enrégimentés et les seigneurs polonais.

Cette lutte dans laquelle les cosaques avaient tantôt le dessus et tantôt le dessous, les força de se rallier entre eux et de s'organiser à leur façon. A mesure que le temps s'écoulait, l'hostilité des polonais et des cosaques s'exaspérait de plus en plus, et de plus en plus les cosaques s'éloignaient de la Pologne. Et lorsque, aux persécutions qu'il faisait endurer aux cosaques, le gouvernement polonais ajouta des persécutions contre l'orthodoxie, la guerre éclata dans tous les coins de la Petits-Russie, les cosaques s'emparèrent de l'autorité et organisèrent à leur manière l'administration, les tribunaux et les usages militaires pour toute l'Ukraine.

Cette lutte séculaire aboutit au détachement de la Petite-Russie de la Pologne et à son annexion à la Russie, accomplie par l'hetman Bogdane Khmelnitsky.

Le tsar russe, Alexis Mikhaïlovitch, en prenant l'Ukraine sous sa «haute protection», reconnut, par décret souverain, les formes de son organisation cosaque. «Nous, grand souverain, majesté impériale, avons octroyé notre faveur

стахъ Малой Россіи, и козачество, занявъ первенствующее мѣсто среди другихъ сословій, выработало совершенно своеобразные порядки въ администраціи, судоустройствѣ и военной сферѣ для всей Украйны.

Исходомъ этой вѣковой борьбы было отдѣленіе Малой Россіи отъ Польши и передача ея гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ Москвѣ.

Московскій царь Алексѣй Михайловичъ, принимая подъ свою «высокую руку» Украйну, даровалъ ей царскою грамотою подтвержденіе прежняго административно-судебно-козацкаго управленія. «Мы, великій государь, наше царское величество, подданного нашего Богдана Хмельницкого, гетмана войска запорожского, и все нашего царского величества войско запорожское пожаловали, велѣли имъ быть подъ нашею царского величества высокою рукою, по прежнимъ правамъ и привилегіямъ, каковы даны имъ отъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, и тѣхъ ихъ правъ и вольностей нарушивать ничѣмъ не велѣли, и судитися имъ велѣли отъ своихъ старшинъ по своимъ прежнимъ правамъ... О шляхтѣ благочестивой христіанской вѣры, которая въ Малороссіи обрѣтается, подтверждено тоже и дополнено, чтобъ старшинъ имъ себѣ на урядовые, земскіе и гражданскіе выбирать межъ себя».

Преемники царя Алексѣя Михайловича также подтверждали права и привилегіи малороссійскаго народа; но въ то же время явно стремились къ тому, чтобы постепенно урѣзывать эти права и привилегіи и поставить Малую Россію въ такое управленіе, какое существовало въ имперіи. Это послѣдовательное стремленіе закончилось сперва отмѣной, въ 1764 году, гетманства въ Малороссіи и, наконецъ, введеніемъ, въ 1783 году, крѣпостничества и объявленіемъ, въ 1785 году, указа о признаніи существованія малороссійскаго дворянства въ смыслѣ сословія.

Въ періодъ времени большей или меньшей независимости отъ Литвы, Польши и Великой Россіи Малороссія и выработала себѣ начала самоуправленія, большею частью на началахъ мѣстныхъ обычаевъ.

Весь обширный малороссійскій край былъ раздѣленъ въ административно-судебномъ и военномъ отношеніяхъ на нѣсколько полковъ, и центромъ каждаго полка назначенъ былъ извѣстный городъ съ обширной территоріей, къ нему прилегавшей. Первое заведеніе полковъ въ Малой Россіи приписываютъ польскому королю Стефану Баторію (1576—1586), который учредилъ 6 оффиціальныхъ полковъ для 6000 человѣкъ козаковъ. Такими полками были — черкасскій, каневскій, бѣлоцерковскій, корсунскій, чигиринскій и переяславскій. Въ началѣ XVII столѣтія, при гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ, число полковъ въ Малой Россіи возросло до 10. При гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ ихъ было 16, а послѣ Богдана Хмельницкаго, при его преемникахъ, всѣхъ полковъ было 24.

Рядомъ съ дѣленіемъ на полки вся Малороссія въ земскомъ отношеніи дѣлилась на повѣты или уѣзды. Но во время Богдана Хмельницкаго послѣднее дѣле-

à notre sujet Bogdane Khmelnitsky, hetman de l'armée zaporogue, et à toute l'armée zaporogue de notre majesté imperiale, leur ordonnant de se considérer dorénavant sous notre haute protection, d'après les anciens droits et priviléges qu'ils tiennent des rois polonais et des grands-ducs lithuaniens; nous avons interdit d'attenter à leurs droits et libertés et leur avons ordonné de conserver leurs formes anciennes de juridiction... Concédons les mêmes droits aux gentilshommes confessant la pieuse religion orthodoxe et habitant la Petite-Russie et leur accordons encore le droit d'élire parmi eux leurs doyens et syndics.»

Les successeurs du tsar Alexis Mikhaïlovitch, tout en confirmant les droits et privilèges du peuple petit-russien, manifestaient cependant une tendance à rogner progressivements ces droits et priviléges et à soumettre la Petite-Russie aux mêmes lois que tout l'empire. Cette tendance eut la pour premier résultat, la supression des hetmans dans la Petite-Russie, en 1764, puis en 1783 l'introduction du servage et en 1785 — la promulgation d'un édit reconnaissant la noblesse petite-russienne comme une classe à part.

Pendant la période plus ou moins prolongée où la Petite-Russie ne dépendait ni de la Lithuanie et de la Pologne, ni de la Grande-Russie, elle avait élaboré des principes d'autonomie, basés pour la plupart sur les éléments des usages locaux.

Tout le vaste pays petit-russien était divisé en plusieurs régiments, chaque régiment ayant pour centre une ville et tout le territoire qui l'avoisinait. L'introduction des régiments dans la Petite-Russie est attribuée au roi de Pologne, Stéphane Bathory (1576—1586) qui avait fondé 6 régiments réguliers de 6.000 cosaques, notamment: les régiments Tcherkassky, Kanevsky, Biélotserkovsky, Khersonsky, Tchiguirinsky et Péréïaslavsky. Au commencement du XVII siécle sous l'hetman Sagaïdatchny, ces régiments petit-russiens atteignirent jusqu'au nombre de 10, sous l'hetman Bogdane Khmelnitsky jusqu'au nombre de 16 et enfin, sous ses successeurs, leur nombre grandit jusqu'à 24.

La Petite-Russie ne se divisait pas seulement en régiments, mais encore en districts; mais à l'époque de Bogdane Khmelnitsky la seconde division n'avait que peu d'importance et c'est la division militaire qui l'emportait.

Le chef supérieur de toutes ces troupes était l'hetman. Puis venait le syndicat militaire qui se divisait en trois degrés: 1) syndicat militaire général, attaché à la personne de l'hetman; 2) syndicat de régiment, attaché au colonel et 3) syndicat de centaine, dirigé par le centenier.

Le syndicat général était composé d'un vaguemestre, de deux juges, d'un clerc, de deux capitaines, d'un cornette, d'un officier cosaque et d'un sous-trésorier. C'était là le pouvoir central de toute la Petite-Russie et les membres de ce syndicat, attachés à la personne de l'hetman, résidaient à Tchigurine, à Batourino ou à Gloukhovo, bref là où résidait l'hetman lui-même.

Les provinces de la Petite-Russie étaient gouvernées par le syndicat de régiment et le syndicat de çentaine. Le premier se composait d'un colonel, de deux juges militaires, d'un clerc, d'un capitaine et d'un cornette.

ніе было второстепеннымъ, и господствующимъ дѣленіемъ было первое.

Высшимъ начальникомъ надъ всѣми полками былъ гетманъ. За гетманомъ слѣдовала войсковая старшина. Вся войсковая старшина раздѣлялась на три степени: 1) войсковая генеральная старшина, состоявшая при особѣ гетмана; 2) полковая старшина, состоявшая при полковникѣ и 3) сотенная старшина подъ начальствомъ сотника.

Генеральную старшину составляли — одинъ обозный, двое судей, одинъ писарь, два асаула, одинъ хорунжій, одинъ бунчуковый и одинъ подскарбій. Всѣ эти лица составляли собой центральную власть для всего малороссійскаго края и жили при особѣ гетмана, т. е. или въ городѣ Чигиринѣ, или въ Батуринѣ, или въ Глуховѣ, смотря по тому, гдѣ жилъ самъ гетманъ.

Для управленія областей Малой Россіи существовала старшина, полковая и сотенная. Полковая старшина состояла въ каждомъ полку изъ одного полковника, двухъ полковыхъ судей, полкового писаря, асаула и хорунжаго.

Въ отношеніи генеральной войсковой старшины каждый полковникъ слѣдовалъ за послѣднимъ чиномъ ея; но въ отношеніи положенія въ области каждый полковникъ занималъ мѣсто тотчасъ послѣ гетмана. Каждый полковникъ въ своемъ полку былъ и военачальникъ и правитель гражданскихъ дѣлъ. Прежде всего онъ былъ командиръ полковой артиллеріи, потомъ главный правитель всѣхъ военныхъ и полицейскихъ дѣлъ, всѣхъ земскихъ нарядовъ, наконецъ главный начальникъ полковой канцеляріи. Вездѣ онъ занималъ мѣсто предсѣдателя и главноначальствующаго лица и, въ случаѣ выѣзда изъ полкового города, посылалъ отъ себя въ канцелярію полковую различныя предписанія. Вся полковая и сотенная старшина находилась подъ непосредственнымъ начальствомъ полковника. При всемъ томъ управленіе всѣхъ полковыхъ дѣлъ было не единоличное, не отъ полковника, а коллегіальное, отъ лица всей полковой старшины, по большинству голосовъ. До времени гетмана Богдана Хмельницкаго должность полковой, какъ и генеральной старшины большею частью была выборная, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда козаки, побитые поляками и стѣсненные ими до послѣдней крайности, лишались права избирать самолично старшину и принимали ее изъ рукъ поляковъ. При Богданѣ Хмельницкомъ полковники выбирались войскомъ и служили извѣстный срокъ; потомъ ихъ стали назначать гетманы и на всю жизнь; со времени гетмана Ивана Мазепы назначеніе лица на должность полковника зависѣло уже отъ московскаго правительства, и гетманъ только представлялъ кандидатовъ, а правительство утверждало того или другого изъ нихъ. Случалось, что въ полковники назначались лица и изъ генеральной войсковой старшины, но это дѣлалось весьма рѣдко и только съ особаго разрѣшенія царскаго величества. Въ 1763 г. каждому полковнику предоставлено было право, какъ воеводѣ, предсѣдательствовать въ гражданскомъ и уголовномъ судѣ

Comme grade, chaque colonel ne venait qu'après le membre le plus inférieur du syndicat militaire général; mais dans sa province le colonel venait immédiatement après l'hetman. Chaque colonel cumulait dans son régiment les fonctions de chef militaire et d'administrateur des affaires de l'intérieur. Il était avant tout le commandant de l'artillerie de l'armée, puis gérant principal de toutes les affaires militaires, de la police, de l'intérieur et enfin directeur de la chancellerie militaire. Il était président de tous les conseils, chef de toute la province et s'il lui arrivait de s'absenter de la ville centrale de son régiment, il expédiait tout de même des ordres à la chancellerie militaire. Tout le syndicat de régiment et celui de centaine se trouvaient sous la direction immédiate du colonel. Cependant la gestion des affaires militaires n'appartenait pas uniquement au colonel, mais à un collège militaire composé de tout le syndicat régimentaire et toute question était votée par la majorité des voix. Les membres des syndicat régimentaire et du syndicat militaire général étaient pour la plupart, jusqu'à l'époque de l'hetman Bogdane Khmelnitsky, élus par les cosaques eux-mêmes, excepté lorsque les cosaques, battus et opprimés par les polonais, se voyaient privés du droit d'élire leurs syndicats, imposés alors par les polonais. Sous Bogdane Khmelnitsky les colonels étaient élus par l'armée elle-même et à terme; plus tard ils furent nommés par les hetmans et à vie; à partir de l'hetman Jean Mazeppa, la nomination du colonel dépendit du gouvernement russe, l'hetman se bornant à présenter ses candidats parmi lesquels le gouvernement russe faisait le choix. Parfois on nommait colonel un des membres du syndicat militaire général, mais c'était une chose fort rare et il y fallait une autorisation spéciale du tsar. En 1763 tout colonel jouissait du droit, comme vayvode, de présider les tribunaux de sa province qu'il s'agit de cause civile ou criminelle. En cette même année, deux colonels de régiments petit-russiens qui passèrent au service de la Grande-Russie, furent promus au grade de général-major et sept colonels à celui de brigadier, d'où il ressort que le grade de colonel de régiment petit-russien équivalait au grade de brigadier de régiment russe. Chaque colonel possédait les insignes de son grade, — le drapeau du régiment et le bâton de commandement, — et un orchestre militaire.

при каждомъ полку. Въ этомъ же году два полковника малороссійскаго полка, при переходѣ на службу въ великороссійскіе полки, были произведены въ чинъ генералъ-маіоровъ, а семь полковниковъ—въ бригадиры, изъ чего слѣдуетъ, что полковникъ малороссійскихъ полковъ приравнивался къ чину бригадира великороссійскихъ полковъ. Всякій полковникъ имѣлъ при себѣ полковые клейноты или знаки—полковое знамя и перначъ—и имѣлъ полковую музыку.

Рушницы, копья, келепа, сабли, пистолеты, ятаганы и пороховницы.

Малороссійскій козакъ и воинъ, запорожскій козакъ и лыцарь—это такія понятія, которыя никогда не отдѣлялись одно отъ другого: если говорили о козакѣ, то разумѣли, что онъ непремѣнно воинъ, если говорили о запорожцѣ, то понимали, что онъ непремѣнно «лыцарь». Вся жизнь малороссійскихъ и въ особенности запорожскихъ козаковъ состояла въ борьбѣ съ поляками, турками, татарами и отчасти москалями. Такое положеніе дѣлало козаковъ весьма опытными въ военномъ дѣлѣ и распространило объ нихъ славу даже между государями Западной Европы. Само собою разумѣется, что козаку, какъ воину, кромѣ личныхъ качествъ и боевой школы, нужно было имѣть и соотвѣтствующія оружія, чтобы побѣждать своихъ непріятелей. Можно съ увѣренностью сказать, что у козаковъ имѣлись въ распоряженіи всѣ типы боевого оружія, какіе были въ употребленіи въ свое время у поляковъ, турокъ, татаръ, москалей, волоховъ, сербовъ, черногорцевъ.

Изъ всѣхъ оружій самымъ распространеннымъ оружіемъ, кромѣ пушекъ, у нихъ были: рушницы, копья, келепа, сабли, пистоли и ятаганы.

Рушницы (отъ слова «рука»), иначе самопалы, мушкеты или ружья употреблялись у козаковъ всевозможныхъ видовъ; но большею частью онѣ имѣли длинные стволы и дорогія ложи, оправленныя серебромъ съ насѣчками и чернью; изъ нихъ стрѣляли, какъ было обычно въ то время, посредствомъ пороха, положеннаго на полку, и кремня, прилаженнаго къ полкѣ и къ курку. По единогласному свидѣтельству современниковъ, козаки дѣйствовали рушницами въ совершенствѣ, стрѣляя изъ нихъ на довольно значительномъ разстояніи и очень мѣтко попадая въ цѣль. Судя по цѣнамъ половины XVIII вѣка на предметы вооруженія и предметы первой необходимости, рушницы продавались отъ 2 до 5, иногда до 8 рублей за штуку, что для тогдашняго времени было довольно высокой цѣной. Изъ сохранившихся въ частныхъ собраніяхъ козацкихъ древностей видно, что большинство рушницъ польскаго и турецкаго или, точнѣе сказать, восточнаго издѣлія, хотя рядомъ съ рушни-

Arquebuses, lances, marteaux d'armes, pistolets, yatagans et poires à poudre.

Cosaque petit-russien, cela signifiait: soldat et paladin. Ces deux notions demeuraient inséparables et du moment qu'on parlait d'un cosaque, — on sous entendait: soldat; si on parlait de zaporogue, on sous entendait paladin. Toute l'existence des cosaques zaporogues, n'était qu'une lutte perpétuelle avec les polonais, les turcs, les tatares, quelquefois les russes. Aussi les cosaques étaient devenus des guerriers émérites dont la renommée parvint même, jusqu'aux oreilles des souverains de l'Europe occidentale. Il est évident qu'en outre de leurs capacités militaires et de leur science stratégique, les cosaques devaient posséder encore des armes appropriées à leur genre d'existence. On peut affirmer hardiment que les cosaques étaient pourvus de tous le types d'armes usités à cette époque chez les polonais, les turcs, les tatares, les russes, les valaques, les serbes et les monténégrins.

Les armes les plus répandues étaient, sans compter les canons, les arquebuses, les lances, les marteaux d'armes, les sabres, les pistolets et les yatagans.

Les arquebuses, ou mousquets, ou fusils de cosaques, étaient de formes très variées, mais pourvus pour la plupart de longs canons et de riches montures en argent damasquiné et niellé; pour tirer, ainsi que cela se pratiquait alors, on mettait de la poudre sur le bassinet et on enflammait la poudre à l'aide d'un briquet. Les contemporains s'accordent à certifier que les cosaques se servaient des arquebuses dans la perfection, tirant d'assez loin et avec une grande précision. Étant donné le prix des armes et des objèts de première nécessité à la mortié du XVIII siècle, les arquebuses se vendaient assez cher pour l'époque; leur prix variait de 2 à 5 roubles, parfois jusqu'à 8 roubles pièce. D'après les pièces anciennes, conservées dans des collections de particuliers, on peut voir que la plupart des arquebuses étaient de fabrication polonaise et turque ou plutôt orientale, bien qu'on trouve aussi des arquebuses de fabrication russe (de Toula), et petite-russienne. Les pistolets avaient la même forme, mais ils étaient plus petits et à canons plus «larges». Chaque cosaque portait sur lui quatre pistolets, deux à la ceinture et deux dans des étuis en cuir, cousus extérieurement à ses larges pantalons.

цами восточнаго издѣлія имѣются рушницы издѣлія русскаго (въ Тулѣ) и собственнаго.

Въ такомъ-же видѣ, только меньше размѣрами, обыкновенно до пяти четвертей длины, съ «просторными» дулами, были и пистолеты, называвшіеся у козаковъ «пистолями». Каждый козакъ имѣлъ при себѣ четыре пистолета и носилъ два изъ нихъ за поясомъ, а два въ кожаныхъ кобурахъ, пришитыхъ снаружи къ шароварамъ.

Ружьями, пистолетами да саблями козаки очень любили щеголять, и потому, обращая на нихъ особенное вниманіе, придавали имъ дорогую оправу и украшенія и всегда старались держать ихъ въ большой чистотѣ, отчего и сложилось у нихъ выраженіе «ясная зброя» (т. е. ясное оружіе). «Оружіе у нихъ все было убрано въ золото да въ серебро, на оружіе они все богатство свое покладали: то и не козакъ, коли у него скверное оружіе», говорилъ очевидецъ, 116-лѣтній козакъ Россолода. Только въ виду походовъ козаки смачивали ружья и пистолеты разсоломъ, чтобы дать имъ ржавчину и не заставлять «играть вражеское око на ясной зброѣ».

Копья или списы также были въ большомъ употребленіи у козаковъ: «козакови безъ ра́тыща, якъ дивчыни безъ намыста». Изъ сохранившихся до нашего времени копій видно, что всѣ ратища или древка къ нимъ (отъ слова «рать, ратовать») дѣлались изъ тонкаго и легкаго дерева, въ 5 аршинъ длины, окрашеннаго спиралью красною и черною краскою и имѣющаго на верхнемъ концѣ желѣзное копье, обыкновенно 5 вершковъ длины (были больше и меньше), и на нижнемъ двѣ небольшія, одна ниже другой, дырочки для ременной петли, надѣваемой на ногу всадника. На нѣкоторыхъ ратищахъ дѣлалась еще желѣзная перепонка близъ копья для того, чтобы проткнутый копьемъ непріятель сгоряча не просунулся по копью до самыхъ рукъ козака и не схватился съ нимъ снова драться: часто случалось, что иному непріятелю и животъ распорютъ, а у него и кровь не брызнетъ, онъ даже и не замѣчаетъ того и попрежнему продолжаетъ лѣзть въ драку; тогда, при помощи перепонки, такого горячаго непріятеля легко отстранить отъ себя, повергнувъ его на землю. Иногда копья дѣлались у козаковъ съ остріями на обоихъ концахъ для того, чтобы можно было ими «и сюда и туда класть непріятелей». Часто у козаковъ копья служили, во время переходовъ черезъ болота, готовымъ матеріаломъ для сооруженія мостовъ: когда козаки обыкновенно дойдутъ до топкаго мѣста, то сейчасъ же кладутъ, одинъ за другимъ, два ряда копій—въ каждомъ ряду копье вдоль и поперекъ,—и по тѣмъ копьямъ, какъ по мосту, переходятъ болото; пройдя черезъ одинъ рядъ копій, сейчасъ же становятся на другой и снимаютъ первый, изъ котораго мостятъ третій рядъ, да такъ и перебираются черезъ все болото.

Копья несомнѣнно заимствованы козаками съ востока, такъ какъ этого рода оружіе извѣстно было татарамъ XIII и XIV вѣка, какъ это извѣстно изъ сочиненія о татарахъ Марко Поло и автобіографіи Тамерлана. Наконецъ, татарскіе козаки, которые стали

Les cosaques aimaient à faire parade de leurs fusils, pistolets et sabres; aussi leurs armes étaient l'objet d'une attention particulière, on les montait et damasquinait richement, les entretenant dans la propreté la plus minutieuse. De là vient l'expression «d'armes luisantes». «Leurs armes étaient toutes enrichies d'or et d'argent, ils dépensaient toute leure fortune en armes; un cosaque dont les armes sont défectueuses n'est pas un vrai cosaque», dit un témoin oculaire, le cosaque Rossoloda, un vieillard de 116 ans. Mais lorsqu'il s'agissait de se mettre en campagne, les cosaques humectaient leurs fusils et leurs pistolets avec de la saumure, afin de les rouiller et d'empêcher «l'oeil de l'ennemi de distinguer le luisant des armes».

Les lances ou les piques étaient également fort usitées chez les cosaques: «un cosaque sans lance c'est comme une fille sans collier». A en juger d'après les lances qu'on trouve dans les collections, leurs hampes étaient faites en bois fin et léger; elles avaient 5 archines de longueur, étaient peintes en spirales, rouges et noires et se terminaient par une pique de fer ayant ordinairement 5 verchoks de longueur, (il y en avait aussi de plus petites); au bas de la hampe on perçait deux petits trous à quelque distance l'un de l'autre dans lesquels on passait une courroie formant un noeud où le cavalier passait son pied. Quelquefois les hampes étaient encore pourvues d'une membrane de fer près de la pique, afin que l'ennemi, transpercé par la lance, ne glissât pas dans le feu de l'action le long de la hampe jusqu'an bras du cosaque et ne pût engager une lutte corps à corps, car souvent, ayant déjà le ventre décousu, mais le sang ne jaillissant pas de sa blessure, il continuait à vouloir se battre; la membrane de fer permettait d'écarter facilement un ennemi trop bouillant en le renversant sur le sol. Parfois les lances cosaques étaient pourvues de piques aux deux extrémités, afin qu'on pût «transpercer l'ennemi d'outre en outre». Souvent les cosaques, ayant à traverser des marais, se servaient de leurs lances pour les passer: ils posaient sur la surface marécagenses leurs lances en deux rangées, l'une en longueur, l'autre en largeur et traversaient ensuite le marécage sur ce pont mouvant; une rangée traversée, ils s'arrêtaient sur la seconde et enlevaient la première pour la replacer ensuite en avant et ainsi de suite, jusqu'à ce que tout le marécage fût passé.

C'est indubitablement à l'orient que les cosaques ont emprunté les lances, car ce genre d'armes était connu des tatares au XIII et XIV siècles, ainsi qu'on le lit dans l'ouvrage de Marco Polo sur les tatares et dans l'autobiographie de Tamerlan. Enfin les cosaques tatares que le midi russe connut avant les cosaques petit-russiens, étaient toujours armés de lances.

Les sabres des cosaques n'étaient pas très recourbés, (tandis que ceux des turcs l'étaient excessivement), et d'une longueur moyenne, mais en revanche solides et bien aiguisés: «d'un seul coup il coupe un homme en deux, et les deux moitiés de la tête roulent de deux côtés différents». Les lames des sabres étaient protégées par des fourreaux en bois, tendus de cuir ou ornés de métal, dont la poignée avait souvent pour ornement un animal ou un oiseau sculpté dans le bois; souvent les lames étaient damasquinées d'or. Les sabres se portaient ordi-

извѣстны на нашемъ югѣ раньше русскихъ козаковъ, всегда были вооружены копьями.

Сабли употреблялись у козаковъ не особенно кривыя (у турокъ онѣ были очень кривыя) и не особенно длинныя, средней длины 5 четвертей, но зато доброкачественныя и очень острыя: «какъ рубнетъ кого, то такъ надвое и разсѣчетъ—одна половина головы сюда, а другая туда». Лезвія сабель вкладывались въ деревянныя, обшитыя кожей или обложенныя металломъ «пихвы» (отъ слова «пихать», вкладывать) или ножны, украшенныя нерѣдко на концѣ рукоятки какимъ-нибудь вырѣзаннымъ изъ дерева звѣремъ или птицей; на самыхъ лезвіяхъ часто дѣлались золотыя насѣчки. Обыкновенно сабли носились у лѣваго бока и привязывались посредствомъ двухъ колецъ, одного выше, другого ниже средины, узенькимъ ремнемъ подъ поясъ. Сабля считалась столь необходимою для козака, что въ пѣсняхъ козацкихъ она называется всегда «шаблею-сестрыцею, ненькою риднёнькою, панночкою молоденькою».

«Ой, па́нночка на́ша шаблюка!
Зъ бусурме́номъ зустрѣвалась,
Не разъ не два цилува́лась».

Какъ истинный «лыцарь», козакъ саблю предпочиталъ всякому оружію, особенно пулѣ, и называлъ ее «чеснымъ оружіемъ».

Келепа или боевые молотки, чеканы—ручное оружіе, состоящее изъ деревянной, въ 1 аршинъ длины, ручки съ желѣзнымъ на одномъ концѣ молоткомъ, имѣвшимъ съ одной стороны тупой обушокъ, съ другой острый носъ. Какъ боевое оружіе, келепа употреблялись въ Россіи, напримѣръ, у «воровскихъ» козаковъ Стеньки Разина, одновременно съ этимъ у турокъ въ XVII вѣкѣ и у малороссійскихъ козаковъ. «Сегожъ де, государь, числа (3 сентября: 1658 года) въ ночи пришли въ село Крупецъ изъ Глухова черкасы (т. е. черкасскіе или малоросскіе козаки) пѣши и его (драгуна Ваньку Кондратова) били и мучили: битъ онъ чеканомъ по головѣ и рука правая отшиблена». Въ народно-козацкихъ думахъ также говорится о келепѣ, какъ боевомъ оружіи:

«А козакъ коза́чій звычай знає—
Ке́леномъ по ре́брахъ торка́є».

Келепъ или чеканъ, какъ боевое оружіе, извѣстенъ былъ и полякамъ: такъ, въ 1620 году шляхтичъ Пекарскій ранилъ короля Сигизмунда III, при входѣ его въ костелъ, чеканомъ или келепомъ. Но и поляки и козаки могли заимствовать это оружіе у татаръ, такъ какъ келепа несомнѣнно восточнаго происхожденія. Это видно изъ того, что они употреблялись, какъ холодное оружіе, съ давнихъ временъ у киргизовъ и трухменцевъ средней Азіи. Объ употребленіи молота, какъ боевого оружія, упоминаетъ также Тамерланъ, въ XIV вѣкѣ, въ своей автобіографіи. На рисункѣ керченской вазы съ изображеніемъ охоты персидскаго царя Дарія и на серебряной столовой вазѣ, найденной на берегу р. Прута и относимой къ I вѣку по Р. Х., представлены воины съ боевыми мо-

nairement à gauche et s'attachaient au moyen de deux anneaux superposés, auxquels était fixée une étroite courroie qu'on passait sous la ceinture. Le sabre était une chose tellement indispensable pour un cosaque que les chansons même l'appellent «ma soeur, ma mignonne, jeune demoiselle» *):

«Oï, notre jeune demoiselle
«Tu as souvent rencontré l'infidèle,
«Tu t'es souvent choquée contre lui».

En sa qualité de «paladin» le cosaque préférait le sabre à toute autre arme, surtout à l'arme à feu et la qualifiait d'«arme loyale».

Le marteau d'armes se compose d'un manche en bois, long d'une archine, terminé à l'un de ses bouts par un marteau de fer, émoussé d'un bout et tranchant de l'autre. Les marteaux d'armes étaient employés au XVII siècle en Russie par les cosaques «brigands» de Stenka Razine, en même temps que par les turcs et par les cosaques petit-russiens. «Ce jourd'hui seigneur (le 3 septembre 1658), sont venus de Ploukhovo au bourg Kroupetz des cosaques du régiment Tcherkassky pendant la nuit, à pied, et ils l'ont frappé (il s'agit d'un dragon, Jean Kondratoff), et mutilé: on lui a donné des coups de marteau d'armes sur la tête et cassé le bras droit». Les légendes cosaques parlent également du marteau d'armes:

«Et le cosaque qui connaît la coutume cosaque
«Lui brise les côtes à coups de marteau d'armes».

Les polonais connaissaient également le marteau d'armes: en 1620 par exemple, le hobereau Pekarsky blessait le roi Sigismond III, à son entrée dans la chapelle, avec un marteau d'armes. Mais les polonais, tout comme les cosaques, ont pu emprunter cette arme—là aux tatares, car elle est indubitablement d'origine orientale: dans l'antiquité déjà les Kirghiz et les turcomans de l'Asie centrale se servaient de marteaux d'armes comme armes blanches. Tamerlan, dans son autobiographie mentionne déjà le marteau d'armes au XIV siècle. On trouve parmi les peintures d'un vase de Kertch qui représentent la chasse du roi de Perse Darius et parmi les ciselures d'un surtout de table en argent, découvert au bord du Prout et attribué au I siècle de l'ère chrétienne, des figures de guerriers armés de marteax d'armes ressemblant à ceux des cosaques. Les meilleurs spécimens des marteaux d'armes orientaux se trouvent dans la collection des Armes de l'Asie centrale de l'ancien gouverneur de la province Transcaspienne, lieutenant général Kouropatkine; c'est pendant les campagnes du Kokhand et de Khiva que ces spécimens ont été collectionnés.

L'historien militaire Zeddeler affirme que les cosaques se servaient des marteaux d'armes pour fendre les armures des ennemis. Un autre, Kokovsky, prétend que les cosaques n'employaient les marteaux d'armes que comme armes auxiliares, en de rares occasions seulement, surtout contre les tatares, notamment «lorsque les combattants venant aux mains, se confondaient tellement qu'il devenait dan-

---

*) Le sabre est en russe du genre féminin.

Note de la traductrice.

лотками, похожими на келепа. Лучшіе образцы восточныхъ келеповъ собраны въ коллекціи средне-азіатскихъ оружій бывшаго начальника Закаспійской области, генералъ-лейтенанта А. Н. Куропаткина: всѣ они добыты во время коканскаго и хивинскаго походовъ.

По объясненію военнаго историка Зеделлера, келепа употреблялись козаками для разбиванія непріятельскихъ доспѣховъ. По мнѣнію В. Коховскаго, келепа служили у козаковъ лишь, какъ вспомогательное оружіе и употреблялись въ рѣдкихъ случаяхъ, главнымъ образомъ противъ татаръ, именно «когда воюющіе перемѣшивались въ рукопашномъ бою до такой степени, что опасно было стрѣлять, во избѣжаніе нанесенія вреда своимъ же».

Ко всему описанному вооруженію козаковъ надо прибавить еще такъ называемые желѣзные якорьцы, или рогули, иначе по-великороссійски—чесноки,—подобіе куриной лапы съ четырьмя острыми желѣзными когтями, для вгораживанія въ копыта непріятельскихъ лошадей; потомъ ятаганы, ножи, кинжалы и въ рѣдкихъ случаяхъ панцыри и кольчуги.

Для ношенія пороха у козаковъ употреблялись рога, лядунки и череса. Пороховые рога извѣстны съ очень давнихъ временъ, судя по тому, что уже на войсковой печати, данной козацкому войску польскими королями Сигизмундомъ I и Стефаномъ Баторіемъ, изображенъ козакъ съ мушкетомъ, копьемъ и рогомъ за поясомъ. Въ болѣе позднія времена козаки стали носить такъ называемыя лядунки для готовыхъ патроновъ и сумки для кремней и пуль. Лядунки употреблялись козаками различныхъ достоинствъ и видовъ: костяныя, металлическія, кожаныя, въ видѣ тыквъ, сердецъ, фляжекъ и т. п.; онѣ во множествѣ сохранились до нашего времени и наполняютъ собой частные музеи собирателей козацкихъ древностей.

Кромѣ того, козаки употребляли еще кожаные съ пряжками череса, которые они носили на груди, наполняя ихъ въ два или три ряда патронами съ пулями и порохомъ, подобно патронташамъ нашего времени. Такіе череса отдѣлывались нерѣдко серебряными съ чернью бляхами и обвѣшивались—большимъ, обложеннымъ серебромъ, рогомъ для пороха, стальнымъ съ отворкою мусатомъ или огнивомъ, сафьяновымъ для пуль гаманомъ или мѣшечкомъ съ серебрянымъ черкесскимъ шнуркомъ или гайтаномъ.

Всѣмъ описаннымъ оружіемъ козаки владѣли съ изумительнымъ искусствомъ, такъ что, по словамъ малороссійскаго лѣтописца Григорія Грабянки, и «наилучшій польскій гусаринъ и рейтаринъ примѣренъ имъ быти не можетъ».

gereux de tirer, car on risquait de tuer ses propres compatriotes».

A toutes ces armes cosaques il convient d'ajouter encore les fourches de fer ressemblant à une patte de poule à quatre griffes aiguës, destinées à être enfoncées dans les sabots des chevaux ennemis; viennent ensuite les yatagans, les couteaux, les poignards. Les cuirasses et les cottes de mailles ne s'employaient que rarement.

Les cosaques portaient la poudre dans des gibernes, des cornes, et des poires à poudre. Les cornes à poudre étaient pareilles à celles de l'antiquité, si on en juge d'après le sceau militaire, octroyé à l'armée cosaque par les rois polonais. Sigismond I et Stéphane Bathory, sceau orné d'une figure de cosaque muni d'un mousquet, d'une lance et d'une corne à poudre fixée à la ceinture. Plus-tard les cosaques portèrent ce qu'on appelle des cartouchiers pour les cartouches toutes prêtes et des gibernes pour les briquets et les balles. Les gibernes des cosaques étaient de matières et de formes diverses: il y en avait en os, en métal, en cuir, en forme de potirons, de coeur, de petit baril, etc.; elles se sont conservées en quantité et elles remplissent les musées privés des collectionneurs de l'antiquité cosaque.

Les cosaques avaient encore des poires à poudre en cuir et à boucles qu'ils portaient sur la poitrine et qu'ils garnissaient de deux ou trois rangées de cartouches toutes faites, comme dans nos gibernes modernes. Ces poires à poudre étaient souvent ornées de plaques en argent niellé; on s'accrochait encore sur la poitrine une grande corne à poudre ornée d'argent, un briquet en acier, un petit sac à balles en maroquin à cordon tcherkesse en argent.

Les cosaques se servaient de tout cet attirail guerrier avec un art si consommé que l'historien petit-russien Grégoire Grabianka prétend que «nul hussard et cavalier émérite polonais ne saurait leur être comparé»

Уманскій сотникъ Иванъ Гонта.

Имя сотника Ивана Гонты тѣсно связано съ событіемъ, которое произошло въ правобережной или польской Украйнѣ въ половинѣ XVIII вѣка и которое носитъ названіе «Колiивщины» или «Уманской рѣзни». Причины этого событія—тотъ экономическій и въ

Jean Honta, centenier d'Oumane.

Le nom du centenier Jean Honta est étroitement lié à un épisode historique de la moitié du XVIII siècle, épisode qui eut lieu dans l'Ukraine de la rive droite, dite l'Ukraine polonaise, et qui est connu sous le nom du «massacre

особенности религіозный гнетъ, въ которомъ очутилась правобережная Украйна подъ властью Польши съ половины XVIII вѣка. Еще въ 1667 г., по андрусовскому миру между Россіей и Польшей, Украйна лѣваго берега Днѣпра отошла къ Россіи, а Украйна праваго берега Днѣпра (кромѣ Кіева) отошла къ Польшѣ. Это раздѣленіе не принесло счастья лѣвобережной Украйнѣ и еще менѣе принесло счастья правобережной. Въ лѣвобережной Украйнѣ продолжалась прежняя рознь между простою чернью и козаками, между козаками и «значными», при чемъ «значное» козачество съ образованнымъ мѣщанствомъ тянуло къ Польшѣ, а незначное съ чернью тянуло къ Россіи. Въ правобережной Украйнѣ къ такому же точно явленію прибавилось еще третье: образовалась партія лишь съ гетманомъ Петромъ Дорошенкомъ во главѣ, которая хотѣла отдать Украйну турецкому султану на правахъ вассальнаго княжества для того, чтобы сохранить въ большей или меньшей степени ея внутреннее самоуправленіе. Доведенная до крайней степени разоренія, польская Украйна (область между Днѣпромъ и Днѣстромъ), по миру 1680 года, между Россіей, Турціей и Польшей, въ качествѣ нейтральной области, была обращена въ пустыню съ выведеніемъ изъ нея всѣхъ дотолѣ находившихся въ ней войскъ и съ упраздненіемъ всѣхъ бывшихъ въ ней крѣпостей. Но когда такое рѣшеніе состоялось относительно польской Украйны, въ это самое время въ русской Украйнѣ дѣйствовалъ гетманъ Иванъ Мазепа, усиленно проводившій въ своей области польско-панскіе принципы и тѣмъ самымъ сильно стѣснявшій низшее населеніе края. Подавляемое Мазепой, низшее населеніе начало искать спасенія въ бѣгствѣ и потянуло на правый берегъ Днѣпра. Скоро въ правобережной Украйнѣ явились поселки и завелись полки, во главѣ которыхъ сталъ знаменитый хвастовскій полковникъ Семенъ Палій, выступившій самымъ горячимъ защитникомъ интересовъ низшаго населенія Украйны. Но гетманъ Мазепа коварствомъ захватилъ въ свои руки Палія и завладѣлъ правобережной Украйной, отдавъ ее подъ скипетръ русскаго царя Петра.

Но это обладаніе правобережною Украйной со стороны Россіи продолжалось на сей разъ всего лишь 7 лѣтъ, съ 1704 по 1711 годъ: вслѣдствіе неудачнаго похода царя Петра въ предѣлы Турціи, въ 1711 году, правобережная Украйна, по прутскому миру, вновь отошла къ Польшѣ, а населеніе ея переселено на лѣвобережную Украйну.

Получивъ въ свои руки вторично правобережную Украйну, Польша нѣкоторую часть ея земель сдѣлала коронною, и бо́льшую часть роздала шляхетскому сословію. Шляхтичи, нуждаясь въ рабочихъ рукахъ, начали привлекать на свои земли крестьянъ, объявляя имъ «слободу» (т. е. свободу или льготу) отъ податей на извѣстные сроки, отъ 10 до 25 лѣтъ и болѣе. Тогда многіе изъ крестьянъ, до крайности стѣсненные помѣщиками въ центральныхъ областяхъ Польши и Литвы, потянулись на новыя и свободныя отъ податей земли и скоро заселили весь край «слободами». Но по мѣрѣ заселенія края сроки сво-

d'Oumane». Il fut provoqué par le joug économique et religieux sous lequel la Pologne faisait gémir l'Ukraine de la rive droite depuis la moitié du XVIII siècle. Depuis la paix d'Androussovo, conclue entre la Russie et la Pologne en 1667, l'Ukraine de la rive gauche du Dniéper était passée à la Russie, tandis que celle de la rive droite (Kiew excepté) était à la Pologne. Ce partage ne porta guère bonheur à l'Ukraine de la rive gauche et encore moins à celle de la rive droite. Dans l'Ukraine de la rive gauche régnait une discorde perpétuelle entre la populace et les cosaques, et entre les simples cosaques et les cosaques à «guidon»; pendant que les cosaques à «guidon», de compagnie avec la bourgeoisie éclairée, tiraient du côté de la Pologne, les simples cosaques et la populace penchaient vers la Russie. Le même phénomène se produisit dans l'Ukraine de la rive droite et il s'y forma encore un autre parti, ayant en tête l'hetman Pierre Dorochenko qui voulait faire de l'Ukraine une principauté vassale, soumise au Sultan turc, parce que cette solution aurait permis de conserver plus ou moins l'autonomie intérieure du pays. Ruinée de fond en comble, l'Ukraine polonaise, (province entre le Dniéper et le Dniéster), fut, de par le traité de paix signé en 1680 entre la Russie, la Turquie et la Pologne,—transformée, comme pays neutre, en un vrai désert: on en fit sortir toutes les troupes et on supprima toutes les vieilles forteresses. Pendant que cela s'accomplissait dans l'Ukraine polonaise, dans l'Ukraine russe Jean Mazeppa s'évertuait à introduire dans sa province les principes de la féodalité polonaise, vexant violemment la population du pays. Opprimé par Mazeppa, le peuple chercha son salut dans la fuite et tira du côté de la rive droite du Dniéper. Bientôt on vit surgir dans l'Ukraine de la rive droite des petits villages et des régiments, ayant à leur tête le fameux colonel Siméon Paliï qui se manifesta comme le champion les plus ardent des intérêts du peuple. Mais l'hetman Mazeppa, à l'aide d'une ruse, fit Paliï prisonnier et s'empara de l'Ukraine de la rive droite qu'il remit sous le sceptre du tsar russe Pierre.

Mais cette fois-ci, la Russie ne posséda l'Ukraine de la rive droite que pendant 7 ans, de 1704 à 1711: à la suite de la campagne manquée du tsar Pierre en Turquie, en 1711, et selon le traité de paix signé à Prout, l'Ukraine de la rive droite fut de nouveau rendue à la Pologne et sa population fut transférée dans l'Ukraine de la rive gauche.

L'ayant retrouvée, la Pologne convertit une partie du territoire de l'Ukraine de la rive droite en domaines de l'état et en distribua la majeure partie à la noblesse polonaise. Ayant besoin de laboureurs, les seigneurs se mirent à attirer dans leurs terres les paysans, leur promettant de les «exempter» de toute contribution pendant 10 à 25 ans et même plus. Quantité de paysans qui gémissaient sous le joug des propriétaires fonciers dans les provinces centrales de la Pologne et de la Lithuanie, vinrent peupler ces nouveaux terrains, exempts des contributions et quantité de villages couvrirent bientôt tout le pays. Mais, à mesure que le pays se peuplait, les délais des exemptions diminuaient progressivement, en même temps que les immunités mêmes des paysans; aussi la masse rurale de l'Ukraine polonaise se trouvaitelle vers le milieu

боды постепенно сокращались и вмѣстѣ съ тѣмъ урѣзывались всякія льготы для крестьянъ, такъ что къ половинѣ XVIII вѣка крестьянская масса оказалась въ польской Украйнѣ въ такомъ же точно закрѣпощенномъ состояніи, какъ и въ центральныхъ областяхъ Рѣчи-посполитой.

Такое тягостное положеніе вызвало цѣлый рядъ открытыхъ возстаній со стороны южнорусскаго населенія въ польской Украйнѣ въ 1734, 1750, 1764 и, наконецъ, въ 1768 году разразилось «Уманской рѣзней». Эти-то возстанія крестьянъ въ правобережной Украйнѣ и называются въ исторіи гайдамаччиной, каковое названіе несомнѣнно заимствовано отъ татарскаго слова «гайдамакъ», что значитъ на русскій языкъ «идти, бросаться впередъ» (*гайда*—корень глагола и *мак*—окончаніе, какъ *бир-мак*—брать, *кукля-мак* процвѣтать и т. п.).

Къ этой первой причинѣ возстанія, экономической, присоединилась и другая, религіозная, которая придала возстанію характеръ страшной ожесточенности со стороны православнаго населенія по отношенію къ панамъ-католикамъ и ихъ всегдашнимъ пособникамъ въ дѣлѣ угнетенія народа, евреямъ.

Трудно себѣ представить, чтобы въ XVIII вѣкѣ, въ вѣкъ просвѣщенія въ Западной Европѣ, въ вѣкъ особеннаго полета философіи и широкой пропаганды о вѣротерпимости, могло существовать такое гоненіе на православную вѣру, какое было воздвигнуто поляками на нее въ это время въ заднѣпровской Украйнѣ. Хотѣлось бы вовсе не вѣрить въ возможность тѣхъ насилій, какія допускались христіанами, хотя бы то и католиками, въ отношеніи христіанъ православной вѣры; но самые факты, голые, протокольные, безпристрастные и неподверженные сомнѣнію, говорятъ о невѣроятныхъ насиліяхъ со стороны католиковъ надъ православными въ польской Украйнѣ. Достаточно познакомиться съ жизнью и дѣятельностью архимандрита чигиринскаго Мотронинскаго монастыря, Мелхиседека Значко-Яворскаго, чтобы видѣть, какимъ ужасамъ, какимъ насиліямъ и издѣвательствамъ подвергался этотъ человѣкъ, управлявшій съ 1753 года Мотронинскимъ монастыремъ, и какія муки терпѣли, заодно съ архимандритомъ, православные священники, иноки и простые міряне, выступавшіе открытыми защитниками своей вѣры (Лебединцевъ, Архимандритъ Мелхиседекъ Значно-Яворскій, Кіевъ, 1861).

Едва только польскіе паны «пообсѣдали» заднѣпровскую Украйну, едва они раздѣлили ее на губерніи, едва православные переселенцы успѣли утвердиться на новыхъ мѣстахъ, какъ тотъ же часъ обнаружены были явныя стремленія со стороны польскихъ помѣщиковъ вмѣшательства въ вѣрованія крестьянъ, а со стороны католическихъ ксендзовъ и уніатскихъ поповъ выказаны были открытыя стремленія къ католической и уніатской пропагандѣ. При чемъ самая пропаганда понималась не въ смыслѣ мирной проповѣди католическихъ патеровъ, а въ смыслѣ, «гвалтовнаго», т. е. насильственнаго обращенія православныхъ приходовъ въ уніатскіе или, какъ выразился въ своемъ донесеніи переяславскому епископу Герва-

du XVIII siècle, dans le même était de servage que dans les provinces de la Pologne.

Cette dure situation eut pour résultat toute une série de révoltes ouvertes de la part de la population russe méridionale de l'Ukraine polonaise en 1734, 1750, 1764, qui aboutirent en 1768 au «massacre d'Oumane.»

A cette première cause de soulèvement, cause économique, s'en joignit une autre, religieuse celle-ci, qui prêta à la révolte un caractère d'âpre acharnement, car la population orthodoxe était exaspérée contre les seigneurs catholiques et contre les juifs qui les aidaient toujours dans leurs persécutions contre le peuple.

On s'imagine difficilement qu'en plein XVIII siècle, siècle de civilisation pour l'Europe occidentale, siècle de haute philosophie et de propagande de tolérance religieuse pût être exercée une persécution du genre de celle que les polonais exerçaient à cette époque contre la religion orthodoxe dans l'Ukraine polonaise. On voudrait ne pas croire à la possibilité même de persécutions comme celles que faisaient endurer des chrétiens catholiques à des chrétiens orthodoxes; mais les faits sont là, précis, impartiaux, authentiques, qui relatent les incroyables violences contre les orthodoxes, auxquelles se livrèrent les catholiques dans l'Ukraine polonaise. Il suffit d'étudier la vie et l'activité de l'archimandrite du couvent Motroninsky à Tchiguirine, Melchissédec Znatchko Javorsky, pour voir quelles violences et quels outrages avait subi cet homme qui dirigeait ce couvent depuis 1753, ainsi que les supplices infligés en même temps aux prêtres russes orthodoxes, aux moines et aux simples laïques, prenant ouvertement la défense de leur foi. (Lébédintseff, l'archimandrite Melchissédec Znatchko-Javorsky Kiew, 1861).

A peine les seigneurs polonais en étaient-ils venus à bout de l'Ukraine polonaise, à peine l'avaient ils divisée en provinces, à peine les émigrés orthodoxes avaient-ils eu le temps de se fixer dans leurs nouvelles résidences, que les propriétaires fonciers polonais commencèrent à manifester nettement des tendances à s'immiscer dans les croyances des paysans, tandis que les prêtres polonais et les prêtres grecs unis manifestaient des tendances à la propagande du catholicisme et de l'Eglise grecque unie. En outre les prêtres catholiques ne comprenaient nullement la propagande sous la forme de sermons pacifiques, mais bien sous la forme de conversion forcée des paroisses orthodoxes à l'Eglise greceque unie, ou, comme s'exprime l'archimandrite Melchissédec dans son rapport à l'évêque de Péréiaslavl Gervais, dans le sens «de violences, de supplices et de pillages».

Quant au gouvernement polonais, non seulement ses prescriptions ne réfrigéraient nullement l'ardeur des propagateurs trop zélés du catholicisme, mais encore il encourageait et attisait leur zèle lui-même. Ainsi, en 1764, lors de l'élection du roi de Pologne, Stanislas Auguste Poniatovsky, la noblesse et le clergé polonais décrétèrent à la diète générale d'enlever à la population orthodoxe de la Pologne la liberté de la confession et le droit d'être dignitaires et fonctionnaires. En 1766 le consistoire grec uni de la ville de Radomysl promulgua un arrêté déclarant l'Ukraine tout entière réunie à l'Eglise greceque unie, ce qui la faisait tomber sous la juridiction du métropolite de cette Eglise.

сію архимандритъ Мелхиседекъ, въ смыслѣ «усилія, мукъ и грабежа».

Высшія правительственныя распоряженія Рѣчи-Посполитой не только не охлаждали пыла слишкомъ горячихъ пропагандистовъ католичества, а, напротивъ того, поощряли и возжигали адептовъ этого дѣла. Такъ, въ 1764 году, при избраніи въ польскіе короли Станислава Августа Понятовскаго, постановлено было на всеобщемъ сеймѣ польскимъ дворянствомъ и духовенствомъ: лишить православное населеніе Польши свободы вѣроисповѣданія и доступа къ общественнымъ чинамъ и должностямъ. Въ 1766 году въ уніатской консисторіи города Радомысля объявлено было опредѣленіе, что вся Украйна есть достояніе уніи и что на этомъ основаніи она подсудна уніатскому митрополиту. Вслѣдствіе такого опредѣленія почти вся Украйна объявлена была виновною «въ неповиновеніи законной власти», и надъ населеніемъ ея, православно-русскимъ, нарядженъ былъ инквизиціонный судъ. Въ этомъ же 1766 году римскій папа Климентъ издалъ особую буллу, посредствомъ которой возбуждалъ примаса католической церкви въ Польшѣ противъ всѣхъ некатоликовъ. Въ слѣдъ за этимъ постановлено было рѣшеніе, для обращенія «схизматиковъ», т. е. людей православной вѣры, въ «настоящую», т. е. уніатскую вѣру, учредить на Украйнѣ общество католическихъ миссіонеровъ и для содержанія ихъ наложить денежную пеню на всѣ православные церкви и монастыри, отъ 500 до 1000 гривенъ. Въ довершеніе всего объявлено было приказаніе устраивать по городамъ и селеніямъ Украйны священныя уніатскія процессіи съ цѣлью преклоненія православнаго народа къ уніи. Самъ польскій король, Станиславъ Августъ, хотя и не сочувствовалъ такому вѣрогоненію, безсиленъ былъ остановить преслѣдованіе православныхъ. Избранный въ короли по настоянію русскаго правительства, онъ издалъ 1-го марта 1768 года универсалъ о свободѣ вѣроисповѣданія; но противъ «московскаго наймита» образовалась партія такъ называемыхъ конфедератовъ въ подольскомъ городѣ Барѣ «для спасенія» отечества. Заключивъ между собой священный союзъ, конфедераты открыли военныя дѣйствія противъ короля, сейма и заодно противъ «схизматиковъ». По рѣшенію конфедератовъ запрещено было читать въ православныхъ церквахъ королевскій универсалъ о свободномъ исповѣданіи вѣры и вмѣсто того усилено было гоненіе на «схизму».

Благодаря всѣмъ постановленіямъ 1764, 1766 и другихъ годовъ и въ особенности благодаря насиліямъ со стороны конфедератовъ, польская Украйна ввержена была съ половины XVIII вѣка въ такую бездну несчастій, о какихъ въ настоящее время трудно и помыслить. «Тогда, какъ череда безъ пастыря, какъ осиротѣлыя дѣти безъ отца, жили украинцы: кто хотѣлъ, тотъ и мучилъ ихъ». Дѣло началось съ открытаго обращенія православныхъ церквей и монастырей въ костелы и уніатскія церкви. Если какому-нибудь уніатскому оффиціалу приходило на мысль, что такая-то церковь нѣкогда принад-

Par la suite, presque toute l'Ukraine fut déclarée coupable de «rébellion contre le pouvoir légitime», et on institua un tribunal inquisitorial chargé de juger la population orthodoxe. Dans le courant de la même année 1766 le pape Clément publia une bulle spéciale, excitant le primat de l'église catholique de Pologne à sévir contre tous ceux qui n'étaient pas catholiques. Un autre arrêté fut encore publié, ordonnant, «dans le but de convertir les «schismatiques», c'est à dire les orthodoxes, à la «vraie» foi, c'est à dire à l'Eglise grecque unie, de fonder en Ukraine un ordre de missionnaires catholiques, et de frapper d'une amende de 500 à 1.000 écus toutes les paroisses et tous les couvents orthodoxes, pour réunir la somme nécessaire pour l'entretien de ces missionnaires. Enfin on publia l'ordre d'organiser dans les villes et les villages de l'Ukraine des processions religieuses, toujours dans le but de convertir les orthodoxes à l'Eglise grecque unie. Le roi de Pologne lui-même, Stanislas Auguste, bien qu'il ne sympathisât aucunement à cette contrainte religieuse, était impuissant à arrêter les persécutions contre les orthodoxes. Elu roi sur les instances du gouvernement russe, il avait publié le 1 Mars 1768 un message universel, proclamant la liberté religieuse; mais voici qu'un parti, s'intitulant «parti des confédérés» se forma dans une ville de Podholie, Bar, pour «salut» de la patrie. Après avoir conclu entre eux une alliance sacrée, les confédérés ouvrirent les hostilités contre le roi, la diète, et, par la même occasion, contre les «schismatiques». Un arrêté, émanant des confédérés, défendait de lire dans les églises le message universel du roi, accordant la liberté religieuse; en même temps les persécutions contre le «schisme» redoublaient.

Grâce à tous ces arrêtés de 1764, 1766 et autres, surtout grâce aux violences exercées par les confédérés, l'Ukraine polonaise fut plongée, à partir de la moitié du XVIII siècle, dans un abîme de maux tels qu'on aurait même à présent peine à se l'imaginer. «Les ukraniens étaient comme un troupeau sans pâtre, comme des orphelins sans père et chacun pouvait les martyriser.» On commença par convertir ouvertement les églises et les couvents orthodoxes en églises catholiques et grecques unies. Si un official s'avisait que telle ou telle église avait jadis appartenu ou avait dû appartenir à l'Eglise grecque unie, il levait quelques miliciens polonais et s'emparait ouvertement de l'église en question, ainsi que du prêtre, auquel il enlevait les clefs de l'église, pillait tout l'argent et tous les biens de la paroisse; si le prêtre s'avisait de lui résister, il le frappait cruellement, lui infligeait mille supplices ou bien le chassait tout à fait et saccageait et pillait sa propre maison. Souvent ces malheureux exilés erraient avec leurs familles affamées et déguenillées dans les bois et les ravins avoisinants, se nourrissant de racines et demandant l'aumône. «Les partisans de l'Eglise grecque unie plongent les orthodoxes dans un abîme de maux, écrit un témoin oculaire, pillent leurs biens, les jettent en prison, coupent les cheveux aux prêtres et les frappent impitoyablement, enlèvent aux églises les saints antimenses, les livres sacrés, tous les objets qui leur tombent sous la main et chargent d'impôts les paroisses orthodoxes.» Les couvents orthodoxes et leurs communautés avaient le même sort: commissaires, économes, doyens et prêtres ca-

лежала или должна принадлежать къ уніи, то такой оффиціалъ собиралъ около себя нѣсколько человѣкъ польской милиціи и съ ней открыто набѣгалъ на намѣченную церковь. Тутъ онъ хваталъ священника, отбиралъ у него церковные ключи, захватывалъ въ свои руки церковныя деньги и имущества и, въ случаѣ сопротивленія со стороны священника, билъ, мучилъ, истязалъ его, или же вовсе изгонялъ его изъ села, а его домъ и личное имущество разорялъ и грабилъ безъ остатка. Часто такіе несчастные изгнанники бродили съ голодной и оборванной семьей по окрестнымъ лѣсамъ и пропастямъ, питаясь кореньями и въ лучшемъ случаѣ подаяніемъ. «Уніаты дѣлаютъ нестерпимыя обиды православнымъ, пишетъ очевидецъ, имѣнія (ихъ) разграбляютъ, въ засадахъ держатъ, волоса обрѣзываютъ священникамъ и бьютъ ихъ безъ милосердія, священные антиминсы, книги и что попадаютъ, изъ церквей забираютъ и дани на церкви благочестивыя болѣе, нежели вдвое, накладываютъ». Такъ же точно поступали уніаты и католики съ православными монастырями и ихъ иноками: коммисары, экономы, дзѣканы, ксендзы дѣлали набѣги на монастыри, хватали монаховъ, давали имъ отъ 50 до 100, иногда даже до 800 ударовъ, потомъ или бросали ихъ въ мрачныя ямы, или же обрекали на самыя тяжелыя черныя работы. Въ особенности жестоко поступали съ тѣми монахами и священниками, которые были «заподозрѣны въ распространеніи православія». Такихъ велѣно было предавать проклятію, лишать сана, забивать въ колодки, отсылать въ латинскія консисторіи, приставлять для сооруженія валовъ вокругъ города, а монастыри и церкви закрывать и запечатывать. Изгоняя священниковъ и монаховъ, католики не оставляли въ покоѣ и ихъ паству. Мірянъ православной вѣры насильно и вооруженными отрядами загоняли въ уніатскія церкви, сѣкли плетьми, отдавали подъ судъ, запрещали хоронить умершихъ по православному обряду, крестить новорожденныхъ; а если и позволяли, то брали съ родителей до 30 и съ воспріемниковъ до 10 рублей денегъ; многихъ отдавали въ руки польскихъ жолнеровъ, которые разрывали несчастнымъ людямъ рты, выворачивали руки и ноги, даже жгли огнемъ, обворачивая ихъ вокругъ пенькой и обливая смолой, какъ это было въ варварскія времена жестокаго римскаго императора Нерона. Такою именно смертью погибъ 29 іюня 1766 года старикъ Данило Кушниръ, житель м. Мліева. Обвиненный въ схизмѣ и поставленный на казнь, старецъ взывалъ къ Богу: «Господи, Господи, что сіе подалъ мнѣ еси? Воля Твоя святая на мнѣ да будетъ, Боже мой! Пріими духъ мой!» «Не бойся, старче! Богъ съ тобой!» говоритъ страдальцу палачъ. «Я не боюсь, дѣлай, что тебѣ велятъ!..» Несчастному отсѣкли голову, подняли ее на палю и прибили гвоздемъ, а туловище сожгли. «И виднѣлась голова мученика отъ іюня до конца сентября а пепелъ съ нѣкоторою частью костей загребли православные въ ровикъ небольшой.»

Въ началѣ 1768 г. православный епископъ лѣвобережной Украйны, Гервасій, доносилъ въ Петер-

tholiques investissaient les couvents, s'emparaient des moines, leur infigeaient les pires traitements, leur donnant 50, 100 et même 800 coups de bâton, et les jetant ensuite dans des fosses noires ou les vouant aux travaux les plus rudes et les plus vils. Ils traitaient avec une cruauté particulière ceux des moines et des prêtres qui étaient «suspects de propagande orthodoxe.» Ceux-là étaient excommuniés, dépouillés de leur dignité sacerdotale, chargés de fer, expédiés dans les consistoires latins, forcés de participer aux travaux de fortification tandis que leurs couvents et églises étaient fermés et mis sous scellés. Tout en exilant les prêtres et les moines, les catholiques ne laissaient pas non plus en repos leurs ouailles. Les laïques orthodoxes étaient amenés de force, à main armée dans les églises grecques unies, fouettés, jugés: on leur défendait d'enterrer les morts selon le rite orthodoxe, de baptiser les nouveaux-nés et si on le leur permettait, on faisait payer 30 roubles d'amende aux parents et jusqu'à 10 roubles aux parrains; on les livrait aux jalonneurs polonais qui mutilaient ces malheureux de diverses façons et même les brûlaient en les enveloppant d'étoupe et en versant dessus de la poix, ainsi que cela se passait à la barbare époque du cruel empereur romain Néron. Ainsi périt, le 29 juillet 1766, le vieux Danilo Kouchnir, habitant du village Mliévo. Accusé de schisme et conduit au lieu du supplice, le vieillard invoqua son divin Maître: «Comme tu m'éprouves, mon Dieu! Prends mon âme!»—«N'aie pas peur, vieux! Dieu est avec toi!» dit le bourreau au martyr. «Je n'ai pas peur, fais ce qu'on t'a ordonné!» Le malheureux fut décapité, sa tête fut empalée et le corps fut brûlé. «Et la tête du martyr resta clouée là de juillet jusqu'à la fin de septembre, quant aux cendres et à quelques ossements non consumés, les orthodoxes les rassemblèrent et les inhumèrent dans un petit fossé!»

Au commencement de l'année 1768 l'évêque orthodoxe de l'Ukraine de la rive gauche expédia à St-Pétersbourg, à l'impératrice Catherine II elle-même, un rapport sur la position de la population orthodoxe dans l'Ukraine polonaise, position qu'il peignait sous les couleurs suivantes: «Les féroces persécutions des grecs unis loin de s'apaiser, ne font que grandir, grâce à la faiblesse des gouverneurs et des hauts fonctionnaires. Il n'y a qu'à l'époque des apôtres qu'on ait vu une oppression et une misère pareilles à celles sous lesquelles gémit présentement le peuple orthodoxe de l'Ukraine.» En deux mois, janvier et février, les catholiques se livrèrent à 86 violences. Ils avaient, entre autres, donné 280 coups de fouet, à un prêtre, tout en parodiant à voix haute une sainte prière de l'église orthodoxe: «Tiens, voici pour l'impératrice, pour l'évêque et pour tous les chrétiens orthodoxes.» La proportion et la durée des peines, arbitrairement infligées aux prêtres par les grecs unis dépendaient du temps que ces derniers mettaient à réciter à voix haute deux psaumes: «Faites-moi grâce, Seigneur» et «Bienheureux les innocents.» Les catholiques et les grecs unis se livraient à cette époque aux derniers outrages sur les orthodoxes: les juifs rasaient aux prêtres cheveux et barbe et les polonais frappaient ensuite leurs têtes rasées avec les crosses de leurs fusils. Les laïques étaient encore plus maltraités; les uns étaient battus jusqu'à ce que leurs os fussent à

бургъ императрицѣ Екатеринѣ II о положеніи православнаго населенія въ польской Украйнѣ и изображалъ это положеніе въ такихъ краскахъ: «Ярости и свирѣпства уніатовъ не утишаются, но паче возстаютъ за послабленіемъ губернаторовъ и придворныхъ людей. Православный украинскій народъ находится въ такой тѣснотѣ и нуждѣ, какова была развѣ во времена апостольскія». Въ теченіе января и февраля католиками совершено было 86 насильственныхъ случаевъ. Между прочимъ одному священнику дали 280 ударовъ и, при этомъ приговаривая, пародировали священную молитву православной церкви: «Се тоби за государыню, за короля, за св. синодъ, за архіерея и за вся православныя христіане». Для опредѣленія мѣры и времени наказанія уніаты, чинившіе расправу надъ священникомъ, читали псалмы: «Помилуй мя, Боже» и «Блаженни непорочніи». Издѣвательства со стороны католиковъ и уніатовъ надъ православными въ это время дошли до крайнихъ предѣловъ: жиды брили священникамъ волосы и бороды, а поляки били ихъ по обритымъ головамъ ружейными присошками; съ мірянами поступали еще хуже: однихъ изъ нихъ били до того, что у нихъ обнажались отъ кожи и мускуловъ кости; другихъ клали на землю, на шею надѣвали колоды и подкуривали дымомъ; третьихъ сѣкли нещадно плетьми и давали по 100 барбаръ за священника; четвертыхъ били кіями, ружейными прикладами и саблями; пятыхъ, забивъ въ колоды, бросали въ ямы и тюрьмы, или же, ограбивъ до нитки, отпускали на свободу и еще заставляли благодарить палачей за дарованіе жизни.

Когда всѣ эти варварства со стороны поляковъ дошли до крайней степени, тогда въ украинскомъ народѣ выросла и созрѣла страшная месть угнетателямъ. Народъ украинскій не упалъ окончательно духомъ, не потерялъ своихъ силъ, не преклонился безропотно передъ своими жестокими мучителями и ждалъ только почина для расплаты со своими палачами.

Такой починъ сдѣланъ былъ запорожскими козаками. Монахи, священники и простые міряне, покидая польскую Украйну, уходили за пороги Днѣпра и тамъ въ яркихъ краскахъ изображали тѣ бѣды, какимъ подвергалось населеніе Украйны вслѣдствіе невыносимаго гнета со стороны уніатовъ и католиковъ. Подъ вліяніемъ какого-то запорожскаго козака, каневскаго куреня, четыре православныхъ священника написали листъ въ запорожскую Сѣчь, на имя кошевого атамана Петра Калнишевскаго, съ жалобой на гонителей православія, и хотя на этотъ листъ священники не получили желательнаго отвѣта, но своей жалобой они вызвали къ дѣйствіямъ нѣкоторыхъ изъ низоваго товариства. Тогда по различнымъ балкамъ, по островамъ и по байракамъ запорожскихъ вольностей начали собираться летучіе отряды гайдамакъ съ цѣлью жестокой мести полякамъ, насильникамъ всего православнаго на Украйнѣ. А когда тѣ-же 4 священника обратились съ воззваніемъ къ жителямъ м. Жаботина на Украйнѣ, тогда противъ ляховъ собралось настоящее народное ополченіе.

nu; on en étendait d'autres par terre, on leur passait le cou dans un billot et on les enfumait avec des nuages de fumée; les troisièmes étaient impitoyablement fouettés, les quatrièmes recevaient des coups de bâton, de crosses de fusil, du plat des sabres; les cinquièmes, enchainés à des billots, étaient jetés dans des fosses ou des prisons; d'autres fois, après avoir entièrement dépouillé les victimes, on les relâchait en les contraignant de remercier leurs bourreaux pour leur avoir laissé la vie sauve.

Comme les polonais atteignaient ainsi au comble de la férocité dans leurs persécutions, l'idée des représailles germa, puis mûrit dans l'âme du peuple de l'Ukraine qui ne se découragea pas, ne s'abandonna nullement et ne songea pas à se soumettre sans murmurer à ses cruels oppresseurs: seulement, pour qu'il pût se venger de ses bourreaux, il fallait que quelqu'un prît l'initiative.

Ce furent les cosaques zaporogues qui s'en chargèrent. Les moines, les prêtres et les simples laïques qui fuyaient l'Ukraine, se réfugiaient chez les cosaques du Dnièper et leur dépeignaient éloquemment les maux qu'endurait la population de l'Ukraine sous le joug terrible des catholiques et des grecs unis. Poussés par un cosaque zaporogue du village Kanevsky, quatre prêtres orthodoxes écrivirent une supplique au chef des cosaques Pierre Kalnichevsky, se plaignant des persécutions des oppresseurs de l'orthodoxie, et quoique cette supplique n'obtint pas la réponse désirée, la plainte des prêtres provoqua une certaine agitation dans la compagnie cosaque du bas Dnièper. Et voici que peu à peu dans les ravins, dans les plis du terrain, dans les îlots du territoire zaporogue, se rassemblèrent des détachements volants de haïdamaques, tous animés du désir d'exercer de cruelles représailles à l'endroit des polonais oppresseurs de toute l'Ukraine orthodoxe. Et lorsque ces mêmes quatre prêtres adressèrent un pressant appel aux habitants de la bourgade Jabotino, une véritable milice nationale se leva contre les polonais.

> «L'Ukraine s'est révoltée, ainsi que prêtres et sacristains,
> L'Ukraine, persécutée par les polonais et les juifs,
> Dieu Eternel! quel malheur effroyable:
> Voici que sur la terre la religion se bat contre la religion.»

Bien que la première insurrection nationale n'eût abouti à aucune conséquence sérieuse,—cependant, lorsque le fameux capitaine Maxime Jélezniak se fût mis à la tête de ce mouvement national, les polonais apprirent à leurs dépens ce que c'est que la vengeance de tout un peuple et quelles suites épouvantables elle peut entraîner. «Les exploits sanglants de Jélezniak, remarque le professeur Maximovitch, ne furent ni un simple acte de brigandage, ni une attaque isolée des zaporogues dans le but de piller les riches propriétés des polonais. Non, ce fut une éruption volcanique de la vengeance et de la haine nationales, qui couvaient lentement depuis un siècle, provoquées par le joug de l'Eglise grecque unie; ce fut la mêlée suprême et convulsive de deux éléments hostiles.» (Oeuvres complètes, I, 625).

Maxime Jélezniak d'abord cosaque zaporogue et plus

Збунтовалась Украина, и попы и дяки,
Погынулы на Вкраини жиды и поляки.
Ой, Боже мій несконченный! Дывытыся горе,
Що тепера на симъ свити вира виру боре.

Хотя первая вспышка народная и не привела къ серьезнымъ послѣдствіямъ, за то, когда во главѣ народнаго движенія сталъ знаменитый предводитель Максимъ Желѣзнякъ, тогда поляки узнали, что такое месть цѣлаго народа и къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ она приводитъ. «Кровавый подвигъ Желѣзняка, замѣчаетъ проф. Максимовичъ, былъ не простой гайдамаческій разбой и не случайное нападеніе запорожцевъ на польскія владѣнія для грабежа и добычи. Нѣтъ, то было огнедышащее изверженіе народной мести и вражды, цѣлый вѣкъ копившейся подъ гнетомъ уніи; то была предсмертная судорожная схватка двухъ враждебныхъ стихій въ государственномъ тѣлѣ, которое уже близилось къ своему концу» (Собраніе сочиненій, I, 625).

Максимъ Желѣзнякъ, сперва запорожскій козакъ, потомъ послушникъ чигиринскаго Мотронинскаго монастыря, казалось, нарочно посланъ былъ судьбой для того, чтобы жестоко покарать ляховъ за ихъ варварства по отношенію къ православнымъ. Задумавъ страшную месть, Максимъ Желѣзнякъ собралъ въ глубокомъ оврагѣ Мотронинскаго лѣса небольшую ватагу гайдамакъ и объявилъ ей о своихъ замыслахъ противъ поляковъ. Скоро небольшая ватага Желѣзняка увеличилась, ибо къ нему потянула масса крестьянъ, вооруженная какъ попало и чѣмъ попало: кто копьемъ, кто ружьемъ, кто ножомъ, а кто просто коломъ, обожженнымъ съ одного конца. Преданіе говоритъ, что гайдамаки Желѣзняка, для приданія задуманному походу характера религіозности, освятили цѣлые возы ножей, которые привезены были для истребленія ляховъ въ чащу Мотронинскаго лѣса. Историческія же данныя свидѣтельствуютъ, что для приданія походу характера законности кѣмъ-то изъ гайдамацкихъ вождей изобрѣтена была золотая грамота за подписью русской императрицы Екатерины II, въ которой отдавали приказъ «вырѣзать и уничтожить, съ помощію Божіею, всѣхъ поляковъ и жидовъ, хулителей нашей святой религіи, искоренить самое имя поляковъ, чтобы и память о нихъ не дошла до потомства». Хотя «золотая грамота» оказалась впослѣдствіи грубой поддѣлкой, тѣмъ не менѣе простая чернь вѣрила въ ея подлинность, какъ вѣрили въ ея достовѣрность и поляки, обвинявшіе русское правительство въ тайномъ подстрекательствѣ черни противъ правительства Рѣчи-посполитой.

Впрочемъ, и безъ «золотой грамоты» святость самого дѣла, полнѣйшее сочувствіе народа и не прекращавшіяся гоненія православія обѣщали Максиму Желѣзняку полный успѣхъ задуманнаго предпріятія.

Что же ляхи, насильники русской народности и гонители православной вѣры? Какой готовили они отпоръ гайдамакамъ?

При всей развязности, съ какой попирали поляки права простой и беззащитной массы польской

tard novice au couvent Motroninsky de Tchiguirine, semblait être envoyé tout exprès par le destin pour châtier cruellement les polonais de leurs férocités envers les orthodoxes. Maxime Jélezniak, qui avait conçu mentalement un terrible projet de vengeance, rassembla dans un profond ravin de la forêt Motroninsky une petite bande de haïdamaques et leur communiqua ses intentions par rapport aux polonais. Bientôt sa troupe peu nombreuse reçut du renfort, parce qu'elle fut rejointe par une foule de paysans armés à la diable: les uns d'une faux, les autres d'un fusil, les troisièmes d'un couteau, les quatrièmes — simplement d'un épieu au bout durci à la flamme. La légende prétend que les hommes de Jélezniak, voulant donner à la campagne projetée un caractère religieux, firent bénir des charretées de couteaux transportés dans l'épaisseur de la forêt Motroninsky. Les données historiques, à leur tour, fournissent un autre renseignement, c'est que pour revêtir la campagne entreprise d'un caractère de légalité, un des chefs des haïdamaques produisit une soi-disant lettre patente d'or avec le sceau de l'impératrice russe, Catherine II, et ordonnant: «d'exterminer et de détruire, avec l'aide du Seigneur, tous les polonais et les juifs, détracteurs de notre sainte religion, d'extirper jusqu'au nom même des polonais, pour que la postérité n'en conservât même pas la mémoire.» Bien que cette lettre patente fût reconnue plus tard comme un faux grossier, la populace, dans sa simplicité, crut quand même à son authenticité, tout comme les polonais qui accusaient le gouvernement russe d'exciter secrètement la populace contre la Pologne.

D'ailleurs, même sans la «lettre patente d'or», la sainteté de l'oeuvre elle même, la sympathie absolue du peuple, et les persécutions toujours exercées contre l'orthodoxie — promettaient à Maxime Jélezniak la réussite complète de ses projets.

Et les polonais, ces oppresseurs de la nationalité russe, ces persécuteurs de la religion orthodoxe? Quelle résistance se proposaient-ils d'opposer aux cosaques?

Malgré tout le sans-gêne avec lequel les polonais foulaient aux pieds les droits de la masse simple et faible qui composait la population de l'Ukraine polonaise, ils étaient en somme impuissants à résister sérieusement aux bandes commandées par le cosaque zaporogue Maxime Jélezniak. Cette époque, c'est à dire la moitié et la fin du XVIII siècle, fut l'époque la plus rude et la plus troublée pour la Pologne: son administration et ses finances étaient dans l'état le plus pitoyable; toute liberté était étouffée par l'arbitraire et les violences; le commerce se trouvait accaparé uniquement par les juifs et périclitait; il n'y avait pas de milice régulière; les forteresses ne présentaient qu'un amas de ruines; les garnisons étaient un vain mot et toutes les frontières étaient ouvertes à l'invasion; le sort de provinces entières dépendait des propriétaires fonciers qui etretenaient à leurs propres frais des miliciens qu'ils logeaient dans les économats de leurs domaines. Partout c'était la même chose; il en était de même dans l'Ukraine polonaise. «Notre royaume, disait le primat polonais à la diète générale, ressemble, à une maison sans toit, à un édifice ébranlé par les vents, à une demeure sans maîtres, prête à crouler, ses bases étant pourries, à moins que la

Украйны, они не въ силахъ были оказать серьезнаго сопротивленія гайдамакамъ, предводимымъ запорожскимъ козакомъ Максимомъ Желѣзнякомъ. Время это, т. е. половина и конецъ XVIII вѣка, было самымъ тяжелымъ и самымъ смутнымъ временемъ для Польши: администрація и финансы ея находились въ самомъ жалкомъ состояніи; законы въ полномъ презрѣніи и бездѣйствіи; суды въ безсиліи; личная свобода была задавлена произволами и насиліями; торговля вся находилась въ рукахъ евреевъ и была въ самомъ жалкомъ видѣ; войска постояннаго въ странѣ не существовало; крѣпости представляли собой полнѣйшія развалины; гарнизоны были ничтожны и всѣ границы открыты для набѣговъ; судьба цѣлыхъ областей находилась въ рукахъ частныхъ землевладѣльцевъ, которые содержали на собственный счетъ надворную милицію и помѣщали ее въ экономическихъ дворахъ своихъ имѣній. Такъ было вездѣ. Такъ было и въ польской Украйнѣ. «Царство наше, говорилъ польскій примасъ на всенародномъ сеймѣ, похоже на домъ безъ кровли, на зданіе потрясаемое вѣтрами, на жилище безъ владѣльцевъ, готовое рухнуть съ подгнившаго основанія, если только Провидѣніе не сжалится и не поддержитъ это зданіе».

При такомъ состояніи края, гайдамакамъ открывалось широкое поле для подвиговъ. Первымъ мѣстомъ кровавой расправы ихъ съ ляхами и жидами было село Медвѣдовка, потомъ мѣстечки Жаботинъ и Смѣла, преданныя огню, мечу и всеобщему разграбленію. Далѣе слѣдовали Черкасы, Богуславъ, Звенигородка и Лысянка. Въ послѣдней, истребивъ ляховъ и жидовъ, всѣхъ безъ различія пола и возраста, гайдамаки убили какого-то ксендза, жида и собаку и, повѣсивъ трупы ихъ на костелъ, сдѣлали подъ ними надпись: «Жидъ, ляхъ та собака—вира одинака».

Подвигаясь далѣе къ югу и вездѣ ознаменовывая свое движеніе кровавыми слѣдами, гайдамаки, подъ предводительствомъ Желѣзняка, направились къ городу Уманю, представлявшему собой въ то время средоточіе польскихъ силъ и богатства всей заднѣпровской Украйны и принадлежавшаго графу Францу Салезію Потоцкому. За отсутствіемъ графа Потоцкаго, жившаго въ галиційскомъ городѣ Кристинополѣ, Уманемъ и всей, принадлежавшей къ нему областью, управлялъ коммисаръ, называемый иначе губернаторомъ, Рафаилъ Деспотъ Младановичъ. Сынъ Младановича, Павелъ, и 18-ти-лѣтняя дочь Вероника (въ замужествѣ Кребсъ), пережившіе страшное событіе 1768 года, оставили намъ описаніе города Уманя и тѣхъ боевыхъ силъ, которыя находились въ немъ при нападеніи на него гайдамакъ.

Умань стоялъ на возвышенномъ мѣстѣ и имѣлъ два укрѣпленія: наружное и внутреннее. Наружное укрѣпленіе имѣло видъ палисада вокругъ всего города съ двумя, другъ противъ друга, воротами, запиравшимися рогатками и снабженными пушками или мортирами, въ каждыхъ воротахъ по парѣ. Внутреннее укрѣпленіе представляло собой экономическую усадьбу съ домомъ для коммисара, обведенную дру-

Providence ne se montre pitoyable et ne soutienne l'édifice menacé.»

Cet état de choses étant donné, un vaste champ s'ouvrait devant les haïdamaques pour leurs exploits. Le premier théâtre des sanglantes représailles auxquelles ils se livrèrent envers les polonais et les juifs, fut le bourg Medvédovka; ensuite ce fut le tour des bourgades Jabotino et Sméla, incendiées et mises à sang et à sac, et enfin Tcherkassy, Boguslaw, Zvenigorodka et Lyssianka. Dans ce dernier village, après y avoir exterminé tous les polonais et les juifs, sans distinction d'âge ni de sexe, les haïdamaques égorgèrent un prêtre, un juif et un chien, et pendirent les trois cadavres à l'église catholique avec cette inscription: «Juif, polonais et chien,—même religion tous les trois».

Marchant toujours dans la direction du midi et signalant partout leur passage par des traces sanglantes les haïdamaques commandés par Jélezniak se dirigèrent vers Oumane, une ville qui était à cette époque le centre de toutes les forces polonaises, de toutes les richesses de l'Ukraine polonaise, et qui appartenait au comte François Salézy Potocky. En l'absence du comte lui-même qui habitait en Galicie à Christinopol, Oumane et toute sa province étaient gouvernés par un commissaire ou gouverneur Raphaël Despote Mladanovicz. Le fils de Mladanovicz, ainsi que sa fille Véronique, (mariée à un certain Krebs), âgée de 18 ans, qui ont survécu à l'épouvantable évènement de 1768, nous ont laissé une description d'Oumane et des forces militaires qui s'y trouvaient au moment de l'attaque des haïdamaques.

Située sur une hauteur, Oumane était fortifiée extérieurement et intérieurement. La fortification extérieure présentait l'aspect d'une palissade, encerclant toute la ville, pourvue de deux portes qui se faisaient vis-à-vis, se fermaient par des barrières et étaient flanquées de deux canons chacune. La fortification intérieure consistait en la maison de l'économat, flanquée d'une maison pour le commissaire, le tout entouré d'une deuxième palissade avec quatre tourelles massives. Le principal défaut d'Oumane était le manque d'eau qu'on était obligé d'aller chercher dans le ruisseau Kamensky, à 3 verstes de la ville. On avait bien tenté de trouver de l'eau dans la ville même et l'on avait creusé dans ce but un puits de 30 toises de profondeur, mais on ne trouva pas une goutte d'eau. La ville possédait une garnison de 600 hommes, commandés par un étranger, le lieutenant Lénart qui les employait tantôt à garder les portes de la ville et tantôt à défendre le corps de garde rempli de haïdamaques captifs. Il y avait encore dans la ville une milice familière de 200 cosaques, commandés par deux colonels polonais Oboukh et Magnuszevsky et par trois centeniers, Pantaléon Oulassenko, Jérémie Panko et Jean Honta; le troisième était le doyen des centeniers et le favori du comte Potocky. Tous les miliciens du régiment cosaque d'Oumane étaient exempts de toute «contribution» au profit du propriétaire, pourvus de toutes sortes de bien-fonds le propriétaire leur fournissait les chevaux, les armes, les munitions et les vivres, ainsi que leur tenue d'ordonnance qui se composait d'un caftan jaune, d'un habit rouge, de

гимъ палисадомъ съ четырьмя большими башнями. Главнымъ недостаткомъ Уманя было отсутствіе воды, которую доставляли изъ Каменскаго ручья, за 3 версты отъ города. Пробовали было добыть воду и въ самомъ городѣ, для чего прорыли колодезь въ 30 саж. глубиной (у Кребсъ 300 саж. глубиной), но воды даже и на такой глубинѣ не оказалось. Городъ находился подъ охраной гарнизона изъ 600 человѣкъ, которымъ управлялъ иностранный поручикъ Ленартъ, наряжая его то для карауловъ въ воротахъ, то для охраны кордегардіи, наполненной пойманными гайдамаками. Кромѣ гарнизона въ городѣ была еще надворная козацкая милиція, въ числѣ 2000 человѣкъ, подъ начальствомъ двухъ полковниковъ-поляковъ, Обуха и Магнушевскаго, и трехъ сотниковъ-малороссовъ, Пантелеймона Уласенка, Яремы Панка и Ивана Гонты, изъ коихъ послѣдній считался старшимъ сотникомъ и былъ любимцемъ графа Потоцкаго. Вся милиція козацкаго уманскаго полка была освобождена отъ всякихъ «данинъ» и «оплатъ» въ пользу владѣльца, надѣлена была различными угодьями, снабжена, за счетъ владѣльца, конями, оружіемъ, боевыми и продовольственными запасами, форменной одеждой изъ желтаго кафтана, краснаго кунтуша, голубыхъ шароваръ и желтой, съ чернымъ барашковымъ околышемъ, шапки.

Изъ властныхъ лицъ, кромѣ Младановича, въ городѣ были: основатель базиліанскаго миссіонерскаго училища, ректоръ Костецкій во главѣ 400 студентовъ; землемѣръ Шафранскій, служившій раньше того въ войскахъ Фридриха II, короля прусскаго; кассиръ Рогишевскій, хорунжій Марковскій, экономъ Скаржинскій и нѣкоторые другіе.

Въ виду надежности уманской крѣпости и исправности козацкой милиціи, въ городъ Умань съѣхалось со всѣхъ сторонъ болѣе 200 семействъ однихъ поссесоровъ и кромѣ того нахлынула масса нечиновныхъ шляхтичей и въ особенности жидовъ. Заполнивъ собой весь городъ и далеко не вмѣстившись въ немъ, пріѣзжіе, въ числѣ около 6000 человѣкъ, расположились таборомъ подъ городомъ, возлѣ Грекова лѣса.

Защищенный укрѣпленіями и снабженный боевыми и продовольственными запасами, городъ Умань смѣло ожидалъ прибытія гайдамакъ, разсчитывая на свои силы. Извѣстія о дѣйствіяхъ гайдамакъ начали доходить въ Умань въ маѣ мѣсяцѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ слухи о томъ дѣлались все настойчивѣе и настойчивѣе. Вслѣдствіе этого коммисаръ города, Младановичъ, приказалъ всему козацкому полку собраться въ городъ для смотра и для выслушанія инструкцій. Когда полкъ собрался въ полномъ составѣ, то коммисаръ заставилъ козаковъ, въ присутствіи трехъ священниковъ, принести на евангеліи присягу въ вѣрности Польшѣ. Присяга была принесена, и полкъ, не желая допустить Максима Желѣзняка до Уманя, вышелъ противъ него изъ города по направленію къ Звенигородкѣ, откуда двигался вождь гайдамаковъ.

Такъ какъ Гонта считался самымъ способнымъ изъ всѣхъ начальниковъ полка и такъ какъ онъ

larges pantalons bleus et d'un bonnet jaune bordé d'astrakan noir.

Les autres autorités présentes, outre Mladanovicz étaient: le fondateur de l'école des missionnaires basiliens, le recteur Kostecky qui se trouvait à la tête de 400 étudiants, l'arpenteur Szafransky qui avait servi avant dans l'armée du roi de Prusse Frédéric II, le trésorier Roguiszewsky, le cornette Markovsky, l'économe Skarzinsky et plusieurs autres.

Étant donné l'excellence des fortifications d'Oumane et de sa milice, plus de 200 familles de propriétaires fonciers s'étaient réfugiées à Oumane; on vit également s'y ruer une foule de hobereaux sans position et surtout de juifs. Comme la ville regorgeait de monde et ne pouvait les abriter tous, les nouveaux arrivés qui étaient au nombre de 6.000 environ campèrent dans la ville, aux alentours de la forêt voisine.

Protégée par ses fortifications, bien approvisionée de munitions et de vivres, la ville d'Oumane attendit de pied ferme l'apparition des haïdamaques, comptant sur ses forces. Les nouvelles des exploits guerriers des haïdamaques commencèrent a parvenir à Oumane au mois de mai, et plus le temps passait, plus ces bruits prenaient de l'importance. Le commissaire de la ville Mladanovicz ordonna alors au régiment cosaque de se préparer à être passé en revue et à recevoir les instructions nécessaires. Le régiment une fois réuni, le commissaire força les cosaques à prêter serment de fidélité à la Pologne, sur l'Evangile et en présence de trois prêtres. Les cosaques prêtèrent serment, et ne voulant pas permettre à Maxime Jélézniak de parvenir j'usqu'à Oumane, ils firent une sortie dans la direction de Zvénigorodka d'où s'avançait le chef des haïdamaques.

Comme Honta était considéré par ses supérieurs comme le plus capable et comme il jouissait en outre de la faveur du vayvode Potocky lui-même, le commissaire, ainsi que toute la noblesse fondaient sur lui leur plus grand espoir. Tous les contemporains certifient en effet que Honta était un homme supérieurement doué. Né de parents paysans au village Rossochki, il avait fait son chemin tout seul, et c'est en montant souvent la garde dans la résidence de Potocky, Christinopol, qu'il en obtint force faveurs, celle par exemple de percevoir à son profit les revenus de Rossochki et d'être propriétaire à vie du village Oradovka. «Rien d'étonnant à ce que Honta ait su plaire au vayvode, écrit la fille de Mladanovicz: c'était un solide gaillard de belle prestance, qui savait non seulement parler, mais encore écrire le polonais et dont l'éducation était telle que même à l'heure qu'il est (en 1827) il aurait pu être pris pour un noble». Honta était marié et avait un fils et 4 filles qui habitaient son village natal. Orthodoxe de naissance, Honta manifesta son zèle religieux en érigeant à ses frais une église dans ce village; en même temps lui et sa femme étaient marguilliers de la paroisse du village Volodarka où son portrait, ainsi que celui de sa femme se sont conservés jusqu'en 1847. Honta était donc par son origine et par sa religion un véritable fils de l'Ukraine: orthodoxe et ukranien—toutes ses sympathies étaient du côté des méridionaux russes. En voyant les maux que ceux-ci enduraient de la part

былъ отличаемъ самимъ воеводой Потоцкимъ, то на него какъ коммисаръ, такъ и все шляхетское сословіе возлагали главныя надежды при защитѣ города отъ гайдамакъ. Гонта, дѣйствительно, по описанію всѣхъ современниковъ, былъ человѣкъ выдающихся способностей. Происходя изъ крестьянъ д. Россошекъ, онъ самъ лично составилъ себѣ карьеру и, бывая часто на стражѣ въ резиденціи Потоцкаго, Кристинополѣ, не разъ получалъ отъ него различныя милости, напримѣръ, право пользоваться доходами съ д. Россошекъ и право пожизненно владѣть д. Орадовкой. «Да и неудивительно, что Гонта сумѣлъ понравиться воеводѣ: это былъ, говоритъ дочь Младановича, представительный мужчина и къ тому же онъ не только говорилъ, но и превосходно писалъ по-польски, и воспитаніе его было таково, что и теперь (1827 года) его можно было бы счесть за шляхтича». Гонта былъ женатъ и имѣлъ одного сына и четырехъ дочерей, жившихъ въ Россошкахъ. Будучи по рожденію человѣкомъ православной вѣры, Гонта свое усердіе къ отцовской вѣрѣ выражалъ тѣмъ, что воздвигнулъ на свой коштъ церковь въ с. Россошкахъ и состоялъ, вмѣстѣ со своей женой, ктиторомъ церкви въ м. Володаркѣ, гдѣ до 1847 года хранились портреты Гонты и его жены. И происхожденіе и вѣра дѣлали Гонту истиннымъ сыномъ Украйны: симпатіи его, какъ православнаго человѣка и какъ украинца, были всецѣло на сторонѣ южноруссовъ. Глядя на тѣ страданія, которымъ подвергались южноруссы со стороны ксендзовъ, уніатскихъ поповъ, въ особенности со стороны конфедератовъ, Гонта другого чувства не могъ питать къ полякамъ, какъ чувство ненависти и мести, но скрывалъ у себя это по необходимости и до времени.

Къ непосредственному своему начальнику, коммисару Младановичу, Гонта, уже вслѣдствіе религіозной и племенной ненависти южнорусскаго народа къ полякамъ, не могъ питать расположенія. Кромѣ того Гонтѣ было извѣстно то, что Младановичъ былъ тайнымъ врагомъ короля Станислава Августа и сторонникомъ конфедератовъ, а слѣдовательно врагомъ всего южнорусскаго населенія. «Въ началѣ 1768 года въ дѣйствіяхъ моего отца, пишетъ Вероника Кребсъ, начала проглядывать какая-то таинственность. Я видѣла, что къ нему начали часто пріѣзжать офиціалы и посессоры; я видѣла, что слѣдствіемъ этихъ пріѣздовъ были постоянные секретные разговоры, совѣщанія, а такъ какъ мнѣ было уже 18 лѣтъ, то я, старательно присматриваясь и прислушиваясь ко всему, замѣтила, что по ночамъ недалеко стоящій отъ насъ магазинъ наполнялся сѣдлами, чепраками и т. п. Въ первыхъ числахъ апрѣля въ Шпиченцы пріѣхалъ Пулавскій съ тремя сыновьями и объявилъ себя маршаломъ барской конфедераціи»...

Съ другой стороны Гонтѣ было извѣстно и то, что самъ воевода Салезій Потоцкій былъ противникомъ конфедератовъ и если не выказывалъ своихъ чувствъ открыто, то единственно изъ боязни подвергнуть свои имѣнія разоренію со стороны конфедератовъ. Слѣдовательно, Гонта, дѣйствуя противъ

des prêtres polonais et grecs unis et surtout de la part des confédérés, Honta ne pouvait nourrir d'autres sentiments à l'endroit des polonais que ceux de la haine et de la vengeance, mais en attendant il les dissimulait par nécessité.

Quant à son chef immédiat, le commissaire Mladanovicz vu la haine religieuse et nationale de la population russe méridionale envers les polonais, Honta ne pouvait éprouver à son endroit aucune sympathie. Il savait en outre que Mladanovicz était secrètement ennemi du roi Stanislas-Auguste et partisan des confédérés,—par conséquent ennemi de toute la population russe du midi. «La conduite de mon père, écrit Véronique Krebs, prit un caractère mystérieux au commencement de 1768. Je le voyais recevoir fréquemment des visites d'officials et de seigneurs, visites qui étaient suivies de perpétuels conciliabules secrets, et comme j'avais déjà 18 ans, je me mis à tout observer avec soin, à prêter l'oreille à tout ce qui se disait, et je remarquai que la nuit une fois venue, le magasin qui avoisinait notre maison se remplissait de selles, de caparaçons, etc. Dans les premiers jours d'avril arriva à Szpicienzi Pulavsky avec ses trois fils et se proclama le maréchal de la confédération de Bar...».

Honta savait d'autre part que le vayvode Potocky était hostile aux confédérés et que s'il ne montrait pas ouvertement son hostilité, ce n'était que par crainte de voir ses domaines saccagés par les confédérés. Par conséquent Honta pouvait être sûr, en se mettant contre Mladanovicz, d'agir, à un certain degré, au gré des desseins du vayvode.

Une fois mis au courant des préparatifs secrets de Mladanovicz, Honta en avisa le vayvode, ce qui excita un grand mécontentement chez le commissaire et ses nobles collègues. On dirigea tout un système d'intrigues contre Honta, tendant à faire suspecter sa fidélité à la Pologne et à le condamner à la peine de mort, ou tout au moins à l'exclure du régiment. Mais aucune preuve ne vint corroborer toutes les accusations dirigées contre Honta, et Mladanovicz, qui avait mandé le centenier afin de le confondre et de le châtier, se vit obligé de le congédier avec «faveur», en se bornant à recommander secrètement aux colonels Oboukh et Magnuszevsky de surveiller soigneusement les faits et gestes de Honta.

Tels étaient les rapports entre Honta et Mladanovicz avant même que Maxime Jélezniak eût fait son apparition dans les environs d'Oumane. Les choses étaient dans le même état lorsque le centenier Honta sortit de la ville à la tête de ses cosaques contre les haïdamaques. A peine les cosaques avaient-ils quitté la ville, à peine avaient-ils eu le temps de dresser leur camp, que plusieurs gentilshommes polonais vinrent prévenir Mladanovicz que Honta avait l'intention de passer du côté de Jélezniak et qu'ils tenaient ce renseignement d'une source certaine. On conseillait à Mladanovicz de rappeler Honta au plus vite et de le faire décapiter. Mais Mladanovicz ne se décida pas à une pareille mesure, non parce que Honta jouissait de la faveur du vayvode, mais parce qu'il n'avait aucune preuve de la culpabilité du centenier. Néanmoins il dépêcha au colonel Oboukh l'ordre d'envoyer à Oumane, sous n'importe quel prétexte, les trois centeniers des cosaques. Lors-

Младановича, могъ быть до извѣстной степени увѣреннымъ, что дѣйствуетъ какъ бы въ руку воеводы Потоцкаго.

Провѣдавъ о тайныхъ приготовленіяхъ Младановича, Гонта сообщилъ о томъ воеводѣ и тѣмъ вызвалъ страшное неудовольствіе со стороны коммисара и его сослуживцевъ-шляхтичей. Противъ Гонты поведена была цѣлая система интригъ, клонившаяся къ тому, чтобы заподозрить его вѣрность Польшѣ и казнить смертью, или же, по малой мѣрѣ, отстранить отъ полка. Но всѣ обвиненія, направленныя въ этомъ смыслѣ противъ Гонты, остались недоказанными, и Младановичъ, вызвавъ къ себѣ сотника для улики и казни, долженъ былъ отпустить его отъ себя «съ честью», ограничившись тайнымъ приказомъ полковникамъ Обуху и Магнушевскому зорко наблюдать за поведеніемъ Гонты.

Такія-то отношенія были у Гонты и Младановича еще до появленія Максима Желѣзняка въ окрестностяхъ Уманя. Они нисколько не измѣнились и въ то время, когда сотникъ Гонта выступилъ съ козаками изъ города для борьбы съ гайдамаками. Едва козаки вышли изъ города и едва успѣли они устроить себѣ таборъ, какъ вдругъ къ Младановичу явилось нѣсколько человѣкъ шляхтичей съ извѣстіемъ о томъ, будто Гонта, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, имѣетъ намѣреніе соединиться съ Желѣзнякомъ. Шляхтичи совѣтовали Младановичу, какъ можно скорѣй, призвать обратно Гонту и отрубить ему голову. Но на такую мѣру Младановичъ не рѣшился, не потому, что Гонта былъ въ милости у воеводы, а потому, что у коммисара не было доказательствъ вины сотника. Тѣмъ не менѣе Младановичъ послалъ къ полковнику Обуху приказъ прислать въ Умань, подъ какимъ-то предлогомъ, всѣхъ трехъ сотниковъ изъ табора. Когда сотники явились въ городъ, то Младановичъ, въ присутствіи большой толпы, началъ говорить Гонтѣ, что его обвиняютъ въ переговорахъ съ Желѣзнякомъ. Это была непростительная безтактность со стороны Младановича, которая могла даже у единоплеменнаго и единовѣрнаго съ нимъ человѣка вызвать цѣлый потокъ негодованія, а у разновѣрнаго и разноплеменнаго человѣка возбудить неугасимую ненависть и вызвать жажду мести... Гонта со слезами на глазахъ опровергъ взводимое на него обвиненіе и потребовалъ, чтобы его враги сказали ему объ этомъ прямо въ глаза. Не довольствуясь этимъ, Гонта и всѣ начальники полка просили привести ихъ къ новой присягѣ на вѣрность Польшѣ, и они были приведены въ присутствіи священниковъ, принесшихъ на площадь евангеліе и крестъ... И вотъ Гонта снова выѣхалъ изъ города къ табору. Но можно себѣ представить, каково было послѣ этого его чувство къ полякамъ вообще и къ Младановичу въ частности!..

Между тѣмъ Младановичъ, разставшись съ Гонтой, рѣшилъ взять всѣ мѣры къ тому, чтобы укрѣпить Умань и поручилъ это дѣло землемѣру Шафранскому, какъ опытному воину. Шафранскій, сколько могъ, привелъ въ оборонительное положеніе

qué ses derniers se présentèrent, Mladanovicz, en présence d'une foule de monde, déclara à Honta qu'il était accusé d'entretenir des pourparlers avec Jélezniak. Ce fut, de la part de Mladanovicz, un manque de tact impardonnable qui aurait provoqué une grande indignation chez un compatriote et un coreligionnaire et qui devait exciter dans l'âme d'un étranger, professant une religion différente, une haine inextinguible et la soif de la vengeance... Les larmes aux yeux, Honta repoussa l'accusation portée contre lui, exigeant que ses ennemis la lui répétassent en face. Puis Honta et tous les autres chefs cosaques demandèrent à renouveler leur serment de fidélité à la Pologne et leur désir fut satisfait; des prêtres apportèrent sur la place le saint Evangile et le crucifix et le serment fut renouvelé... Après quoi Honta retourna au camp. Mais on s'imagine aisément quel genre de sentiments il devait nourrir désormais à l'endroit des polonais en général et de Mladanovicz en particulier!..

Ce dernier cependant, Honta une fois reparti, se décida à prendre les mesures nécessaires pour fortifier Oumane et il chargea de cette tâche l'arpenteur Szafransky qui était un soldat émérite et qui fortifia la ville le mieux qu'il put. Il fit appel non seulement à tous ceux qui étaient à l'intérieur de la ville, mais encore à tous ceux qui avaient dressé leur camp en dehors de ses murs et dont le nombre atteignait en ce moment-là 8.000 hommes. Ayant organisé ainsi la défense générale, Szafransky jeta son dévolu sur la tourelle la plus haute de la citadelle intérieure, comme poste de surveillance et s'y installa lui-même pour inspecter les alentours de la ville.

Quatre journées s'écoulèrent dans une attente anxieuse. Le 18 juin le commissaire fut brusquement prévenu de l'approche d'une armée. L'arpenteur Szafransky monta sans retard dans sa tourelle et, regardant dans une longue vue, s'écria joyeusement: «C'est le seigneur Honta avec son régiment!» Quelques minutes plus tard il cria de nouveau: «Voici une autre troupe qui s'avance, beaucoup plus nombreuse et en costumes divers!» Quelques minutes s'écoulèrent encore et le même Szafransky s'écria douloureusement: «Je vois Honta qui échange un bonjour amical avec le chef de cette troupe. Et ce chef — c'est Jélezniak!»...

Cette nouvelle fut un coup de foudre pour les habitants d'Oumane et tout le monde fut pris de panique. Le commissaire Raphaël Mladanovitch perdit complètement la tête. Seul, l'arpenteur Szafransky conserva toute la présence d'esprit, descendit rapidement de la tourelle et passa vivement en revue les canons de la porte du côté de la nouvelle ville et ordonna au lieutenant Lénart de prendre la défense de l'autre porte. On dressa à la hâte des barricades à toutes les portes et on posta aux embrasures les défenseurs de la ville: cosaques, nobles, bourgeois, valets, étudiants-basiliens, juifs et manants. Ils étaient presque tous bien armés, les juifs exceptés: à défaut d'armes ces derniers avaient apporté des haches, des couteaux et des faux, le tout fixé à de longues perches, ce qui les rendait propres au combat. Pendant ce temps le recteur de l'école basilienne, Héraclius Kostecky organisait dans la ville une procession religieuse avec chant de psaumes et grande sonnerie de cloches.

Cependant Honta et Jélezniak marchaient ensemble sur

городъ, призвавъ къ защитѣ его какъ тѣхъ, которые находились въ самомъ городѣ, такъ и тѣхъ, которые стояли таборомъ у Грекова лѣса, за городомъ, коихъ число доходило теперь до 8000 человѣкъ. Устроивъ такимъ образомъ защиту города, Шафранскій для себя лично избралъ одну, самую высокую башню внутренняго укрѣпленія и засѣлъ въ ней съ цѣлью наблюденія за окрестностями города.

Прошло въ томительномъ ожиданіи четыре дня. Вдругъ 18 числа, іюня мѣсяца, утромъ, коммисару дали знать, что къ городу приближается какое-то войско. Землемѣръ Шафранскій тотчасъ поднялся на свою башню и, глядя въ подзорную трубу, радостно закричалъ: «Это идетъ панъ Гонта съ полкомъ!» Спустя нѣсколько минутъ, Шафранскій снова закричалъ съ башни: «Идетъ другая, гораздо большая толпа въ разнообразныхъ одеждахъ!» Еще черезъ нѣсколько минутъ тотъ же Шафранскій съ горестью воскликнулъ: «Я вижу, какъ Гонта пріятельски здоровается съ начальникомъ этой толпы. Этотъ начальникъ — Желѣзнякъ!..»

Эта вѣсть пуще грома поразила уманцевъ, и необыкновенный страхъ овладѣлъ всѣми. Главный начальникъ города, Рафаилъ Младановичъ, совершенно потерялся. Не потерялся только землемѣръ Шафранскій, который сбѣжалъ съ башни внизъ и началъ поспѣшно приводить въ порядокъ пушки, стоявшія у воротъ, обращенныхъ къ новому городу. Поручику Ленарту онъ приказалъ охранять пушками другія ворота. Вездѣ у воротъ наскоро подѣланы были различныя баррикады, а у бойницъ размѣщены были защитники города: козаки, шляхтичи, мѣщане, слуги, студенты-базиліане, евреи и хлопы. Почти всѣ защитники были хорошо вооружены, кромѣ евреевъ: послѣдніе, не имѣя оружія, захватили съ собой топоры, ножи и косы, прикрѣпивъ ихъ къ длиннымъ шестамъ и сдѣлавъ такимъ образомъ удобными для сраженія. Въ это же время ректоръ базиліанскаго училища, Ираклій Костецкій, взявъ изъ фарнаго костела дары, устроилъ крестный ходъ по городу съ пѣніемъ псалмовъ и со звономъ колоколовъ.

Между тѣмъ Гонта и Желѣзнякъ, соединившись вмѣстѣ, двинулись къ городу и прежде всего истребили весь таборъ, находившійся возлѣ Грекова лѣса и состоявшій изъ 8000 человѣкъ жидовъ и шляхтичей.

Истребивъ таборъ, Желѣзнякъ и Гонта приблизились къ стѣнамъ города и тотъ же часъ начали осаждать его. Было 11 часовъ утра. Изъ горожанъ одни, тѣ, которые не сражались, бросились, по словамъ очевидца, на молитву въ костелы и базиліанскій соборъ и тамъ, исповѣдуя свои грѣхи, молили Бога объ отвращеніи бѣды; другіе ходили крестнымъ ходомъ вокругъ города, сопровождая образъ базиліанской Богородицы. Когда несли этотъ образъ, то даже евреи со слезами и глубокими вздохами падали на землю и, воздѣвая къ нему руки, говорили: «Спаси насъ, пресв. Богородица!» При этомъ до 20 лицъ евреевъ изъявили желаніе креститься и были крещены. Козацкія пули, перелетая черезъ палисадъ, падали возлѣ образа Богоматери, но не причиняли ему

la ville et commencèrent par exterminer tout le campement qui s'était disposé en dehors de la ville et qui se composait de 8.000 juifs et petits hobereaux polonais.

Jélezniak et Honta s'approchèrent ensuite des murs de la ville et l'assiégèrent. Il était 11 heures du matin. Ceux des habitants qui ne se battaient pas, se précipitèrent, ainsi que le dit un témoin oculaire, dans les églises et dans la cathédrale basilienne pour y prier, et, confessant leurs péchés, ils suppliaient Dieu de conjurer le péril; d'autres prenaient part à la procession religieuse autour de la ville, se joignant au cortège qui accompagnait l'image de la Sainte-Vierge. Au passage de cette image les juifs eux-mêmes se prosternaient et tendant les bras vers elle l'invoquaient parmi les larmes et les soupirs: «Sauvez nous, Sainte-Vierge!» Et une vingtaine de juifs demandèrent à être baptisés et furent immédiatement baptisés. Les balles cosaques volaient par dessus la palissade et tombaient près de l'image de la Vierge, mais sans l'effleurer ce qui était interprété en ce sens que Dieu lui-même couvrait de son invisible protection le peuple polonais.

Cependant les haïdamaques, ne voyant aucun résultat positif à leur fusillade, recrutèrent de force les paysans des environs et leur ordonnèrent de saper et d'abattre la palissade de la ville; eux-mêmes redoublaient leur fusillade, faisant pleuvoir une grêle de balles. En ce moment 50 paysans qui faisaient partie de la garnison de la ville, passèrent à l'ennemi, ainsi que 50 cosaques surnommés «escargots» qui étaient les domestiques de l'économat, et plus de 100 détenus: profitant du désarroi général, ces 200 hommes escaladèrent la palissade et se mêlèrent à l'armée de Honta et de Jélezniak, ce qui ne fit qu'augmenter la panique parmi les assiégés.

Néanmoins les défenseurs d'Oumane se battaient courageusement, stimulés par Szafransky qui s'évertuait à être partout à la fois et qui avait trouvé moyen d'armer les juifs eux-mêmes. «Je me souviens, écrit Véronique Krebs, qu'en suivant la procession, j'ai vu des juifs aux barbes et aux cheveux roussis, qui tiraient et se défendaient. Je puis même dire que les juifs étaient seuls à se défendre».

Le combat dura 30 heures sans interruption, à partir de 11 heures du matin du 18 juin jusqu'à 5 heures du soir du 19. Finalement, à l'épouvante de tous les habitants, l'arpenteur Szafransky déclara que toutes les munitions étaient épuisées. En outre, la ville manquait d'eau, et comme il faisait chaud, beaucoup de monde se mit à se désaltérer avec du vin, des liqueurs et de l'hydromel; on s'enivrait et on devenait incapable de se défendre. «Le seul espoir de salut qui nous reste, s'écria Szafransky, c'est une entrevue du commissaire avec Honta»... Mladanovicz s'élança vers les portes de la ville, mais bientôt il revint et déclara d'une voix défaillante: «Me voici... j'ai parlé à Honta... Je me remets entre les mains de la divine Providence, car nous n'avons plus qu' à mourir»...

Privés de munitions et affaiblis par la soif, les habitants d'Oumane se résolurent à s'abandonner à la volonté de Dieu et d'ouvrir les portes aux haïdamaques. L'armée de Jélezniak et de Honta se répandit en un moment dans la ville, «comme la marée montante», s'empara de la cathédrale des basiliens, de l'église catholique, de l'école israélite et de l'économat et procéda à une justice arbi-

никакого вреда, что истолковывалось въ смыслѣ незримой защиты польскаго народа самимъ Богомъ.

Между тѣмъ гайдамаки, не видя положительныхъ результатовъ въ обстрѣливаніи города, нагнали изъ окрестностей крестьянъ и велѣли имъ подрубывать и подкапывать городской частоколъ, сами же усилили пальбу и стали осыпать городъ цѣлымъ градомъ пуль. Въ это время къ нимъ перебѣжали 50 человѣкъ крестьянъ, входившихъ въ составъ городского гарнизона, 50 человѣкъ козаковъ «улитокъ» или «лизней», состоявшихъ въ качествѣ экономической прислуги, и болѣе 100 человѣкъ арестантовъ: пользуясь всеобщей суматохой, всѣ 200 человѣкъ перескочили черезъ палисадъ и очутились въ войскѣ Гонты и Желѣзняка, что произвело еще бо́льшую панику среди горожанъ.

При всемъ томъ защитники Уманя мужественно отбивались, поощряемые Шафранскимъ, старавшимся поспѣвать вездѣ и нашедшаго возможность вооружить ружьями даже жидовъ. «Помню, говоритъ Вероника Кребсъ, идя за процессіей, я видѣла жидовъ съ опаленными бородами и пейсами, охотно стрѣляющими и защищающимися. Я могу сказать, что только одни жиды и защищались»...

Бой продолжался безъ перерыва 30 часовъ, съ 11 часовъ утра 18 іюня до 5 часовъ вечера 19-го. Подъ конецъ землемѣръ Шафранскій, къ ужасу всѣхъ жителей, объявилъ, что боевые запасы всѣ истощились. Къ тому же въ городѣ не было воды, и для удовлетворенія жажды въ знойный день многіе начали пить вина, наливки и медъ, вслѣдствіе чего, перепившись, оказывались вовсе негодными къ защитѣ города. «Теперь нѣтъ другой надежды на спасеніе, вскричалъ Шафранскій, кромѣ свиданія коммисара съ Гонтой»... Младановичъ бросился къ воротамъ, но скоро вернулся и упавшимъ голосомъ объявилъ: «Я былъ у воротъ... я говорилъ съ Гонтой... Поручимъ себя защитѣ Божіей, потому что мы должны умереть»...

Лишившись боевыхъ средствъ и изнемогая отъ жажды, жители Уманя рѣшились отдаться на волю Божію и отворить ворота гайдамакамъ. Войско Желѣзняка и Гонты, подобно морю, тотъ же часъ разлилось по городу и, захвативъ базиліанскій соборъ, католическій костелъ, жидовскую школу и экономическій дворъ, немедленно начало свою кровавую расправу, получившую въ исторіи названіе Уманской рѣзни (rzez Humanska).

Въѣхавъ въ городъ, Гонта направился къ костелу, который былъ биткомъ набитъ народомъ и въ которомъ находился между прочимъ и самъ Младановичъ со всей своей семьей. Коммисара тотчасъ вывели изъ костела на крыльцо, и онъ обратился со словомъ увѣщанія къ Гонтѣ. «Панъ Гонта! Много уже милостей получилъ ты отъ нашего пана; подумай, сколько ты получишь отъ него новыхъ ласкъ и пріязни, если защитишь его имѣнія». Затѣмъ, обратившись къ другому сотнику, Яремѣ, Младановичъ сказалъ: «Панъ Ярема, спаси насъ»! Ярема, глядя на Младановича, со слезами отвѣтилъ ему: «Пусть васъ Богъ спасаетъ,

traire, prompte et sanglante, qui prit ensuite dans l'histoire le nom du massacre d'Oumane (rzez Humanska). Une fois entré, Honta se dirigea vers l'église catholique qui était bondée de monde et où se trouvait, entre autres, Mladanovicz avec sa famille. On amena le commissaire sur le perron et il adressa à Honta l'adjuration suivante: «Seigneur Honta! Le vayvode, t'a déjà comblé de faveurs; songe à l'amitié qu'il te témoignerait si tu lui conservais ses propriétés». S'adressant ensuité à un autre centenier, Jérémie, il ajouta: «Sauve-nous, seigneur Jérémie!..» Celui-ci lui répondit en le regardant les larmes aux yeux: «Que Dieu vous sauve, moi, je n'y peux rien». Se tournant alors vers sa fille Véronique, Mladanovicz lui remit une vieille image de famille, représentant la Sainte-Vierge et une petite bourse remplie de ducats. Mais en ce moment Honta cria: «Qu'on s'empare du commissaire et de toute sa famille!» On emmena alors Mladanovicz et tous les membres de sa famille en dehors de l'enceinte de l'église et on les égorgea tous, excepté Véronique et Paul, qui furent conduits dans une église orthodoxe, afin d'y être baptisés. «Un vieux prêtre aux cheveux blancs comme neige se tenait sur le seuil, et lorsque les cosaques lui crièrent de nous baptiser, il demanda: «Où sont les parrains?» «Les parrains? ce seront les seigneurs Honta et Jélezniak». Le meurtre de Mladanovicz fut le signal du massacre général et du pillage des maisons des habitants d'Oumane. «Ce n'est pas avec de l'encre, mais avec des larmes amères qu'il faudrait décrire cette effroyable effusion du sang chrétien et israélite, écrit le témoin oculaire, ces temples dévastés, ces outrages blasphémateurs, auxquels se livrèrent les meurtriers en envahissant la ville». «Qu'on se représente la ville en flammes et une horde furieuse, terrible comme une mer démontée, s'acharnant comme une bête féroce contre tout ce qui portait le nom de polonais (et de juif?) On égorgeait, on massacrait partout, se servant de lances, de couteaux, de haches, de sabres, de massues, sans distinction de sexe, ni d'âge». Un autre témoin oculaire remarque qu'il est difficile de supputer le nombre des meurtres et des violences, perpétrés par les haïdamaques: ils précipitaient de tout petits enfants du haut des toits sur des piques, ils éventraient les femmes enceintes et foulaient aux pieds le fruit arraché à leurs entrailles, ils déshabillaient complètement les prêtres catholiques et grecs unis et les lardaient de coups de lance ou bien les fusillaient ou les pendaient à des gibets. Les autorités de la ville n'eurent pas un sort meilleur. Ainsi l'arpenteur Szafransky et l'économe Skarzinsky furent égorgés, le recteur des basiliens Kostecky fut précipité sur des lances, le dapifer Rzonzevsky, le trésorier Korzenevsky, le capitaine Markovsky, le clerc de la douane Tomaczevsky et quantité d'autres périrent dans d'horribles supplices. On égorgea également les étudiants basiliens, dont les cadavres furent jetés dans le puits sans fond, creusé par les oumaniens pour trouver de l'eau, et qu'on peut encore voir devant la cathédrale, sur la grand'place. Enfin on extermina force juifs qu'on saisit au collège, dans la synagogue ou simplement dans les rues. Au total on égorgea, pendit et étrangla en une seule journée 18.000 environ de juifs et de polonais. Les haïdamaques firent emporter plusieurs milliers de cadavres en dehors des fortifications où ils furent abandonnés aux

а я не могу». Послѣ этого Младановичъ обратился къ своей дочери, Вероникѣ, отдалъ ей фамильную икону Божіей Матери и небольшой мѣшочекъ съ дукатами. Но тутъ Гонта закричалъ: «Возьмите коммисара и всю его родню!» Тогда Младановича и всѣхъ членовъ его семьи схватили и вывели за ворота костела, гдѣ они были всѣ перебиты, кромѣ Вероники и Павла, которые были отведены въ православную церковь для крещенія. «Старый, сѣдой, какъ лунь, священникъ церкви стоялъ на порогѣ, обливаясь слезами, и когда козаки закричали ему, чтобы онъ крестилъ насъ, онъ спросилъ: «А гдѣ же кумовья?» «Кумовьями будутъ панъ Гонта и панъ Желѣзнякъ!»

Убійство Младановича послужило какъ бы сигналомъ для всеобщаго истребленія жителей города и разгрома ихъ добра. «Нужно бы омочить перо не въ чернила, а въ горькія слезы, говоритъ очевидецъ, чтобы описать страшное пролитіе христіанской и еврейской крови, то опустошеніе храмовъ господнихъ, тѣ богохульныя оскорбленія Господа и Его Пресвятой Матери, которыя были совершены, когда убійцы ворвались въ городъ». «Пусть себѣ всякій представитъ пожаръ, охватившій весь городъ и разъяренную, бушующую, какъ волны, толпу съ остервенѣніемъ животнаго бросающуюся на все, что носитъ названіе поляка (и жида?). Тутъ кололи копьями, рѣзали ножами, рубили саблями и топорами, убивали дубинами, не разбирая ни пола, ни возраста». Трудно исчислить, замѣчаетъ другой очевидецъ, всѣ убійства и насилія, совершенныя гайдамаками: малыхъ дѣтей они сбрасывали съ крышъ на копья, беременнымъ женщинамъ распарывали животы и вынутый плодъ топтали ногами; ксендзовъ и уніатскихъ поповъ раздѣвали до-нага, потомъ кололи копьями, стрѣляли по нимъ изъ ружей или же подымали на висѣлицы. Не лучше поступали и съ панами, управлявшими городомъ. Такъ, убиты были землемѣръ Шафранскій и экономъ Скаржинскій, поднятъ на копья базиліанскій ректоръ Костецкій, замучены были: стольникъ Ржонжевскій, скарбникъ Корженевскій, хорунжій Марковскій, таможенный писарь Томашевскій и многіе другіе. Кромѣ того, перерѣзаны были студенты базиліанцы и трупы ихъ были посбрасываны въ тотъ бездонный колодезь, въ которомъ уманцы тщетно пытались добыть себѣ воды и который теперь находится на главной площади, передъ соборомъ. Наконецъ, истреблена была масса евреевъ, захваченная въ жидовской школѣ, синагогѣ и на улицахъ. Въ общемъ въ одинъ день было перерѣзано, перевѣшано и передушено жидовъ и поляковъ до 18,000 человѣкъ. Изъ нихъ нѣсколько тысячъ труповъ гайдамаки велѣли вывезти за городъ и бросить тамъ безъ всякаго прикрытія на съѣденіе собакамъ. «Страшно было и проходить возлѣ города, говоритъ очевидецъ, живому человѣку: вездѣ опустошеніе, вездѣ трупы; страшный смрадъ отъ ихъ разложенія заражалъ окрестныя поля и лѣса».

Изъ всего населенія города пощажены были только красивыя женщины, польки да жидовки, которыхъ козаки крестивъ разбирали себѣ въ жены, да нѣко-

chiens. «Les vivants avaient peur de passer devant la ville, certifie un témoin oculaire, l'oeil ne rencontrait que dévastation et cadavres en état de putréfaction qui contaminaient l'air des champs et des bois avoisinants».

On n'épargna de toute la population de la ville que des belles polonaises et juives que les cosaques prirent pour femmes après les avoir baptisées, et quelques hommes qui se convertirent à la religion orthodoxe. Quelques autres encore échappèrent à la mort en se déguisant en paysans, en se jetant dans la mêlée générale et en prenant part au pillage; plusieurs étudiants basiliens, qui savaient des prières russes, réussirent également à se sauver en se déguisant en mendiants et en psalmodiant des versets sacrés, accroupis sur le sol.

En même temps qu'on massacrait, on pillait, on dévastait, on se livrait aux pires outrages sur tout ce qui était sacré pour la religion catholique et on insultait le clergé catholique. Forçant les portes des églises catholiques, les haïdamaques y renversaient les autels, brisaient à coups de haches les statues des saints, foulaient aux pieds la sainte hostie, détruisaient les livres latins, s'affublaient des habits sacerdotaux et se promenaient ainsi affublés sur les places publiques et dans les cabarets, singeaient les cérémonies de la religion catholique et offraient leur bénédiction aux passants. Ils s'emparaient de tout ce qui leur tombait sous la main et amoncelaient leur butin sur la place. Il y en avait tant que «les haïdamaques n'en finissaient plus de mesurer l'or par sauciers et l'argent par grandes cuvettes en cuivre; on mettait en pièces de riches habits qui remplissaient des chariots entiers; il y avait des troupeaux de chevaux, les calèches et les carrosses se vendaient un rouble pièce; quant aux sabres, les marchands étrangers les achetaient par dizaines à des prix dérisoires». Les dommages, causés par les haïdamaques, tant à Oumane que dans ses environs, s'élevaient à plusieurs millions.

Le massacre terminé, les haïdamaques battirent en retraite et dressèrent leur camp dans les terrains de la Karpovka. Grisés par leur victoire, ils festoyèrent bruyamment pendant quelques jours. Au fracas des salves de canons, au crépitement de joyeuses fusillades, au milieu de chants et d'acclamations, Jélezniak fut proclamé hetman de l'Ukraine, tandis que Honta était proclamé colonel.

Mais le «colonel» et le «prince» Honta n'était guère joyeux. «Pour festoyer nous avons pris des viandes et tiré du vin, il s'agit de savoir comment on boira ce vin tiré». La vive imagination de Honta lui montrait déjà le jour et l'heure des représailles que lui vaudrait la destruction d'Oumane.

Mais en attendant ces représailles, les haïdamaques continuèrent encore longtemps leurs prouesses et en peu de temps les compagnons de Jélezniak prirent et pillèrent force villes et bourgades: Granow, Teplik, Dachew, Toultchine, Monastyristché, Haïssyne, Bassavka, Jydiaguine et bien d'autres. La prise des villes était toujours accompagnée de rapines, d'incendies, de meurtres des polonais et surtout des juifs. Même ceux qui avaient pris la fuite et passé la frontière turque ne purent échapper aux haïdamaques, car ceux-ci passaient délibérément la frontière et exterminaient les fuyards sans pitié.

торые изъ мужчинъ, именно тѣ, которые приняли православную вѣру. Кромѣ того спаслись отъ гибели немногіе изъ тѣхъ, которые, переодѣвшись въ крестьянское платье, бросались въ бушующую толпу и вмѣстѣ съ нею предавались грабежамъ и разореніямъ, а также и тѣ изъ студентовъ-базиліанъ, которые, зная русскія молитвы, одѣвались въ одежды нищихъ и, сидя на землѣ, распѣвали духовные стихи про св. Николая и почаевскую Божію Матерь.

Вмѣстѣ съ убійствами повсюду производились разоренія и грабежи, чинились поруганія надъ католической святыней и глумленія надъ католическимъ духовенствомъ. Такъ, врываясь въ костелы, гайдамаки опрокидывали въ нихъ алтари, рубили топорами католическія иконы, разбрасывали по землѣ дары и топтали ихъ ногами, таскали по городу статуи католическихъ святыхъ, истребляли латинскія и уніатскія книги, одѣвались въ ксендзовскія ризы, расхаживали въ нихъ по площадямъ, заходили въ шинки, представляли католическое богослуженіе и зазывали прохожихъ къ себѣ подъ благословеніе. При этомъ все добро, которое попадалось кому-либо, грабили и сносили на городскую площадь. Собранной добычи было такъ много, что гайдамаки «продолжительно мѣряли золото соусникомъ, а серебро огромною мѣдною чашкою; богатыя шелковыя платья рвали на тряпки, нагрузивъ ими предварительно цѣлые возы; лошадей согнали громадное стадо; коляски и кованные возы продавали по рублю; сабли же и солдатскіе палаши иностранные торговцы покупали у нихъ за нѣсколько десятковъ грошей». Въ общемъ опустошенія, произведенныя гайдамаками въ Умани и въ окрестностяхъ, равнялись нѣсколькимъ милліонамъ.

Совершивъ кровавую расправу, гайдамаки отступили отъ города и расположились таборомъ въ урочищѣ Карповкѣ. Нѣсколько дней они упивались своей побѣдой. Нѣсколько дней они «гучно» и «бучно» гуляли въ таборѣ. При громѣ пушекъ, при пальбѣ изъ ружей и при веселыхъ пѣсняхъ Желѣзнякъ провозглашенъ былъ украинскимъ гетманомъ, а Гонта объявленъ былъ полковникомъ.

Но не на радость было это «полковнику» Гонтѣ: «Наварылы мы доброй вареной, паны-браты, та якъ то вона выпьется». Живое воображеніе Гонты ярко рисовало ему день и часъ расплаты за истребленіе Уманя...

Но пока настали дни расплаты, до тѣхъ поръ движеніе гайдамачины продолжалось, и въ короткое время сподручники Желѣзняка взяли и разграбили города и мѣстечки: Грановъ, Тепликъ, Дашевъ, Тульчинъ, Монастырище, Гайсынъ, Басовку, Жыдячинъ и многіе другіе. Грабежи, поджоги, убійства поляковъ и въ особенности жидовъ сопутствовали повсюду взятію этихъ городовъ. Отъ смерти не могли спастись даже и тѣ, которые бѣжали изъ Украйны въ предѣлы Турціи: гайдамаки безбоязненно переходили польско-турецкую грань и тамъ безпощадно истребляли бѣглецовъ.

Движеніе гайдамаковъ грозило перевернуть вверхъ

L'insurrection des haïdamaques menaçait de mettre tout sens dessus dessous dans l'Ukraine polonaise et cela serait certainement arrivé si elle n'avait été réprimée par les forces de la Pologne et de la Russie réunies. La Pologne nomma pour cette répression le colonel Joseph Stemkovsky et le subalterne Jacques Komarovsky, tandis que la Russie dépêchait le général Krétchetnikoff qui assiégeait en ce moment les confédérés à Berditchew. Mais avant de se mettre lui-même en marche, Krétchetnikoff envoya à Oumane le colonel Gourieff, à la tête des cosaques du Don. Gourieff se présenta devant Jélezniak et Honta non comme ennemi, mais, soi-disant, comme un allié pour combattre les confédérés. Gourieff lia grand commerce d'amitié avec les chefs de l'insurrection, offrit aux haïdamaques un joyeux festin, et, profitant de la nuit noire du 6 au 7 juillet, il garrotta le chef des haïdamaques et fit prisonniers 900 ukraniens.

Après être si heureusement venu à bout des haïdamaques, le colonel Gourieff fit brusquement volte-face, manifestant une sympathie ouverte pour les nobles «outragés» et une haine non dissimulée contre les serfs «rebelles», se permettant même d'outrepasser les ordres de ses supérieurs en traitant cruellement les chefs de l'insurrection. Avant même que le général Krétchetnikoff arrivât à Oumane il fit donner 300 coups de verges à Honta et on recommençait en outre trois fois par jour à le châtier, au point que son corps ne formait plus qu'une plaie. La famille de Honta même ne fut pas laissée en repos: sa femme et ses quatre filles furent également fouettées à plusieurs reprises et finalement exilées; seul, le fils de Honta échappa au sort des autres en se sauvant en Moldavie. L'arrivée du général Krétchetnikoff à Oumane ne modifia guère la position de Honta. «J'ai vu, écrit Véronique Krebs, Honta gisant sur le sol, face contre terre, sous la tente; ses jambes et ses bras étaient chargés de fers. Il portait la tunique en satin de son régiment. Le prince (c'est ainsi que Véronique Krebs appelle le général Krétchetnikoff), poussa sa tête du bout d'un bâton, Honta se souleva. Le prince lui dit alors en nous désignant: «Vois ces malheureux orphelins!» Honta nous dévisagea pendant une minute, se détourna en s'exclamant: «Que le diable les emporte!» et reprit sa pose, face contre terre».

Après avoir gardé Honta à Oumane chez lui pendant quelques jours, Krétchetnikoff le repassa au colonel Stemkovsky. Celui-ci, ayant peur de faire exécuter Honta à Oumane où il y avait toujours quantité de paysans armés qui pouvaient reprendre Honta aux polonais, l'emmena au bourg Serby près de Moguilew, sur le Dniéster. Là le tribunal condamna Honta au plus cruel des supplices qui devait durer pendant 14 jours. Pendant les 10 premières journées le bourreau devait lui découper quotidiennement une lanière de peau, allant du cou aux reins; le 11-ème jour il devait lui trancher les deux jambes, le 12-ème jour—les deux bras, le 13-ème—lui arracher le coeur de la poitrine et le 14-ème—le décapiter; les membres du supplicié devaient être expédiés dans 14 villes et y être cloués à 14 gibets dressés tout exprès.

Honta écouta tranquillement, sans se troubler, la sentence du tribunal. Et même, ainsi que le rapporte un écrivain polonais, au moment de se mettre en route pour le

домъ всѣ порядки и во всей польской Украйнѣ и, конечно, перевернуло бы, если бы не было усмирено соединенными силами Польши и Россіи. Для усмиренія гайдамакъ отъ Польши назначены были—региментарь Осипъ Стемковскій и субалтернъ Яковъ Комаровскій; а отъ Россіи генералъ Кречетниковъ, осаждавшій въ то время конфедератовъ въ г. Бердичевѣ. Но Кречетниковъ, прежде чѣмъ самъ двинулся подъ Умань, отправилъ отъ себя полковника Гурьева съ донскими козаками. Гурьевъ явился къ Желѣзняку и Гонтѣ не въ качествѣ врага, а въ качествѣ якобы союзника для борьбы съ конфедератами. Войдя въ полную дружбу съ главарями возстанія и устроивъ веселую попойку гайдамакамъ, Гурьевъ въ темную ночь съ 6-го на 7-е іюля перевязалъ въ собственной палаткѣ старшину гайдамаковъ и захватилъ въ таборѣ 900 человѣкъ украинцевъ.

Управившись такъ счастливо съ гайдамаками, полковникъ Гурьевъ сразу перемѣнилъ свой тонъ по отношенію къ нимъ и выказалъ полное сочувствіе «обиженной» шляхтѣ и нескрываемую ненависть къ «бунтующимъ» хлопамъ, при чемъ, помимо приказа свыше, позволилъ себѣ не мало жестокостей въ отношеніи главарей «бунта». Еще до прибытія въ Умань генерала Кречетникова, Ивану Гонтѣ, по распоряженію Гурьева, дано было 300 ударовъ; кромѣ того, по три раза въ одинъ и тотъ же день Гонту подвергали тѣлесному наказанію и черезъ то истерзали его такъ, что все тѣло его покрылось язвами. Не оставили въ покоѣ даже и семью Гонты: жену его и четырехъ дочерей также нѣсколько разъ сѣкли розгами и въ заключеніе отправили въ ссылку; только сынъ Гонты избѣжалъ наказанія, убѣжавъ въ Молдавію. Самъ генералъ Кречетниковъ, прибывшій въ Умань, не измѣнилъ обращенія съ Гонтой. «Я видѣла, пишетъ Вероника Кребсъ, въ палаткѣ, лежащаго лицомъ къ землѣ, Гонту, съ цѣпями на рукахъ и на ногахъ. Одѣтъ онъ былъ въ форменный атласный жупанъ. Князь (такъ Вероника Кребсъ называетъ генерала Кречетникова) толкнулъ его палкой въ голову. Гонта приподнялся. Тогда князь, указывая на насъ, сказалъ: «Посмотри на этихъ несчастныхъ сиротъ!» Гонта съ минуту смотрѣлъ на насъ, потомъ отвернулся и крикнулъ: «А ну ихъ къ чорту!» и снова уткнулся лбомъ въ землю.

Продержавъ Гонту нѣсколько дней у себя въ лагерѣ, Кречетниковъ передалъ его региментарю Стемковскому. Послѣдній, опасаясь казнить сотника въ Умани, гдѣ все еще очень много было вооруженныхъ крестьянъ, могшихъ отбить Гонту у поляковъ, увезъ его въ с. Сербы, близъ города Могилева на Днѣстрѣ.

Въ селѣ Сербахъ Гонта осужденъ былъ военнымъ судомъ на самую мучительную казнь: опредѣлено было мучить Гонту въ теченіе четырнадцати дней. Въ первые десять дней палачъ долженъ былъ ежедневно снимать со спины его по полосѣ кожи, отъ шеи до поясницы; на 11-й день долженъ былъ отрубить ему обѣ ноги; на 12-й день отсѣчь обѣ руки; на 13-й вырвать изъ груди сердце и на 14-й отрубить

lieu du supplice, Honta décocha à un compagnon d'armes qui était chargé de le garder dans sa prison, un trait caustique ne trahissant aucune dépression morale. «La veille de l'exécution, comme on lui avait lu le verdict et que Honta demeurait pensif, son gardien lui dit: «Colonel! demain vous en aurez fini avec toutes les choses de la terre: ne voudriez-vous pas laisser un souvenir quelconque au pauvre soldat qui passe avec vous vos derniers moments?» — «Volontiers,—répondit l'ataman,— rappelez-le moi demain au moment de partir pour le lieu de l'exécution: je vous donnerai une de mes ceintures». Le cupide officier le remercia, persuadé qu'il allait avoir une des magnifiques ceintures en drap d'or dérobée dans quelque maison de noble en Ukraine. Le lendemain, au moment où Honta sortait de la prison, l'officier s'adressa à lui: «Colonel! Permettez-moi de vous rappeler le présent que vous m'avez promis!» — «Je ne l'ai pas oublié,—repondit Honta avec un sourire méprisant,—et la première lanière de peau qu'on me découpera dans le dos vous servira de ceinture». («Antiquité de Kiew», 1882, novembre, 351.)

Le polonais Ohocky certifie que Honta supportait les plus cruels supplices avec «une fermeté inébranlable et après avoir reçu le saint viatique». Il parut sur le lieu du supplice avec un visage calme et même joyeux, comme s'il se rendait à une fête de baptême. Le bourreau lui arracha la première lanière de peau, le sang jaillit, mais le visage de Honta ne s'altéra nullement; à la seconde lanière qu'on lui arracha Honta s'adressa ainsi aux spectateurs: «Ils prétendaient que cela ferait mal, mais pas du tout!» Quelle admirable force de caractère! Nul doute que, placé dans une autre situation, cet homme aurait accompli de grandes choses! Chaque fois que Honta essayait de parler au peuple, les soldats qui le gardaient lui emplissaient la bouche avec de la terre, afin qu'il se tût. L'exécution de Honta ne dura que 3 jours ou lieu de 14, sur l'ordre du commandant en chef des troupes polonaises Xavier Branicky; celui-ci, épouvanté de la cruauté du supplice infligé à Honta le fit décapiter dès le troisième jour et ordonna de procéder ensuite sur son cadavre à l'exécution en détail, prescrite par la sentence du conseil de guerre.

La légende populaire ajoute le détail suivant au supplice de Honta: les bourreaux lui auraient, soi disant, écorché le crâne, l'auraient saupoudré avec du sel et y auraient de nouveau appliqué la peau arrachée:

«D'abord on l'attacha solidement,
Le 7-ème jour on l'avait écorché jusqu'aux reins,
Le crâne fut aussi écorché, saupoudré de sel
Et la peau y fu' derechef appliquée,
Et le seigneur colonel parla ainsi: «Regardez, vous tous
Quiconque sera rebelle, sera traité de même.»

Quantité de compagnons de Honta furent en effet livrés aux plus cruels supplices: aux uns on coupa une jambe et un bras en croix (na Krzyrz), (c'est à dire le bras droit et la jambe gauche ou le bras gauche et la jambe droite), puis, les plaies une fois cicatrisées, on les relâcha, afin qu'ils servissent d'exemple aux autres; d'autres étaient accrochés par les côtes à des crocs en fer fixés à des poteaux en bois et on les y laissait des semaines entiè-

голову, а въ заключеніе всего развезти части тѣла казненнаго по 14 городамъ и прибить къ 14 поставленнымъ въ городахъ висѣлицамъ.

Гонта спокойно принялъ такое опредѣленіе суда и нисколько не смутился духомъ. Напротивъ того, уже отправляясь къ мѣсту казни, Гонта, по словамъ польскаго писателя, отпустилъ такую ѣдкую остроту одному изъ панцырныхъ товарищей, дотолѣ охранявшему темницу узника, которая отнюдь не указываетъ на его угнетенное состояніе. «Послѣ того, какъ наканунѣ казни прочитанъ былъ ему приговоръ, товарищъ этотъ сказалъ Гонтѣ, пребывавшему въ задумчивости: «Панъ полковникъ! завтра все земное будетъ кончено для васъ; не найдете ли возможнымъ оставить что-либо на память бѣдному воину, который проводитъ съ вами послѣднія минуты»?—«Охотно, отвѣчалъ атаманъ, напомните мнѣ завтра, когда меня станутъ вести на мѣсто казни: я вамъ подарю одинъ изъ своихъ поясовъ». Любостяжательный офицеръ поблагодарилъ за подарокъ, пребывая въ увѣренности, что онъ получитъ богатый поясъ изъ златоглава, вѣроятно похищенный въ какомъ-либо шляхетскомъ домѣ въ Украйнѣ. На слѣдующій день, когда Гонту вывели изъ тюрьмы, офицеръ обратился къ нему: «Панъ полковникъ! позвольте вамъ напомнить обѣщанный поясъ!»—«Я не забылъ, отвѣтилъ Гонта съ презрительной улыбкой: первая полоса кожи, которую снимутъ съ меня со спины, пусть служитъ вамъ поясомъ» (Кіевская Старина, 1882, ноябрь, 351).

Поставленный на казнь, Гонта, по словамъ поляка Охоцкаго, переносилъ всѣ лютѣйшія муки «съ полною рѣшительностью» и приготовился къ нимъ надлежащимъ образомъ, т. е. принявъ напутствіе передъ смертью. «Онъ вышелъ на мѣсто казни съ лицомъ веселымъ и спокойнымъ, будто шелъ къ куму на крестины. Палачъ оторвалъ ему полосу кожи, кровь брызнула, но лицо гайдамаки не измѣнилось; оторвали другую полосу кожи, тогда Гонта сказалъ зрителямъ: «Отъ говорили, що буде болиты, а ни кришкы не болыть!» Удивительная сила! Въ другомъ положеніи этотъ человѣкъ несомнѣнно могъ бы совершить великія дѣла». Когда Гонта пытался говорить къ народу, то стоявшіе возлѣ него солдаты запихивали ему ротъ землей и заставляли его молчать. Вмѣсто 14 дней казнь надъ Гонтой продолжалась 3 дня, по распоряженію главнаго начальника польскихъ войскъ въ юго-западномъ краѣ, Ксаверія Браницкаго: Браницкій, ужаснувшись при видѣ жестокости, какой подвергался Гонта, велѣлъ на третій день отрубить ему голову и уже надъ мертвымъ трупомъ исполнить все то, что предписано было военнымъ судомъ.

Народная дума къ пыткамъ, которымъ подвергали Гонту, прибавляетъ еще то, будто палачи содрали съ его головы кожу съ волосами, посолили ее солью и вновь надѣли на черепъ:

Воны жъ ёго насамперéдъ бáрзо прывитáлы:
Черезъ симъ день зъ ёго кóжу по поясъ здырáлы,
И гóлову облупылы, сылью насолылы,
Потóмъ ёму, якъ чеснóму, назадъ положылы.

res; les troisièmes étaient empalés sur des pals en fer qui perforaient toutes les entrailles et ressortaient ensuite entre la troisième et la quatrième vertèbre de l'épine dorsale. Mais les suppliciés ne se laissaient pas toujours troubler par toutes ces cruautés, se moquant même souvent de leurs bourreaux. On raconte qu'à Loutsk, comme les polonais pendaient un haïdamaque, celui-ci leur cria tout à coup: «Arrêtez, j'ai à vous faire une déclaration importante avant de mourir!» Les bourreaux s'arrêtèrent et les autorités s'apprêtèrent à ouïr un secret important. «Eh bien, qu'as-tu à dire?» — «Voici: ne me faites pas accrocher trop haut pour qu'il vous soit plus facile de me baiser le c...!»

C'est ainsi que moururent l'un des chefs principaux de l'insurrection des haïdamaques, le centenier Jean Honta et ses plus proches compagnons d'armes. Quant à l'autre chef des haïdamaques, Maxime Jélezniak, il continua, Honta une fois exécuté, à exterminer pendant quelque temps encore, les nobles polonais et les juifs, jusqu'à ce qu'il fût à son tour, pris par les russes et envoyé à Kiew pour être ensuite exilé.

«Dans toute cette histoire du «massacre d'Oumane», la conduite du centenier» Jean Honta apparaît inexplicable et énigmatique aux écrivains polonais. Mais pour les historiens russes contemporains la personnalité et la conduite de Honta n'ont rien d'énigmatique, dit le professeur Antonovitch, («Antiquité de Kiew», 1882, novembre). Tout s'explique si l'on considère cet épisode historique en se plaçant au point de vue qui était celui de la population ukranienne de son époque; on comprend immédiatement que Honta agissait ainsi sous l'empire de certaines convictions, profondément enracinées chez ses compatriotes, et poussé par le désir conscient de prendre dans cette lutte qui embrasait tout son pays, le parti de son peuple, de ses droits, de sa religion, de sa nationalité, et d'immoler à cette oeuvre et sa carrière et sa position sociale.»

Панъ рейментарь похожáе: «Дывитеся, люде,
Хто ся тилькы забунтуе, то вамъ тée буде».

И точно многіе изъ товарищей Гонты также преданы были самымъ жестокимъ и самымъ мучительнымъ пыткамъ: нѣкоторымъ изъ нихъ отрубливали на-крестъ (na krzyrz) руку и ногу (правую руку съ лѣвой ногой и лѣвую ногу съ правой рукой) и потомъ, залѣчивъ, пускали въ народъ для назиданія другимъ; нѣкоторыхъ вѣшали за ребра на желѣзные крюки, вбитые въ деревянные столбы, и оставляли ихъ висѣть въ такомъ видѣ по цѣлымъ недѣлямъ; наконецъ, нѣкоторыхъ сажали на острыя пали желѣзныя, которыя проходили чрезъ всю внутренность человѣка и показывались наружи между 3 и 4 позвонкомъ хребта. Но казнимые не всегда смущались отъ такой казни и нерѣдко даже издѣвались надъ своими мучителями. Разсказываютъ, что когда въ городѣ Луцкѣ поляки повѣсили какого-то гайдамаку, то онъ передъ самой смертью вдругъ неожиданно крикнулъ: «Постойте, передъ смертью я открою вамъ важное дѣло!» Палачи остановились, и паны приготовились слушать тайну. «Что же ты скажешь?»—«А вотъ що: не велите мене дуже высоко поднимать, бо вамъ же легче буде цыловать мене въ . . . .»

Такъ окончили свою жизнь одинъ изъ главныхъ вождей гайдамацкаго движенія, сотникъ Иванъ Гонта, и ближайшіе изъ его сподвижниковъ. Что касается другого вожака гайдамаковъ, Максима Желѣзняка, то онъ еще нѣсколько времени послѣ казни Гонты громилъ шляхту и жидовъ, пока не былъ пойманъ русскими и отправленъ въ Кіевъ для ссылки.

Во всемъ событіи «Колінвщины» дѣйствія сотника Ивана Гонты для польскихъ мемуаристовъ прошлаго столѣтія кажутся неразъяснимыми и загадочными. Но для русскихъ историковъ настоящаго времени и личность и дѣйствія Гонты нисколько не кажутся загадочными, говоритъ проф. Антоновичъ. Конечно, колоритъ этотъ исчезаетъ, если мы посмотримъ на данное событіе съ той точки зрѣнія, которая присуща была въ свое время украинскому народу; тогда станетъ понятнымъ, что Гонта дѣйствовалъ изъ-за убѣжденій, глубоко укоренившихся въ народѣ, изъ-за сознательнаго долга стать въ борьбѣ, охватившей страну, на сторонѣ своего народа, его правъ, вѣры и національности, и принести этому дѣлу въ жертву и свою карьеру, и свое общественное положеніе». (Кіевская Старина, 1882, ноябрь).

Писарь войсковой.

Въ войскѣ городовыхъ малороссійскихъ козаковъ войсковой генеральный писарь занималъ, послѣ гетмана, обознаго и судей, четвертое мѣсто. Въ войскѣ запорожскомъ низовомъ войсковой писарь, послѣ кошевого атамана и судьи, занималъ третье мѣсто. Но какъ въ войскѣ малороссійскихъ козаковъ, такъ и въ войскѣ запорожскихъ козаковъ должность войскового писаря была одной изъ важныхъ и отвѣтствен-

Clerc d'armée.

Dans la hiérarchie militaire des troupes urbaines des cosaques petit-russiens, le clerc général des troupes avait la quatrième place, après l'hetman, le vaguemestre et les juges. Dans l'armée zaporogue du bas-Dniéper c'était la troisième place qui revenait au clerc d'armée, après l'ataman général et le juge. Mais tant dans l'armée des cosaques petit-russiens que dans celle des cosaques zaporogues cette fonction de clerc d'armée était chose impor-

ныхъ должностей. Въ Запорожьѣ войсковой писарь, какъ кошевой атаманъ и войсковой судья, выбирался товариствомъ на общей радѣ и завѣдывалъ всѣми письменными дѣлами запорожскаго войска. Такъ, онъ разсылалъ приказы по куренямъ, велъ всѣ счеты приходовъ и расходовъ, писалъ бумаги къ разнымъ государямъ и вельможамъ отъ имени всего запорожскаго войска, принималъ всѣ указы, ордера, листы и цидулы, присылавшіяся отъ разныхъ царственныхъ, властныхъ и простыхъ лицъ въ Сѣчь, на имя кошевого атамана и всего низового войска. У запорожскихъ козаковъ обязанности войскового писаря исполняло одно лицо, но при немъ, въ качествѣ помощника, состоялъ выборный войсковой подписарій и сверхъ того иногда нѣсколько человѣкъ «канцелярскихъ разнаго званія служителей». Настоящей канцеляріи, въ видѣ особаго учрежденія, для писаря въ Запорожьѣ не полагалось, и всѣ письменныя дѣла отправлялись «при квартирѣ» (т. е. куренѣ) писаря. Обязанность писаря считалась въ Запорожьѣ столь важной и столь отвѣтственной, что если бы кто другой, вмѣсто него, осмѣлился писать кому-либо отъ имени Коша или принимать письма, присылаемыя на имя писаря, то того безъ пощады казнили смертью. Значеніе войскового писаря въ Запорожьѣ было очень велико: многіе изъ войсковыхъ писарей вліяли на настроеніе всего войска; многіе держали въ своихъ рукахъ всѣ нити политики и общественной жизни своего времени; оттого роль войсковыхъ запорожскихъ писарей сравниваютъ съ ролью генеральнаго секретаря или даже военнаго министра въ наше время. Вліяніе войсковыхъ писарей тѣмъ сильнѣе было въ Запорожьѣ, что большинство изъ нихъ оставалось на своихъ должностяхъ въ теченіе многихъ лѣтъ безсмѣнно. Такъ, въ теченіе 41 года, отъ 1734 по 1775 годъ, въ войскѣ запорожскомъ смѣнились всего лишь, сколько извѣстно, четыре человѣка въ званіи войскового писаря.

При всемъ своемъ дѣйствительномъ значеніи войсковой писарь, однако, нигдѣ и ни въ чемъ не старался показывать свою силу; напротивъ того, онъ всегда держалъ себя ниже своего положенія. Оттого на всѣхъ бумагахъ, исходившихъ отъ войскового писаря, мы нигдѣ не встрѣчаемъ его единоличной персональной подписи: обыкновенно писарь, въ концѣ каждой бумаги, подписывалъ извѣстную формулу: «Атаманъ кошовый зо всѣмъ старшимъ и меншимъ низовымъ войска запорожского товариствомъ». Далѣе, если кошевой былъ грамотный, то онъ собственноручно подписывалъ свою фамилію; если же онъ былъ неграмотный, то вмѣсто него писалъ его фамилію писарь, вовсе при этомъ не обозначая того, что онъ подписывается «вмѣсто неграмотнаго» и съ его согласія или приказа. На бумагахъ, исходившихъ отъ имени запорожскаго войска, очень рѣдко можно встрѣтить имя и фамилію писаря: «Писарь войска запорожского низового Андрей Тарасенко» или «Иванъ Глоба».

Внѣшнимъ знакомъ достоинства запорожскаго войскового писаря была въ длинной серебряной оправѣ чернильница, называвшаяся каламарь (отъ восточнаго

tante et responsable. Dans le Zaporojié le clerc d'armée, tout comme l'ataman général était élu au conseil général et toutes les écritures de l'armée zaporogue lui étaient confies. Il expédiait les ordres du jour dans les Kourènes, enregistrait les recettes et les dépenses, composait au nom de toute l'armée zaporogue les messages aux souverains et aux hauts fonctionnaires, recevait les oukases, ordres, blancs-seings et messages, émanant de souverains, de hauts fonctionnaires ou de simples particuliers, et adressés dans la Siétcha, au nom de l'ataman général et de toute l'armée du bas-Dnièper. Chez les cosaques zaporogues toutes ces multiples besognes étaient remplies par un seul clerc qui avait pourtant en qualité d'adjoint, un sous-clerc élu par les cosaques, et quelquefois même plusieurs «clercs de chancellerie.» Le clerc du Zaporojié ne possédait pas une chancellerie véritable et toutes les écritures s'exécutaient simplement à son domicile. La fonction du clerc d'armée avait une si grande importance dans le Zaporojié que quiconque se permettait d'écrire à qui que ce fût au nom de l'armée ou d'intercepter les lettres adressées au clerc, se voyait implacablement puni de mort. Le clerc d'armée exerçait une grande influence dans le Zaporojié; plusieurs d'entre eux avaient exercé une influence très forte sur les esprits de l'armée tout entière; d'autres avaient tenu entre leurs mains tous les fils de la politique et de la vie sociale de leur époque; aussi compare-t-on le rôle des clercs d'armée zaporogue à celui du secrétaire général ou même du ministre de la guerre de l'époque actuelle. Leur influence dans le Zaporojié était d'autant plus grande que la plupart d'entre eux exercèrent leurs fonctions durant des années et des années. Par exemple, en 41 ans, de 1734 à 1775, l'armée zaporogue ne changea de clerc, autant qu'on peut l'affirmer, que 4 fois.

Tout en exerçant une influence réelle, le clerc d'armée ne tentait jamais de faire montre de sa force; il affectait, au contraire, une modestie d'inférieur. Aussi ne trouve-t-on jamais au bas des documents rédigés par le clerc d'armée, sa signature toute seule, car il y mettait ordinairement la formule consacrée: «Ataman général et toute la compagnie de l'armée zaporogue du bas-Dniéper». Si l'ataman général était lettré, il signait ensuite lui-même, sinon, le clerc traçait le nom de l'ataman, mais sans indiquer qu'il «remplaçait l'illettré», sur son ordre et d'après son consentement. On ne trouve que rarement en bas des documents de l'armée zaporogue une signature de clerc, par exemple: «Clerc d'armée zaporogue du bas-Dnièper, André Tarassenko», ou «Jean Globa».

Les insignes de la dignité du clerc d'armée consistaient en un encrier monté en argent et que le clerc passait à sa ceinture aux séances du conseil, et en une plume d'oie qu'il passait derrière son oreille droite.

L'existence et les honoraires du clerc de l'armée zaporogue étaient les mêmes que ceux du juge de l'armée; il touchait 50 roubles d'honoraires fixes et prélevait un certain intérêt sur les tonneaux d'eau de vie, sur diverses marchandises, sur les amendes judiciaires, dans les limites autorisées dans la Siétcha par les usages établis.

Quant au degré d'instruction de sclercs de l'armée zaporogue, on peut en juger par le discours composé par Jean Tchougouïévets et prononcé le 9 septembre 1762,

слова «калямъ» — тростникъ) и затыкавшаяся, при войсковыхъ собраніяхъ, писаремъ, за поясъ, а также къ чернильницѣ гусиное перо, закладываемое писаремъ за правое ухо.

Жизнь и содержаніе запорожскаго войскового писаря во всемъ были схожи съ жизнью и содержаніемъ войскового судьи, т. е. онъ получалъ 50 рублей казеннаго жалованья и кромѣ того различныя приношенія, отъ бочекъ водки, товаровъ, судебной пени, какія допускались въ Сѣчи по установленному обычаю.

Насколько были грамотны и образованы запорожскіе войсковые писаря, объ этомъ можно судить по той рѣчи, какая была составлена Иваномъ Чугуевцемъ и произнесена 9 сентября, 1762 года, въ день восшествія на престолъ императрицы Екатерины II, въ Петровскомъ дворцѣ, въ Москвѣ, въ присутствіи самой императрицы.

«Всепресвѣтлѣйшая, всеавгустѣйшая, благочестивѣйшая великая государыня, императрица и самодержица всероссійская, мать отечества всемилостивѣйшая! Вся премудростію, силою, славою и благостію своею сотворивый Господь вѣчно и непоколебимо узаконилъ рѣкамъ вѣдать свой югъ, магниту сѣверъ, тучѣ востокъ, солнцу западъ, намъ же, человѣкамъ, учрежденную надъ собою власть. Сей нашъ, всеобщій и непремѣнный, долгъ такъ насъ крѣпко понуждаетъ и къ наблюденію своему влечетъ, что аки бы онъ на скрижаляхъ сердца нашего былъ написанъ. Его исполненіе приноситъ намъ пользу, покой, тишину, во всемъ благопоспѣшество и похвалу передъ Богомъ, а его преступленіе (т. е. несоблюденіе) приводитъ на насъ бѣдность, непріятельскія нашествія, междоусобную брань, всякое злоключеніе и проклятіе отъ Бога. Послѣдовательно вся жизнь наша и все наше счастіе въ сей жизни зависитъ отъ власти, Богомъ надъ нами опредѣленной, за что мы божественному его объ насъ промыслу никогда лучше не благодаримъ, какъ когда тѣхъ достодолжно почитаемъ, которыхъ Онъ самъ богами и сынами Вышняго называетъ; а паче еще то, что какъ они въ высочайшемъ (т. е. высочайшей) степени всякаго человѣческаго достоинства поставлены не ради своей, но ради нашей чести, славы и пользы, такъ и мы ихъ почитая, себя почитаемъ, себя прославляемъ, себя пользуемъ и предъ Богомъ себя оправдаемъ. Чего всего въ разсужденіи, когда Царь небесный Ваше Императорское Величество на престолъ всероссійскій всесильною своею десницею возвелъ, и (то) мы всѣ, сыны и питомцы низового днѣпровскаго запорожскаго Коша, какъ притоманныя дѣти и птенцы орляго своего гнѣзда, не могли отъ несказанной радости не вострепетать, и тебѣ, истинной матери нашей, о чадѣхъ своихъ веселящейся, едиными усты и единымъ сердцемъ слѣдующаго привѣтствія не возгласить: Богъ духовъ и всякія плоти, Вашего Императорскаго Величества духъ жизни, которымъ вся Россія живетъ, движется и процвѣтаетъ, въ священнѣйшемъ ковчегѣ августѣйшаго тѣла дражайшимъ здравіемъ и свѣтозарнымъ долгоденствіемъ да огра-*

* jour de l'avènement au trône de l'impératrice Catherine II, au palais St-Pierre de Moscou, en présence de l'impératrice elle-même.

«Très sérénissime, très auguste, très pieuse souveraine, impératrice et autocrate de toutes les Russies, mère de la patrie très gracieuse! Le Seigneur qui a tout créé par sa sagesse, sa force, sa gloire et sa bonté, a prescrit aux fleuves de couler vers le midi, à l'aiguille aimantée de tourner vers le septentrion, à la nuée de se diriger vers l'orient, au soleil de prendre la route de l'occident et à nous, humains, d'obéir au pouvoir sur nous établi. A ce devoir général et irréfragable nous obéissons et nous l'accomplissons comme s'il était gravé sur les tables de notre coeur. Son exécution nous est utile, nous donne le calme, la tranquilité, la réussite de toutes nos entreprises et l'approbation divine, tandis que son inobservance nous conduit à la misère, à l'invasion de l'ennemi, à la guerre civile, à des désastres des toute sorte et à la malédiction divine.

«Toute notre existence et tout notre bien-être ont pour source le pouvoir par Dieu sur nous établi et le meilleur moyen pour nous d'en rendre grâce à la Providence est de vénérer dûment ceux qu'elle désigne comme dieux et fils du Très-Haut, et cela surtout parce qu'ils sont placés au suprême degré de la grandeur humaine, non pas pour leur propre glorification, mais pour notre honneur, notre gloire et notre bien. En les honorant nous nous honorons, nous exaltons et nous justifions devant Dieu nous-mêmes. Et c'est pour cela que le Seigneur Dieu ayant appelé Votre Majesté Impériale au Trône de la Russie, nous, fils et pupilles de l'Armée zaporogue du bas-Dniéper, en notre qualité de véritables enfants de notre nid d'aigles, nous n'avons pas pu nous abstenir de palpiter de joie et de ne pas clamer ce qui suit par-devant toi, notre vraie mère, à tous tes enfants également tendre: «Que le Dieu des esprits et de la chair ait en sa sainte préservation la précieuse existence de Votre Majesté Impériale, si nécessaire à toute la Russie. Que le Dieu des armées, fort dans les combats, raffermisse dans ta main le sceptre, jusqu'à ce que tu aies le dessus sur tous tes ennemis! Que le Souverain des siècles consolide la maison et le trône de Pierre-le-Grand, ce David de la Russie, et qu'il les fasse durer autant que les étoiles et la lune au ciel. Très auguste et très gracieuse souveraine! C'est avec ces voeux sincères et ces félicitations féales que l'armée cosaque zaporogue du bas-Dnieper ose se présenter devant la sacro-sainte personne de Votre Majesté Impériale en se prosternant avec vénération et humilité aux pieds de Votre Grandeur Césarienne».

*

дитъ! Господь силъ, крѣпкій во брани, свѣтъ державы твоея въ силѣ и славѣ да удержитъ, дондеже оружіемъ твоимъ, въ руцѣ своей крѣпкой водимымъ, всѣхъ враговъ твоихъ подъ ноги тебѣ сокрушитъ. Царь вѣковъ, домъ и престолъ Давида россійскаго, Петра Великаго, да утвердитъ непоколебимо и непресѣкомо пребывати на землѣ, дондеже солнце и луна пребудутъ на небесѣ! Августѣйшая монархиня, всемилостивѣйшая государыня! Съ симъ искренне усерднымъ желаніемъ и вѣрноподданическимъ привѣтствіемъ священнѣйшему Вашего Императорскаго Величества лицу низовое запорожское войско являться дерзаетъ и притомъ себя въ глубочайшемъ благоговѣніи къ высокомонаршимъ Вашего цесарскаго Величества стопамъ раболѣпно повергаетъ».

Пушкарь времени гетмана Ивана Мазепы; мортира, литая по приказанію Мазепы.

И историческія и археологическія данныя указываютъ, что у малороссійскихъ и запорожскихъ козаковъ были въ употребленіи два рода оружія—«огнистой стрѣльбы», т. е. огнестрѣльныя, и «рукопашнаго боя», т. е. холодныя. Къ оружію «огнистой стрѣльбы» принадлежали—гарматы или арматы, можжиры, иначе монтиры, или мортирки, гаківницы, рушницы (ружья) и пистоли или пистолеты. Въ какомъ именно году впервые завелись у козаковъ арматы, объ этомъ мы не знаемъ. Но первыя лѣтописныя извѣстія объ этомъ относятся къ 1516 году. «Запорожцы, говоритъ малороссійскій лѣтописецъ, жили на Днѣпровскихъ островахъ, гдѣ занимались въ лѣтнее время ловлею рыбы, которую сушили безъ соли и которою они питались; на зиму же они уходили въ ближайшіе къ нимъ города, а при кошѣ (т. е. лагерѣ) и пушкахъ, которыя ими добывались у татаръ и турокъ во время разоренія городовъ и замковъ, оставляли нѣсколько сотъ человѣкъ для стражи». Дальнѣйшія указанія о козацкихъ арматахъ относятся къ 1557 году. Въ это время одинъ изъ первыхъ козацкихъ вождей, князь Димитрій Ивановичъ Вишневецкій, воюя съ турками на низовьяхъ Днѣпра, взялъ турецкую крѣпость Асламъ-Кермень, людей въ ней всѣхъ вырѣзалъ, а пушки, бывшія въ ней, захватилъ съ собой и вывезъ въ свой городокъ Хортицу. Изъ этихъ же первыхъ указаній слѣдуетъ, что первыя арматы, попавшія къ козакамъ и сдѣлавшіяся ихъ достояніемъ, были турецкія арматы. И точно, воюя съ турками, козаки не только на первыхъ порахъ, но и впослѣдствіи не разъ добывали себѣ арматы у мусульманъ, въ теченіе XVI, XVII и XVIII вѣковъ. Что козаки въ первые годы своего историческаго существованія одобычивались арматами именно у турокъ, это вполнѣ понятно и вполнѣ естественно: началомъ ихъ дѣйствій была борьба съ

Canonnier de l'époque de l'hetman Jean Mazeppa; mortier, fondu sur l'ordre de Mazeppa.

Les cosaques petit-russiens et zaporogues employaient deux espèces d'armes, les armes à feu et les armes blanches, ce dont nous possédons des preuves tant historiques qu'archéologiques. En fait d'armes à feu ils avaient des canons, des mortiers, d'anciennes arquebuses à croc, des fusils et des pistolets. Nous ignorons l'époque précise de l'apparition des canons chez les cosaques, mais les premières données historiques à ce sujet se rapportent à l'année 1516. «Les zaporogues, dit un historien petit-russien, gîtaient dans les îlots du Dnièper, se livrant à la pêche en été; ils séchaient ensuite le poisson sans le saler et s'en nourrissaient. L'hiver venu ils gagnaient les villes les plus proches, laissant une centaine d'hommes, chargés de garder leur camp et les canons pris chez les tatares et les turcs en pillant leurs villes et leurs forts». On retrouve des données sur la présence de canons chez les cosaques en 1557. L'un des premiers capitaines cosaques de cette époque, le prince Dmitri Ivanovitch Vichnevetsky, en se battant contre les turcs dans le bas-Dnièper, s'empara du fort Aslam-Kermène, extermina toute sa garnison, prit tous les canons qui s'y trouvaient et les transporta dans sa petite ville de Khortitza. Il est donc evident que les premiers canons que les cosaques eurent en leur possession, furent ceux qu'ils prirent aux turcs. Et en effet, les cosaques, toujours en guerre avec les turcs, avaient pris l'habitude de se pourvoir de canons chez les musulmans, ce qu'ils pratiquèrent dans le courant des XVI, XVII et XVIII siècles. Que dans les premières années de leur existence historique les cosaques se procurassent leur artillerie justement de chez les turcs, cela est fort compréhensible et tout naturel, car le début de leur activité fut la lutte contre le monde musulman à laquelle s'ajouta par la suite la lutte contre les polonais et les russes. A leur sortie de l'Ukraine en «voltigeurs» les cosaques ne pouvaient guère trainer après soi une artillerie pesante et ce n'était qu'en bas, chez les turcs, qu'ils s'en «procuraient». Lorsque les zapo-

мусульманскимъ міромъ, къ которой впослѣдствіи прибавилась борьба съ польскимъ, а потомъ и съ великороссійскимъ міромъ. Выходя изъ Украйны на низовья Днѣпра сперва «легкимъ ходомъ», козаки не могли въ то время тащить съ собой тяжелыхъ оружій, и если «добывали» ихъ, то «добывали» на самомъ «низу», у турокъ. Когда запорожцы (или вообще козаки), говоритъ очевидецъ, французъ Бопланъ, выходили на своихъ чайкахъ въ открытое море и схватывались съ турецкими галерами, то они всегда старались суда пустить на дно моря, а орудія захватить въ свои чайки.

Но гдѣ были турки, тамъ находились и татары: сталкиваясь съ татарами даже чаще, нежели съ турками, козаки отбивали у нихъ, кромѣ добычи, также арматы, если у татаръ оказывались при этомъ какія-либо арматы. Чаще всего это было во время нападенія козаковъ на самый Крымъ, ибо, отправляясь въ походъ, татары, ведшіе хищническій способъ войны—настичь непріятеля, ограбить его и убѣжать,—рѣдко брали съ собой въ походъ тяжелыя орудія.

Кромѣ того, предпринимая не разъ походы, въ теченіе XVI столѣтія, и въ страны, зависѣвшія въ политическомъ отношеніи отъ Турціи, какова, напримѣръ, Молдавія, козаки и тамъ добывали себѣ арматы.

Съ наступленіемъ войнъ между козаками и поляками козаки стали одобычиваться арматами и отъ поляковъ. У самихъ поляковъ арматы, первѣе всего мѣдныя, по мнѣнію спеціалистовъ пушечнаго дѣла, стали выливаться не ранѣе XV столѣтія. По крайней мѣрѣ, въ первой половинѣ XVI столѣтія въ Польшѣ арматы были столь рѣдки, что имъ знали счетъ, знали, сколько находилось арматъ въ каждой изъ польскихъ крѣпостей. Запорожцы и здѣсь, «опанова въ» какую-нибудь польскую крѣпость, старались «опановать» и польскія арматы. Въ 1586 году первый вождь, поднявшій козаковъ противъ поляковъ, Криштофъ Косинскій, побѣдивъ пановъ подъ Бѣлою-Церковью, Кіевомъ и другими городами, забралъ у побѣжденныхъ порохъ, арматы и другое оружіе. Позднѣе, при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ, козаки, послѣ цѣлаго ряда побѣдъ надъ поляками, у Желтыхъ-Водъ, Корсуня и другихъ городовъ, въ особенности одобычились польскою артиллеріей.

Съ переходомъ Малой Россіи и Запорожья, въ 1654 г., изъ-подъ власти Польши во власть Москвы малороссійское и запорожское войско стало получать пушки и отъ московскаго царя. Впрочемъ, когда гетманъ Богданъ Хмельницкій трактовалъ съ московскимъ царемъ объ отдачѣ Малой Россіи Великой, то въ числѣ договорныхъ статей онъ упоминалъ и о малороссійской арматѣ, которая должна была, по уговору, находиться въ городѣ Корсунѣ и «на выживленье и оправу войсковой оправы весь повытъ». Изъ этого слѣдуетъ заключить, что у малороссійскихъ козаковъ въ половинѣ XVII столѣтія имѣлась уже въ достаточномъ количествѣ собственная артиллерія. Но были ли между находившимися въ городѣ Корсунѣ арматами арматы собственнаго, т. е. малороссійскаго, издѣлія, на это указаній не имѣется ни-

rogues (ou les cosaques, en général), gagnaient le large dans leurs canots, dit un témoin oculaire, le français Beauplan, et qu'ils engageaient un combat avec les galères turqes, ils s'évertuaient toujours à les couler et à transporter les canons ennemis dans leurs barques.

Mais partout où il y avait des turcs, les tatares n'étaient pas bien loin, et, comme les cosaques avaient encore plus souvent à faire aux tatares qu'aux turcs, ils leur prenaient aussi les canons qu'ils pouvaient avoir, sans préjudice du butin général. Cela arrivait le plus souvent lorsque les cosaques s'attaquaient à la Crimée elle-même, car généralement les tatares,—qui avaient la coutume de courir sus à l'ennemi pour le piller et prendre la fuite après,—emportaient rarement des pièces pesantes en se mettant en campagne.

Comme les cosaques entreprenaient souvent, dans le courant du XVI siècle, des campagnes dans d'autres pays dépendant politiquement de la Turquie, par exemple en Moldavie, ils y prenaient également des canons.

Lorsque les cosaques commencèrent à faire la guerre aux polonais, ils leur en prirent aussi. La fonte des canons, si on s'en rapporte à l'avis de spécialistes en artillerie, ne commença à être pratiquée chez les polonais eux-mêmes qu'au XV siècle, et les premiers canons furent en cuivre. En tout cas les pièces d'artillerie étaient si rares en Pologne dans la première moitié du XVI siècle qu'on savait le nombre de canons dont disposait chacune des forteresses polonaises. Et chaque fois que les zaporogues prenaient une de ces forteresses, ils tâchaient de s'emparer des canons. Le premier capitaine qui avait soulevé les cosaques contre les polonais, Christophe Kominsky, après avoir battu les polonais en 1586 à l'Eglise-Blanche, à Kiew, et en d'autres endroits, prit aux vaincus leur poudre et leurs canons, ainsi que des armes diverses. Plus tard, sous l'hetman Bogdane Khmelnitsky, après avoir remporté toute une série de victoires sur les polonais, les cosaques enlevèrent force pièces d'artillerie polonaise.

Lorsque la Petite-Russie et le Zaporojié passèrent en 1654 de la Pologne à la Russie, l'armée petite-russienne et zaporogue commença à être pourvue de canons par le tsar russe. D'ailleurs, en traitant avec le tsar de la soumission de la Petite-Russie à la Grande, Bogdane Khmelnitsky mentionnait parmi les articles du traité l'artillerie petite-russienne qui devait être rassemblée à Kherson «sous la surveillance et la tutelle de l'administration militaire chargée de veiller à son entretien». On peut en conclure qu'au milieu du XVIII siècle les cosaques petit-russiens étaient déjà à la tête d'une artillerie fort suffisante. Mais rien n'indique que parmi les canons rassemblés à Kherson il y eût des pièces de fabrication petite-russienne. Il n'y a qu'une seule donnée à ce sujet, mais elle se rapporte déjà à l'année 1746, époque où le trône russe était occupé par l'impératrice Elisabeth Petrovna et où le comte Cyrille Grigoriévitch Razoumovsky était hetman de la Petite-Russie: «les cosaques petit-russiens pratiquaient la fonte des canons à Gloukhovo, sous la surveillance de la chancellerie militaire générale, et à leurs propres frais». Mais s'il est difficile d'établir, faute de renseignements, à quelle époque les cosaques petit-russiens commencèrent à fondre des canons, on possède, en revanche, un mortier fondu sur

500084
ХАРКІВСЬКА ДЕРЖАВНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ім. В. Г. Короленка
№ 50084

какихъ. Есть извѣстіе, относящееся уже къ 1746 г., т. е. къ тому времени, когда престолъ россійскій занимала императрица Елизавета Петровна, а гетманомъ въ Малороссіи былъ графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, о томъ, что «литье артиллеріи производятъ малороссійскіе козаки въ городѣ Глуховѣ подъ смотрѣніемъ войсковой генеральной канцеляріи на ихъ собственномъ коштѣ». Но если не имѣется документальныхъ указаній на то, когда именно начали малороссійскіе козаки отливать собственныя арматы, то зато имѣется самое орудіе, именно мортира, отлитая «по приказанію гетмана Ивана Мазепы» и находящаяся въ настоящее время въ С.-Петербургскомъ Артиллерійскомъ музеѣ и своимъ примѣромъ показывающая, что литье арматъ у козаковъ началось между концомъ XVII и началомъ XVIII вѣка, когда жили и дѣйствовали гетманы, Иванъ Самойловичъ и Иванъ Мазепа.

«l'ordre de l'hetman Jean Mazeppa», qui se trouve actuellement au musée d'Artillerie de St-Pétersbourg et qui prouve matériellement que la fonte des canons chez les cosaques à commencé etnre la fin du XVII siècle et le commencement du XVIII, pendant la vie des hetmans Jean Samoïlovitch et Jean Mazeppa.

Внутренность козачьяго обоза.

Задумавъ походъ противъ непріятелей, татаръ, турокъ и поляковъ, запорожскіе козаки прежде всего условно палили въ Сичѣ изъ самыхъ большихъ пушекъ, затѣмъ посылали « круговую повѣстку» козакамъ-зимовчакамъ, жившимъ въ степи по хуторамъ, слободамъ и бурдюгамъ. По такому зову спѣшили, точно пчелы къ своимъ ульямъ, козаки отовсюду, къ сборному пункту, кто пѣшій, кто верхомъ, съ оружіемъ и продовольственными запасами. Тутъ, если дѣло шло о спѣшной оборонительной войнѣ, когда нужно было отбить внезапное нападеніе врага, отнять у него захваченный христіанскій ясырь, то козаки собирались въ походъ быстро, бросались на враговъ стремительно, вступали въ бой съ мужествомъ, не щадя ни жизни, ни силъ, и потомъ также быстро возвращались въ Сѣчь. Если же дѣло шло о наступательномъ походѣ и притомъ особенно большихъ размѣровъ, то запорожскіе козаки привлекали къ себѣ и малороссійскихъ козаковъ, засылая къ нимъ въ города, преимущественно во время ярмарокъ или большихъ праздниковъ, своихъ глашатыхъ или мантапировъ.

Собравши такимъ образомъ возможно большее число охотниковъ къ походу, запорожская старшина открывала большую раду, на радѣ излагала «славному низовому товариству» о причинѣ призыва къ войнѣ и объ общихъ планахъ похода, потомъ распускала всѣхъ собравшихся козаковъ на нѣсколько дней по куренямъ, зимовникамъ и слободамъ съ цѣлью дать имъ возможность запастись необходимыми принадлежностями для продолжительнаго похода—продовольственной «харчей», боевымъ оружіемъ, тяжелыми возами, сильными лошадьми,—и послѣ всего этого вновь собирала раду и послѣ вторичной рады объявляла походъ. Оригинальное зрѣлище представляла собой движущаяся въ то время по степной равнинѣ масса запорожскихъ всадниковъ.

Intérieur d'un train de bagages cosaque.

Ayant décidé une campagne contre l'ennemi, les tatares, les turcs ou les polonais, les cosaques commençaient par tirer une salve conventionnelle dans la Siétcha, salve pour laquelle ils se servaient des plus gros canons; ensuite ils expédiaient une «circulaire» aux cosaques hivernant dans la steppe, dans des campements, des villages et des métairies. A cet appel, les cosaques s'empressaient de gagner le point de ralliement, telles les abeilles pressées de gagner leur ruche, les uns à pied, les autres à cheval, tout armés et portant même des vivres. S'il s'agissait d'une guerre improvisée et défensive, s'il fallait repousser une brusque attaque de l'ennemi, de lui reprendre le butin enlevé par lui, les cosaques, une fois rassemblés, faisaient vivement leurs préparatifs et se jetaient impétueusement dans la mêlée, ne ménageant ni leur vie ni leurs forces; la campagne terminée, ils regagnaient la Siétcha avec la même célérité. Mais s'il s'agissait d'une guerre offensive et importante, les cosaques zaporogues appelaient à la rescousse les cosaques petit-russiens, en expédiant dans leurs villes des crieurs publics, choisissant de préférence une époque de foire ou de grande fête.

Ayant rallié ainsi le plus grand nombre possible de volontaires, le syndicat zaporogue convoquait un grand conseil pour exposer à la «glorieuse compagnie du bas—Dniéper» la raison de cet appel de guerre et le plan général de la campagne projetée; les cosaques étaient ensuite autorisés à retourner chacun chez soi pour quelques jours, afin de se procurer tout ce qu'exigeait une longue campagne, vivres, armes de combat, chariots de bagages, chevaux vigoureux. Un second conseil était ensuite convoqué et la campagne y était déclarée ouverte. La troupe de cavaliers qu'on voyait alors déboucher dans la vaste plaine présentait un aspect vraiment original.

«Ой, у поли могила, широка долына,
Сызый орелъ пролитае:
Славне військо, славне запорижськє,
У походъ выступае.
Ой, у поли могила, широка долына,
Сызый орелъ пролитае:
Славне військо, славне запорижськє
А якъ золото сяе.

Впереди всего войска ѣхалъ на конѣ войсковой хорунжій съ краснымъ стягомъ или хоругвью въ рукѣ; за хорунжимъ, во главѣ самого войска, на прекрасномъ аргамакѣ, убранномъ богатѣйшею збруей, выступалъ «власный» кошевой атаманъ, вручавшій свою власть на время своего отсутствія изъ Сичи «наказному» атаману. За «власнымъ» кошевымъ атаманомъ выступали послѣдовательно пѣхота, конница и артиллерія, раздѣленныя на полки и сотни съ особыми полковниками во главѣ; большинство конныхъ козаковъ, какъ и самъ кошевой атаманъ, часто выступали, по примѣру татаръ, о дву-конь. Вмѣстѣ съ войскомъ шло цѣлое сословіе необходимыхъ для похода людей, кузнецовъ, слесарей, кашеваровъ и могильниковъ, т. е. саперовъ, умѣвшихъ, въ случаѣ надобности, быстро возводить всевозможнаго вида земляныя укрѣпленія, т. е. насыпи и рвы для защиты среди открытой степи отъ непріятелей. Вмѣстѣ же съ войскомъ двигались и тяжелые возы, на которыхъ запорожцы везли свою артиллерію и часть своего вооруженія и которые служили для запорожцевъ и какъ средство для перевоза артиллеріи, нѣкоторой части вооруженія, и какъ средство для перевоза раненыхъ, и какъ укрѣпленія противъ непріятеля. Двигаясь цѣлымъ войскомъ, запорожцы шли всегда таборомъ, заключая во внутрь его пѣхоту и оставляя внѣ его конницу; для наблюденія за движеніемъ непріятеля они непремѣнно отряжали во всѣ стороны особыхъ передовыхъ-козаковъ, на версту разстоянія отъ табора. Двигаясь очень медленно, они шли большею частью ночью, днемъ же останавливались по глубокимъ балкамъ, густымъ байракамъ и мелкимъ кустрникамъ. Въ пути всегда брали самыя строгія мѣры предосторожности: не разводили огней, не курили люлекъ, не позволяли ржать лошадямъ, завязывали имъ морды платками, веревками или ремнями; старались между собой говорить сдержанно, вполголоса или даже совсѣмъ шопотомъ; для соображенія въ мѣстности брали съ собой такъ называемый нюренбергскій квадрантъ, т. е. родъ компаса. Движеніе войска должно было происходить съ такой осторожностью, чтобы о томъ «ни сорока, ни ворона не могли ни видѣти, ни слышати». Когда запорожцы въ таковой «строгой тайнѣ» доходили, напримѣръ, до границъ Крыма, то тутъ они, выждавъ полночнаго времени, внезапно врывались въ самое «панство» крымское и начинали въ немъ «грассовать», какъ самые «неподиванные гости», стараясь, какъ можно сильнѣе «струхнуть» вражескую землю, какъ можно больше навести на нее страху огнемъ и пожарами, чтобы потомъ, какъ можно больше, захватить съ собой добычи и ясыру и освободить изъ плѣна христіанскихъ невольниковъ.

«Dans le champ, près de la tombe, dans la vaste plaine
Passe majestueusement un bel aigle noir:
C'est l'armée glorieuse des zaporogues
Qui se met en campagne,
Dans le champ, près de la tombe, dans la vaste plaine
Passe majestueusement un bel aigle noir:
C'est l'armée glorieuse des zaporogues
Qui se déroule comme un beau ruban d'or».

A la tête des cosaques s'avançait à cheval un cornette portant le rouge étendard ou la «bannière»; venait ensuite, précédant les troupes mêmes, l'ataman général, monté sur un beau coursier de cabardie richement caparaçonné. Pour toute la durée de son absence de la Siétcha l'ataman général déléguait son pouvoir à un ataman «locum tenens». L'ataman général était suivi par l'infanterie, la cavalerie et l'artillerie, divisées en régiments et centaines commandés par des colonels, nommés à cet effet; la plupart des cavaliers et l'ataman lui-même conduisaient par la bride un second cheval, à l'imitation des tatares. Les troupes étaient accompagnées par une foule de gens, indispensables en campagne, forgerons, serruriers, cuisiniers et fossoyeurs, c'est à dire sapeurs, sachant, en cas de nécessité, exécuter des travaux de terrassement, élever des remparts, creuser des fossés, établir enfin des fortifications en pleine steppe. Venaient ensuite de lourds chariots sur lesquels les zaporogues transportaient leur artillerie et une partie de leur armement, et qui servaient non seulement comme moyen de transport, mais encore comme moyen de retranchement contre l'ennemi. L'armée zaporogue marchait toujours en carré, l'infanterie placée au milieu et la cavalerie laissée en dehors des lignes; afin de surveiller la marche de l'ennemi on expédiait dans toutes les directions des éclaireurs qui précédaient le carré d'une verste. N'avançant qu'avec une grande lenteur, les zaporogues marchaient pour la plupart du temps la nuit, campant dans le jour au fond de profond ravins ou dans des broussailles. Ils ne marchaient qu'en prenant les précautions les plus rigoureuses: on n'allumait aucun bûcher, on ne fumait pas sa pipe, on empêchait les chevaux de hennir, en leur entortillant le chanfrein à l'aide de mouchoirs, de cordes ou des courroies; on ne parlait qu'à demi-voix ou même à voix basse; pour pouvoir s'orienter, les zaporogues emportaient une espèce de boussole. Il fallait avancer si doucement que «ni la pie, ni la corneille ne pussent ni voir ni entendre l'armée en marche». Ayant atteint ainsi, dans le plus «profond mystère» les frontières de la Crimée, par exemple, ils attendaient jusqu'a minuit où ils envahissaient brusquement le pays et se mettaient a y «faire les cent coups», s'attachant à «terroriser» le plus possible le pays ennemi, à y semer l'épouvante en le mettant à feu et à sang, afin de faire une riche curée et de délivrer les prisonniers chrétiens. Si les zaporogues rencontraient l'ennemi en pleine steppe, leur premier soin était de placer les chariots de bagages en carré, de disposer à l'intérieur les chevaux, les soldats, les vivres, les canons et de tirer de là sur l'ennemi comme d'une forteresse. On plaçait les chariots roue contre roue en les entravant à l'aide de grosses chaines de fer et en redressant les brancards en l'air et on obtenait ainsi une enceinte, ce que les allemands nommaient un Wagenburg,

Если же запорожцы встрѣчались съ врагами въ открытой степи, то они прежде всего старались сдѣлать изъ своихъ возовъ таборъ, въ таборъ помѣстить своихъ коней, войска, продовольствіе, орудія и оттуда уже палить, какъ изъ крѣпости, на непріятелей. Для этой цѣли возы ставились одинъ возлѣ другого, колесо къ колесу, колеса сковывались толстыми желѣзными цѣпями, оглобли поднимались вверхъ, и въ общемъ получался круглый таборъ, то что нѣмцы называли вагенбургомъ, совершенно неприступный, вслѣдствіе сильнаго ружейнаго огня, для непріятелей. Днемъ изъ такого табора козаки палили безпрестанно то изъ арматъ, то изъ мортиръ, то изъ рушницъ или пистолей, а на ночь ставили вокругъ него, для дозора, бдительныхъ «вартовыхъ» или сторожевыхъ козаковъ съ рушницами.

inaccessible pour l'ennemi qu'on soumettait de là à une fusillade serrée. Tant qu'il faisait jour, les cosaques tiraient sans répit des coups de canons et de mortiers, de fusils et de pistolets, puis, la nuit venue, on plaçait de vigilantes sentinelles, armées d'arquebuses.

Типъ запорожца.

И по внѣшнему виду, и по внутреннимъ качествамъ запорожскіе козаки представляли собой характернѣйшіе типы своей народности и своего времени. По описанію современниковъ, они были большею частью роста средняго, плечисты, статны, крѣпки, сильны, на видъ полнолицы, округлы и отъ лѣтняго зноя и степной спеки смугловаты. Съ длинными усами на верхней губѣ, съ роскошнымъ «оселедцемъ» или «чупрыной» на темени, въ барашковой остроконечной шапкѣ на головѣ, вѣчно съ люлькой въ зубахъ, истый запорожецъ всегда смотрѣлъ какъ-то хмуро, внизъ исподлобья, постороннихъ встрѣчалъ на первыхъ порахъ непривѣтливо, отвѣчалъ на вопросы весьма неохотно, но затѣмъ мало-по-малу смягчался, лицо его постепенно во время разговора принимало веселый видъ, живые проницательные глаза загорались блескомъ огня, и вся фигура его дышала мужествомъ, удальствомъ, заразительною весслостью и неподражаемымъ юморомъ. «Запорожцы, говоритъ сто-шестнадцатилѣтній старикъ Россолода, самъ потомокъ запорожца, не знали ни цобъ, ни цабе, оттого были здоровы, свободны отъ болѣзней и умирали больше на войнѣ, чѣмъ дома. Теперь народъ слабый, порожній и недолговѣчный: какъ 90 лѣтъ прожилъ, то и дорожки подъ собой не видитъ, а въ старину въ сто лѣтъ человѣкъ только въ силу вобрался. Оттого запорожцы жили и долго и весело. А молодцы какіе были! Онъ сѣлъ на коня—не струснувсь, не здвигнувсь! Тронулъ ногами—и пошелъ и пошелъ! Только пыль столбомъ»... Во внутреннихъ качествахъ запорожскаго козака замѣчалась смѣсь добродѣтелей и пороковъ, всегда, впрочемъ, свойственная людямъ, считающимъ войну главнымъ занятіемъ и главнымъ ремесломъ своей жизни. жестокіе, дикіе и безпощадные въ отношеніи своихъ враговъ, запорожскіе козаки были добрыми друзьями, вѣрными товарищами, истинными братьями въ отношеніи другъ къ другу, мирными сосѣдями къ своимъ

Type de zaporogue.

Les cosaques zaporogues présentaient les types les plus caractéristiques de leur nationalité et de leur époque, tant au point de vue de leur extérieur que de leur qualités morales. Si on s'en rapporte aux descriptions de leurs contemporains, ils étaient pour la plupart de taille moyenne, larges d'épaules, robustes et forts, au visage plein, arrondi, tanné par les chaleurs estivales et le vent de la steppe.

Avec ses longues moustaches, son épais «toupet» sur le sommet de la tête, coiffée d'un bonnet pointu en astrakan, sa pipe immuable aux dents, le vrai zaporogue se distinguait toujours par un air sombre et renfrogné, n'abordant jamais un étranger qu'avec méfiance, répondant à peine aux questions; cependant il se radoucissait peu à peu, sa figure se rassérénait à mesure qu'il causait, ses yeux vifs et pénétrants s'allumaient d'un feu étincelant, toute sa personne respirait la bravoure, l'audace, une contagieuse gaieté et un incomparable humour. «Les zaporogues, dit le vieux Rossoloda, âgé de 116 ans, lui-même descendant des zaporogues, n'avaient peur de rien; aussi ignoraient-ils toute maladie et mouraient-ils bien plus souvent sur le champ de bataille que sous leur toit. Les hommes d'à présent sont faibles, débiles et de peu de longévité: dès qu'on a atteint l'âge de 90 ans, on n'aperçoit plus la route devant soi, tandis qu'autrefois un homme de 100 ans était dans toute la force de l'âge. Aussi les zaporogues menaient-ils une longue et joyeuse vie. Et quels gaillards! Il fallait les voir monter à cheval! D'un bond ils étaient en selle et les voilà partis! Il n'y avait plus qu'un nuage de poussière...» Quant aux qualités morales des zaporogues, on y observe un mélange de vertus et de vices, propre d'ailleurs aux hommes qui font de la guerre la principale occupation, le principal métier de leur vie: cruels, sauvages, implacables envers leurs ennemis, les cosaques zaporogues se montraient amis dévoués, camarades fidèles, vrais frères entre eux, voisins paisibles envers leurs frères d'armes, les cosaques de l'Ukraine et du Don; féroces, sanguinaires, pillards, foulant aux pieds tout droit de propriété dans le

соратникамъ по ремеслу, украинскимъ и донскимъ козакамъ; хищные, кровожадные, невоздержные на руку, попирающіе всякія права чужой собственности на землѣ ненавистнаго имъ ляха или презрѣннаго бусурмена, запорожскіе козаки у себя считали простое воровство какой-нибудь плети или пута страшнымъ уголовнымъ преступленіемъ, за которое виновнаго казнили смертною казнью.

Свѣтлую сторону характера запорожскихъ козаковъ составляли—ихъ благодушіе, нестяжательность, щедрость, безкорыстіе, постоянство въ дружбѣ, столь высоко цѣнимой въ Запорожьѣ, что, по козацкимъ правиламъ, грѣхомъ считалось обмануть даже чорта, если онъ попадалъ сичовикамъ въ товарищи; кромѣ того, свѣтлыми чертами характера запорожскихъ козаковъ были—высокая любовь ихъ къ личной свободѣ, по которой они предпочитали лютую смерть позорному рабству; глубокое уваженіе къ старымъ и заслуженнымъ воинамъ и вообще ко всѣмъ «военнымъ степенямъ», простота, умѣренность и изобрѣтательность, при нуждѣ, въ домашнемъ быту или въ разныхъ безвыходныхъ случаяхъ и физическихъ недугахъ. Такъ, отъ лихорадки они пили водку съ золой или ружейнымъ порохомъ, полагая на чарку цѣннаго вина ползаряда пороху; для заживленія ранъ прикладывали къ больнымъ мѣстамъ растертую со слюной на рукѣ землю, а при неимѣніи металлической посуды для варки пищи ухитрялись варить ее въ деревянныхъ ковшахъ, подбрасывая безпрерывно, одинъ за другимъ въ ковшъ, накаленные на огнѣ камни, пока не закипала налитая вода въ посудѣ. Въ отношеніи къ захожимъ и заѣзжимъ людямъ запорожскіе козаки всегда были гостепріимны и страннолюбивы, и наравнѣ съ гостепріимствомъ и страннолюбіемъ ставили личную честность какъ у себя, на Запорожьѣ, такъ и на войнѣ въ отношеніи враговъ православной вѣры. «Хотя въ Сичѣ, говоритъ одинъ католическій патеръ, были люди всякаго рода, однако тамъ царствовали такая честность и такая безопасность, что пріѣзжавшіе съ товарами или за товарами или по другимъ какимъ дѣламъ люди, не боялись и волоска потерять съ головы своей. Можно было на улицѣ оставить свои деньги, не опасаясь, чтобы онѣ были похищены. Всякое преступленіе противъ чьей-либо честности, гостя или сѣчевого жителя, немедленно наказывалось смертью».

На войнѣ козакъ отличался всегда умомъ, хитростью, умѣньемъ у непріятеля «выиграть выгоды, скоропостижно на него напасть и нечаянно заманить», изумлялъ врага большою отвагою, удивительнымъ терпѣніемъ и рѣдкою способностью переносить жажду и голодъ, зной и стужу. О храбрости запорожскихъ козаковъ турецкій султанъ сказалъ: «Когда окрестныя панства на мя возстаютъ, я на обидвѣ уши сплю, а о козакахъ мушу (т. е. имѣю) единимъ ухомъ слушати». Сами запорожцы о своей храбрости говорили: «Мы всегда, горячо, храбро и мужественно страны поганыхъ разоряли и опустошали», а на угрозы со стороны кичливаго султана заполнить войскомъ турецкимъ Сѣчь смѣло и вызывающе отвѣчали: «Війска

pays des polonais haïs ou des infidèles méprisés, les cosaques zaporogues, une fois rentrés chez eux, considéraient le vol d'un fouet ou d'une chaîne comme un crime affreux qu'ils punissaient de mort.

Les bons côtés du caractère des cosaques zaporogues étaient leur placidité, leur désintéressement, leur générosité, leur constance en amitié, chose estimée si haut dans le Zaporojié qu'on y considérait comme un péché de tromper le diable en personne s'il se trouvait être en commerce de camaraderie avec le cosaques; parmi les autres bons côtés de leur caractère on peut citer leur amour élevé pour la liberté qui leur faisait préférer une mort cruelle à un esclavage infamant, leur profond respect pour les vieux soldats et pour tous les «chefs militaires» en général, leur simplicité, leur tempérance et leur ingéniosité, tant dans la vie ordinaire que dans les occasions inextricables ou dans les cas de maladie physique. Par exemple, s'ils avaient la fièvre, ils buvaient de l'eau avec de la cendre ou de la poudre, mettant une demi-charge de poudre dans un petit verre de vieux vin; s'il s'agissait de cicatriser une plaie, ils appliquaient dessus de la terre broyée préalablement avec de la salive et s'il leur arrivait de manquer de vaisselle métallique pour cuire leur nourriture, ils trouvaient moyen de bouillir de l'eau dans des puisoirs en bois dans lesquels ils lançaient force pierres chauffées au feu, jusqu'à ce que l'eau se mit à bouillir. Les cosaques zaporogues se montrérent toujours accueillants et hospitaliers envers les étrangers et les passants, et ils pratiquaient non seulement l'hospitalité, mais encore l'honnêteté absolue tant dans le Zaporojié qu'à la guerre, même envers les ennemis de l'orthodoxie. «Bien qu'il se trouvât dans la Siétcha des individus de toute espèce, dit un prêtre catholique, il y régnait quand même une telle honnêteté et une telle sécurité que ceux qui venaient là soit dans des buts commerciaux, soit pour autre chose n'avaient à redouter pour eux le moindre danger. On pouvait laisser des sacs d'argent dehors, en pleine rue, sans craindre qu'on les dérobât. Toute félonie contre un hôte ou contre un habitant de la Siétcha était sur le champ punie de mort».

A la guerre les cosaques se distinguaient toujours par leur intelligence, leur finesse, leur adresse à «déjouer les ruses de l'ennemi, à l'attaquer à l'improviste, à l'attirer dans un piège imprévu», surprenaient l'ennemi par leur extrême témérité, par une patience étonnante, par leur rare endurance de la faim et de la soif, leur résistance aux chaleurs torrides et aux gelées. Voici comment s'exprime le sultan de la Turquie au sujet de la bravoure des cosaques: «Lorsque ce sont les états voisins qui se lèvent contre moi, jé dors sur les deux oreilles, mais dès qu'il s'agit des cosaques,—j'en dresse toujours une». Les zaporogues, eux, s'expriment là-dessus comme il suit: «C'est toujours avec entrain et ardeur que nous avons mis à feu et à sang les pays des maudits infidèles». L'orgueilleux sultan menaçait-il d'envahir la Siétcha avec ses troupes, les cosaques lui ripostaient sur un ton de provocation hardie: «Nous ne la redoutons pas, ton armée, et nous te combattrons sur terre et sur mer». La guerre était aussi indispensable aux cosaques que les ailes le sont à l'oiseau et l'eau au poisson. Sans guerre un cosaque n'était plus un cosaque, un preux chevalier n'était plus un

твоего не боемось,—будемъ бытыся зъ тобою землею й водою». Война для козака была столь же необходима, какъ птицѣ крылья, какъ рыбѣ вода. Безъ войны козакъ—не козакъ, лыцарь—не лыцарь. Козакъ не только не боялся, а любилъ войну. Онъ заботился не столько о томъ, чтобы спасти себѣ жизнь, сколько о томъ, чтобы умереть, какъ умираютъ истые рыцари, въ бою, т. е. чтобъ о немъ сказали: «Умивъ шáрпаты, умивъ и вмéрты не скыгляче».

Темными сторонами характера запорожскихъ козаковъ было то, что многіе изъ нихъ любили прихвастнуть своими военными подвигами, любили пустить пыль въ глаза передъ чужими, щегольнуть своимъ убранствомъ и оружіемъ; кромѣ того они отличались легкомысліемъ и непостоянствомъ, хотя и называли себя въ письмахъ и посланіяхъ къ царямъ и королямъ «вѣрнымъ войскомъ его королевскаго или царскаго величества». Еще больше того запорожцы отличались своею безпечностью; недаромъ же на ихъ счетъ сложена была какимъ-то піитою вирша:

«Се козакъ запорожець, ни объ чимъ не туже,
Якъ люлька е й тютюнець, то ёму й бадуже,
Винъ те тильки й знае:
Колы не пье, такъ воши бье, а все не гуляе».

Большимъ недостаткомъ запорожскихъ козаковъ была также ихъ страсть къ спиртнымъ напиткамъ. «Въ пьянствѣ и бражничествѣ, говоритъ очевидецъ, они старались превзойти другъ друга, и едва-ли найдутся во всей христіанской Европѣ такія беззаботныя головы, какъ козацкія». Сами о себѣ запорожцы на этотъ счетъ говаривали: «У насъ въ Сичи нòровъ: хто отче-нашъ знае, той въ раньци (т. е. утромъ) вставъ (т. е. отъ сна), умыєтця тай чаркы шукае». Впрочемъ, во время военныхъ походовъ запорожскіе козаки избѣгали пьянства, ибо тогда всякаго пьянаго кошевой атаманъ, по свидѣтельству современника, немедленно выбрасывалъ за бортъ чайки. Наконецъ, предаваясь разгулу и бражничеству, запорожскій козакъ не былъ похожъ на того жалкаго пьяницу, который пропивалъ свою душу въ черномъ и грязномъ кабакѣ: лыцарь даже и въ попойкахъ оставался лыцаремъ. Предаваясь широкому и неудержимому разгулу, козакъ тѣмъ самымъ выказывалъ особаго рода молодечество, особый, такъ сказать, эпикурейскій взглядъ на жизнь человѣка вообще, напрасно обременяющаго себя трудомъ и заботами и совершенно непонимающаго истиннаго смысла жизни—существовать для веселья и жизни. Да и о чемъ козаку такъ заботиться, коли

«Не сёгодня, такъ завтря поляже ёго голова,
Якъ одъ витру у степу трава!..»

preux chevalier. Il pensait moins à préserver sa vie qu'à bien mourir sur le champ de bataille, ainsi qu'il sied à un vrai chevalier, afin qu'on dit de lui qu'il «sut agir et mourir».

Les mauvais côtés du caractère des cosaques zaporogues étaient une grande vantardise chez beaucoup d'eux les poussant à se vanter de leurs exploits militaires, leur tendance à jeter de la poudre aux yeux, à faire parade de leurs habits et de leurs armes, leur légèreté et leur inconstance en matière de rapports politiques, malgré leur habitude de se donner, dans leurs messages et leurs lettres aux souverains, le titre de «fidèle armée de Votre Majesté royale ou impériale». Ils se distinguaient surtout par leur insouciance, justifiant pleinement les vers moqueurs d'un poète prétendant qu'un

«Zaporogue n'a jamais de soucis,
Pourvu qu'il ait sa pipe et du tabac,
Il se fiche de tout le reste.
Il ne fait que boire ou tuer des poux, mais jamais
il ne paresse».

Un autre grand défaut des cosaques zaporogues était leur goût pour la boisson. «Ils rivalisaient d'ivrognerie, dit un témoin oculaire, c'était à qui s'enivrerait le plus, et je doute en outre, qu'on puisse trouver en Europe des cervelles aussi insouciantes que celles des cosaques». Les zaporogues s'exprimaient ainsi sur eux-mêmes à ce sujet: «Chez nous, dans la Siétcha, l'usage veut que chacun prenne le matin son petit verre, dès qu'il s'est levé et s'est débarbouillé». D'ailleurs en campagne, les cosaques zaporogues évitaient de se griser, car, selon l'assertion d'un témoin oculaire, l'ataman général jetait immédiatement à l'eau tous les ivrognes. Enfin, tout en se livrant à la boisson et à la débauche le cosaque zaporogue n'avait tout de même rien de commun avec le banal ivrogne qui noie sa raison dans le vin au fond de noirs et borgnes cabarets: le chevalier demeurait chevalier au milieu des pires débordements. En se livrant à de grandes débauches le cosaque avait l'air de le faire encore par une sorte de bravoure, comme pour illustrer les opinions épicuriennes sur la vie des hommes, en général, ces hommes qui s'accablent inutilement de peines et de soucis et ignorent totalement le vrai sens de la vie,—la joie de vivre dans les plaisirs. A quoi bon, d'ailleurs, se mettre martel en tête du moment que le cosaque est sûr, «qu'un peu plus tôt, un peu plus tard sa tête tombera comme les herbes des steppes fauchées par le vent».

Сцена изъ запорожской жизни: судъ надъ преступникомъ.

Въ судахъ, наказаніяхъ и казняхъ запорожцы руководились не писанными законами, а «стародавнимъ обычаемъ, словеснымъ правомъ и здравымъ смысломъ». Писанныхъ законовъ отъ запорожцевъ нельзя было ожидать прежде всего потому, что община козаковъ слишкомъ мало имѣла за собой прошлаго, чтобы выработать такіе или иные законы, привести ихъ въ систему и выразить на бумагѣ; затѣмъ писанныхъ законовъ у запорожскихъ козаковъ не могло быть еще и потому, что вся ихъ историческая жизнь была наполнена почти безпрерывными войнами, не позволявшими имъ много останавливаться на устройствѣ внутреннихъ порядковъ собственной жизни; наконецъ, письменныхъ законовъ запорожскіе козаки старались избѣгать, опасаясь, чтобы они не измѣнили ихъ вольностей. Обычаи, взамѣнъ писанныхъ законовъ, какъ гарантія прочныхъ порядковъ въ Запорожьѣ, признавались и русскимъ правительствомъ, начиная со времени царя Алексѣя Михайловича и кончая временемъ императрицы Екатерины II.

Судьями у запорожскихъ козаковъ была вся войсковая старшина, т. е. кошевой атаманъ, судья, писарь, войсковой асаулъ; кромѣ того, довбышъ, куренные атаманы, паланочный полковникъ, и иногда весь Кошъ. Кошевой атаманъ считался высшимъ судьей, потому что онъ имѣлъ верховную власть надъ всѣмъ запорожскимъ войскомъ. Но настоящимъ оффиціальнымъ судьей въ Запорожьѣ былъ войсковой судья; однако, онъ только разбиралъ дѣла, давалъ совѣты ссорившимся сторонамъ, но не утверждалъ окончательно своихъ опредѣленій, что предоставлялось войскомъ только кошевому атаману. Войсковой писарь иногда излагалъ приговоръ старшины на радѣ; иногда извѣщалъ осужденныхъ о судебныхъ рѣшеніяхъ, особенно когда дѣло касалось лицъ, живщихъ не въ самой Сѣчи, а въ паланкахъ, т. е. отдаленныхъ отъ Сѣчи округахъ или станахъ. Войсковой асаулъ выполнялъ роль слѣдователя, исполнителя приговоровъ, полицейскаго чиновника: онъ разсматривалъ на мѣстѣ жалобы, слѣдилъ за исполненіемъ приговоровъ кошевого атамана и всего Коша, преслѣдовалъ вооруженной рукой разбойниковъ, воровъ и грабителей. Войсковой довбышъ былъ помощникомъ асаула и приставомъ при экзекуціяхъ, тѣмъ, что называлось въ Западной Европѣ «Prêvot»; онъ читалъ опредѣленія старшины и всего войска публично на мѣстѣ казни или на войсковой радѣ. Куренные атаманы, весьма часто исполнявшіе роли судей среди козаковъ собственныхъ куреней, имѣли при куреняхъ такую силу, что могли разбирать тяжбу между спорившими сторонами и тѣлесно наказывать виновнаго въ какомъ-либо проступкѣ. Наконецъ, паланочный полковникъ съ его помощниками— писаремъ и асауломъ, живщій вдали отъ Сѣчи, завѣдывавшій пограничными разъѣздами и управляв-

Scène de la vie dans la Siétcha zaporogue: un criminel devant le tribunal.

Dans les questions de jugement et de peines à infliger aux criminels les zaporogues ne se guidaient pas sur les lois écrites, mais sur «les anciens usages, sur le droit verbal et le bons sens». On ne peut guère s'attendre à découvrir des lois écrites chez les zaporogues, d'abord parce que la commune des cosaques avait une existence trop récente pour avoir pu élaborer des lois, établir un système et composer un code écrit; ensuite toute l'existence historique des cosaques fut remplie par des guerres presque perpétuelles, ce qui ne leur permettait nullement de s'attarder à introduire de l'ordre dans l'organisation de leur vie intérieure; et enfin les cosaques zaporogues tâchaient d'éviter d'avoir des lois écrites, de crainte que cela n'apportât du changement dans leurs privilèges. Les usages, qui remplaçaient les lois écrites et qui garantissaient la stabilité de l'ordre dans le Zaporojié, étaient également reconnus par le gouvernement, à partir de l'époque du tsar Alexis Mikhaïlovitch et jusqu'à l'époque de l'impératrice Catherine II.

Le tribunal se composait chez les cosaques zaporogues de tout le syndicat militaire, c'est à dire de l'ataman général, du juge et du capitaine, ainsi que de l'ataman des kourènes, du colonel de palanque et quelquefois même de toute la compagnie cosaque. L'ataman général était reconnu comme juge suprême, parce qu'il était investi du pouvoir suprême sur l'armée tout entière. Mais le véritable juge officiel du Zaporojié était le juge militaire; cependant il ne faisait qu'examiner les causes, donner des conseils aux plaideurs, mais n'avait pas le droit de sanctionner ses conclusions, car l'armée n'avait dévolu ce droit-là qu'à l'ataman général. Le clerc d'armée exposait quelquefois le verdict au doyen du conseil; c'était lui encore qui communiquait aux condamnés le verdict du tribunal, surtout lorsque ces derniers n'habitaient pas la Siétcha elle-même, mais une des palanques, c'est-à-dire un arrondissement éloigné de la Siétcha. Le capitaine de l'armée cumulait les emplois de juge d'instruction, de l'exécuteur des jugements et d'officier de police: il examinait les plaintes sur le lieu même, surveillait l'exécution des verdicts de l'ataman général et de toute la commune, pourchassait à main armée brigands, voleurs et maraudeurs. Le capitaine avait un aide, un «prévôt» comme cela s'appelait dans l'Europe occidentale, qui était chargé de proclamer publiquement les arrêts du tribunal sur le lieu même de l'exécution ou au conseil de guerre. Les atamans des kourènes qui remplissaient fréquemment le rôle de juge dans leurs kourènes, étaient investis d'une grande autorité, ayant le droit de juger eux-mêmes tout les procès de leurs administrés et d'appliquer aux coupables les peines corporelles. Enfin le colonel de palanque avec ses adjoints,—le clerc et le capitaine,—qui vivait éloigné de la Siétcha, gouvernant les postes limitrophes et les cosaques des steppes demeurant dans des métairies ou dans de petits villages, remplissait également en maintes occasions le rôle de juge, à défaut du tribunal suprême de la Siétcha.

ній сидѣвшими въ степи, въ своихъ хуторахъ и слободахъ, козаками, во многихъ случаяхъ, за отсутствіемъ сѣчевой старшины, въ своемъ вѣдомствѣ также исполнялъ роль судьи.

Наказанія и казни опредѣлялись у запорожскихъ козаковъ различныя, смотря по характеру преступленій. Изъ наказаній практиковались: привязываніе къ пушкѣ на площади, сажаніе на деревянную кобылу, битье кнутомъ подъ висѣлицей, изломленіе членовъ тѣла — ноги или руки, разграбленіе имущества, ссылка въ Сибирь.

Наиболѣе популярнымъ изъ всѣхъ этихъ наказаній и казней было битье и забиваніе преступника у позорнаго столба кіями. Къ позорному столбу и кіямъ приговаривались лица, совершившія воровство или скрывшія уворованныя вещи, учинившія побои, насилія, дезертерства. Позорный столбъ всегда стоялъ на сѣчевой площади близъ сѣчевой колокольни; около него всегда лежала связка сухихъ съ головками дубовыхъ бичей, называвшихся у запорожцевъ кіями и похожихъ на бичи, привязываемые къ цѣпамъ для молотьбы хлѣба. Эти кіи у запорожцевъ служили въ данномъ случаѣ тѣмъ же, чѣмъ служили у великороссовъ кнуты. Если одинъ козакъ украдетъ что-либо, даже очень маловажное, у другого козака, въ самой Сѣчи или внѣ ея, и потомъ будетъ уличенъ въ воровствѣ, то его приводятъ на сѣчевую площадь, приковываютъ къ позорному столбу и по обыкновенію держатъ въ теченіе трехъ дней, а иногда и больше того, на площади, до тѣхъ поръ, пока онъ не уплатитъ деньги за украденную вещь. Во все время стоянія преступника у столба мимо него проходятъ товарищи, причемъ одни изъ нихъ молча смотрятъ на привязаннаго; другіе, напившись пьяными, ругаютъ и бьютъ его; третьи предлагаютъ ему деньги; четвертые, захвативши съ собой горилку и калачи, поятъ и кормятъ его всѣмъ этимъ, и хотя бы преступнику не въ охоту было ни пить, ни ѣсть, тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ это дѣлать. «Пій, скурвый сыну, злодію! Якъ не будешь пыть, то будемъ тебе, скурвого сына, быть!» кричатъ проходящіе. Но когда преступникъ выпьетъ, то пристающіе къ нему козаки говорятъ: «Теперь же, брате, дай мы тебе трохы (немного) попобьемъ!» Напрасно тогда преступникъ будетъ молить о пощадѣ; на всѣ просьбы его о помилованіи козаки упорно отвѣчаютъ: «За то мы тебе, скурвый сыну, и горилкою поили, що намъ тебе треба попобыть!» Послѣ этого они наносили нѣсколько ударовъ привязанному къ столбу преступнику и уходили. За ними являлись другіе; за другими третьи и т. д. Въ такомъ положеніи преступникъ оставался сутки, а иногда и пять къ ряду сутокъ, по усмотрѣнію судей. Но обыкновенно бывало такъ, что уже черезъ однѣ сутки преступника убивали до смерти, послѣ чего имущество его отбирали на войско. Случалось, впрочемъ, что нѣкоторые изъ преступниковъ не только оставались послѣ такого наказанія въ живыхъ, но даже получали отъ пьяныхъ своихъ товарищей деньги. Иногда наказаніе кіями замѣняло собою смертную казнь: въ такомъ случаѣ

Les peines et les supplices usités chez les cosaques zaporogues variaient suivant le caractère du crime. Il y en avait plusieurs: on attachait le condamné à un canon sur la place publique, on le juchait sur la crête d'un chevalet de bois, on lui donnait des coups de fouet au pied d'une potence, on mutilait ses bras ou ses jambes, on le dépouillait de ses biens ou on l'exilait en Sibérie.

La peine la plus répandue était la peine du fouet. On attachait le criminel à un pilori et on le fouettait. Cette peine était infligée à ceux qui s'étaient rendus coupables de vol on de recel, de sévices et de violences, aux déserteurs. Le pilori se dressait en permanence sur la place de la Siétcha, auprès du clocher, et on voyait toujours à ses pieds un paquet de baguettes en chêne sec à noeuds, ressemblant aux fléaux à battre le blé. Ces baguettes remplaçaient chez les zaporogues le fouet de la Grande-Russie. Tout cosaque qui avait dérobé quelque chose à un autre cosaque, ne fût-ce qu'un objet de peu de valeur, dans la Siétcha même ou en dehors d'elle, était amené sur la place, enchaîné au pilori et exposé là, ordinairement pendant trois jours et quelquefois davantage, jusqu'à ce qu'il eût remboursé le prix de l'objet dérobé. Tout le temps de cette exposition du coupable, tous ses camarades défilaient devant lui, les uns se contentant de le regarder en silence; d'autres, s'étant préalablement enivrés, l'accablaient d'injures et de coups de baguettes; les troisièmes lui offraient de l'argent; les quatrièmes, apportant de l'eau-de-vie et du pain blanc, le faisaient manger et boire, même s'il n'en avait pas envie. «Bois donc, fils de chien, bois, gredin! Si tu refuses de boire, filou, on va te rouer de coups!» lui criait-on. Mais quand il avait bu, ces mêmes cosaques lui déclaraient: «Et maintenant, camarade, on va te fustiger un petit peu!» En vain le coupable implorait-il leur pitié, les cosaques répondaient obstinément à toutes ses supplications: «Si nous avons voulu te faire prendre de l'eau-de-vie, fils de chien, c'est bien pour te fouetter après!» Après quoi ils lui allongeaient plusieurs coups et s'éloignaient ensuite. D'autres les suivaient et ainsi de suite. Le coupable restait là toute une journée et parfois même jusqu'à cinq jours de suite selon le verdict. Mais généralement le coupable succombait sous les coups en 24 heures et ses biens étaient ensuite confisqués au profit de l'armée. Il arrivait cependant que certains coupables non seulement en réchappaient, mais se voyaient encore pourvus d'argent par des camarades pris de vin. D'autres fois cette peine du fouet remplaçait la peine de mort: dans ce cas on confisquait le bétail et les biens mobiliers du condamné, affectant une part du bétail à l'armée même, une autre au colonel de palanque, tandis que la troisième part, ainsi que tous les biens mobiliers revenaient à la femme et aux enfants du condamné, si celui-ci était marié.

у наказываемаго отбирали скотъ и движимое имущество, причемъ одну часть скота отдавали на войско, другую—паланочному старшинѣ, третью часть и все движимое имущество — женѣ и дѣтямъ его, если только онъ былъ женатымъ человѣкомъ.

Мѣсто бывшей Чортомлыцкой Сѣчи.

Что такое Сѣчь? Слово «Сѣчь» происходитъ отъ слова «сѣчь, высѣкать», т. е. вырубать деревья, очищать мѣсто отъ лѣса, и въ буквальномъ смыслѣ слова означаетъ «засѣку», устроенную для защиты отъ непріятелей. Въ переносномъ значеніи Сѣчь означала главное гнѣздо, центръ или столицу запорожскаго войска. За все время историческаго существованія Запорожья козаки перемѣнили пять Сѣчей, которыя переносились сверху внизъ по теченію Днѣпра, по мѣрѣ давленія на запорожцевъ со стороны польскаго или московскаго правительства. Изъ всѣхъ Сѣчей самая знаменитая и дольше всѣхъ существовавшая, была Сѣчь Чортомлыцкая, устроенная кошевымъ атаманомъ Иваномъ Лутаемъ въ 1652 году, при впаденіи рѣчки Чортомлыка въ рѣку Днѣпръ, и просуществовавшая до 1709 года. Эта Сѣчь представляла собой «городокъ», находившійся на Чортомлыцкомъ островѣ, имѣвшій 900 саженей кругомъ и охваченный кругомъ семью рѣчками — Чортомлыкомъ, Скарбной, Скаженой, Коровкой, Прогноемъ, Павлюкомъ и Подпильной. Вокругъ Сѣчи сдѣланъ былъ земляной валъ въ шесть саженъ высоты, построены были бойницы, набиты деревянныя пали, плетеные, насыпанные землей, большіе коши или корзины. Внутри Сѣчи сооружена была высокая и очень просторная, въ 20 саженъ кругомъ, башня съ окнами для стрѣльбы изъ оконъ въ непріятеля. Для прохода за водой на Чортомлыкъ и Скарбную въ земляномъ валу сдѣлано было восемь калитокъ, называвшихся «пролазами», величины одному человѣку за водой пройти, и у каждой калитки поставлено было по одной боевой башнѣ. Кромѣ всего этого въ Сѣчи, по обыкновенію, устроено было 38 куреней, обращенныхъ на сѣчевую площадь, для помѣщенія въ нихъ козаковъ, и одна деревянная церковь во имя Покрова пр. Богородицы.

Чортомлыцкая Сѣчь по справедливости называлась самою знаменитою изъ всѣхъ запорожскихъ Сѣчей: существованіе ея совпадало съ самымъ блестящимъ періодомъ исторической жизни запорожскихъ козаковъ, съ тѣмъ именно періодомъ, когда они не только ляху и татарину «жару завдавали, а и самому Царюгороду козацького пороху нюхаты давалы». Изъ этой Сѣчи «разливалась слава о козацкихъ подвигахъ по всей Украинѣ»; въ этой, именно этой Сѣчи, подвизался такой козацкій богатырь, какъ «завзятый, никѣмъ недонятый, закаленный, никѣмъ не побѣжденный», кошевой атаманъ Иванъ Сирко; тотъ

L'emplacement de l'ancienne Siétcha de Tchortomlyk.

Qu'était-ce que la «Siétcha»? La Siétcha c'était le nid, le centre ou la capitale de l'armée zaporogue. Pendant toute l'existence historique du Zaporojié, l'emplacement de la Siétcha a varié 5 fois en tout, se transportant du haut au bas-Dnièper, selon que les cosaques zaporogues subissaient la pression du gouvernement russe ou polonais. La Siétcha la plus célèbre et dont l'existence fut la plus prolongée, c'est celle de Tchortomlyk, fondée par l'ataman général Jean Loutaï, en 1652, à l'embouchure de la rivière de Tchortomlyk dans le Dnièper, et dont l'existence dura jusqu'à l'année 1709. C'était une «petite cité», occupant l'île de Tchortomlyk, ayant 900 toises de circonférence et entourée de sept petites rivières celles de: Tchortomlyk, Skarbnaïa, Skajénaïa, Korovka, Prognoï, Pavliouk et Podpilnaïa. Autour de la Siétcha se dressait un rempart de six toises de hauteur, avec des embrasures, des palissades et des fascines. A l'intérieur de la Siétcha se trouvait une haute et grosse tour, ayant 20 toises de circonférence, pourvue d'embrasures d'où l'on pouvait tirer sur l'ennemi. Pour qu'on pût aller puiser de l'eau dans le Tchortomlyk et la Skarbnaïa on avait pratiqué dans le rempart huit petites portes, ne livrant passage qu'à un seul homme; il y avait aussi une tour de combat. La Siétcha possédait comme de coutume, 38 kourènes, tous convergeant à la grand' place et servant d'habitation aux cosaques, et une église, celle de l'Intercession de la Sainte-Vierge.

La Siétcha de Tchortomlyk était digne de son renom de supériorité sur toutes les Siétchis zaporogues: son existence coïncidait avec la période la plus brillante de la vie historique des cosaques zaporogues, avec l'époque où non seulement ils «terrorisaient les polonais et les tatares, mais forçaient Constantinople même de tâter de la poudre cosaque». C'est de là que la renommée des exploits des cosaques se répandait par toute l'Ukraine; c'est de là que sortit le glorieux héros cosaque, l'ataman général Jean Sirko, «l'invincible et l'indomptable», ce Sirko qui fut la terreur des turcs, des tatares et des polonais et l'orgueil des cosaques zaporogues; la légende prétend qu'il naquit avec toutes ses dents, pour mieux dévorer toute sa vie les ennemis de la nation russe et de la religion orthodoxe; il terrorisait tellement les tatares que les femmes tatares en menaçaient leurs enfants comme du loup-garou; ce Sirko avait été cause d'un firman spécial du sultan, ordonnant aux fidèles de demander sa mort dans leurs prières, mais les zaporogues le chérissaient tant que, d'après la même légende, ils emportèrent partout avec eux le cercueil contenant ses ossements pendant cinq ans après sa mort, puis

Сирко, который былъ грозою турокъ и татаръ, страхомъ ляховъ и гордостью запорожскихъ козаковъ; который родился, какъ гласитъ преданіе, съ зубами для того, чтобы всю жизнь свою грызть враговъ русской народности и православной вѣры; который до того былъ страшенъ татарамъ, что именемъ его татарки пугали своихъ непослушныхъ дѣтей; тотъ Сирко, о погибели котораго султанъ особымъ фирманомъ повелѣвалъ правовѣрнымъ молиться въ мечетяхъ, но который, однако, для запорожцевъ такъ былъ дорогъ, что кости его, по тому же народному преданію, запорожцы пять лѣтъ возили въ гробу, а потомъ, отрѣзавъ у покойника руку и засушивъ ее, возили съ собой въ походы для того, чтобы выставлять ее на страхъ врагамъ и побѣждать ихъ въ бояхъ. Въ этой Сѣчи часто завязывались такія дѣла, которыя потомъ развязывались въ гетманской Украйнѣ, русской Москвѣ, польской Варшавѣ и турецкомъ Стамбулѣ. Изъ этой Сѣчи запорожцы ходили на Украйну и въ Польшу биться съ ляхами за Богдана Хмельницкаго; въ этой Сѣчи они присягали на подданство русскому царю и потомъ горько оплакивали смерть «старого Хмѣля»; изъ этой же Сѣчи они ходили войной за сына Богдана Хмельницкаго, Юрія Хмельниченка, и потомъ выступали походами на Украйну, Польшу, Крымъ и Турцію, принимая самое живое и дѣятельное участіе въ наставшихъ войнахъ послѣ смерти гетмана Богдана Хмельницкаго Россіи съ Польшей, Крымомъ и Турціей за обладаніе Малороссіей.

Послѣ 57 лѣтъ историческаго существованія Чортомлыцкая Сѣчь была разрушена мая 14 дня, 1709 года, московскимъ войскомъ, предводимымъ русскимъ полковникомъ Яковлевымъ и измѣнникомъ-ренегатомъ полковникомъ Галагановъ, послѣ того какъ запорожцы передъ полтавской битвой перешли отъ русскаго царя Петра на сторону шведскаго короля Карла XII. Жестоко поплатились запорожцы за свой союзъ съ Карломъ XII: послѣ долгаго со стороны козаковъ сопротивленія Чортомлыцкая Сѣчь была взята русскими приступомъ. Триста человѣкъ козаковъ было взято въ плѣнъ, нѣсколько человѣкъ было перебито, нѣсколько человѣкъ было повѣшено на плотахъ и въ такомъ видѣ пущено внизъ по теченію Днѣпра; взяты были 100 пушекъ и всѣ войсковые клейноды, т. е. знамена, булавы, бунчуки, перначи, литавры, вся амуниція также была захвачена и отправлена въ московскій лагерь, а всѣ курени сѣчевые и всѣ строенія сожжены, многіе зимовники, бывшіе вокругъ Сѣчи, истреблены. Полковникъ Яковлевъ и особенно ренегатъ Галаганъ при этомъ дѣйствовали съ неслыханнымъ свирѣпствомъ: «Учинилось у насъ въ Сѣчи, писалъ очевидецъ кошевой Стефаненко, то, что, по присягѣ Галагана и московскаго войска, товариству нашему головы обдирали, шеи на плахахъ рубали, вѣшали и иныя тиранскія смерти завдавали, какихъ и въ поганствѣ за древнихъ мучителей не водилось— мертвыхъ изъ гробовъ многихъ не только изъ товариства, но и изъ монаховъ откапывали, головы имъ отнимали, шкуры сдирали и вѣшали».

coupant une main au cadavre ils la momifièrent, et, à chacune de leurs campagnes, ils la montraient à l'ennemi en guise d'épouvantail, pour le vaincre plus facilement. Souvent mainte affaire se nouait dans cette Siétcha, affaire dont le dénouement avait lieu plus tard dans l'Ukraine des hetmans, chez les russes à Moscou, chez les polonais à Varsovie et chez les turcs à Stamboul. C'est de cette même Siétcha que les zaporogues sortaient pour aller défendre Bogdane Khmelnitsky en Ukraine et en Pologne; c'est là qu'ils prêtaient serment au tsar russe et pleuraient ensuite amèrement la mort du «vieux Khmel»; c'est de là qu'ils partaient en guerre, prenant la défense du fils de Bogdane Khmelnitsky, Youri Khmelnitchenko, ainsi que pour leurs campagnes d'Ukraine, de Pologne, de Crimée et de Turquie, prenant toujours la part la plus vive, la plus active dans les guerres de la Russie avec la Pologne, la Crimée et la Turquie, pour la possession de la Petite-Russie, qui éclatèrent après la mort de Bogdane Khmelnitsky.

Après 57 ans d'existence la Siétcha de Tchortomlyk fut détruite le 14 mai 1709, jour de la mémorable bataille de Poltava, par l'armée russe, commandée par le colonel russe Iakovleff et le traître-renégat Galagane, lorsque les cosaques avaient abandonné le tsar russe Pierre, pour passer du côté du roi de Suède, Charles XII. Les cosaques expièrent cruellement cette alliance avec Charles XII; après une résistance prolongée et acharnée, la Siétcha fut prise d'assaut par les russes. 300 cosaques furent faits prisonniers; les uns furent égorgés, les autres pendus sur des radeaux qu'on lâcha ensuite sur le Dnièper; les russes s'emparèrent de cent canons et de tous les insignes de l'armée, c'est-à-dire des étendards, des bâtons d'hetman, des drapeaux, des timbales, ainsi que de tout le fourniment, et le tout fut expédié dans le camp russe, tandis que tous les Kourènes et tous les bâtiments de la Siétcha furent livrés aux flammes et quantité de cosaques, hivernant dans le voisinage de la Siétcha, furent exterminés. Le colonel Iakovleff et surtout le renégat Galagane firent, en cette occasion, preuve d'une cruauté inouïe. «Notre Siétcha vit, écrit un témoin oculaire, l'ataman général Stéfanenko, tomber les têtes de nos camarades, — sur l'ordre de Galagane et des chefs russes,— leur couper le cou sur l'échafaud, les pendre ou bien leur infliger quelque autre cruel supplice. Les bourreaux païens de l'antiquité ne s'étaient pas montrés aussi cruels: on déterrait des cadavres, non pas seulement ceux des cosaques, mais encore ceux des moines, on leur coupait la tête, on les écorchait et on les pendait ensuite.»

La terrible destruction de la Siétcha de Tchortomlyk resta dans la mémoire populaire et inspira une légende profondément mélancolique, débutant comme il suit:

«Voici un caneton qui vole de l'autre côté de l'eau,
S'échappant des roseaux riverains;
Il n'y aura plus jamais de ville dans la Siétcha,
Moscou se dressait là-bas, au bout du pont,
Se mirant dans l'eau avec complaisance:
Elle s'est fait la guerre à elle-même, répandant son
propre sang,
«Oh, tu prétends, Galagane, qu'il n'y a pas de cosaques
dans la Siétcha.

Страшное разореніе Чортомлыцкой Сѣчи отозвалось въ народной памяти глубокогорестною думой, которая начинается словами.

«Ой, летыть крячокъ та по той бочокъ,
Де взявся шулика;
А не буде въ Сичи города отныни й до вику.
Ой, стояла Москва та у кинець моста,
Та дывилась въ воду та на свою вроду:
Сама себе воювала и кровъ свою пролывала.
... Ой, казавъ еси, пане Галагане, що въ Сичи москвы не мае,
Колы глянешъ, помижъ куренями та якъ макъ процвитае».
Ой, якъ крыкнувъ та панъ кошовый у покровській церкви:
«Прыбырайтесь, славни запорозци, якъ бы къ своій смерти!
Ой, якъ крыкнувъ та панъ кошовый на покровській дзвиныци:
Ой, кыдайте-жъ вы, славни запорожци, и пистоли й рушныци.
Ой, пишлы-пишлы славни запорозци та непишкы, дубамы,
А якъ оглянутця та до славнои Сичи, то вмываются слёзамы»...

Мѣсто Чортомлыцкой Сѣчи сохранилось и въ настоящее время: оно находится у деревни Капуливки или Копыловки, Екатеринославской губерніи и Екатеринославскаго уѣзда, и представляетъ собой небольшой, довольно возвышенный островокъ, кругомъ оросшій деревьями и сверху покрытый въ лѣтнее время высокимъ и густымъ бурьяномъ. По немъ теперь гуляетъ лишь буйный степной вѣтеръ, который наводитъ грустныя и тяжелыя думы о быломъ...

«Mais tu n'as qu'à voir parmi les Kourènes, c'est tout rouge de cosaques, on dirait des pavots,
«Oh, lorsque l'ataman général a crié sur la place de l'église;
«Rassemblez-vous, braves zaporogues, soyez prêts à mourir!
«Oh, lorsque il a crié comme cela, l'ataman général;
«Jetez bas, braves zaporogues, fusils et pistolets.»
Et les braves zaporogues s'en allèrent, silencieux,
Et dès qu'ils se retournaient en arrière, ils fondaient en larmes».

L'emplacement de la Siétcha de Tchortomlyk s'est conservé jusqu'à nos jours: il se trouve aux environs du village Kopylovka, — province et district, de Iékaterinoslaw. C'est un petit îlot assez élevé, entouré d'arbres et couvert en été d'herbes hautes et touffues. Seul, le vent violent de la steppe vient lui rendre visite, apportant avec soi le triste ressouvenir du glorieux passé...

Дунавецкая запорожская Сѣчь.

Въ 1775 году, іюня 4 дня, по волѣ императрицы Екатерины II, уничтожена была послѣдняя запорожская Сѣчь на рѣчкѣ Подпольной; главные начальники Сѣчи, кошевой Калнишевскій, судья Головатый и писарь Глоба сосланы были—первый въ Соловецкій монастырь, два послѣдніе въ далекую Сибирь; зато масса запорожская успѣла обмануть русскаго генерала Петра Текели, обложившаго кругомъ Сѣчь, и успѣла убѣжать за предѣлы Россіи. Покинувъ Россію, запорожцы ушли въ предѣлы Турціи и до 1785 года оставались при усть-Дунаѣ. Найдя, однако, на усть-Дунаѣ великорусскихъ поселенцевъ и не сойдясь съ ними, запорожцы поднялись, съ разрѣшенія австрійскаго императора, въ числѣ 8000 человѣкъ, вверхъ по Дунаю и поселились въ Банатѣ, на берегахъ Тиссы. Изгнанные изъ Баната, запорожцы покинули предѣлы Австріи и переселились вновь въ предѣлы Турціи, въ

La Siétcha zaporogue du Dounavetz.

Le 4 juin 1775, d'après la volonté de l'impératrice Catherine II, la dernière Siétcha zaporogue, située au bord de la petite rivière Podpilnaïa, fut supprimée; les principaux chefs de la Siétcha, l'ataman général Kalnychevsky, le juge Galavaty et le clerc Globa furent exilés, — le premier au couvent Solovetsky, les deux derniers bien loin, en Sibérie; mais en revanche, la majorité des zaporogues eurent l'adresse de tromper le général russe Pierre Tékély, qui bloquait la Siétcha, et réussirent à passer la frontière de la Russie. Les zaporogues en fuite quittèrent la Russie, gagnèrent la frontière turque et restèrent sur le Danube jusqu'à l'année 1785. S'étant heurté cependant, aux bouches du Danube, aux colons grand-russiens, et n'ayant pu s'accorder avec eux, les zaporogues, sur l'autorisation de l'empereur d'Autriche, remontèrent de Danube

Старые-Сеймены, между Силистріей и Гирсовой, гдѣ прожили до 1812 года. Однако, для запорожцевъ, которые были сколько воинами, столько же и рыболовами-промышленниками, Старые-Сеймены, удаленные отъ устья Дуная, не представляли тѣхъ удобствъ и выгодъ, какія представляли собой устья Дуная. Но дунайскія устья заняты были еще раньше появленія запорожцевъ донскими козаками – раскольниками, выведенными атаманомъ Некрасовымъ и сдѣлавшимися полными хозяевами дунавецкой дельты. Отправляясь на дельту цѣлыми ватагами и устраивая тамъ рыбные заводы, запорожцы не замедлили вступить въ самую ожесточенную борьбу съ некрасовцами и въ концѣ концовъ отбили у нихъ все устье Дуная. Ранней весной 1813 года они прибыли къ самому устью дунайскаго гирла св. Георгія, въ Катирлезъ, и сѣли въ немъ Кошемъ, начавъ даже постройку сѣчевой церкви. Сообразивъ, однако, что устье Дуная, вслѣдствіе низменной и болотистой мѣстности, непригодно для постояннаго житья, запорожцы оставили Катирлезъ и поднялись отъ устья гирла св. Георгія къ тому мѣсту, гдѣ отъ него отдѣляется рукавъ Дунавецъ; тамъ, въ Верхнемъ-Дунавцѣ, они основали дунавецкую Сѣчь, получившую окончательную организацію и просуществовавшую съ 1813 по 1828 годъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти скитанія «по туркамъ та по каулкамъ» причинили не мало бѣдъ запорожскому войску и не разъ заставляли козаковъ вспоминать о дорогой ихъ сердцу приднѣпровской Сѣчи.

«Ой, москáлю, ой, москалю,
Ой, на що жъ ты худо робышъ?
А що наше славне Запорожжа
Та въ конéць переводышъ?
Що теперъ же нашi запорожци
Та въ велыкому жалю:
Що не зналы, кому поклонытысь
Да которому цáрю:
Поклонылысь бы та восточному цáрю,
Такъ той же насъ не прыймае,—
Ходимъ же мы до турчина,
Бо турчинъ насъ добре знае:
«Ты, турецькый царю, ты, турецькый царю,
Змылуйся надъ намы,
Прыймы ты насъ въ свою землю
Та изъ курiнямы.»

Основавшись Кошемъ у устья Дунавца, запорожцы прежде всего постарались добиться оффиціальнаго утвержденія за ними земли со стороны турецкаго правительства, и турецкое правительство не замедлило признать за ними право на владѣніе земельной устьдунайской территоріи съ полнымъ освобожденіемъ отъ десятины какъ съ земледѣльческихъ продуктовъ и скота, такъ и съ рыбной ловли въ предѣлахъ Запорожья.

Территорія, занятая запорожцами, имѣла въ себѣ рѣдкія удобства. Охваченная съ трехъ сторонъ водами — гирла св. Георгія, Дунавца, Чернаго моря, лимана Разина, лимана Бабадагскаго, вся она, кромѣ болотъ

au nombre de 8.000 hommes et s'établirent à Banata, aux bords de la Theiss. Repoussés de là, les zaporogues quittèren les limites de l'Autriche et se transportèrent de nouveau dans celles de la Turquie, à Startché-Seïmény, entre la Silistrie et Ghirsavaï, où ils vécurent jusqu'à l'année 1812. Mais pour les zaporogues, guerriers autant que pêcheurs et vendeurs de poisson Startché-Seïmény, trop éloigné des bouches du Danube ne présentait pas les mêmes commodités et les mêmes avantages que les bouches du Danube. Mais celles-ci étaient occupées, bien avant l'apparition des zaporogues par les cosaques dissidents du Don, conduits là par l'ataman Nékrassoff et devenus maîtres absolus du Delta du Danube. Les zaporogues qui y arrivaient par bandes et y installaient des pêcheries, ne tardèrent pas à entrer dans une lutte acharnée avec les cosaques de Nékrassoff et finirent par leur enlever toutes les bouches du Danube. Tout au début du printemps de l'année 1813 ils atteignirent les bouches de St-Georges et établirent leur camp à Catirlez. Ils commencèrent même a construire l'église de leur nouvelle Siétcha, mais s'apercevant que ce sol plat et marécageux ne leur convenait pas, ils quittèrent cet endroit et remontèrent les bouches St-Georges jusqu'au bras du Danube, Dounavetz et là, au haut-Dounavetz ils fondèrent la Siétcha du Dounavetz, d'après toutes les règles. L'existence de cette Siétcha dura de 1813 à 1828.

Naturellement, toutes ces pérégrinations de l'armée zaporogue, «tantôt chez les turcs, tantôt un peu partout», lui attirèrent une foule de maux, et les zaporogues ne pouvaient s'empêcher d'évoquer le souvenir de la Siétcha du Dnièper, si chère à leurs coeurs.

«Oh, russe, oh, russe,
Pourquoi donc agis-tu si mal?
Pourquoi donc le mènes-tu à sa perte,
Notre glorieux Zaporojié?
Et voici que nos braves zaporogues
Se trouvent dans une passe bien dure:
Ils ne savent plus à qui s'adresser,
Quel souverain ils doivent aller trouver.
Ils s'adresseraient bien au souverain de l'Orient,
Mais il ne veut pas les recevoir,
Alors ils s'en vont chez le turc,
Parce que le turc les connait bien:
Ecoute nous, toi, sultan, écoute nous, toi, sultan,
Aie pitié de nous,
Reçois-nous dans ton pays,
Et avec tous nos Kourènes».

Une fois fixés à l'embouchure du Dounavetz, le premier soin des zaporogues fut d'obtenir du gouvernement turc que celui-ci reconnût officiellement leurs droits sur ce territoire, et bientôt le gouvernement ottoman leur concéda le droit de propriété sur le territoire de l'embouchure du Dounavetz, leur accordant en outre l'exemption de la dime, tant sur les produits de l'agriculture et de l'élevage des bestiaux, que sur la pêche pratiquée dans les limites du Zaporojié. Le territoire occupé par les zaporogues avait de rares avantages. Fermé de trois côtés par de vastes nappes d'eau, celles des bouches St.-Georges, du Dounavetz, de la mer Noire, des limans de Razine et de Babadag,

и плавень, представляла изъ себя въ общемъ равнобедренно-треугольную площадь и заключала въ себѣ въ первое время поселенія въ ней запорожцевъ около 80 километровъ длины и отъ 15 до 17 километровъ ширины. Другими словами: на сѣверѣ она начиналась отъ Исакчи и шла на югъ къ лиману Разину; на западѣ начиналась ниже Исакчи и шла на востокъ къ Черному морю со включеніемъ большого и низменнаго острова Дранаго.

По характеру поверхности вся запорожская территорія представляла собой пологій, всхолмленный скатъ, окруженный почти со всѣхъ сторонъ, вдоль береговъ рѣкъ, горами, покрытый глубокимъ слоемъ чернозема и переходящій, по мѣрѣ приближенія къ дунайской дельтѣ, въ низменность и плавню. Такимъ образомъ тутъ были и горы, и степи, и поля, и плавни, въ общемъ представлявшія собой рѣдкое сочетаніе удобствъ въ стратегическомъ, земледѣльческомъ, промышленномъ и рыболовномъ отношеніяхъ. А насколько богата и изобильна была вся эта земля, объ этомъ можно судить въ особенности по дунайской дельтѣ. Дунайская дельта отличалась баснословнымъ изобиліемъ всякаго рода дичи, такъ-то: оленей, дикихъ кабановъ, козъ, нырковъ, дикихъ гусей, утокъ, лебедей, пеликановъ, которые покрывали собой иногда пространства буквально на цѣлыя версты.

Самая Сѣчь, или столица козаковъ, находилась при сліяніи Дунавца съ гирлами св. Георгія и ограждена была съ трехъ сторонъ водами: гирла св. Георгія, Дунавца и Разинскаго лимана, а съ четвертой, западной стороны, защищена была землянымъ валомъ и рвомъ.

Внутреннее устройство Сѣчи было таково: прямо съ дунавецкой пристани бросалась въ глаза небольшая деревянная однокупольная, крытая досками и неокрашенная церковь, бѣдная снаружи, но зато «вся въ золотѣ» внутри; влѣво отъ церкви стоялъ сѣчевой шинокъ, содержимый жидомъ, ведшимъ только ведерную продажу водки, но не мѣшавшимся въ раздробительную продажу, которую велъ каждый курень. Противъ шинка начиналась длинная улица, шедшая вдоль Дунавца и заставленная съ обѣихъ сторонъ куренями, счетомъ до 38-ми въ обоихъ рядахъ, представлявшими изъ себя типъ обыкновенныхъ малороссійскихъ хатъ, только длинныхъ, не менѣе, какъ съ тремя окнами въ рядъ, сдѣланныхъ изъ чамура (битой глины и земли съ навозомъ, травой и соломой), крытыхъ камышомъ и имѣвшихъ при себѣ «будки» или амбары для складыванія вещей, и небольшіе огороды и садки. Особо отъ куреней стояли еще: паланка и титарня. Паланка это была «хата зъ кимнатамы», предназначавшаяся спеціально для помѣщенія кошевого атамана и для канцеляріи, со всѣхъ сторонъ огороженная, имѣвшая при себѣ дворъ съ амбарами, погребами, конюшнями и т. п. Титарня — это было, вѣроятно, какъ можно думать по названію, помѣщеніе для сѣчевого духовенства, т. е. для священника и діакона, которыхъ Сѣчь выбирала сама, но для посвященія посылала къ молдавскимъ архіереямъ.

il présentait, les marécages et les iles basses exceptés, une étendue triangulaire isocèle de 80 kilomètres environ de longueur et de 15 à 17 kilomètres de largeur dans les commencements. Commençant au nord d'Issaktcha, ce territoire aboutissait au sud au liman de Razine; à l'ouest il prenait commencement au-dessous d'Issaktcha, s'étendant à l'est jusqu'à la mer Noire et la grande île basse Drany.

Tout le territoire qui appartenait aux zaporogues était en pente douce à accidents de terrain; des montagnes bordaient presque tous les bords riverains, le sol était recouvert d'une couche épaisse d'humus et plus on se rapprochait du Delta du Danube, plus il dégénérait en îles basses. Le territoire possédait ainsi des montagnes et des steppes, des champs et des iles basses, ce qui formait un rare assemblage d'avantages sous le rapport stratégique, agricole, industriel et poissonnier. Quant à la richesse et à l'abondance de ce pays, elles étaient fabuleuses, surtout dans le Delta du Danube où pullulait le gibier de toute espèce, cerfs, sangliers, chevreuils, harles, oies sauvages, sarcelles, cygnes, pélicans, grouillant parfois sur des verstes et des verstes entières.

La Siétcha ou la capitale des zaporogues était située au confluent du Dounavetz et de l'embouchure St.-Georges, et se trouvait défendue de trois côtés par des nappes d'eaux, celles des bouches St.-Georges, du Dounavetz et du liman de Razine, tandis que du quatrième côté, à l'ouest, elle était fortifiée par un rempart de terre et par un fossé.

L'organisation intérieure de la Siétcha était la suivante: dès l'embarcadère du Dounavetz on apercevait une petite église en bois, à une coupole revêtue de planches non peintes et d'un extérieur misérable, mais «toute dorée» à l'intérieur; à gauche de l'église se dressait un cabaret tenu par un juif qui ne débitait de l'eau de vie que par «védro» et non en détail, car la vente en détail se pratiquait par chaque Kourène. En face du cabaret commençait une longue rue, longeant le Dounavetz et bordée des deux côtés par des Kourènes, au nombre de 38, ayant le type des cabanes petite-russiennes ordinaires, mais plus grands, n'ayant pas moins de trois fenêtres de façade et construits avec un mélange de terre glaise battue, de fumier, d'herbe et de paille, aux toits de roseaux; chaque Kourène était flanqué d'une espèce de magasin, d'un petit potager et d'un vivier. La palanque et la maison des prêtres étaient isolées. La palanque était une maisonnette à plusieurs pièces, spécialement destinée à loger l'ataman général et la chancellerie, encerclée d'une enceinte et pourvue d'une cour où se trouvaient des magasins, des caves, des écuries, et caetera. La maison des prêtres devait servir évidemment de logement au clergé de la Siétcha, c'est-à-dire au prêtre et au diacre que la Siétcha élisait elle-même, mais qu'elle dépêchait ensuite auprès des évêques moldaves pour en recevoir l'ordination.

La Siétcha du Dounavetz, ainsi que celle du Dniéper, n'était habitée que par des cosaques non mariés, dits les «compagnons», mais la Siétcha était entourée de faubourgs, peuplés par des cosaques ayant des familles, et s'occupant d'agriculture, d'élevage de bestiaux et de pêche; outre ces faubourgs il y avait encore des postes de pêcheurs, loin

Какъ въ приднѣпровской, такъ и въ дунавецкой Сѣчи жили только неженатые козаки, такъ называемые товарищи, но вокругъ Сѣчи расположены были слободы, гдѣ жили семейные люди, называвшіеся вмѣсто «зимовчаковъ», какъ было въ приднѣпровьѣ, «райями» и занимавшіеся земледѣліемъ, скотоводствомъ и рыболовствомъ; кромѣ слободъ были еще особыя рыбачьи стоянки въ отдаленіи отъ Сѣчи, при морѣ, лиманахъ, озерахъ и рѣчкахъ.

При внутренней организаціи Дунавецкой Сѣчи взяты были во вниманіе порядки, существовавшіе въ приднѣпровской Сѣчи. Во главѣ войска стояли: кошевой атаманъ, судья, писарь, асаулъ, куренные атаманы, съ прибавленіемъ лишь толмача или драгомана, т. е. переводчика. Вся старшина, по обыкновенію, выбиралась на годъ 1-го октября, въ храмовой праздникъ Сѣчи, Покрова, или на новый годъ.

Сколько извѣстно по смутнымъ указаніямъ, у запорожцевъ за время съ 1811 по 1828 годъ перемѣнились 16 кошевыхъ атамановъ, каковы: Калниболотскій, Рогозяный-Дидъ, Ляхъ, Литвинъ, Билюга, Гордына, Смыкъ, Рясный, Сухина, Морозъ, Головатый, Губа, Стебліивскій куренный, Чернѣга, Незаманвскій и Гладкій. Частыя перемѣны кошевыхъ атамановъ въ дунавецкой Сѣчи обусловливались многими причинами: во-первыхъ, раздѣленіемъ козаковъ на классъ состоятельныхъ людей и «голоту» или «голоколинчиковъ», слѣдствіемъ чего было то, что каждый классъ старался «скинуть» «чужого» атамана и выбрать «своего»; во-вторыхъ, тѣмъ, что дунавецкая Сѣчь пополнялась самымъ безпокойнымъ элементомъ, различными авантюристами и эмигрантами изъ Россіи, дѣйствовавшими нерѣдко вопреки желаній старыхъ приднѣпровскихъ козаковъ и оттого производившими въ Сѣчи смуту и перемѣну начальственныхъ лицъ; въ-третьихъ тѣмъ, что запорожцы, всегда защищавшіе православіе и боровшіеся противъ мусульманъ, теперь, съ водвореніемъ въ предѣлахъ турецкой имперіи, поставлены были въ фальшивое положеніе, отчего болѣе благоразумные и осторожные люди или вовсе не хотѣли идти въ начальники, или же, согласившись, спѣшили потомъ отказаться отъ нихъ; въ-четвертыхъ тѣмъ, что въ дунавецкой Сѣчи было не мало козаковъ новаго склада, которые тянули къ Россіи и которые, встрѣчая сопротивленіе со стороны приднѣпровскихъ козаковъ со старыми традиціями, производили смуты въ Сѣчи и дѣлали смѣну начальственныхъ лицъ; наконецъ, въ дунавецкой Сѣчи были и такіе, которые, избѣгая мирныхъ занятій, земледѣлія, скотоводства, рыболовства и звѣроловства, нерѣдко уходили на «добычи», т. е. на грабежи и разбой, навлекая тѣмъ самымъ и на себя гнѣвъ со стороны турецкаго правительства, и на своихъ начальниковъ, платившихся лишеніемъ своего званія.

Составъ задунайскаго войска пополнялся главнымъ образомъ бѣглыми выходцами изъ Россіи, гдѣ въ тѣ поры царили такіе порядки, которые особенно много вышибали людей изъ нормальной колеи и заставляли ихъ бѣжать за предѣлы отечества. На Украйнѣ въ то время было уничтожено окончательно козачество со всѣми его политическими и аграрными вольностями; на

de la Siétcha, au bord de la mer, des limans, des lacs et des rivières.

En procédant à l'organisation intérieure de la Siétcha du Dounavetz on s'était basé sur les règles de la Siétcha du Dnièper. L'armée avait pour chefs l'ataman général, le juge, le clerc d'armée, le capitaine et les atamans de kourènes, auxquels on avait adjoint un truchement, c'est à dire un interprète. Le syndicat était élu pour un an, comme de coutume, à partir du 1-er octobre, jour de la fête patronale de la Siétcha, l'Intecession de la Sainte-Vierge, ou bien le jour de l'an.

Autant qu'on peut en juger par des données quelque peu vagues, les cosaques, de 1811 à 1828, eurent 16 atamans généraux, notamment: Kalnibolatsky, le vieux Rogoziany, Liakh, Litvinne, Bilionga, Gordynia, Smyk, Riassny, Soukhina, Moroz, Golovaty, Gouba, Stebliivsky, — ataman de Kourène, Tcherniéga, Négamanvsky et Gladky. Les fréquents changements des atamans généraux dans la Siétcha du Dounavetz provenaient de causes différentes: premièrement parce qu'il y avait chez les cosaques la classe aisée et la classe «misérable», et chacune de ces classes s'ingéniait à «renverser» l'ataman élu par d'autres et d'en élire un à son goût; deuxièmement parce que les cadres de la Siétcha du Dounavetz se complétaint perpétuellement par le plus agité des éléments, celui de divers aventuriers, d'émigrés russes, et parce que ces nouveaux-venus contrariaient souvent les idées des vieux cosaques du Dnièper, suscitant ainsi dans la Siétcha des troubles et des changements de chefs; troisièmement, parce que les zaporogues, qui avaient toujours défendu l'orthodoxie et qui s'étaient battus contre les musulmans,—depuis qu'ils s'étaient fixés dans les limites de l'empire ottoman se trouvaient dans une fausse position, ce qui empêchait les hommes les plus raisonnables et les plus prudents d'accepter le poste d'ataman ou les forçait de démissionner rapidement, s'ils l'avaient accepté; quatrièmement,—parce qu'il y avait dans la Siétcha du Dounavetz quantité de cosaques, animés d'idées nouvelles, tendant à incliner du côté de la Russie et qui, se heurtant à la résistance des cosaques du Dnièper, imbus des vieilles traditions, suscitaient dans la Siétcha troubles et changements; enfin, il y avait parmi les cosaques de la Siétcha du Dounavetz des hommes hostiles aux travaux paisibles de l'agriculture, de l'élevage des bestiaux, de la pêche et de la chasse, qui s'en allaient souvent tenter la chance, ou plutôt pratiquer le brigandage et la rapine, attirant ainsi le courroux du gouvernement ottoman contre leurs chefs qui perdaient du coup leur position.

Les cadres des troupes du Dounavetz se complétaient surtout par des réfugiés russes, car un tel désarroi régnait alors en Russie que quantité de monde se voyait jeté violemment de l'ornière habituelle et forcé de fuir sa patrie. On venait de supprimer définitivement les cosaques de l'Ukraine avec toutes leurs prérogatives politiques et agraires; le servage venait d'être consacré officiellement sur la rive gauche du Dnièper, tandis que sur la rive droite il était à son apogée; en même temps les paysans manquaient de terre de labour, pendant que sévissaient le recrutement renforcé, les colonies militaires, les persécutions contre ceux dont les passeports clochaient, et caetera. Tous les

лѣвомъ берегу Днѣпра формально укрѣплено было крѣпостное право, а на правомъ берегу Днѣпра оно достигло въ это время особенной силы; это же время было временемъ обезземелія крестьянъ, временемъ рекрутчины, военныхъ поселеній, паспортныхъ притѣсненій и т. п. Исходомъ для людей, недовольныхъ всѣми такими порядками, было бѣгство за Дунай, къ запорожцамъ. Воспоминаніе объ этомъ тяжеломъ времени и о массовомъ бѣгствѣ народа отъ такихъ порядковъ сохранилось и въ народныхъ преданіяхъ и въ народныхъ пѣсняхъ:

«Ой, у поли крыныченька,—
Тамъ дивчина воду брала,
Вона жъ мени молодому
Шляхы розсказала:
Отъ тожъ тоби,
Та добрый молóдче,
А ни плакать, ни тужыть:
Отъ тожъ тоби,
Та добрый молóдче,
Тры дорóженькы лежыть:
Одна на Донъ,
Друга на Крымъ,
Третя въ Запорожже».

Пріемъ въ дунавецкую, какъ и въ приднѣпровскую Сѣчь, не былъ обставленъ никакими формальностями: «Прійде чоловикъ у паланку, риспытають ёго, звидки и якъ»:

— Будешъ козакувать?

— Буду, пане!

— А у якій куринь хочешъ?

— Тай самъ не знаю.

А тутъ обизвется который (какой-нибудь) куринный:

— Нехай иде до мене!

— Ну, козакуй же, та якъ що колы й бувало (т. е. грѣхи какіе за тобой водились), то бильше не робы... Отъ рыбáль соби, а на добычъ (грабежи) не ходы...

Дунавецкая Сѣчь существовала до 1828 года. Въ 1827 году открылась война между Россіей и Турціей. Въ то время въ Сѣчи былъ кошевымъ атаманомъ бывшій куренной атаманъ Осипъ Гладкій, уроженецъ Полтавской губерніи, Золотоношскаго уѣзда, по ремеслу бондарь, бросившій свою семью на родинѣ въ с. Мельникахъ и послѣ долгихъ скитаній очутившійся за Дунаемъ. Желая склонить запорожцевъ на сторону Россіи, русскій генералъ Тучковъ, состоявшій градоначальникомъ въ пограничной крѣпости Измаилѣ, вошелъ въ тайную переписку съ Гладкимъ, обѣщая прощеніе и разныя милости для всѣхъ, кто пожелаетъ вернуться въ Россію. Большинство запорожцевъ, и именно старыхъ, хранившихъ историческія традиціи, вовсе не было склонно къ тому, чтобы покидать предѣлы Турціи, а потому Гладкій велъ свои сношенія съ Тучковымъ въ самой строжайшей тайнѣ и открылся только весьма немногимъ изъ своихъ друзей. Мало того, онъ рѣшился даже на такой поступокъ, за который его потомъ и современники, и по-

mécontents, outrés de cet état de choses, n'avaient qu'une idée,—passer le Danube et se réfugier chez les zaporogues. Le souvenir de cette dure époque et de ces fuites en masse d'un peuple épouvanté s'est perpétué dans des légendes et des chants nationaux:

«Dans les champs se trouvait un puits.
Où une jeune fille puisait de l'eau,
Et voici qu'à moi, jeune garçon,
Elle m'a indiqué le chemin:
Regarde, regarde par ici,
Brave jeune homme,
Ne pleure pas, ne te chagrine pas,
Regarde par ici,
Brave jeune homme;
Voici trois chemins pour toi:
Le premier chemin mène sur le Don,
Le second — mène en Crimée
Et le troisième,—dans le Zaporojié.»

L'admission d'un nouveau-venu dans la Siétcha du Dounavetz, tout comme dans celle du Dnièper d'ailleurs, n'était entravée par aucune formalité: «lorsque le nouveau venu se présentait à la palanque, on procédait à son interrogatoire.

— Tu veux être cosaque?

— Oui, seigneur!

— Dans quel kourène veux-tu entrer?

— Je n'en sais rien.

Alors un des atamans de Kourène lui dit:

— Eh bien, entre chez moi!

— Sois donc cosaque, et si tu as déjà péché, ne pèche plus... travaille, mais ne fais pas de brigandage»...

La Siétcha du Dounavetz existait depuis 1828. En 1827 éclata la guerre entre la Russie et la Turquie. L'ataman général de la Siétcha était en ce moment l'ancien ataman de kourène, Joseph Gladky, originaire de la province de Poltava, du district de Konotop, tonnelier de son métier, ayant abandonné sa famille dans son village natal et ayant atteint le Danube après de longues pérégrination. Le général russe Toutchkoff, commandant de la forteresse limitrophe Ismaïl, dans le but de concilier les zaporogues à la Russie, engagea une correspondance secrète avec Gladky, promettant pardon et diverses faveurs à tous ceux qui consentiraient à revenir en Russie. La majorité des zaporogues, surtout les plus vieux qui observaient saintement les traditions historiques, n'étaient nullement disposés à quitter le territoire ottoman; aussi Gladky entourait-il du plus profond secret ses pourparlers avec Toutchkoff, ne s'en ouvrant qu'à quelques amis peu nombreux. Il s'arrêta en outre à une résolution qui lui attira ensuite les malédictions de ses contemporains et de la postérité: voulant détourner tout soupçon de la part du gourvernement ottoman, Gladky, sans en aviser la compagnie des cosaques, expédia, sur la demande du grand vizir, 20.000 zaporogues en Silistrie pour se battre contre la Russie, en les choisissant principalement parmi ceux qui, comme il l'appréhendait, n'étaient pas partisans de son idée de se «rallier à la Russie»; quant a lui, il resta tranquillement dans la Siétcha avec ses partisans, attendant le

колѣніе жестоко проклинали, а именно: желая избавить себя отъ всякаго подозрѣнія со стороны турецкаго правительства и въ то же время не объявляя о своемъ тайномъ намѣреніи Кошу, Гладкій отправилъ, по требованію великаго визиря, 2000 человѣкъ запорожцевъ въ Силистрію для предстоящей борьбы Турціи съ Россіей, и именно большею частью тѣхъ козаковъ, за которыхъ онъ боялся, что они «не схотять передаваться Россіи»; самъ же со своими единомышленниками остался спокойно въ Сѣчи и сталъ спокойно выжидать удобнаго момента для перехода на сторону Россіи. Перейдя границу съ ничтожнымъ меньшинствомъ, всего лишь съ пятьюстами человѣкъ козаковъ, Гладкій тѣмъ самымъ предалъ въ руки разъяренныхъ турокъ какъ тѣхъ козаковъ, которые были посланы имъ въ Силистрію, такъ и тѣхъ, которые оставались въ Сѣчи, на заводахъ, плавняхъ и селеніяхъ, и не были посвящены въ тайну кошевого. Когда объ уходѣ Гладкаго за границу турецкихъ владѣній разнеслась вѣсть въ окрестностяхъ Сѣчи, то между козаками, въ особенности семейными, произошла страшная паника: люди въ поспѣшности топили въ Дунай, лиманы и Черное море все, чего нельзя было захватить съ собой, и бѣжали, кто въ плавни, кто въ открытое море, кто въ горы, кто въ лѣса; но, попадаясь въ руки турокъ, мокань, волоховъ и русскихъ раскольниковъ, они были безжалостно истребляемы ими. «Богато народу пропало тоди; ховались (прятались) люди по плавняхъ, по комышахъ, а молдаване, которыхъ поймають, головы й поодрубують... то тысячи дви душъ пропало тоди»... Дряхлые старики, не могшіе бѣжать и остававшіеся въ Сѣчи, были безжалостно убиты турками. Такой-же участи едва не подверглась и вся райя отъ молдаванъ, если бы только за нее не возвысилъ своего голоса вѣчевой священникъ: «Если вы поднимете на нихъ руку, то я и на васъ и на вашихъ дѣтей проклятіе положу...».

Между тѣмъ Осипъ Гладкій, покинувъ дунавецкую Сѣчь, гирломъ св. Георгія прошелъ въ море, потомъ свернулъ въ Килійское гирло и достигъ крѣпости Измаила, гдѣ предсталъ предъ очи императора Николая Павловича и повергнулъ себя съ товарищами къ стопамъ монаршимъ. «Богъ васъ проститъ, отчизна прощаетъ и я прощаю!... Я знаю, что вы за люди!...» сказалъ императоръ Гладкому.

Гладкій награжденъ былъ сперва чиномъ полковника, потомъ генералъ-маіора, пожалованъ георгіевскимъ крестомъ 4-й степени и назначенъ былъ командиромъ пятисотеннаго пѣшаго запорожскаго полка, сформированнаго изъ перешедшихъ въ Россію пятисотъ человѣкъ запорожцевъ. Впослѣдствіи изъ этихъ 500 человѣкъ, съ прибавленіемъ къ нимъ всевозможныхъ бѣглецовъ, получившихъ прощеніе, сформировано было азовское козачье войско, и наказнымъ атаманомъ его былъ назначенъ тотъ же Гладкій, получившій въ то же время царскую грамоту на потомственное дворянство. Въ званіи наказного атамана онъ оставался до 1848 года, послѣ чего вышелъ въ отставку и поселился съ женой и дѣтьми въ собственномъ имѣніи Новопетропавловкѣ, на рѣчкѣ Солоной, Екатерино-

moment propice de se joindre à la Russie. En repassant ensuite la frontière rien qu'avec 500 zaporogues, Gladky livra ainsi à la fureur des turcs tant ceux des cosaques qu'il avait détachés en Silistrie que ceux qui étaient demeurés dans la Siétcha, dans les pêcheries, les îles basses et les kourènes non initiés au secret de l'ataman général. Lorsque la nouvelle du départ de Gladky se répandit dans les environs de la Siétcha, une panique effroyable se produisit parmi les cosaques, surtout parmi ceux qui avaient de la famille: on jetait dans le Danube, dans les limans et dans la mer Noire tout ce qu'on ne pouvait pas emporter et on fuyait dans les îles basses, les montagnes et les bois; quelques-uns gagnaient la pleine mer; mais lorsque les fuyards tombaient entre les mains des turcs, des moldaves, des valaques ou des dissidents russes, ils étaient impitoyablement exterminés. «Et beaucoup de monde périt alors; les fuyards se cachaient dans les îles basses, parmi les hauts roseaux, mais s'ils tombaient entre les mains des moldaves, ceux-ci leur coupaient la tête... 2.000 hommes environ périrent ainsi»... Les vieillards, trop débiles pour prendre la fuite et qui étaient restés dans la Siétcha, furent égorgés sans pitié par les turcs. Tous les cosaques qui habitaient les postes isolés faillirent être également exterminés par les moldaves et n'échappèrent à ce sort que grâce au prêtre de la Siétcha qui déclara aux moldaves: «Si vous levez la main sur eux, j'invoquerai contre vous et vos enfants la malédiction divine».

Cependant Joseph Gladky, une fois sorti de la Siétcha du Dounavetz, gagna la mer par les bouches de St.-Georges, tourna ensuite dans les bouches de Kaly et parvint au fort Ismaïl, où il se présenta à l'empereur Nicolas Pavlovitch et se prosterna à ses pieds, ainsi que ses compagnons. «Que Dieu vous pardonne, vous avez déjà le pardon de la patrie et le mien!.. Car je sais quels hommes vous êtes!..»

Gladky fut d'abord récompensé par le grade de colonel, fut promu ensuite à celui de général-major, obtint la croix de chevalier de St.-Georges et fut nommé commandant du régiment d'infanterie, formé de 500 zaporogues, les 500 transfuges ralliés à la Russie. Plus tard on forma le régiment des cosaques d'Azow, en joignant à ce premier noyau de 500 hommes d'autres transfuges, également gràciés; le même. Gladky fut nommé leur ataman locum tenens et se vit en même temps conférer la noblesse héréditaire par une lettre patente du Souverain russe. Il resta ataman jusqu'à l'année 1848, puis il prit sa retraite et se fixa avec sa femme et ses enfants dans sa propriété de Novopetropavlovka aux bords de la rivière Solonoï, dans le district d'Alexandrovsk de la province de Iékatérinoslaw.

En se rendant de chez lui à Alexandrovsk en 1866, au moment du choléra Gladky tomba malade et mourut le 10 juin 1866, à l'âge de 79 ans; il fut enterré dans le cimetière d'Alexandrovsk même.

славской губерніи, Александровскаго уѣзда. Въ 1866 году, во время холеры, ѣхавши изъ имѣнія на ярмарку въ г. Александровскъ, Гладкій внезапно заболѣлъ и скончался 10 іюня, на 79 году жизни, и въ томъ же городѣ Александровскѣ былъ погребенъ на городскомъ кладбищѣ.

Сѣчевой дѣдъ абшитованный.

Въ Запорожьи, гдѣ не было писанныхъ законовъ, гдѣ козацкая община въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ управлялась по «стародавнимъ заповитамъ» или преданіямъ, старые козаки или «диды» должны были играть очень важную роль, какъ носители и строгіе охранители древнихъ козацкихъ преданій. Всѣ современники, бывшіе въ Сѣчи и оставившіе послѣ себя описанія жизни запорожцевъ, указываютъ на ту важную роль, какую играли въ Запорожьѣ старые козаки. Старые козаки зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы молодые свято исполняли всѣ козацкіе «звычаи» и войсковыя «справы», и требовали самой строгой кары для тѣхъ, которые нарушали ихъ. Уваженіе козацкой собственности, удаленіе отъ женщинъ, преданность вѣрѣ предковъ, почитаніе духовнаго сана — все это составляло основы козацкой общины и за соблюденіемъ всего этого строго слѣдили старые сѣчевики. Старые сѣчевики выступали на сцену и тогда, когда нужно было прекратить какіе-нибудь безпорядки, возникавшіе въ Сѣчи, чаще всего во время выборовъ войсковой старшины — кошевого атамана, судьи, писаря, асаула и другихъ. По обыкновенію въ такіе дни въ Сѣчи выпивалось очень много горилки, и тогда, кромѣ товариства, выступала на сцену такъ называемая «сиромашня», которая часто, не довольствуясь даровымъ угощеніемъ на счетъ войскового скарба и вновь избранной старшины, бросалась изъ Сѣчи въ предмѣстье на лавки такъ-называемыхъ базарныхъ людей и тамъ производила страшныя разграбленія всего хмельного. Тогда и кошевой, и другіе чины войсковые очень часто теряли свой голосъ и даже прятались по своимъ угламъ отъ бушевавшей черни. Только куренные атаманы, въ особенности же старые сѣчевые козаки, и могли удержать буяновъ отъ страшныхъ разбоевъ. Дѣйствуя путемъ увѣщаній, путемъ угрозъ, даже палками, они въ концѣ концовъ останавливали грабителей и водворяли въ Сѣчи миръ и спокойствіе.

Московское правительство въ очень важныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда хотѣло призвать запорожцевъ къ повиновенію, также нерѣдко обращалось какъ къ войсковой старшинѣ, такъ и къ старымъ сѣчевымъ козакамъ. Такъ было, напримѣръ, въ 1667 году, когда въ Сѣчи произошло небывалое ни раньше, ни позже того событіе: потопленіе запорожцами въ р. Днѣпрѣ, возлѣ Чортомлыцкой Сѣчи, московскаго посла Ефима Ладыженскаго съ товарищами. Посолъ

Vieux cosaque en retraite.

Dans le Zaporojié, où il n'existait pas de lois écrites et dont la commune cosaque fut gouvernée dans le courant de plusieurs siècles d'après des «règles antiques» ou traditions, les vieux cosaques, autrement dit les «anciens» devaient immanquablement jouer un rôle fort important, en leur qualité de conservateurs et de sévères gardiens des vieilles traditions cosaques. Tous les témoins oculaires de l'époque qui avaient visité la Siétcha et avaient fait des descriptions de la vie des zaporogues, parlent du rôle important joué dans le Zaporojié par les vieux cosaques. C'étaient eux qui veillaient d'un oeil vigilant à ce que les jeunes cosaques observassent saintement toutes les «coutumes» cosaques et remplissent leur «devoir» de soldats, exigeant une punition sévère pour chaque infraction. La commune cosaque s'appuyait sur les bases suivantes: respect de la propriété cosaque, exclusion de la femme, dévoûment absolu à la foi des ancêtres, vénération à l'endroit du clergé, — et les anciens de la Siétcha veillaient jalousement à ce que tous ces principes fussent observés. Il s'ensuivait que les anciens apparaissaient sur la scène chaque fois qu'il s'agissait de mettre fin à des désordres dans la Siétcha, ce qui se produisait le plus fréquemment à l'époque de l'élection des chefs, — de l'ataman général, du juge, du clerc, du capitaine et caetera. Généralement, à ce moment-là, on consommait dans la Siétcha quantité d'eau-de-vie et aux cosaques eux-mêmes se joignait la populace, qui, non contente de se régaler gratuitement aux frais du trésor militaire et des autorités nouvellement élues, se répandait dans les faubourgs en dehors des limites de la Siétcha et s'y livrait à un pillage épouvantable de toutes les boutiques, s'emparant surtout des boissons capiteuses. Dans ces cas-là ni l'ataman, ni aucun des chefs, n'avaient plus la moindre autorité et souvent même ils s'enfermaient chez eux, afin d'échapper à la populace déchaînée. Il n'y avait que les atamans des kourènes et surtout les vieux cosaques qui pussent empêcher ces forcenés de se livrer à d'effrayants excès. A grand renfort d'objurgations, de menaces et même de coups de trique, ils parvenaient à arrêter les plus enragés et à rétablir dans la Siétcha le calme et la paix.

Le gouvernement russe s'adressait également aussi souvent aux vieux cosaques qu'aux chefs, chaque fois qu'il s'agissait d'un cas important, comme par exemple lorsqu'il fallait rappeler les zaporogues à l'obéissance. Cela eut lieu, entre autre, en 1667, lorsqu'il se produisit dans la Siétcha une chose sans précédent: les zaporogues noyèrent dans le Dnièper, non loin de la Siétcha de Tchor-

ѣхалъ черезъ Запорожье въ Крымъ съ царскими грамотами, въ которыхъ якобы писано было, что московскій царь, вмѣстѣ съ польскимъ королемъ, турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ помирились между собой и рѣшили «снести Запорожье». Выпустивъ посла изъ Сѣчи, козаки дождались, когда онъ вышелъ въ открытый Днѣпръ, и тамъ утопили его въ рѣкѣ. Для дознанія преступленія во всѣхъ подробностяхъ посланъ былъ, по царскому приказу, изъ Украйны въ Запорожье войсковой асаулъ Донецъ, которому пришлось говорить по этому поводу какъ съ войсковой старшиной, такъ и со старыми сѣчевыми козаками. Старые сѣчевые козаки со слезами на глазахъ передавали Донцу, что если бы они предвидѣли такое злодѣяніе, какъ убійство царскаго посла, то или вовсе не отпустили бы его изъ Сѣчи, или же проводили бы его подъ сильной охраной; все зло, по ихъ словамъ, происходило въ Сѣчи отъ тѣхъ своевольниковъ, которые въ такомъ множествѣ понашли изъ Украйны въ Запорожье и которые не слушались ни войсковыхъ старшинъ, ни ихъ, стариковъ: старики и сами не знали, что дѣлать имъ съ такой «своеволей».

Признавая большое нравственное значеніе за старыми козаками въ Сѣчи, московское правительство въ грамотахъ, отправляемыхъ въ Сѣчь, нерѣдко, вмѣстѣ съ войсковой старшиной, обращалось и къ сѣчевымъ старикамъ: «Божіею милостію отъ великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича... кошевому атаману и всему войску запорожскому, верховому, низовому, и будучему на лугахъ, на поляхъ, на полянкахъ, на всѣхъ урочищахъ днѣпровыхъ, и полевыхъ и морскихъ, всему старшему и меньшему товариству» и т. д., при чемъ подъ «старшимъ» товариствомъ разумѣлись не только слѣдующія за кошевымъ атаманомъ начальственныя лица, но и старые сѣчевые козаки.

Пользуясь большимъ уваженіемъ въ Сѣчи, старые козаки далеко не всѣ, однако, оканчивали свою жизнь въ козацкой столицѣ и нерѣдко предпочитали шумной жизни жизнь въ монастырѣ или даже въ дикой и совершенно безлюдной степи. Если какой-нибудь запорожецъ дѣлался дряхлымъ и неспособнымъ къ войнѣ, то онъ либо шелъ въ излюбленный запорожцами Кіево-Межигорскій монастырь, либо удалялся въ безлюдную степь и жилъ въ особомъ жильѣ, бурдюгѣ, менѣе простомъ, чѣмъ хата и даже землянка.

Отъѣздъ запорожца изъ Сѣчи въ Кіево-Межигорскій монастырь всегда дѣлался шумно и съ различными «химерами», на какія былъ способенъ только истый сѣчевой «лыцарь». Старый запорожецъ, отправлявшійся въ далекій монастырь «спасатыся», прежде всего выряжался въ самое дорогое и самое нарядное платье и навѣшивалъ на себя самое блестящее оружіе, затѣмъ набивалъ всѣ свои карманы и свой кожаный чересъ (т. е. поясъ) червонцами, нанималъ музыкантовъ, закупалъ нѣсколько бочекъ «пьянаго зилья», а до того «зилья» полные возы всякой провизіи и отправлялся «спасатыся». Музыка

tomlyk, l'ambassadeur russe Euthyme Ladyjensky, ainsi que ses compagnons. L'ambassadeur traversait le Zaporojié, se rendant en Crimée, porteur de lettres patentes du tsar russe; on avait répandu le bruit que le but de cette ambassade était la supression du Zaporojié, suppression décidée par le tsar russe de concert avec le roi de Pologne, le sultan de Turquie et le Khan de Crimée, avec lesquels il avait fait la paix. Les cosaques laissérent l'ambassadeur traverser la Siétcha, attendirent qu'il fût en plein Dniéper et l'y noyérent. On dépêcha de l'Ukraine, sur l'ordre du tsar, le capitaine des troupes cosaques, Donetz, chargé d'instruire dans le Zaporojié l'affaire de ce crime; il s'adressa donc aux autorités de la Siétcha et aux vieux cosaques. Les larmes aux yeux, ces derniers affirmérent à Donetz que s'ils avaient pu prévoir la possibilité d'un pareil forfait, ils auraient empêché l'ambassadeur du tsar de quitter la Siétcha ou bien l'auraient fait accompagner par une forte escorte; ils prétendaient que tout le mal provenait de l'invasion de tous ces insubordonnés qui étaient passés en si grand nombre de l'Ukraine dans de Zaporojié et qui ne voulaient obéir ni aux chefs, ni aux anciens, lesquels ne savaient eux-mêmes comment en venir à bout.

Reconnaissant la grande influence morale, exercée dans la Siétcha par les vieux cosaques, le gouvernement russe, en expédiant des messages dans la Siétcha s'adressait souvent aux anciens en même temps qu'aux autorités: «De la part du grand souverain Alexis Mikhaïlovitch, tsar et grand duc, par la grâce du seigneur... à l'ataman général et à toute l'armée zaporogue du haut et bas-Dniéper, ainsi qu'aux cosaques des plaines, des champs, des clairières, de tout le territoire du Dniéper, à toute la compagnie des anciens et des cadets» et caetera; et sous le nom d'anciens on entendait non seulement les autorités reconnues, venant après l'ataman général, mais encore les vieux cosaques de la Siétcha.

Malgré le grand respect dont ils y jouissaient, les vieux cosaques ne finissaient pas toujours leur existence dans la capitale cosaque, préférant souvent à la vie bruyante de la Siétcha le calme du couvent ou même la solitude complète au milieu de la steppe déserte. Quand un zaporogue vieillissait et n'était plus capable de se battre il se retirait soit au couvent de prédilection des zaporogues, celui de Kiew-Méjigorié, soit dans la steppe, ayant pour tout abri une petite hutte plus misérable que la plus pauvre cabane, parfois même faite simplement de terre battue.

Lorsqu'un zaporogue quittait la Siétcha pour le couvent, son départ s'effectuait toujours avec beaucoup de bruit et avec une mise en scène enrichie de tous les détails «fantaisistes» que pût imaginer un zaporogue émérite. En partant pour le lointain couvent où il s'apprêtait à travailler au «salut» de son âme, le vieux zaporogue commençait par revêtir ses plus beaux habits, arborant ses armes les plus reluisantes; il remplissait de beaux ducats d'or sa poche et sa ceinture de cuir, louait des musiciens, achetait des barils de «boissons capiteuses», des chariots entiers de vivres et partait pour le couvent. La musique entamait des airs joyeux et tous les cosaques se mettaient en route, car chacun était libre d'accompagner jusqu'au

ударяла «веселои», и компанія трогалась въ путь. Тутъ всякъ, кто изъявлялъ свое желаніе провожать «процальника зъ свитомъ» до монастыря, пилъ, ѣлъ на его счетъ и танцовалъ; впереди всѣхъ на прекрасномъ боевомъ конѣ несся самъ «процальныкъ сивоусый»; нерѣдко и онъ сходилъ съ коня, пилъ, ѣлъ и пускался «навпрысядкы». Всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ онъ приглашалъ въ свою компанію, угощалъ напитками и предлагалъ всевозможныя закуски. Если онъ увидитъ на своемъ пути возъ съ горшками, немедленно подскакиваетъ къ нему, опрокидываетъ его вверхъ колесами, и вся веселая компанія тотчасъ подбѣгаетъ къ горшкамъ, пляшетъ по нимъ и разбиваетъ въ дребезги. Если онъ завидитъ возъ съ рыбой, также подскакиваетъ къ нему и опрокидываетъ вверхъ колесами, а всю рыбу разбрасываетъ по площади и приговариваетъ: «Ижьте, люде добри, та поминайте процальника!» Если онъ наскочитъ на «перéкупку» съ бубликами, то также забираетъ у нея всѣ бублики и раздаетъ ихъ веселой компаніи. Если ему попадется лавка съ дегтемъ, онъ тотъ же часъ скачетъ въ бочку съ дегтемъ, танцуетъ и выкидываетъ всевозможные «выкрутасы». За всякій убытокъ или шкоду платитъ потерпѣвшимъ червонцами, разбрасывая ихъ вокругъ себя «жменями».

Такъ добирается процальникъ со своей компаніей до самаго монастыря; тутъ компанія его останавливается у стѣнъ святой обители, а самъ онъ кланяется собравшемуся народу на всѣ на четыре стороны, проситъ у всѣхъ прощенія, братски обнимается съ каждымъ и, наконецъ, подходитъ къ воротамъ монастыря и стучитъ въ нихъ.

— Кто такой?

— Запорожецъ!

— Чесо ради?

— Спасатися!

Тогда ворота отпираются, и процальника впускаютъ въ обитель, а вся его веселая компанія, съ музыками, горилкàми, пивàми и медами, остается у ограды монастыря. Самъ же процальникъ, скрывшись за стѣной монастыря, снимаетъ съ себя чересъ съ оставшимися червонцами, отдаетъ его монахамъ, сбрасываетъ дорогое платье, надѣваетъ грубую власяницу и приступаетъ къ тяжелому, но давно желанному «спасенію».

Если одни изъ старыхъ козаковъ обставляли свой уходъ изъ Сѣчи такъ открыто и съ такими причудами, то за то другіе покидали «матку» свою совершенно безгласно и неожиданно для другихъ: никто не зналъ, когда козакъ исчезалъ и гдѣ онъ дѣвался; только какъ-нибудь случайно открывали потомъ какого-нибудь схимника въ пустынѣ, въ лѣсу или въ береговой пещерѣ, питавшагося тамъ одной просфорой, подвизавшагося въ постѣ и молитвѣ, переносившаго съ необыкновенною твердостью всяческія невзгоды, но потомъ умиравшаго и оставлявшаго въ своемъ убѣжищѣ между рубищами выданный изъ Коша запорожскаго аттестатъ такому-то козаку за участіе его въ неоднократныхъ походахъ противъ непріятелей.

couvent le camarade qui «renonçait au monde». Tout le long du trajet on buvait et mangeait à ses frais; en route on se livrait à des danses pleines de gaieté; le futur moine à moustaches grises, monté sur un beau coursier, s'avançait à la tête du cortége; en route il descendait souvent de cheval, se livrait à de copieuses libations et à la danse. Il invitait tous les passants à se joindre à ses compagnons et les régalait largement. Rencontrait-il en chemin une charrette chargée de pots de grès, il se jetait dessus, la renversait et tous ses joyeux compagnons se mettaient à danser sur les pots et à piétiner dessus, jusqu'à ce qu'ils fussent réduits en miettes. Etait-ce une charretée de poisson,—il se jetait également dessus, la renversait, les roues en l'air, éparpillant le poisson aux quatre vents et clamant: «Rassasiez-vous, bonnes gens, et pensez à celui qui renonce au monde!» Rencontrait—il une marchande de craquelins, il lui achetait toute sa marchandise et la distribuait à ses gais compagnons. Apercevait-il un tonneau de goudron, il sautait dedans, se démenait et se livrait à mille tours. Chaque fois qu'il causait un de ces dégâts, il remboursait tous ceux qu'il avait ainsi dépouillés, en jetant des ducats par «poignées».

C'est ainsi que lui et toute sa joyeuse escorte atteignaient le couvent; ses compagnons s'arrêtaient sous les murs de la sainte demeure, il leur adressait force saluts en se tournant successivement vers les quatre points cardinaux les conjurait de lui pardonner ses offenses, donnait à chacun d'eux une fraternelle accolade, puis s'approchait enfin de la porte du couvent et y frappait.

— Qui vive?

— Zaporogue!

— Que vient-il faire?

— Son salut!

La porte s'ouvrait et il pénétrait dans le couvent, tandis que ses joyeux compagnons, les musiciens et les barils d'eau-de-vie, de bière et d'hydromel demeuraient dehors. Une fois dans l'enceinte du couvent, le zaporogue se débarrassait de sa ceinture qui contenait le reste des ducats, la remettait aux moines, dépouillait ses riches vêtements, passait un rude cilice et commençait ainsi l'oeuvre pénible, mais depuis longtemps desirée, celle du «salut» de son âme.

Cependant, si quelques vieux cosaques entouraient leur départ de la Siétcha de toute cette pompe fantasque et bruyante, il y en avait d'autres, en revanche, qui quittaient leur «mère» sillencieusement et brusquement; personne ne savait quand celui-ci ou celui-là avait disparu ni où il s'était réfugié; plus tard seulement, on découvrait par hasard un ascéte solitaire au fond du désert, d'une forêt ou d'une grotte riveraine, ne se nourrissant que d'hostie, jeûnant et priant, supportant avec un stoïcisme extraordinaire toutes les privations imaginables, mais à la mort duquel on découvrait sous les haillons entussés dans sa hutte un document émanant de la Siétcha et mentionnant en termes élogieux les prouesses de tel ou tel cosaque dans des campagnes contre l'ennemi.

Il y avait d'ailleurs d'autres cosaques, lesquels sans recourir à aucune de ces deux extrémités, quittaient la Siétcha pour cause de grand âge, prenaient leur «retraite» et se retiraient dans une des palanques zaporogues où ils

Были, впрочемъ, и такіе козаки, которые, не вдаваясь ни въ какія крайности, оставляли Сѣчь по старости лѣтъ и уходили въ «абшитъ» въ какую-нибудь изъ запорожскихъ паланокъ или областей для занятія мирными сельско-хозяйственными или домашними занятіями, среди которыхъ и оканчивали свою жизнь, исполненную тревогъ и всяческихъ приключеній.

s'adonnaient paisiblement à des travaux champêtres, terminant ainsi leur existence, remplie autrefois de tant d'agitation et d'aventures.

Ярмарка въ Малороссіи.

Что за славное село Кошенятовка! Объѣзжай всю Екатеринославскую губернію, изъ конца въ конецъ, а такого другого села, какъ Кошенятовка на рѣчкѣ Орели и Котовскомъ лиманѣ, не найдешь ты ни во вѣкъ! Какъ пышно и какъ далеко раскинулось оно по широкой-широкой и пологой долинѣ! Сколько въ немъ очаровательныхъ зеленѣющихъ садочковъ, и какъ въ тѣхъ садочкахъ заливаются въ весеннее время соловьи! Да, и какіе пѣвучие да голосистые соловьи! И какъ любитъ слушать тѣхъ соловьевъ мѣстный панъ староста, Грицько Помнятый, — больше, правда, въ тѣхъ садкахъ, гдѣ безутѣшно проводитъ время либо молодая вдова, либо солдатская жена... Гм., и «дотéпный» же тотъ панъ староста «до того бабья», а розумный-розумный такой, что сколько бы въ общественной кассѣ не доставало денегъ, а при внезапной повѣркѣ онѣ окажутся не только сполна, а даже съ излишкомъ... Но вы посмотрите, какая славная въ томъ селѣ Кошенятовкѣ церковка, древняя-предревняя, съ красной желѣзной крышей, съ блестящими золочеными куполами, съ деревянной рѣшётчатой оградой и съ высокими-превысокими, вокругъ той ограды, тополями, чтó такъ и дрожатъ, такъ и шепчутся между собой отъ дуновенія легкаго вѣтерка своими темно-зелеными и продолговато-узкими листочками! И какой оригинальный батюшка, Парѳентій Моркотунъ, служитъ въ той церковкѣ: съ длинной-предлинной сѣдой бородой, а самъ такой маленькій, какъ ноготокъ; на носу носитъ золотые очки, а когда съ кѣмъ говоритъ, то смотритъ не черезъ очки, а изъ-подъ очковъ и не прямо на человѣка, а больше въ землю, сильно наклонившись внизъ и въ то же время, какъ бы для равновѣсія, опираясь обѣими руками на высокій посохъ. А когда онъ служитъ обѣдню, то, сдѣлавъ какой-нибудь возгласъ, тутъ же, какъ бы невзначай, спроситъ сторожа, «чи не вела матушка бычка на прóдажъ на ярмарку», и если повела, то «якого, чи пивторачка, чи третячкá»; или же, покадивъ въ алтарѣ кадиломъ, также, какъ бы невзначай, подойдетъ къ окну и самъ себѣ замѣтитъ вслухъ: «и какъ теперь широко разлился Котовскій лиманъ и какъ бы хорошо прокатиться по лиману на лодочкѣ да выбраться въ далекій дубовый и тѣнистый орельскій лѣсъ да наладить бы тамъ казаночекъ да сва-

Une foire dans la Petite-Russie.

Pour un fameux village, la Kochéniatovka est un fameux village! On aurait beau parcourir toute la province de Iékaterinoslaw, on ne trouverait jamais un village qui puis se égaler le village de la Kochéniatovka, situé aux bords de l'Orèle et du liman de Kotow! Vaste et florissant il s'étend dans un beau vallon en pente douce! Quelle quantité de délicieux jardins luxuriants de verdure, tout vibrants des chants du rossignol au printemps! Et comme les rossignols y chantent! Et avec quel délice le bailli du village, Gritzko Pomniaty écoute ces doux chanteurs,— surtout dans les jardins où se promène languissamment une jeune veuve ou une femme de soldat, dont le mari se trouve au régiment... C'est qu'il est «amateur du beau sexe», le bailli, et malin, donc! manque-t-il une somme quelconque dans la caisse communale au moment d'une subite revision, on la retrouve non seulement intacte, mais encore surpassant le chiffre présumé... Admirez un peu la jolie petite église du village, si ancienne, avec sa toiture de fer, peinte en rouge, ses brillantes coupoles dorées, sa grille de bois entourée de hauts tilleuls qui frissonnent et semblent chuchoter dès qu'une brise légère agite leurs petites feuilles oblongues, étroites et d'un vert foncé. Et quel original que Parthénis Morkotoune, le curé de cette église, avec sa barbe si longue et sa petite silhouette grêle; son nez est bien orné d'une paire de lunettes d'or, mais dès qu'il cause avec quelqu'un, ce n'est pas à travers ses lunettes qu'il contemple son interlocuteur et non pas cet interlocuteur lui-même, mais bien plutôt la terre à ses pieds, tout en s'appuyant des deux mains sur un grand bâton, afin de garder l'équilibre. Son dos est toujours voûté. Souvent il lui arrive, tout en disant la messe, de demander brusquement, comme par hasard, au bedeau: «ma femme a-t-elle mené le boeuf à la foire?» Si la réponse est affirmative, il demande «lequel?» D'autres fois, après quelques coups d'encensoir, il s'approche, comme par hasard, de la fenêtre et remarque tout haut, se parlant, à lui-même: «comme il a largement débordé, le liman et qu'il ferait bon s'y promener en bateau jusqu'à la belle forêt de chênes sur l'Orèle; on pourrait y allumer un bûcher et cuire une bonne soupe au poisson. Hé, hé!..» Et cette belle place unie qui entoure l'église de trois côtés, et cette porte remarquable au bout de la place, derrière le moulin du seigneur et l'auberge tenue par un juif! Vous-vous imaginez peut-être que c'est une porte comme une autre. Ah, que non! Vraiment, la porte Dorée

рить бы рыбьей юшки. Эхъ!..» Но однакожъ позвольте: какая ровная и какая обширная площадь раскинулась передъ тою церковкою съ трехъ сторонъ и какія замѣчательныя ворота стоятъ въ концѣ той площади, за барскимъ вѣтрякомъ и за еврейскимъ постоялымъ дворомъ! Да вы подумаете: такъ себѣ ворота и больше ничего. Овва! Что передъ этими воротами Золотыя ворота въ Кіевѣ? Что передъ ними Золотыя же ворота во Владимірѣ-на-Клязьмѣ? Да вѣдь и по стилю и по замыслу это настоящія египетскія пирамиды! Вотъ только того... они немного высотой не дошли до настоящихъ египетскихъ пирамидъ... Ну, и не такъ обширны, какъ пирамиды... Не имѣютъ и того страшнаго сфинкса, т. е. человѣка-льва, который стоитъ у подножья пирамидъ, стоитъ нѣсколько вѣковъ, нѣсколько тысячелѣтій, издѣваясь и надъ человѣкомъ, и надъ временемъ... Зато другія ворота, которыя стоятъ на другомъ концѣ площади и ведутъ въ барскій дворъ генерала Куркуль-Запорожскаго, украшены необыкновенными фигурами двухъ львовъ, съ страшными, вѣчно открытыми пастями, и такого поразительнаго сходства съ царемъ животныхъ, что одинъ левъ походитъ скорѣе на сентябрь мѣсяцъ, а другой скорѣе на рябую и безносую кошенятовскую бабу Ганку Сыпашку, страшнѣе которой «нема тай не було на всемъ сели» и у которой вмѣсто носа — дырка, вмѣсто глазъ — щели, вмѣсто рта — пропасть — вотъ точь въ точь, какъ глиняный левъ, стоящій на панскихъ воротахъ. Но однако-жъ: какая знаменитая ярмарка бываетъ на той кошенятовской площади каждое лѣто, въ день Петра и Павла, Іюня 29 дня!..

Вотъ извольте-ка послушать, что это за ярмарка, и потомъ извольте-ка, по чистой совѣсти, положа руку на сердце, сказать, есть ли другая такая гдѣнибудь ярмарка, какъ въ селѣ Кошенятовкѣ славнаго Новомосковскаго уѣзда славной Екатеринославской губерніи? Такъ, вотъ послушайте!

Уже за три, за четыре дня до Петра и Павла въ селѣ Кошенятовкѣ дѣлаются на обширной площади, противъ церкви и помѣщичьяго двора, разныя приготовленія: вкапываются въ землю столбы, воздвигаются отдѣльныя лавочки, разбиваются цѣлые ряды, устраиваются маленькія яточки. Всѣмъ этимъ дѣломъ орудуетъ старшина, староста, сотскіе и главнымъ образомъ урядникъ, Петро Абрамовичъ Пасишный, лицо весьма важное и весьма вліятельное въ селѣ Кошенятовкѣ, удостоенное монаршей милости въ видѣ большой серебряной медали для ношенія на шеѣ. Ко дню Петра и Павла въ Кошенятовку съѣзжается масса народа изъ Екатеринославской, Полтавской, Харьковской, Таврической губерній, разныхъ званій, состояній и народностей — малороссовъ, великороссовъ, нѣмцевъ, жидовъ, цыганъ, болгаръ, армянъ. И, Боже мой, сколько тутъ товару понаривозится, сколько тутъ живности повыставляется, сколько скота понригоняется!

Ярмарка въ селѣ это не то, что ярмарка въ городѣ; въ городѣ она совершенно пропадаетъ и совершенно теряется въ городской сутолокѣ; въ городѣ и

de Kiew ne saurait lui être comparée! Ni celle de Vladimir sur Kliazma! Son style fait penser aux pyramides d'Egypte! Mais voyez le malheur elle est loin d'égaler ces pyramides par sa hauteur ni par ses proportions... Elle est dépourvue également du terrible sphinx, ou homme-lion, couché aux pieds des pyramides depuis des siècles, depuis des milliers d'années, narguant les hommes et le temps... La seconde porte, en revanche, située au bout opposé de la place, et conduisant dans la propriété du général Kourkoul-Zaporojsky, est flanquée de deux lions extraordinaires, à gueules béantes et terribles, et dont l'analogie avec le roi des animaux est si frappante que l'un des lions rappelle plutôt le mois de février et l'autre ressemble à Hapka Synachka, paysanne grêlée et privée de l'ornement nasal, la «plus horrible mégère de tout le village», avec un trou à la place du nez, des fentes en guise d'yeux, un gouffre au lieu d'une bouche, absolument comme le lion d'argile de la porte du propriétaire. Mais quelle foire fameuse que celle qui s'ouvre chaque été sur cette place de village, le 29 juin, jour de la Saint-Pierre et Paul...

Oyez un peu la description de cette foire et dites après, la main sur la conscience, s'il y a quelque part une foire semblable à celle de la Kochéniatovka du glorieux district Novomoskovsky, de la glorieuse province de Iékatérinoslaw? Ecoutez-moi donc cela!

Trois ou quatre jours déjà avant la Saint-Pierre on se livre à Kochéniatovka à divers préparatifs sur la grand'place: on enfonce des pieux, on construit force boutiques, on organise tout un marché avec de nombreuses échoppes. Tous ces préparatifs sont dirigés par le doyen et le bailli du village, et surtout par le sous-officier Petro Abramovitch Passichny, personnage fort important et fort influent dans le village, grâce à la grosse médaille d'argent qu'il porte au cou et qui lui a été octroyée par la grâce de son souverain. La foire attire une grande affluence de monde, venant des provinces de Iékatérinoslaw, de Poltava, de Kharkow, de la Tauride, une foule bigarrée et mêlée: des petit-russiens et des grand-russiens, des allemands, des juifs, des bohémiens, des bulgares, des arméniens. Et quelle diversité de marchandises, de volaille exposée, de bétail amené à cette foire!

Une foire de village est loin de ressembler à une foire dans une ville, où elle se perd complétement au milieu de l'agitation perpétuelle d'une ville qui n'est en somme, qu'une foire permanente. Tandis que dans un village, c'est un évènement important, un évènement hors ligne, un évènement extraordinaire. Tout le monde l'attend, jeunes et vieux, hommes et femmes, surtout jeunes filles. La gent enfantine s'y prépare six mois ou même un an à l'avance: lorsqu'un gamin a reçu à Pâques de son parrain ou au nouvel an du seigneur du lieu, un ou deux, quelquefois même jusqu'à trois copecks, il enveloppe soigneusement la forte somme dans un lambeau de linge et l'enfouit en cachette dans la terre près de la chaumière paternelle ou dans le jardin, au pied d'un pommier, attendant ensuite avec impatience le jour bienheureux de la foire qui amènera une foule de marchands de pain d'épice, de sucres d'orge, et autre friandises incomparables, contre lesquelles il pourra échanger son petit pécule,

безъ того каждый день ярмарка. Въ селѣ же это событіе важное, событіе выдающееся, событіе даже чрезвычайное. Ярмарки въ селѣ ждутъ и старые, и малые, и мужчины, и женщины и изъ женщинъ въ особенности дивчата. Дѣтвора за полгода, даже за цѣлый годъ готовится къ ярмаркѣ: получивъ отъ «крещеного батька за кутью на святый вечеръ» или отъ пана за «посыпанье» на новый годъ одну или двѣ, а иногда и три копѣйки, мальчуганъ бережно завертываетъ свой огромный капиталъ въ тряпочку, тайкомъ отъ всѣхъ зарываетъ его куда-нибудь въ землю подъ завалинку или же въ садку подъ яблонькой и ждетъ не дождется того радостнаго и счастливѣйшаго дня, когда въ село понаѣдутъ купцы на ярмарку съ сладкими пряниками, сахарными конфетами, превкусными рожками, брусиками и медяниками, чтобы промѣнять свои завѣтныя денежки на ни съ чѣмъ не сравнимыя лакомства. Но хорошо было бы, кромѣ лакомства, купить мальчугану Димуськѣ на ярмаркѣ какой-нибудь глиняный свистунчикъ или узорчатую сопилочку, тогда эхъ! и позавидовалъ бы Димуськѣ сосѣдній хлопчишка Захарько!.. Парубки уже мечтаютъ о другомъ: какъ бы имъ, послуживъ у пана или у нѣмца, а то такъ у богатаго купца, заработать десятокъ или два рублей и на тѣ деньги купить добрые чоботы, хорошую чумарку, узорчатый шерстяной поясъ, вишнёваго цвѣта съ кожанымъ, непремѣнно кожанымъ, а не бумажнымъ, козырькомъ картузъ, плетеный для лѣтнихъ работъ брыль, а то такъ и смушковую, для зимней поры, шапку, и если останутся отъ этой покупки серебряныя или мѣдныя деньги, то купить еще пряниковъ, конфетъ, солодкихъ рожковъ для того, чтобы угостить ими, при случаѣ, «чорняву, або биляву дивчину», сердечную зазнобу молодцоватаго парубка. Дядьки мечтаютъ о томъ, чтобъ повыгоднѣе продать воликовъ, конячекъ, свиню, бычка, или теличку, потомъ въ аккуратъ расплатиться со всякими податями, на оставшіяся деньги купить жинкѣ какой-нибудь подарокъ и самому выпить съ пріятелемъ «доброго могарычу» въ веселой корчемкѣ. Дивоча порода, какъ уже въ малыхъ лѣтахъ, такъ еще больше того въ большихъ одного страстно желаетъ — побольше купить себѣ нарядовъ, т. е. стричо́къ или ленточекъ въ косы, яркаго ситцу на спидныцю, намыста зеленаго, желтаго и голубого на шею, квитокъ и шумихи для вѣнковъ на голову, наконецъ черевичкивъ на подковкахъ «зъ скрыпомъ та зъ рыпомъ». При этомъ маленькія дивчатка стремятся къ такимъ нарядамъ безъ всякой особой цѣли, а взрослыя дивчата видятъ въ томъ также и средство къ тому, чтобы понравиться и прельстить своимъ нарядомъ парубковъ, которыхъ онѣ при своихъ матеряхъ да при батькáхъ вотъ какъ не выносятъ, но на которыхъ онѣ или гдѣ-нибудь въ церкви, или на улицѣ, а еще пуще того «въ темному вишневому садочку» вотъ какъ заглядываются и вотъ какія ласковыя словечка своими «коралловыми губоньками» шепчутъ: «И козаченьку любый мій, и голубчику мій, и лебедыку мій, и соколыку сызоперый мій». Моло-

Mais sans parler de ces friandises, le bambin rêve d'acquérir à la foire soit un pipeau en grès, soit un chalumeau peinturluré, à la grande jalousie d'un autre bambin, son plus proche voisin!.. Les jeunes gars, eux, ont d'autres rêves: si l'on pouvait, en peinant ferme chez le seigneur, chez l'allemand ou même chez le riche machand du village, amasser une dizaine ou une vingtaine de roubles et s'acheter une paire de bonnes bottes, une belle veste, une ceinture en lainage à ramages, une casquette couleur cerise à visière de cuir — de cuir et non de coton, un chapeau de paille pour les travaux d'été, voire même un bonnet d'astrakan pour l'hiver, et, s'il reste de l'argent après toutes ces emplettes, se procurer encore des pains d'épice, des bonbons et autres friandises, afin de pouvoir régaler le cas échéant, la «beauté brune on blonde», objet des voeux du gars. Les hommes âgés aspirent à se défaire le plus avantageusement possible de leurs boeufs, chevaux ou cochons, jeune taureau ou génisse, ce qui leur permettrait de payer leurs redevances et d'acheter, avec le restant, un présent pour leur femme, ainsi que d'offrir une «tournée» à un camarade dans quelque guinguette. Qûant aux filles, petites ou grandes, elles ne désirent ardemment qu'une chose, — pouvoir se procurer le plus de fanfreluches possible, rubans pour leur nattes, percale de couleurs vives pour des jupes, colliers en verroterie verte, jaune et bleue, fleurs et rosettes pour faire des couronnes et enfin des chaussures à talons ferrés de cuivre, «claquant et cliquetant». Les petites filles rêvent à tous ces atours sans aucune idée préconçue, tandis que les jeunes beautés du village y voient un moyen de plaire et de séduire les beaux gars qu'elles affectent de détester en présence de leurs père et mère, mais qu'elles reluquent à l'église, dans la rue et auxquels, au fond d'une «épaisse cerisaie» elles prodiguent les mots les plus caressants, murmurant de leurs «lèvres de corail»: «Mon cosaque adoré, mon bien-aimé, mon bel oiseau bleu.» Les jeunes ménagères, elles, attendent impatiemment la foire pour se défaire d'un coq, d'une poule, voire d'un petit cochon, vendre du beurre et de la toile et se payer, avec le prix de ces produits, de la percale pour une jupe ou du brocart pour un bonnet, non pour séduire les gars du village, mais pour mieux plaire à leurs «hommes». La jeune menagère a encore besoin, oh! mais là, absolument besoin d'un pot de grès et d'une soupière de faïence pour la soupe aux betteraves, d'argile jaune ou rouge pour boucher les fentes du fourneau et pour en enduire les murs de sa chaumière au moment des grandes fêtes, de lin pour tisser de la toile bien fine, dont elle fera ensuite des chemises et des manches bouffantes. De quoi n'a-t-elle pas besoin encore! Il lui faut du lard pour la soupe aux betteraves, une vingtaine de poissons secs pour le prochain carême, de la viande salée, tant pour la famille que pour traiter des hôtes un jour de fête. Et l'emplette la plus pressée pour elle c'est celle de pains d'épice et de pipeaux en grès pour ses gamins, ainsi que de bonbons pour ses bambines. Elle ne saurait y manquer, positivement! Car dès que la jeune femme rentre chez elle, les bambins se cramponnent à sa jupe en criant: «Maman, donne-nous du pain d'épice. Maman, donne nous des bonbons!» Elle n'aura qu'à tirer de sa poche ses friandes emplettes et à les distribuer à la

дицы ждутъ ярмарки съ тѣмъ, чтобы продать пивня или курку, а то такъ и порося, масла или полотна, а себѣ купить кубоваго ситцу на спидныцю или парчи на очипокъ, но не съ тѣмъ, чтобы прельщать молодыхъ хлопцивъ, а съ тѣмъ, чтобы больше нравиться своимъ «чоловикáмъ». Необходимо также и — какъ еще необходимо—молодицѣ купить глиняный горшочекъ и поливьяную мисочку для борщу, желтой или красной глины для подмазки печи и прысьбы къ большимъ праздникамъ годовымъ, лёну для тонкаго полотна на сорочку да на рукава: «Пидтячка и изъ плóскони сбредé, а рукавця трéба бъ зъ лёну зробыть». Да и чего ей еще не треба? Треба-бъ и сальця купить, чтобы «инколы» вкинуть въ борщъ; треба-бъ и рыбкы-таранухи десяточекъ — два для спасовскаго поста захватить; треба-бъ и солонинки взять, чтобъ «коли-ни-коли» свою душу поскоромить да и чужого чоловика въ праздникъ угостить. А ужъ чего прежде всего треба купить—такъ это хлопчакáмъ по прянику да по свистунцу, а дивчаткамъ по конфеткѣ да по рожевой стёжкѣ. Это уже положительно треба! А то прійдетъ молодыця домой, а дѣтвора и вцѣпится ей за спидныцю: «Дай, мамо, пряныцька! дай, мамо, конахветыка», тутъ она и выйметъ всю свою лакомую покупку изъ-за пазухи и одѣлитъ ею малую челядь свою.

Такъ вотъ отчего желательна та ярмарка для всѣхъ деревенскихъ обывателей.

И идутъ, и ѣдутъ они на нее со всѣхъ концовъ. Тутъ-то сценъ, тутъ-то типовъ, тутъ-то разговоровъ — батюшки мои! Вотъ взойдите на площадь, присмотритесь ко всѣмъ да прислушайтесь къ говору людскому.

Вотъ длинный рядъ, уставленный съ обѣихъ сторонъ разною деревенскою посудой. Прежде всего бросается въ глаза цѣлая гора горшковъ, мисокъ, полумисокъ, макóтеръ, кухликовъ, жаровенъ и т. п. За однимъ изъ вороховъ этого товара стоитъ высокаго роста, съ небольшими сѣдыми усами, въ широкихъ шароварахъ, заложенныхъ за голенища шкаповыхъ чоботъ, въ поношенномъ на головѣ картузѣ, сухощавый и строгій дидъ. Сколько важности написано у него на лицѣ, сколько сознанія того, какой драгоцѣнный товаръ лежитъ передъ нимъ! На низкія привѣтствія, обращенныя къ нему, онъ едва киваетъ головой, на всякія заискиванія онъ едва однимъ-двумя словами кого-нибудь удостоитъ подарить. Вотъ подходитъ къ диду молодичка, аккуратненькая, нарядная, немного кокетливая. Она долго перебираетъ всю разложенную на землѣ посуду, облюбовываетъ себѣ одинъ горшочекъ и заискивающимъ голоскомъ спрашиваетъ у дида:

— Дидусь, за дви копійкы занесты?

— За тры копійкы занесешъ! отвѣчаетъ ей преважно дидъ.

— Дидусь, та винъ же манéнькый!

— Беры велычéнькый!

— Дидусь, та винъ же трошки хутенькый!

— Беры крипкенькый!

— Дидусь, уважте такы за дви!

marmaille. Et voici purquoi la foire est tellement désirée par tous les villageois.

Aussi s'y rendent-ils de partout, à pied ou à cheval. Que de scènes, que de types, quelle variété de dialogues. Venez donc sur la place, observez et écoutez ce qui se dit par toute cette foule rassemblée.

Voici une double rangée de boutiques, encombrées de divers ustensiles et de vaisselle. Ce qui saute aux yeux avant tout, c'est un amoncellement de pots, de soupières, de marmites, de poêles, de réchauds, et caetera. Derrière un des tas de ces marchandises se tient un vieillard de naute stature, à petites monstaches grises, portant une large culotte serrée en bas par les tiges des bottes, coiffé d'une casquette usée, maigre et d'aspect sévère. Quelle expression importante sur son visage, quelle conviction de la valeur précieuse de la marchandise étalée devant lui. Aux profonds saluts qu'on lui adresse il ne riposte que par un signe de tête très vague, daignant à peine répondre une paire de paroles aux avances qu'on lui fait. Voici une jeune ménagère, propre, endimanchée, un peu coquette, qui s'approche du vieillard. Elle passe longuement en revue toute la vaisselle étalée sur le sol, avise un petit pot de grès et demande d'une voix insinuante:

— Veux-tu me le laisser pour deux copecks, vieux?

— Je te le laisse pour trois copecks! lui répond le vieux d'un air d'importance.

— Mais il est tout petit!

— Prends-en un plus grand!

— Mais il est même un peu fêlé!

— Prends-en un autre, bien solide!

— Voyons, cédez-le moi pour deux copecks!

— J'ai dit trois copecks, c'est trois copecks! Et je suis encore bien bon, car il en yaut cinq et si je te le cède pour trois, c'est par bonté pure.

Mais la jeune femme, trouvant décidément que c'est trop cher pour elle, s'adresse à un autre marchand.

A quelque distance du vieux potier, se tient un autre vieux qui vend des peignes et d'autres objets. Devant lui sont étalés peignes et démêloirs en bois, brosses et fuseaux. Il a un air encore plus grave et plus solennel que le premier. Voici un hobereau sans importance qui s'approche de lui et demande tout doucement:

— De quel endroit venez-vous?

— D'Okhtyrka!

— Qu'est-ce que c'est, Okhtyrka?

— Ben, c'est une ville!

— Et de quel village êtes-vous?

— Mais puisque je vous l'ai déjà dit!

— Alors, dites, c'est une ville importante?

— Je vous crois!

Et toute la physionomie du vieux reflète si éloquemment son orgueil d'être né dans une ville aussi «importante», en même temps qu'une telle condescendance, voire même un tel dédain pour le petit hobereau qui se tient humblement devant lui, que le vieux marchand semble un être d'une essence supérieure, inabordable pour un aussi misérable moucheron que le petit hobereau. Mais après sa réponse orgueilleuse, le vieux interroge négligemment son interlocuteur:

— Et vous-même, d'où venez-vous?

— Буде вингъ у тебе и за тры! Я й такъ побожому. То ёму настояща цина пьятакъ, а я уже побожому отдаю за тры.

Но молодичка, найдя такую цѣну высокой для себя, отходитъ къ другому продавцу.

Ниже дида гончара стоитъ дядько гребенщикъ. Передъ нимъ лежатъ деревянные гребни, гребенки, днища, веретена. Этотъ продавецъ еще важнѣе перваго. Вотъ подходитъ къ нему незначительный панокъ и мягкимъ голосомъ спрашиваетъ его:

— Звидкиля васъ сюды Богъ прынисъ?

— Зъ-пидъ Охтыркы!

— Що жъ воно за Охтырка така?

— Городъ такый,— ни що!

— А изъ якого жъ вы села?

— Кажу зъ-пидъ Охтыркы тай уже!

— Мабуть, десь важэнный и городъ?

— А вже-жъ шо важэнный!

Тутъ на лицѣ дядька столько сказывается величія отъ того, что онъ изъ «важэнного» города и столько снисхожденія, если даже не презрѣнія, къ захудалому панку, смиренно стоящему передъ нимъ, что самъ дядько кажется недосягаемымъ гигантомъ, а панокъ — жалкою мурашкою. Но дядько, съ такой гордостью отвѣтившій на вопросъ панка, небрежно бросаетъ и ему съ своей стороны вопросъ:

— А вы-жъ самы звидкиля?

— Я?

— Э-э-жъ вы!

Онъ не говоритъ «эге», а говоритъ «э-э», потому что такъ гораздо важнѣй.

— Я зъ Петенбурху!

— Зъ Петенбурху? удивленно переспрашиваетъ дядько.

— Зъ Петенбурху! снова повторяетъ панокъ.

Тутъ роли неожиданно перемѣняются: какъ ни важенъ городъ Охтырка, но городъ Петербургъ даже и въ представленіи дядька все-таки важнѣе, и потому онъ волей-неволей перемѣняетъ свое обращеніе въ отношеніи панка и, спустивъ высокій тонъ на обыкновенный, сознаётся ему, что онъ изъ села Водолагъ — «положимъ, тоже не манэньке село!» что товаръ его, по нынѣшнимъ плохимъ временамъ, очень плохо идетъ и провозъ его въ далекую даль «куштуе» столько, что не стóитъ и всѣхъ, сдѣланныхъ на него, затратъ.

Еще ниже дядька гребенщика стоитъ дядько, продающій крейду, т. е. мѣлъ для мазки хатъ. У ногъ его лежитъ цѣлая груда крейды, у самого же у него вся «пыка», т. е. все лицо, вымазана мѣломъ.

— Шо жъ це воно таке? Для чóго це ты вымазавсь крейдою тай стоишь, якъ той святый?

— Хиба не бачите для чóго? Це выставка така, шобъ усякый бачывъ, шо я крейду, не друге шо продаю,—отъ шо!..

За горшечнымъ рядомъ идетъ продуктовый рядъ. Тутъ продаютъ сало, масло, творогъ, яйца, цыбулю, чеснокъ, паслёнъ, груши и тому подобный товаръ. Вотъ возлѣ воза, полнаго сушеныхъ грушъ, стоитъ человѣкъ и выкрикиваетъ: «По груши! по груши!»

— Moi?

— Mais oui,—vous!

Et il faut l'entendre, le ton de ce vous!

— Je suis de Pétersbourg.

— De Pétersbourg? demande le vieux, étonné.

— De Pétersbourg! répète l'humble hobereau.

Du coup, les rôles se trouvent brusquement intervertis: Okhtyrka a beau être une ville importante, Pétersbourg, même tel que le vieux peut se l'imaginer l'emporte tout de même sur sa ville natale; aussi modifie-t-il involontairement son attitude envers son interlocuteur, et, baissant sensiblement de ton, lui avoue-t-il qu'il est né en somme, au village Vodolague, «aussi grand qu'un autre, vous savez» que les affaires vont mal par le temps qui court et que le transport de ses marchandises lui «revient» vraiment trop cher.

Un peu plus loin se tient un marchand de craie qui sert à blanchir les murs des chaumières. La craie s'amoncelle en tas devant lui et tout son visage en est entièrement frotté.

— Qu'est-ce que cela signifie? Pourquoi t'es-tu frotté avec ta craie et te tiens-tu là comme une statue?

— Vous ne comprenez pas pourquoi? Mais c'est pour qu'on voie que je vends de la craie et non autre chose!

Après les boutiques de poterie viennent les boutiques de produits divers. On y vend du lard, du beurre, du fromage blanc, des oeufs, de l'oignon, de l'ail, des poires, et caetera. Un homme est debout auprès d'une charretée de poires sèches. Il crie: «Voici la poire! la poire!» Un gaillard de 35 ans s'approche de lui et demande laconiquement:

— Combien le «védro»?

— Vingt-cinq copecks! lui répond-on avec le même laconisme.

— Et si on t'en donnait quinze et qu'il soit plein à déborder?

— Ben, va pour quinze!

— Et tu mettras tes poires dans un seau à moi?

— Va pour le tien!

— Et il débordera?

— C'est à dire qu'il sera tellement plein que je me demande comment tu feras pour le porter intact jusqu'à la maison?

— Comment je ferai? Tu vas voir. Je vais m'installer là, près de ta charrette, je mangerai toutes les poires qui dépasseront les bords et j'emporterai ensuite le reste.

Et, après avoir payé les quinze copecks couvenus pour un «védro» de poires, plein à déborder, l'homme s'installe à côté de la charrette et se met à manger ses poires; quand il n'y en a plus que jusqu'aux bords tout juste, il quitte sa place et s'en retourne tranquillement à la maison avec le reste.

Voici une jeune paysanne qui trimballe de puis longtemps déjà sous le bras un coq à plumage rouge, qu'elle propose à tout venant.

— Pourquoi trimballes-tu un coq, ma belle? Si tu veux absolument vendre quelque chose, propose plutôt une jeune poule qu'un vieux coq, lance gaiement à la jeune femme un joyeux luron.

— Une poule, voyez vous ça! J'en ai besoin moi-même,

Къ нему подходитъ дядько лѣтъ около 35 и лаконически спрашиваетъ:

— По чо́му видро?

— По двадцять! также лаконически отвѣчаютъ ему.

— А по пьятнадцять зъ верхомъ? То-есть по пятнадцать копѣекъ съ надсыпкою наверхъ.

— А якъ по пьятнадцать, то хай буде й такъ!

— А цыбэрка (желѣзное ведро) буде моя?

— Хай буде й твоя!

— А верхъ добрый выведешъ?

— Выведу, якъ живоче веретено,—та тилькы якъ ты таку цыбэрку, зъ такымъ верхомъ додому понесешь?

— А якъ я іи понесу? Сяду у тебе коло воза, верхъ увесь ззимъ (т. е. съѣмъ), а те, шо зостанетця, додому понесу.

И дядько, уплативъ пятнадцать копѣекъ за ведро грушъ «зъ верхомъ», садится возлѣ воза продавца и начинаетъ ѣсть груши; ѣстъ до тѣхъ поръ, пока количество грушъ не сравнялось съ вѣнцами цыбарки, и тогда снимается съ мѣста и преспокойно съ оставшимися грушами идетъ домой.

Въ этомъ же ряду давно уже вертится какая-то бабенка съ красноперымъ пѣтухомъ, котораго она носитъ подъ-мышкой и предлагаетъ «охотнику» купить у нея ««пивня».

— Шо ты, молодыця, носишся тутъ зъ пивнемъ? Уже якъ продаваты, такъ продавала-бъ курку, а не старо́го пивня! остритъ надъ бабенкой какой-то весельчакъ,

— Эге, курку! Курка и соби здастся! задорно отвѣчаетъ бабенка и скрывается въ толпѣ.

А вотъ по ряду, гдѣ продаются шапки, брыли да картузы, пробирается высокаго роста съ длинными, густыми черными усищами, въ какомъ-то неопредѣленномъ на головѣ шлыкѣ, уже совсѣмъ не молодой, но увѣренный въ своемъ достоинствѣ дядько. Онъ видимо кого-то ищетъ изъ продавцовъ, зазирая черезъ головы людей, толкающихся взадъ и впередъ по этому же ряду. Вотъ онъ, наконецъ, нашелъ того, кого такъ давно искалъ.

— Здрастуйте, господынъ Грякъ!

— Здрастуйте, господынъ Шпакъ!

— А шо въ вашимъ гама́зыни для мене шапка есть?

— Есть! выбырайте яку любля!

— Ну, оця скильки-жъ просе?

— Карбованьця!

— А полтынныка вона не визьме?

— Ни, це дило не вкыпыть!

Отвѣтъ произносится такъ рѣшительно и такъ безапелляціонно, что «господынъ» Шпакъ, должно быть, человѣкъ столь же рѣшительный, какъ и самъ «господынъ» Грякъ, немедленно отходитъ въ другую сторону, можетъ быть, съ тѣмъ, чтобы искать себѣ уже не Гряка, а какого-нибудь Сороку или Горобця.

— А въ ряду, гдѣ повыставлены деревянныя лопаты, желѣзные заступы, большія, среднія и малыя кадочки, дубовыя съ толкачами салотовки — тамъ свои продавцы и свои покупатели. Вотъ возлѣ кучки

de ma poule! — repond d'un air provocant la jeune femme en se perdant dans la foule.

Dans la rangée des boutiques où l'on vend des bonnets de fourrure, des chapeaux de paille et des casquettes, se glisse un homme de haute stature, à moustaches noires, longues et épaisses, coiffé d'un couvre-chef d'une forme indéfinissable, d'un certain âge déjà, mais imbu de sa propre dignité. Il est visible qu'il cherche à reconnaître quelqu'un parmi les marchands, fouillant des yeux dans la foule par-dessus toutes les têtes qu'il domine. Enfin il le découvre, celui qu'il cherche depuis si longtemps.

— Bonjour, monsieur Griak!

— Bonjour, monsieur Schpak!

— Avez-vous dans votre magasin un chapeau pour moi?

— Mais parfaitement! Choisissez en un à votre goût!

— Et combien en voulez-vous?

— Un rouble!

— Et si on vous en proposait cinquante copecks?

— Non, ça ne fait pas mon affaire!

Le ton de la réponse est tellement résolu que «monsieur» Schpak, homme probablement aussi résolu que «monsieur» Griak, s'en va immédiatement du côté opposé, se proposant peut-être de dénicher un marchand plus accommodant.

Dans la rangée des boutiques où s'étalent des pelles en bois, des pioches de fer, des cuves petites, moyennes et grandes, des mortiers de chêne à pilon, on retrouve de nouveau un peuple de vendeurs et d'acheteurs. Planté devant un monceau de pelles en bois, le diacre du village, un homme à cheveux gris, maigre et efflanqué, avec sa longue natte dans le dos, vêtu en ce jour de fête d'une soutanelle neuve, un peu trop large pour sa chétive personne, est en train depuis longtemps déjà, de passer en revue toute cette marchandise. Il s'appelle Elie Fédorovitck Slivitsky: dans sa lointaine jeunesse il avait eu la réputation d'un joyeux drille, ne boudant pas devant la bouteille, mais à l'heure qu'il est il jouit d'une solide réputation de grand connaisseur en matière de règlements de l'église et de fin commentateur du calendrier de Bruce. «Oh! c'est un savant, un grand savant! Il damerait le pion au père Parthénis lui-même!» dit-on en parlant dui. Depuis longtemps déjà il aurait pu être prétre, mais cela est impossible parce que c'est un «veuf remarié». Sans jamais se tromper il prédit le temps qu'il fera, (d'après Bruce), et au commencement de chaque nouvelle année il annonce d'avance la naissance dans tel ou tel pays, à telle ou telle date, «du plus sage. des princes ou d'un grand souverain». Depuis longtemps déjà Slivitsky fouille dans le tas des pelles, les prenant et les reprenant l'une après l'autre, mais ne parvenant pas à en trouver une à son goût; tantôt il la veut plus large, mais bien en main tout de même; d'autres fois il la veut plus forte, mais en même temps plus légère. Le secret de toutes ces hésitations était que le marchand voulait vingt-cinq copecks pour la pelle en question, tandis que Slivitsky lui en offrait quinze, ne se décidant à ajouter encore cinq copeck qu'après une heure entière de marchandage. A force de lutter d'entêtement, le marchand et l'acheteur étaient presque exténués et nul ne sait quand cette scène aurait pris fin si le même petit hobereau qui venait de s'entretenir avec

деревянныхъ лопатъ давно уже стоитъ и давно переворачиваетъ сверху до низу товаръ мѣстный панъ дьякъ, сѣдой, сухощавый и мощеобразный на видъ, съ длинной косичкой назади, въ новомъ, ради праздника, нѣсколько просторномъ не по фигурѣ подрясникѣ. Это Илья Хведоровичъ Сливицкій, когда-то, въ дни далекой молодости, славившійся своимъ веселымъ нравомъ, который приводилъ его не разъ то въ Капернаумъ, то въ Кану галилейскую, а теперь утвердившій за собой репутацію великаго знатока церковнаго устава и тонкаго истолкователя брюсовскаго календаря. «О, это знаюка, великій знаюка! Онъ и самому отцу Парѳентію, якъ колы, то пидъ нисъ пынхвы пиднесе»; онъ давно уже бъ и «попувавъ», такъ нельзя ему черезъ то, что онъ «другу жинку держыть», т. е. что на второй женѣ женатъ. Онъ замѣчательно удачно предсказываетъ (по Брюсу!) погоду на каждый день, а также заранѣе, въ началѣ каждаго новаго года, объявляетъ, въ какой странѣ и когда именно родится «мудрѣйшій царевичъ или великій завоеватель принцъ»... Илья Хведоровичъ давно уже усердствуетъ возлѣ кучки лопатъ; въ который разъ онъ уже переворачиваетъ ее, въ который разъ онъ беретъ въ руки то одну, то другую лопату, но никакъ не можетъ выбрать по своему вкусу: то ему нужно пошире, но чтобы она вмѣстѣ съ тѣмъ была и «замашна»; то ему надо потолще, но чтобы она была и легка. А весь секретъ состоялъ въ томъ, что продавецъ «цурувавъ» за лопату 25 копѣекъ, а Илья Хведоровичъ давалъ ему 15 и только послѣ цѣлаго часа торга сдѣлалъ прибавку въ пять копѣекъ. Такая неуступчивость съ одной стороны и стойкость съ другой доводили и продавца и покупателя чуть ли не до изнеможенія, и когда бы все это окончилось— неизвѣстно, если бы въ этотъ торгъ не вмѣшался проходившій мимо «панокъ», тотъ самый, который велъ бесѣду съ гребенщикомъ: уважая Илью Хведоровича за его глубокую начитанность въ святомъ письмѣ и еще больше того за тонкое пониманіе брюсовскаго календаря, онъ подарилъ ему новенькій бумажный рубль и тѣмъ разрубилъ Гордіевъ узелъ между Ильей Хведоровичемъ и продавцомъ. Послѣ этого Илья Хведоровичъ скоро сошелся съ тугимъ продавцемъ и съ неописанной радостью понесъ лопату домой, пробуя ее на пути то правою, то лѣвою рукой и тѣмъ желая убѣдиться, «чи вона замашна́, чи вона незамашна́, чи вона важка́, чи вона неважка́». «Отъ це-жъ и выбралы, Илья Хведоровичъ, лопату, такъ лопату! Це така, шо вже сама буде кыдать»... «Здорови булы!»—«Здорови!»—«На ярмарку?»—«На ярмарку!...»

Въ томъ же ряду, но нѣсколько въ глубь, повыставлено множество всякихъ размѣровъ скрынь или деревянныхъ расписныхъ сундуковъ. Тутъ, главнымъ образомъ, торгуются батьки и въ особенности матери, которые имѣютъ взрослыхъ дочерей и готовятъ имъ приданое. При покупкѣ скрыни главное вниманіе обращается на то, чтобы она была расписана яркими красками и изукрашена цвѣтами, какъ на крышкѣ,

le marchand de peignes, ne s'était mêlé de l'affaire; par considération pour sa science approfondie en matière de théologie et sourtout pour son interprétation perspicace du calendrier de Bruce, il lui fit présent d'un billet d'un rouble tout neuf, tranchant ainsi le noeud gordien entre Slivitsky et le marchand. Slivitsky tomba sur le champ d'accord avec son obstiné interlocuteur et emporta la pelle avec une joie indescriptible, la passant et la repassant de la main droite à la main gauche, afin de bien juger si elle est bien en main, commode et légère. «Vous avez choisi une fière pelle, vous savez! Elle va lancer la terre toute seule!..»—«Bonjour!»—«Bonjour!»—«Vous allez à la foire?»—«A la foire, oui!..»

Dans la même rangée, mais un peu plus loin, sont exposés des coffres de grandeurs diverses, en bois peinturluré. Là aussi on se livre à de grands marchandages; les acheteurs sont principalement des pères et surtout des mères, en puissance de filles à marier dont on prépare le trousseau. En choisissant un coffre, on veille surtout à ce qu'il soit peinturluré de couleurs vives, à grosses fleurs, tant sur le couvercle que sur les quatre parois, surtout sur celle de devant, à ce qu'il soit encerclé de larges bandes de fer, muni d'une serrure à lente sonnerie et de roulettes, afin de pouvoir le déplacer facilement; il faut aussi qu'il soit muni intérieurement d'un petit compartiment pour les aiguilles, le fil, les colliers, les coraux et autres menus bibelots. Les coffres les plus en vogue sont ceux qui se confectionnent dans le chef-lieu lui-même.

Voici, prés d'un coffre de ce genre, un couple, «l'homme et sa femme», qui le marchandent depuis longtemps déjà, presque depuis le lever du soleil; plusieurs fois déjà ils se sont adressés au marchand, puis se sont éloignés, manoeuvrant tantôt tous les deux ensemble et tantôt isolément. Depuis longtemps déjà ils ont examiné le coffre jusque dans ses moindres détails, éprouvant la solidité des gonds de fer, prêtant l'oreille à la sonnerie de la serrure, tâtant les roulettes en bois pour juger de leur solidité, admirant l'éclat des couleurs et le dessin des fleurs. Plusieurs fois déjà ils ont déplacé le coffre, le tournant et le retournant dans tous les sens. Décidément, il n'y avait rien à y redire, mais le malheur était que le marchand en «demandait une trop forte somme», qui se montait à «huit roubles vingt-cinq copecks».

— Voyons, pays, rabattez-nous quelque chose sur le prix, ne fût-ce qu'un rouble, nous vous en serons si reconnaissants!

— Impossible, tout à fait impossible! Vous voyez vous-mêmes qu'il vient de notre chef-lieu.

— Oui, c'est vrai, nous le voyons, mais vous savez, pays, c'est cher, huit roubles, ne pourriez-vous faire un petit rabais? La jeune mariée prierait Dieu pour vous, matin et soir. Faites un rabais, monsieur le marchand, nous vous en serons bien reconnaissants!

— Mais puisqu'on vous dit que c'est impossible! Je ne demanderais pas mieux, mais n'oubliez pas que ce coffre a été fabriqué à Iékatérinoslaw même. Tenez, adressez-vous donc à cet autre marchand, là-bas, il vend des coffres fabriqués à Krylow, il vous en donnera un à meilleur marché.

— Tu n'as pas besoin de faire fi de Krylow, toi! Ce

такъ и на бокахъ, въ особенности же спереди, чтобы она была окована широкими полосками желѣза, чтобы она имѣла замокъ съ громкимъ и протяжнымъ звономъ, и чтобы подъ ней были колеса для свободнаго передвиганія съ мѣста на мѣсто, а внутри былъ бы еще небольшой «прыскрыничокъ» для иголокъ, нитокъ, намыста, coралловъ и тому подобныхъ мелкихъ вещицъ. Самыми цѣнными скрынями считаются тѣ, которыя сдѣланы въ «губерніи», т. е. въ самомъ городѣ Екатеринославѣ.

Вотъ возлѣ одной такой скрыни давно уже, чуть ли не съ самаго ранняго утра, торгуются «чоловикъ и ёго жинка»; уже нѣсколько разъ они то приступали къ продавцу, то отступали отъ него, дѣйствуя то совмѣстно, то порознь другъ отъ друга. Они давно уже и во всѣхъ подробностяхъ осмотрѣли скрыню, и пробуя крѣпость желѣзныхъ петлей, и прислушиваясь къ звону замка, и осматривая прочность деревянныхъ колесъ, и любуясь яркостью красокъ и фигурностью цвѣтовъ. Уже нѣсколько разъ они и перекатывали скрыню съ одного мѣста на другое, нѣсколько разъ и переворачивали ее съ одного бока на другой и нѣсколько разъ ставили ее «на попа» — скрыня и такъ и сякъ выходила хоть куда, да одна бѣда: продавецъ «слишкомъ велыку суму цурувавъ» за нее, а именно: «ажъ висимъ карбованцевъ зъ четвертакомъ».

— Та уступить такы, земляче, хочь одынъ карбованьчикъ, спасыби вамъ!

— Неможна, ни якъ неможна! Бо ця скрыня,— самы бачите,—роблена не де, якъ у губерніи.

— Та мы бачимо, добре бачимо, а все жъ такы, слухайте, земляче, усе жъ такы скостить шо-нибудь зъ восьмы. Молода буде за васъ, и лягаючи и вставаючи, Бога молыть. Скостить такы, господынъ купець, спасыби вамъ!

— Шо-жъ якъ неможна! Я бъ и радъ такъ скрыня жъ губерська: у самóму Катерынослави роблена. Онъ пидить до того дядька, у того скрыни зъ Крылова, то той и дешевше вамъ виддасть.

— А шо жъ ты думаешъ на счетъ Крылова? Крыловъ тожъ не поганый городъ, а скрыни въ нёму роблятця таки, шо, може, краще й губерськыхъ скрынь. Ось идить сюды — лышень, панимактко, то я вамъ покажу таку скрыню, шо не тилькы въ губерніи, а десь и во всій ымперіи не найдете такои.

Но паниматка хорошо знаетъ, что одно купить «дочци» скрыню «губерську» и другое купить скрыню «негуберську» — слава совсѣмъ не та: о губернской скрынѣ будетъ знать все село, и это можетъ послужить приманкой для богатыхъ жениховъ. И потому торгъ за «губерську» скрыню снова возобновляется и снова длится два-три часа. Наконецъ, скрыня куплена и торжественно перекатывается прямо съ ярмарочной площади домой. Каждый встрѣчный, идя на ярмарку или возвращаясь съ нея, увидя перекатываемую черезъ площадь скрыню, непремѣнно остановится, осмотритъ скрыню со всѣхъ сторонъ, спроситъ о цѣнѣ, похвалитъ краски, похвалитъ удивительно разрисованные на ней цвѣты, выслушаетъ, какъ

n'est pas non plus une ville de païens et les coffres qu'on y fabrique sont peut-être plus beaux même que ceux du chef-lieu. Venez donc par ici, hé, le père et la mère, je vais vous montrer un coffre qui n'a pas son pareil, non seulement dans le chef-lieu, mais dans l'empire tout entier.

Mais la mère sait bien qu'acheter pour sa fille un coffre venant du chef-lieu ou bien un coffre venant d'ailleurs, — sont deux choses bien différents et que le résultat ne sera pas le même. Si l'on se décide pour le coffre fabriqué dans le chef-lieu, tout le village le saura et cela pourra bien influencer un riche prétendant. Aussi se remet-on à marchander le coffre en question et cela dure de nouveau pendant deux on trois heures. Enfin, l'emplette est faite et on roule triomphalement le coffre jusqu'à la maison. Ghemin faisant, chaque fois qu'on rencontre un passant, qu'il se rende à la foire ou qu'il en revienne, il s'arrête immanquablemeut à la vue du coffre qu'on roule devant soi, se met à l'examiner en détail, s'informe du prix, s'extasie sur l'éclat des couleurs et des fleurs, sur la sonnerie de la serrure, souhaite à la future mariée autant de boheur que le coffte peut en contenir et s'eloigne, pendant que les heureux acquéreurs continuent à rouler leur coffre d'un air plus triomphant eneore. A sa porte la mére est accueillie par ses voisins et voisines qui se mettent egalement à examiner le coffre eu détail, s'émerveillant des fleurs et de la sonnerie surprenante de la serrure: «Pour un fier coffre, vrai, c'est un fiet coffre! Et sur des roulettes ecore! Et avec un compartiment à l'intérieur! Tu peux épouser à présent qui tu voudras. Tu sais, Marianne, même un fils de roi!»

Cependant la foire bat son plein. Non seulement la foule qui s'y presse ne commence pas encore à diminuer, mais elle ne fait au contraire que grossir. Le soleil qui s'est levé de bonne heure est déjà assez haut dans le ciel et en pleine splendeur. La foire devient de son côté de plus en plus animée et bruyante. On entend d'un côté de la place les voix criardes et grasseyantes des juifsl ainsi que celles de leurs femmes et de leurs enfants, qui s'égosillent pour attirer à leurs échoppes les jeunes filles, les ménagères et même les hommes âgés, leur proposant percales, fichus, bonnets, fleurs, rubans et autres articles de toilette féminine. Plus loin, parmi une espéce de marée montante de voix on entend distinctement la voix d'un marchand de cochons qui prodigue les serments les plus variés, tout en se fourrant de la terre dans la bouche, afin de convaincre son acheteur que les deux truies qu'il lui propose sont les bêtes les plus extraordinaires du monde, car l'une d'elle met bas deux fois par an 15 petits cochons à la fois et l'autre—18, tandis que le porc, «s'il se dresse sur ses pattes de derrière atteindra» l'épaule de ce grand escogriffe, le gendarme André, qui garde la maison du général». Les cochons qui sont attachés soit par une patte, soit par deux, et que les acheteurs tiraillent sans cérémonie, poussent des cris assourdissants, auxquels répondent les glapissements perçants des pourceaux, entassés sous les charrettes dans des sacs. De la troisième rangée des boutiques parviennent les clameurs provocantes et sauvages des bohémiens qui entourent d'une foule compacte un troupeau de chevaux et crient tous à la fois, s'égosillent, lèvent les bras en l'air, haussent les épaules, dé-

громко звонитъ въ скрынѣ замокъ, пожелаетъ будущей молодой столько счастья, сколько можетъ вся скрыня вмѣстить въ себѣ, и потомъ послѣ всего того отойдетъ прочь, а купившіе катятъ свою скрыню домой еще съ большимъ торжествомъ. У самыхъ воротъ панинатку встрѣчаютъ сосѣди и сосѣдки, также осматриваютъ скрыню со всѣхъ сторонъ, также удивляются замѣчательнымъ на ней цвѣтамъ и замѣчательному звону замка: «Отъ скрыня, такъ скрыня! Та ще й на колесахъ! Та ще й зъ прыскрынкомъ! Теперъ такъ, що, Марьянко, хочь за королевича замижъ выходь».

А между тѣмъ ярмарка идетъ своимъ чередомъ. Люди пока еще не убываютъ изъ нея, а все прибавляются. Рано вскочившее въ тотъ день солнце поднялось уже довольно высоко и вступило во всѣ свои права. Сообразно съ этимъ и ярмарка развернулась во всю ширь и оттого на ней становилось все многолюднѣй и шумнѣй. Вотъ въ одномъ ряду площади слышно, какъ жиды, жидовки и жиденята, крича, картавя и гарькавя на всякіе голоса, надрываются до упаду, зазывая подъ свой навѣсъ дивчатъ, молодицъ и пожилыхъ бабъ и предлагая имъ разные ситцы, платки, квитки, стрички, очипки, панчохи и тому подобныя вещи женскихъ одѣяній и убранствъ. Въ другомъ ряду изъ цѣлаго моря разнообразныхъ голосовъ отчетливо раздается голосъ продавца кабановъ и свиней, который божится-клянется, въ ротъ землю кладетъ и все для того, чтобы увѣрить покупателя въ необыкновенныхъ свойствахъ своихъ свиней, изъ коихъ одна два раза въ годъ даетъ по 15, а другая по 18 поросятъ; а кабанъ, если поднимется на задния лапы, такъ станетъ по плечи «отъ тому высокому жандарму Ондрію, що стереже генеральскій двиръ». При этомъ свиньи, привязанныя за одну или за двѣ ноги къ возамъ и безцеремонно подталкиваемыя покупщиками, кричатъ благимъ матомъ на всѣ ряды; свиньямъ вторятъ пронзительнымъ и неистовымъ крикомъ поросята, уложенные подъ возами въ мѣшкахъ. Изъ третьяго ряда несутся задорные и дикіе крики цыганъ, которые обступили толпой цѣлый гуртъ лошадей и всѣ разомъ, на всякіе голоса, кричатъ, галдятъ, машутъ руками, передергиваютъ плечами, всячески хуля и ни во что ставя лошадей продавцевъ и беззастѣнчиво расхваливая собственныхъ заѣзженныхъ и затасканныхъ клячъ; для этого они быстро вскакиваютъ на своихъ коней верхомъ и тутъ же съ гикомъ и крикомъ носятся, какъ оглашенные, по ярмарочной площади и потомъ вызывающе и со свойственнымъ имъ цыганскимъ выговоромъ кричатъ: «А що, земляче, яка коняка! Та така одна моя бильшъ стое, нижъ твоихъ тры! Та ця коняка въ саме пекло вскоче, щей й назадъ выскоче! Та вона за тры дни и трехъ охапкивъ сина не зъисть. Це така коняка, що вона у мене одными кизякамы годуется! Ось дывись! ось дывысь»! И цыганъ для доказательства того, что его коняка одними кизяками годуется, поднимаетъ съ земли конскій кизякъ и суетъ его своему коню въ ротъ. Конь, пріученный къ тому заранѣе, беретъ въ

préciant d'une manière éhontée les chevaux des marchands et portant sans vergogne aux nues leurs propres rosses fourbues et malades; pour prouver l'excellence de leurs bêtes, ils les enfourchent vivement et se mettent à galoper sur la place comme des insensés, en poussant d'un air provocateur des exclamations assourdissantes; «Hein, pays, quel fière bête j'ai là! A lui tout seul mon cheval en vaut trois de tes chevaux! Il est capable de sauter jusque dans l'enfer et d'en revenir sain et sauf! En trois jours il ne mange pas trois brassées de foin, il ne mange que du fumier, mon cheval! Tiens, regarde! Regarde!» Et pour prouver que son cheval ne se nourrit réellement que de fumier, le bohémien en ramasse une poignée et la fourre entre les dents de son cheval. Celui-ci, dressé d'avance, se met à le mastiquer tranquillement. «Quels tours n'apprennent-ils pas à leurs bêtes, ces diables de bohémiens, rien que pour tromper le monde!»... Une rumeur continue et sourde s'élève dans la quatrième rangée des boutiques; c'est là le marché aux boeufs. Ici il ne s'agit plus de surprendre par la vélocité des bêtes, mais il faut prouver que les jarrets des boeufs sont solides, les cornes dures que les boeufs sont capables de traîner une charge de 60 pouds, qu'ils ne consomment que peu de fourrage et pourront servir à leur nouveau patron de camarade et d'ami. «Regarde les un peu, ces boeufs, vois comme ils sont forts et bien en chair. Ils sont de force à démolir une cabane tout entière, mes boeufs; tiens, si tu en veux à quelqu'un, passe une corde autour de sa cabane, attache ces boeufs à cette corde,—et en un tour de main la cabane sera culbutée. Regarde, l'ami! de belles bêtes, hein! Tiens, vois un peu celui-ci, tout gris, à cornes dures, eh bien! il comprend tout ce qu'on veut et tout ce qu'on souhaite de lui,—c'est un véritable ami, tu sais! Tu n'as qu'à l'atteler à ta charrette et à t'étendre toi-même au milieu — dors sur tes deux oreilles, car il conduira l'autre boeuf, le noir, ramènera ta charrette à la maison et, arrivé devant ta porte il se mettra à meugler, comme pour te dire; hé, patron, debout, nous voici arrivés! Une bête prodigieuse, quoi!» Aussi faut — il entendre le marchandage auquel se livrent ici bouviers et acheteurs! Combien de fois ce dernier vient-il interpeller le bouvier pour s'éloigner ensuite de nouveau! Combien de fois le bouvier atteste sous serment que ses boeufs valent 200 roubles pièce, tandis que l'acheteur lui affirme que 100 roubles la paire serait déjà beaucoup trop cher! Que de fois ne se topent-ils pas dans la main, que de fois n'examinent-ils pas les bêtes jusque dans les moindres détails, tâtant les cornes, les sabots, tirant leurs oreilles et leur queue, pour juger si la bête n'est pas trop maigre, si ses cornes sont redoutables, ses sabots durs, ses oreilles chaudes». Ils s'évertuent à se persuader l'un l'autre, ils prodiguent l'un à l'autre exhortations et propos flatteurs, se traitant de camarade, de pays, de voisin, de compère, mais le tout en pure perte. Finalement ils se quittent sans tomber d'accord sur le prix.

«Mille diables! On s'est donné des ampoules à force de se toper dans la main, mais les boeufs ne sont pas achetés tout de même!..» En revanche, si l'on tombe d'accord, on se décoche force tapes amicales, jetant son couvre-chef sur le sol, faisant un grand signe de la croix en se

ротъ кизякъ и преспокойно жуетъ его. «Отъ то бисовы цыганы, чому тилькы воны не навчатъ своихъ коней, абы тилькы нашого братчика обдурять!..» Въ четвертомъ ряду стоитъ сплошной безпрерывный и густой гулъ: тамъ продаютъ и покупаютъ воловъ. Тутъ уже не прытью надо удивлять, а удивлять тѣмъ, чтобы волы были крѣпки на ноги, тверды на рогъ, тащили пудовъ 60 клади, ѣли очень мало сѣна и были бы друзьями-товарищами хозяину. «Тутъ, чоловиче, й волы, тутъ уже й волы: и просторни, тай подывысь же ты самъ, у якому воны тили. Це таки волы, шо имы тилькы хаты перевертать: якъ на кого сердытый, то зачепы хату канатомъ, а до каната пидведы оцихъ воливъ, то вона тилькы шелесне уверхъ. Тутъ, сказать тоби, дядьку, и волыкы! тутъ же и волыкы! Оцей сирый круторогій вилъ, такъ винъ чуе, чимъ ты дышышъ, чого ты й хочешь,—не вилъ, а друзяка! Навалы на нёго хуру, а самъ лягай у середыну воза тай спы, якъ у хати на печи. винъ и чорного за собою поведе и тебе додому прывезе; а якъ прыйде пидъ ворота, то стане та щей зареве: уставай, бачь, хозяину, ось додому прыбулы! Одно слово вилъ такый, шо онъ якый!» Зато ужъ и торгуются здѣсь! Вотъ тутъ-то именно, а не гдѣ въ другомъ мѣстѣ и сложилась поговорка: «Торгуютця якъ за вола». Сколько разъ покупщикъ подходитъ къ продавцу и сколько разъ онъ отходитъ отъ него! Сколько разъ продавецъ клянется, что его волы стоютъ не менѣе, какъ 200 карбованцевъ «на молодця» и сколько разъ покупщикъ разувѣряетъ его, что за нихъ и сто карбованцевъ дать такъ и то много! Сколько разъ они хлопаютъ другъ друга по рукамъ и сколько разъ осматриваютъ воловъ, пробуя каждаго изъ нихъ и за рога и за копыта, дергая и за хвостъ, и за уши, «чи не сухоребрый вилъ бува, чи твердый у нёго ригъ, чи надежни копыта, чи цупкый хвистъ, чи горячи вуха». Они и уговариваютъ другъ друга, и усовѣщеваютъ, и ублажаютъ, при чемъ одинъ называетъ другого товарищемъ, землячкомъ, другой величаетъ перваго сябромъ, кумкомъ, кумочкомъ, и все-таки, не сойдясь въ цѣнѣ, расходятся прочь. «Хай ёго грець визьме! Тильки руку набылы, такъ то й не вдержышъ, а воливъ такъ и не купылы!..» Но зато ужъ если сойдутся, то тутъ бьютъ пола объ полу, бросаютъ свои шапки на землю, крестятся на всѣ на четыре стороны широкимъ крестомъ, кладутъ на спину воловъ комки сырой земли для того, «щобъ воны здорови та гладки булы», высказываютъ другъ другу самыя благія пожеланія и въ концѣ концовъ, разсчитавшись вочистую, непремѣнно идутъ въ корчму запивать могорычъ: безъ могорыча нѣтъ и дѣлу конца: старыци костурамы миняютця тай то могарычъ пьють, а тутъ же одинъ чоловикъ та продавъ другому пару воливъ,—не шутка!» Но и это еще не все; продавецъ, получивши отъ покупателя деньги, непремѣнно долженъ бросить ему въ полу «срибный злотый», т. е. серебряную двадцатикопѣечную монету, потому что иначе волы не пойдутъ новому хозяину въ руку, и только послѣ всего этого «сваты» расходятся въ разныя стороны.

tournant successivement du côté des quatre points cardinaux, déposant selon l'usage des poignées de terre humide sur l'échine des boeufs, afin qu'ils «prospèrent et engraissent»; enfin, après avoir échangé force souhaits de prospérité et après avoir réglé les comptes, on s'en va naturellement boire la goutte au cabaret, afin d'arroser le marché conclu: «aucun marché n'est vraiment conclu s'il n'a été arrosé. Lorsque deux vieux échangent leurs béquilles, ils arrosent cet échange, d'autant plus s'il s'agit de la vente d'une paire de boeufs. C'est un marché sérieux!» Mais ce n'est pas encore tout: lorsque le bouvier a touché le prix de ses bêtes, il doit lancer dans le pan du vêtement de l'acquéreur une pièce de monnaie de 20 copecks, car s'il y manquait, les boeufs ne se laisseraient pas emmener par leur nouveau maître. Enfin, ce dernier détail réglé, les deux compères se séparent.

Au centre de la place, où convergent toutes les boutiques, retentissent les voix criardes des mendiants avengles, et des gamins qui les conduisent et portent leur besace. Mendiants et gamins s'égosillent à qui mieux-mieux, enflant les veines et les muscles de leur cou et de leur visage, psalmodiant des chants religieux et des psaumes sur le dernier jugement, sur Saint-Lazare, ou la complainte du riche ruiné: «Tant que j'avais de la fortune, on me recevait partout avec joie, mais depuis que j'ai tout perdu, on me traite d'imbécile. Je dis adieu au monde et vais me retirer au couvent! Je macérerai mon corps pour le salut de mon âme. Allons, vile carcasse, reste là sans bouger! Demeure immobile en attendant le dernier jugement! Elle sonnera l'heure du dernier jugement, et chacun sera jugé selon ses oeuvres...» Les complaintes perçantes des mendiants sont accompagnées ordinairement des sons discordants d'une espèce de lyre en bois à plusieurs cordes et à petits cylindres. En passant devant les aveugles les bons orthodoxes, attendris jusqu'aux larmes à l'ouïe de ces «psaumes» divins déposent dans les petites sébilles posées par terre devant les mendiants leur obole, un, deux et même trois copecks, pauvre argent gagné par un pénible labeur...

Au delà du groupe des aveugles on aperçoit un joyeux cabaret, dont la porte est grande ouverte. Autour de lui se pressent des paysans, jeunes et vieux, l'entourant de tous côtés d'une masse compacte,—tel un essaim d'abeilles autour de leur ruche par une belle journée d'été. De l'intérieur s'échappent les doux sons du chalumeau et le bruit du tambourin, instrument musical si cher aux ukraniens. «Don-don-don! don-don-don! don-don-don! Don-don-don-don-don-don!» On distingue de loin le bruit d'une danse effrénée, des trépignements tels que le plancher, les vitres et les murs même du cabaret en tremblent. «Mes beaux pantalons, ohé».—Mes larges pantalons! Et j'en ai encore trois paires à la maison».—«Tu mens, fils de chienne, tu n'en as qu'un et encore tout déchiré...»—«Ohé, vieux, l'as-tu vu, ce prodige! là jument du curé a mis bas des pourceaux, a mis bas des pourceaux, mais les laisse crever de faim, les pourceaux piaillent ferme,—vu qu'ils ont le ventre vide, les voilà qui ont si faim qu'ils s'envolent comme des oiseaux, ils s'envolent comme des oiseaux et se perchent sur le grand chêne. Ohé, vieux, l'as-tu vu, ce prodige-là? Dans les champs un paysan qui pêchait du beau

А вотъ въ самой срединѣ площади, куда сходятся концами всѣ торговые ряды, воздухъ громко оглашается рѣзкими и высокими голосами нищихъ слѣпцовъ и ихъ хлопчаковъ мѣхоношъ. Слѣпцы и мѣхоноши надрываютъ свои голоса, вытягиваютъ всѣ жилы и всѣ мускулы на шеѣ и на лицѣ, выводя духовныя пѣсни и «сальмы», т. е. псалмы про страшный судъ, про праведнаго Лазаря, про злую «хортуну» обѣднѣвшаго богача: «Та якъ бувъ я богатъ, то всякъ мени радъ, якъ ставъ я харпакъ — всякъ каже: луракъ; та пропай увесь мыръ, — я пиду въ манастырь! Я кости ссушу, а душу спасу. Та лежы моя кость, лежы не двыжы! Лежы не двыжы, страшного суду жды! Страшный судъ прыйдѐ — всимъ дило найде»... Свое душераздирательное пѣніе слѣпцы, по обыкновенію, сопровождаютъ громкой и рыпучей игрой на «реляхъ», т. е. на деревянныхъ съ нѣсколькими струнами и съ круглыми валиками лирахъ. И православные люди, проходящіе мимо слѣпцовъ, слезно умиляются отъ такихъ божественныхъ «сальмъ» и тутъ же опускаютъ въ чашечки, поставленныя передъ слѣпцами прямо на землѣ, свои трудовыя денежки — кто копеечку, кто двѣ, а кто и три... «Оцей слипець найбильше всихъ грае: яку хочешь, таку и загра, а найчаще Лазаря гра»...

А поодаль отъ круга слѣпцовъ стоитъ съ открытыми дверями и веселая корчма. Ее густо и со всѣхъ сторонъ облѣпили, какъ облѣпляютъ пчелы ульи въ ходкій майскій день, дѣды, дядьки и парубки. Изъ глубины ея слышатся тонкіе звуки симпатичной сопилочки и любимаго украинцами музыкальнаго инструмента бубна: «Ду-ду-ду! ду-ду-ду! ду-ду-ду! Ду-ду-ду-ду-ду-ду!» Уже издали слышно, какъ подъ звуки бубна кто-то молодецки отдираетъ такого трепака, отъ котораго дрожитъ полъ, дрожатъ стекла, дрожатъ стѣны корчмы. «Эхъ, штаны мои, шаровары, та ще й дома трое!» — «Тай бреше якъ собачій сынъ: одни, якъ есть, тай ти позычени!»... — «Ой, ты, дядьку Мусію, чи бачывъ ты чудасію? Якъ попова кобыла поросята водила, поросятокъ прывела, а имъ исты не дала, поросята пыщать — воны исты хотять, воны исты схотилы та знялыся полетилы, та знялыся полетилы, на дубъ-дерево силы. Ой, ты, дядьку Мусію, чи бачывъ ты чудасію? Якъ у поли мужыкъ штаньмы рыбу ловывъ, штаньмы рыбу ловивъ тай медведя зачипывъ. Ой, ну-да-ну-да-ну-да тай медведя зачипывъ»...

Вотъ изъ корчмы выходятъ подъ руку два задушевныхъ пріятеля. Пошатываясь въ разныя стороны, одинъ въ правую, другой въ лѣвую, они медленно выбираются на дорогу и, еле-еле ворочая заплетающимися языками, продолжаютъ вести раньше того начатую бесѣду.

— Кумъ, кумъ! Слухай сюды, кумъ! Я ёму пиднесу, я ёму, тому Заверюси, покажу!.. Я... я чоловикъ строгый, я ему... Кумъ, слухай сюды, кумъ! Я ёму по-ка-жу, я зъ тимъ, що ёму пиднесу...

— А, це ты вилятъ изъ корчмы, — трясьця тоби въ печенкы! Неожиданно налетаетъ на «строгого чоло-

poisson, le voilà qui en attrape, ohé, plein ses pantalons! Mais voici que par mégarde il attrape encore un ours, hé-là-là, un ours, ohé!..»

Voici un couple d'amis intimes qui sortent bras dessus bras dessous du joyeux cabaret. Titubant et tirant chacun de son côté, l'un à droite, l'autre à gauche, ils s'acheminent lentement vers la grand' route, poursuivant d'une langue pâteuse, un entretien commencé depuis longtemps.

— Compère, compère! Dis donc, compère! Je lui ménage un chien de ma chienne, à celui-là, tu sais!.. Je, je suis un homme rigide moi, il verra ça... Compère, dis donc, compère! Il aura affaire à moi, tu sais...

— Tu sors encore du cabaret, espèce de propre à rien! décoche tout à coup à «l'homme rigide» sa chère moitié en s'élançant sur lui. Qu'as-tu fait de la toile que je t'ai donnée pour la vendre, dis?

— Je l'ai vendue!

— Et où as-tu mis l'argent?

— Je l'ai laissé au cabaret!

— As-tu oublié que tu as promis, que tu as juré de ne jamais plus y mettre les pieds?

— Ben, quoi! J'ai promis! Et juré! Mais pourquoi l'argent est-il si rond et roule-t-il de lui-même au cabaret dès qu'on passe devant?

— Ah, c'est ainsi! eh bien, tiens, tiens, tiens!..

Et la «chère moitié» fait pleuvoir sur «l'homme rigide» une volée de coups de poings un peu partout. Mais l'homme ne parait pas plus se soucier des coups de sa femme que d'une piqûre de moucheron.

— Compère, dis donc, compère!..

Mais depuis longtemps déjà le compère a disparu, dès qu'il avait aperçu l'épouse de son compagnon, il avait fait appel à ses dernières forces et avait tourné à gauche. Bientôt il disparut au fond de la cour de sa maison.

Soudain à tout ce bruit, ces cris, ces glapissements, ce tapage, à tout ce tumulte de sons, de paroles et de voix, vient se joindre une lente et rude sonnerie de cloche, tintant dans la cour du seigneur. «Voici la cloche du général Kourkoul-Zaporojsky qui sonne pour le dîner».

Adieu donc, foire splendide, avec tous tes «vieux», tes divers marchands, tes jeunes femmes, jeunes gars et jeunes beautés villagloises!

вика» его любая жиночка. А полотно де дивъ, шо я дала тоби продать?

— Продавъ!

— А гроши куды сховавъ?

— У корчму!

— Чи не ты-жъ зарикавсь, чи не ты-жъ запрысягавсь, що до вику не пидешъ у корчму?

— И зарикавсь! И запрысягавсь! Такъ шо-жъ якъ ти гроши та дуже кругли! Якъ идешъ мымо корчмы, такъ самы й котятця туды!

— Такъ ось я жъ тоби докажу, такъ ось я жъ тоби покажу, такъ ось яжъ тоби пиднесу, пиднесу!..

И «любая жиночка» начинаетъ подносить своему «строгому чоловику» кулаки и въ спину, и въ затылокъ, и въ бока. Но чоловикъ какъ будто и не слышитъ ничего, что преподноситъ ему жена, точно видя передъ собой не жену, а ничтожнаго комара.

— Кумъ, слухай сюды, кумъ!..

Но кума уже давно и слѣдъ простылъ: завидя жиночку своего любезнаго куманька, онъ собралъ всѣ свои слабыя силы и «швыденько» свернулъ влѣво отъ корчмы и потомъ скоро скрылся въ глубинѣ своего двора.

Вдругъ ко всему этому гаму, крику, визгу, шуму, стону, говору и гулу прибавляется еще протяжный и рѣзкій звонъ, несущійся съ панскаго двора: «То благовистять у генерала Куркуль-Запорожского на обидъ».

И такъ, прощай, роскошная ярмарка, со всѣми твоими дидами, дядьками, молодичками, парубочками и дивчатками!

Зимовникъ козачій.

Весь наличный составъ запорожскаго низового войска рѣзко раздѣлялся на двѣ категоріи: сѣчевыхъ козаковъ или товарищество и посполитыхъ козаковъ или зимовчаковъ. Сѣчевые козаки жили безъ женъ и, по исконнымъ старокозацкимъ обычаямъ, не имѣли права вводить въ Сѣчь ни единой женщины, т. е. ни матерей, ни сестеръ, ни женъ. Это объяснялось тѣмъ, что запорожцу, взявшему на себя роль вѣчно воевать съ непріятелемъ, некогда было «возиться съ жинкою». Кромѣ того, у запорожцевъ ходило преданіе, что въ тотъ день, когда ступитъ въ Сѣчь женщина, не существовать больше Сѣчи. И говорятъ, «никóлы Потёмки не взяты було-бъ Сичи», если-бъ передъ тѣмъ одинъ изъ сѣчевыхъ старшинъ не провелъ, подъ именемъ джуры оруженосца, въ Сѣчь какой-то молоденькой московской красавицы. Лишая себя семейнаго счастья и семейной радости, сѣчевой козакъ зато считалъ себя истиннымъ «лыцаремъ», участвовалъ въ полученіи военной добычи, войскового жалованья, подавалъ голосъ на войсковыхъ радахъ во всѣхъ случаяхъ частной и общественной козацкой жизни, въ военное время выступалъ съ ору-

Hivernage cosaque.

L'armée effective des zaporogues du bas-Dnièper se divisait en deux catégories bien distinctes: les cosaques de la Siétcha ou la compagnie cosaque proprement dite et les cosaques ruraux ou hivernants. Les cosaques de la Siétcha n'avaient pas de femmes et les usages antiques leur interdisaient d'introduire une seule femme dans la Siétcha, fût ce une mère, une soeur, ou une épouse. Cela était motivé par cette considération que les cosaques étant appelés à guerroyer sans cesse contre l'ennemi, n'avaient guère le temps de s'embarrasser, d'une «femelle». Il y avait en outre une superstition courante chez les zaporogues prétendant que le jour où une femme pénétrerait dans la Siétcha, serait le jour de la perte de cette dernière. Et jamais, affirme-t-on, «Potemkine n'aurait pris la Siétcha» si quelque temps auparavant un des doyens de la Siétcha n'y avait introduit une jeune beauté russe, déguisée en écuyer. En revanche, les cosaques de la Siétha, se privant volontairement du bonheur et des joies conjugales se targuaient d'être de vrais «chevaliers»; chacun d'eux prenait part à la distribution du butin, au payement de la solde militaire, votait au conseil cosaque lorsqu'on ydébattait des affaires intérieures et publiques. En temps de guerre il partait en

жемъ въ рукахъ противъ непріятеля, въ мирное время предавался веселью, пирамъ и разгулу, считая несоотвѣтствующимъ званію «лыцаря» званіе пахаря и домовода.

Но кто же исполнялъ въ Запорожьи званіе пахаря и домовода? Для исполненія обязанностей пахаря и домовода существовалъ въ Запорожьи особый классъ людей, такъ называемыхъ посполитыхъ, жившихъ семьями въ зимовникахъ или козачьихъ хуторахъ, разбросанныхъ по всѣмъ запорожскимъ паланкамъ или округамъ. Сколько было такихъ хуторовъ въ Запорожьи, за неимѣніемъ данныхъ, сказать нельзя, какъ нельзя сказать и того, какъ велико было число посполитыхъ козаковъ. Можно сказать лишь, что къ концу историческаго существованія Запорожья всѣхъ обитателей зимовниковъ было около 90,000 человѣкъ, причемъ наибольшее число посполитыхъ приходилось на паланку Самарскую (теперь Новомосковскій уѣздъ Екатеринославской губерніи), какъ самую богатую дарами природы и наиболѣе удаленную отъ набѣговъ татаръ; наименьшее число посполитыхъ приходилось на восточныя паланки, калміусскую и прогноинскую (теперь Александровскій уѣздъ Екатеринославской губерніи и Днѣпровскій Таврической), какъ на смежныя съ татарскими кочевьями. «Близь границы не строй свѣтлицы» — говорили запорожцы, и эта пословица, какъ видимъ, имѣла свой реальный смыслъ.

Посполитые, жившіе въ Запорожьи хуторами или зимовниками, какъ и вообще всякіе крестьяне, занимались хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, коневодствомъ, рыболовствомъ, садоводствомъ, огородничествомъ и т. п. Разница между посполитыми, жившими на территоріи Польши или Россіи, и посполитыми, жившими на территоріи Запорожья, состояла въ томъ, что запорожскіе посполитые не знали, что такое крѣпостничество и не были стѣснены границами землевладѣнія. Хотя въ Запорожьи вся земля принадлежала войску и никому въ частности, но такъ какъ у запорожцевъ земли сравнительно съ населеніемъ было слишкомъ много, то всякій могъ брать себѣ такой участокъ, какой въ состояніи былъ обработать наличными силами. Пользуясь безпрепятственно и личной свободой, и земельными благами, всякій запорожскій посполитый долженъ былъ за то выполнять нѣкоторыя обязательства, установленныя сѣчевымъ товариствомъ и освященныя вѣками исторической жизни запорожцевъ. Такъ, занимаясь по преимуществу занятіями крестьянъ, посполитые вмѣстѣ съ этимъ считались и козаками; они не были освобождены отъ обязанностей войны и въ исключительныхъ случаяхъ, когда дѣло шло о большихъ походахъ противъ непріятелей, также призывались къ оружію. Тогда въ Сѣчи условно стрѣляли изъ пушекъ, и въ паланки разсылались особые «мампталиры» для призыва къ походу всего козачества, и посполитые, запасшись конями, оружіемъ и продовольствіемъ, немедленно шли къ Сѣчи. Въ виду военныхъ обязанностей всѣ посполитые вообще должны были являться въ Кошъ (вѣроятно, одинъ разъ передъ вступленіемъ въ запорожское войско) «для взятья на козацтво войсковыхъ приказовъ».

campagne, se livrant en temps de paix à une vie dissipée, passant d'un festin à un autre et trouvant que le titre de laboureur et de ménager n'était nullement compatible avec son rang de chevalier».

Mais qui donc remplissait dans le Zaporojié les fonctions de laboureur et de ménager? Le Zaporojié possédait dans ce but une classe spéciale, celle des cosaques ruraux qui demeuraient avec leurs familles dans les hivernages ou métairies cosaques, disséminées çà et là dans les palanques ou arrondissements cosaques. On ne saurait préciser le nombre des ces métairies zaporogues, manquant là-dessus de données suffisantes, tout comme sur le chiffre des cosaques hivernants. On peut seulement affirmer que vers la fin de l'existence historique du Zaporojié, le chiffre des cosaques ruraux montait à 90.000 hommes environ et que la palanque la plus peuplée se trouvait être celle de Samara, (actuellement le district Novomoskovsky de la province de Iékaterinoslaw), qui était en même temps la plus comblée des dons de la nature, ainsi que la plus éloignée de la région des invasions tatares; le nombre le moins important de ruraux se trouvait dans les palanques de l'est, comme limitrophes aux régions des tatares nomades. «Il ne faut pas construire sa maison à proximité de la frontière», disaient les zaporogues et on voit que ce dicton était inspiré par des faits réels.

Les cosaques ruraux du Zaporojié qui vivaient dans les métairies, se livraient comme tous les paysans en général, à l'agriculture, à l'élevage des bestiaux, à l'industrie des haras, à la pêche, au jardinage, à l'horticulture et caetera. La différence entre les hivernants du territoire de la Pologne ou de la Russie et ceux du territoire du Zaporojié était que les hivernants zaporogues ignoraient le servage et la contrainte dont souffraient les populations limitrophes. Bien que le territoire du Zaporojié fut la propriété de toute l'armée cosaque et non celle de propriétaires particuliers, chaque zaporogue avait le droit de choisir un lot de terrain aussi vaste qu'il pouvait le cultiver par ses propres forces, parce que l'étendue du territoire était trop vaste en comparaison avec le chiffre des habitans. Jouissant d'une large liberté individuelle et de biens territoriaux, les zaporogues ruraux étaient en retour tenus de remplir certains devoirs et obligations institutés par la Siétcha et consacrés par un usage séculaire. Par exemple, les ruraux, qui se livraient de préférence aux travaux champêtres, étaient quand même considérés comme des cosaques: ils n'étaient pas exempts du service militaire et lorsqu'il se présentait des cas exceptionnels, et qu'il s'agissait de grandes campagnes, ils étaient convoqués comme les autres cosaques. On tirait dans la Siétcha une salve de coups de canon en guise de signal, et on détachait dans toutes les palanques des «hérauts», chargés spécialement de convoquer tous les cosaques; alors les cosaques ruraux, se munissant de chevaux, d'armes et de vivres, prenaient immédiatement le chemin de la Siétcha. D'ailleurs, tout cosaque hivernant était tenu de se présenter une fois à la Siétcha, (probablement avant d'entrer dans l'armée zaporogue), «afin de prendre langue».

Outre les devoirs du service militaire les ruraux étaient également appelés à monter la garde et les cordons sanitaires, à réparer les maisons dans la Siétcha, à élever diverses constructions militaires. Mais leur obligation princi-

Кромѣ обязанности военной службы, посполитые также призывались для карауловъ и кардоновъ, для починки въ Сѣчи куреней, возведенія артиллерійскихъ и другихъ козацкихъ строеній. Но главною обязанностью ихъ было—кормить сѣчевыхъ козаковъ. Это были въ собственномъ смыслѣ запорожскіе домоводы; обрабатывая землю, разводя скотъ, лошадей и овецъ, они заготовляли на зимнее время сѣно, устраивали пасѣки, собирали медъ, фрукты, овощи, вели мелкую торговлю, промышляли солью, содержали почтовыя станціи и т. п. Главную массу всего избытка они доставляли въ Сѣчь на потребу сѣчевыхъ козаковъ, остальную часть оставляли на пропитаніе самихъ себя и своихъ семействъ. Кромѣ доставки въ Сѣчь воловъ, коровъ, телятъ, овецъ, разныхъ овощей и фруктовъ, посполитые обязаны были также платить въ Сѣчь такъ называемое «дымовое» до 1758 года 1 рубль съ семьи, а съ 1758—полтора рубля.

При постоянномъ сношеніи сѣчевыхъ козаковъ съ посполитыми козаками или зимовчаками между тѣми и другими выработались особаго рода условные термины и пароли. Сѣчевые козаки, пріѣзжавшіе въ зимовникъ или козачій хуторъ, не слѣзая съ коней, должны были прежде всего три раза прокричать: «Пугу! пугу! пугу!» Хозяинъ, услышавъ крикъ, отвѣчалъ пріѣхавшимъ два раза: «Пугу! пугу!» Пріѣхавшіе на этотъ двукратный отвѣтъ снова кричали: «Козакъ зъ лугу!» Хозяинъ, не довольствуясь этимъ, черезъ окно спрашивалъ: «А зъ якого лугу, чи зъ Велыкого, чи Мало́го? Якъ зъ Велыкого, йды до кругу!» Всмотрѣвшись въ всадниковъ и убѣдившись, что то дѣйствительно сѣчевые козаки, хозяинъ зимовника кричалъ имъ: «Выяжите коней до ясель та просымо до господы!» Тогда изъ хаты выскакивали хозяйскіе хлопцы и вводили козацкихъ коней въ конюшни, а самимъ гостямъ указывали ходъ до «господы». Гости сперва входили въ сѣни, клали тамъ на «тяжа́хъ», т. е. на кабицѣ, свои ратища, затѣмъ изъ сѣней вступали въ хату, тамъ прежде всего молились на образа, потомъ кланялись хозяину и говорили: «Отамане, товариство, ваши головы!» Хозяинъ, отвѣчая на поклонъ поклономъ, говорилъ: «Ваши головы, ваши головы!» Потомъ просилъ садиться пріѣхавшихъ гостей по лавкамъ и предлагалъ имъ разныя угощенія—напитки и кушанья, при чемъ обыкновеннымъ кушаньемъ была тетеря: если случался скоромный день, то варилась «тетеря до молока»; если же случался постный день, то варилась «тетеря до воды». Погулявъ и весело и довольно нѣсколько дней, гости собирались въ отъѣздъ, благодарили ласковаго хозяина за угощеніе словами: «Спасиби тоби, батьку, за хлибъ за силь! Пора уже по куренямъ розъизжатьcя до домивки; просымо, батьку, и до насъ, колы ласка»! — Прощайте, паны-моло́дци, та выбачайте: чимъ богати, тимъ и ради. Про́сымо не погниватьcя». Послѣ этого гости выходили изъ хаты, хлопцы подавали имъ накормленныхъ, напоенныхъ и осѣдланныхъ лошадей, и сѣчевики, вскочивъ на своихъ коней, уносились отъ зимовника.

Дошедшій до нашего времени отъ конца XVIII вѣка

pale, c'était de pourvoir à l'alimentation des cosaques de la Siétcha. Ils étaient vraiment les ménagers du Zaporojié, dans le sens le plus étroit du mot; ils cultivaient la terre, élevaient du bétail, des chevaux et des brebis, ils emmagasinaient du foin pour l'hiver, recueillaient le miel de leurs ruches d'abeilles, récoltaient les fruits et les légumes, se livraient aussi à un peu de commerce, débitant du sel, par exemple, entretenaient des relais postaux, et caetera. Ils fournissaient à la Siétcha tous les produits dont les cosaques avaient besoin, gardant le reste pour leur propre consommation ainsi que pour celle de leurs familles. Tout en fournissant à la Siétcha des boeufs, des vaches, des veaux, des brebis, différents fruits et légumes, ils devaient encore payer à cette même Siétcha une espèce d'impôt,—un rouble par famille jusqu'à l'année 1758 et un rouble 50 copecks à partir de cette époque-là.

Comme les cosaques de la Siétcha entretenaient des relations suivies avec les cosaques hivernants, tout un langage conventionnel s'était établi entre eux. Lorsque les cosaques de la Siétcha venaient en visite dans une métairil de l'hivernage ils devaient, avant de descendre de cheval, crier à trois reprises: «Pougou! Pougou! Pougou!» En entendant ce cri, le maître de la métairie devait riposter à deux reprises: «Pougou! Pougou!» A lors les arrivants s'écriaient: «Cosaques de la plaine!» Le maître, non satisfait encore, demandait par la fenêtre: «Vient—on de la Grande on de la Petite plaine? Si c'est de la Grande,—entrez!» Et après avoir bien dévisagé les cosaques et s'être convaincu qu'ils appartenaient réellement à la Siétcha, le maître de la maison leur criait: «Attachez vos chevaux et entrez dans la maison!» Ses domestiques accouraient alors, conduisaient les chevaux des visiteurs à l'écurie et indiquaient le chemin aux cosaques. Les visiteurs entraient dans le vestibule, se débarrassaient de leurs vêtements, pénétraient ensuite dans la pièce principale, s'inclinaient avant tout devant les saintes images et saluaient le maître de la maison, en lui adressant cette formule: «De la part des atamans et de toute la compagnie, salut!» Le maître de la maison les saluait également en répétant: «Salut, salut!» Il invitait ensuite les nouveaux venus à prendre place sur les sièges et leur offrait tout un festin,—rafraîchissements et mets divers, parmi lesquels figurait généralement un coq de bruyère: si c'était un jour gras on l'accommodait au «lait», si c'était un jour maigre,—il était cuit à «l'eau». Après plusieurs jours, passés à s'amuser et à festoyer, les visiteurs se disposaient à repartir et remerciaient leur aimable hôte en disant: «Merci pour ton pain et ton sel, vieux père! Il est temps de rentrer chez nous; viens nous voir à ton tour si nous ne t'avons pas trop déplu!»—«Adieu, mes braves, vous avez vu que j'ai fait de mon mieux. Ne me gardez pas rancune si ce n'était pas assez bien» Les visiteurs quittaient ensuite la maison, les valets leur amenaient leurs chevaux tout sellés qu'on avait fait bien manger et bien boire, et, enfourchant leurs montures, les cosaques de la Siétcha s'éloignaient de l'hivernage.

Le plan d'une métairie cosaque de la fin du XVIII siècle qui s'est conservé jusqu'à notre époque, rend très nettement l'aspect des diverses parties dont ces métairies se composaient. Celle-ci est située au bord d'une rivière et a la forme d'un large carré. On aperçoit d'abord la

планъ козачьяго хутора даетъ ясное представленіе о томъ, какъ онъ устраивался и какія части входили въ составъ его. Хуторъ примыкаетъ къ рѣкѣ и представляетъ изъ себя обширный четыреугольникъ. Тутъ видны прежде всего въѣздныя ворота, затѣмъ обширный дворъ, въ глубинѣ котораго представлена длинная хата или «господа» съ коморой, сѣнями, кухней и свѣтлицей; съ лѣвой стороны, вокругъ двора, идутъ—амбаръ, начиная отъ воротъ, повитка для телѣгъ и въ концѣ, противъ «господы», хижка, (маленькая хижинка); съ лѣвой стороны — снова повитка, скотный дворъ, въ одну линію съ «господою» амбаръ, правѣе амбара, въ линію, скирты сѣна и соломы; дальше — клуня и выше клуни—ворота для возки хлѣба съ поля. За дворомъ и токомъ, къ рѣкѣ, идутъ садъ и огородъ, къ которымъ ведутъ калитка, между «господою» и «хижкою» (въ садъ), и ворота, между «господою» и «амбаромъ». Съ лицевой стороны, возлѣ воротъ и по угламъ, полагались еще невысокія башенки, откуда козаки высматривали непріятелей и, можетъ быть, стрѣляли по нимъ изъ гакивницъ.

porte principale, puis une grande cour au fond de laquelle se dresse une longue maison avec un magasin, un vestibule, une cuisine et une belle pièce bien claire; à droite, le long de la cour, une grande grange, puis un abri à auvent pour les charrettes, et tout au fond, vis-à-vis de la maison principale, une petite cabane; à gauche,—un second auvent, puis une vacherie, sur la même ligne que la maison principale, puis un magasin et plus loin, plus à droite, des gerbes de foin et de paille; plus loin un magasin plein de blé et un peu plus haut,—une porte cochère pour le passage des charrettes... Du coté de la rivière, après la cour et l'enclos aux meules de blé, viennent le jardin et le potager, auxquels on accède par une petite porte qui se trouve entre la maison principale et la cabane, (pour le jardin), et par une autre porte, celle entre la maison principale et le magasin. La façade était encore agrémentée de petites tourelles, placées près de la porte et aux quatre coins, du haut desquelles les cosaques guettaient l'ennemi et tiraient peut-être sur lui des coups de mousquet.

Проводъ козака въ войско.

Тяжела была жизнь малороссійскаго козака, вѣчно воевавшаго то съ татарами, то съ турками, то съ поляками, оттого вѣчно находившагося въ тревогѣ, постоянно покидавшаго семью, отчій домъ, родину для того, чтобы бороться съ закаленными врагами всего нерусскаго, всего нехристіанскаго, всего неправославнаго. Тяжела была доля и малороссійской козачки, т. е. матери, жены козака или дѣвицы, которыхъ покидалъ козакъ ради войны. Въ высшей степени поэтично, трогательно и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно правдиво изображаютъ долю украинской козачки малороссійскія народныя пѣсни, дошедшія до нашего времени и записанныя въ разное время любителями произведеній народнаго творчества. Въ особенности трогательны тѣ пѣсни, въ которыхъ воспѣвается душевное горе украинской дивчины, долгое время, «щиро и вирно» кохавшей молодого козака и потомъ принужденной съ нимъ разстаться въ виду неминуемаго отхода его въ войско.

Молодой козакъ, встрѣчаясь съ дивчиною то «у рубленои крыныченькы», то въ компаніи на улицѣ, то въ саду «пидъ калыною», давно уже заглядывается на красавицу: сперва онъ смотритъ на нее молча, потомъ слегка начинаетъ «жартовать» съ ней, называя ее серденькомъ, ластивочкой, квиточкой или зиронькой. Молодость, красота и особое удальство козака не могутъ не тронуть «дивочого» сердца: дивчина также сперва робко, потомъ нѣсколько смѣлѣе смотритъ на козака и на ласковые эпитеты его отвѣчаетъ то продолжительными взглядами, то яркимъ румянцемъ, то тихими и короткими вздохами.

Départ du cosaque pour l'armée.

Dure était l'existence du cosaque petit-russien, éternellement guerroyant avec les tatares, les turcs ou les polonais, vivant une existence toujours agitée, toujours forcé de quitter brusquement famille, maison paternelle et pays natal, pour s'en aller combatre les ennemis jurés de la nationalité russe, du christianisme et de l'orthodoxie. Il était bien dur aussi, le lot de la femme cosaque, c'est à dire de la mère, de l'épouse ou de la jeune fille que son fiancé quittait pour s'en aller à la guerre. Les chansons nationales de la Petite-Russie, parvenues jusqu'à notre époque, notées à divers moments par les amateurs de la poésie nationale, dépeignent de la façon la plus poétique, la plus touchante et la plus vraie, la destinée de la femme cosaque. Les plus émouvantes sont celles qui chantent les chagrins d'amour de la jeune fille ukranienne qui aime depuis longtemps avec «tendresse et fidélité» un jeune cosaque et qui se voit sur le point d'être séparée de lui, parce que le cosaque doit partir pour l'armée.

Les deux jeunes gens se sont vus maintes fois déjà, tantôt dans les champs, près du puits, tantôt dans la rue où la jeune fille se promenait avec ses compagnes, tantôt dans les jardins sous «l'obier», et depuis longtemps déjà le cosaque est charmé par la jeune beauté; les premiers temps il s'était contenté de la contempler en silence, puis il se met à lui faire un brin de cour et lui prodigue les noms de petit coeur, d'hirondelle, de jolie fleur et caetera. Le cosaque est jeune, beau et brave comme tous les cosaques; le coeur de la jeune fille est touché et elle commence par lancer au cosaque de timides oeillades à la dérobée, puis s'enhardissant petit à petit, elle répond à ses tendres épithètes par de longs regards, une vive

Чудные лѣтніе украинскіе вечера, веселыя щебетанья соловейка, игривыя кукованья зозули, веселый и звонкій свистъ дремлюги, таинственныя перешептыванія древесныхъ листьевъ между собой — все это способствуетъ тому, что козакъ и дивчина, встрѣтясь случайно въ темномъ вишневомъ саду, не довольствуются уже одними робкими взглядами другъ на друга, а переходятъ къ горячимъ, глубокимъ и беззавѣтнымъ «любощамъ». Влюбленнымъ сочувствуютъ не только живыя существа, но даже неодушевленные бездушные предметы:

Якъ мы зъ тобой, любылыся, —
Сухи дубы розвылыся,
Якъ мы зъ тобой кохалыся, —
Виты дуба гойдалыся.

Долго скрываемое чувство любви дивчины къ козаку дѣлается подъ конецъ извѣстнымъ батькови да матери дивчины, становится извѣстнымъ и на всемъ селѣ.

Родители, если только находятъ козака «пидъ пару» дивчинѣ, не ставятъ препоны своей дочери, и тогда для влюбленныхъ наступаетъ самая счастливая и самая очаровательная пора въ ихъ жизни. Дивчина отдается своему милому всѣмъ своимъ сердцемъ и всею своей душой; только въ отношеніи тѣла она остается совершенно чиста: кохания дивчины да козака хотя и вполнѣ беззавѣтное, но и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ безгрѣшное. Дивчина ласкаетъ своего милаго, цѣлуетъ и милуетъ его, дивчина и дышитъ и слышитъ своимъ козаченькомъ, она живетъ и душой и сердцемъ неразлучно съ нимъ; исполняя съ особеннымъ рвеніемъ всѣ самыя тяжелыя домашнія работы, она съ тѣмъ вмѣстѣ находитъ время, чтобы вышить шолкомъ своему милому либо сорочку, либо хусточку-платочокъ «про свято» (для праздника).

Шовкомъ шила, шовкомъ шила,
Золотомъ рубыла —
За-для того козаченька,
Що вирно любыла.

«Щирая» любовь «молодятъ» должна привести и козака и дивчину къ браку, о чемъ и мечтаютъ влюбленные:

«Ой, пора, мате, жыто жаты,
Бо вже колосъ похылывся,
Пора, мате, дочку даты,
Бо вже голосъ изминывся».

Мать не препятствуетъ счастью своей дочери и ждетъ-поджидаетъ только осени, чтобы принять сватовъ отъ жениха, а тѣмъ временемъ прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы поуютнѣе свить «кубелечко» своимъ молодятамъ. Для этого въ ближайшую ярмарку покупается будущей молодой росписная съ узорами «скрыня»; къ предковскимъ «бабусинымъ» плахтамъ прибавляются новыя, болѣе нарядныя и живописныя плахты; прикупаются серебряные позлащен-

rougeur et de petits soupirs étouffés. Les belles soirées estivales de l'Ukraine, avec leurs chants du rossignol, les cris enjoués du coucou, les gais et bruyants sifflements du héron, les chuchotements mystérieux des feuillages,— tout cela favorise les amours des deux jeunes gens et ceux-ci, lorsqu'ils se rencontrent par hasard sous le couvert d'une ombreuse cerisaie, ne se contentent plus d'échanger de timides regards, mais passent à des propos enflammés, expression d'un amour tendre et profond. Les amoureux inspirent de la sympathie non seulement aux êtres animés, mais encore aux choses inertes.

«Quand nous nous aimions
Les chênes desséchés se couvraient de feuilles,
Quand nous nous embrassions,
Les vieux chênes en frémissaient».

Longtemps secret, l'amour de la jeune fille pour le cosaque est enfin connu de son père et de sa mère, et finalement, du village tout entier.

Si les parents trouvent que le cosaque «convient» à leur fille, ils ne s'opposent à rien et les jeunes amoureux entrent alors dans l'ère la plus heureuse et la plus enchanteresse de leur vie. Tout en donnant à son bienaimé tout son coeur et toute son âme, la jeune fille garde intacte sa pureté virginale: ils ont beau s'aimer passionnément, leurs amours restent immaculées. La jeune fille câline et embrasse tendrement son bienaimé, ne respire et ne vit que par lui, est toujours avec lui de coeur et d'âme; tout en apportant un zèle particulier aux travaux domestiques les plus rudes, elle trouve encore le temps de broder avec de la soie une blouse ou un mouchoir pour son bienaimé.

«Elle l'a brodé avec de la soie
Et l'a ourlé avec de l'or
Pour son cosaque
Qu'elle aimait si fidèlement».

Cet amour si «sincère» du jeune couple doit naturellement aboutir au mariage, but et rêve secret des deux amoureux.

«Il est temps de couper ton blé, la mère,
Car l'épi est si lourd qu'il se penche sur sa tige,
Il est temps de marier ta fille, la mère,
Car sa voix est déjà tout altérée».

La mère ne s'oppose pas au bonheur de sa fille et n'attend plus que l'automne, moment où le prétendu enverra demander officiellement la main de sa fille; jusque là elle s'occupe avec zèle à préparer pour le jeune couple le «nid» le plus tiède et le plus confortable. Des que la foire est ouverte, les parents de la jeune fille y achètent un «coffre» à peinturlurages multicolores; aux jupes antiques, provenant du trousseau de l'aïeule, on joint des jupes toutes neuves, plus élégantes et plus belles; on fait l'acquisition de ducats d'argent doré et de «colliers» en verroterie de couleur et en corail. La famille du prétendu se livre également à de grands préparatifs. Cependant, les deux amoureux ne perdent pas de temps et chaque fois qu'is se rencontrent dans un endroit écarté, ils échan-

ные дукаты и къ нимъ разноцвѣтныя стеклянныя и коралловыя «намыста». Соотвѣтственно съ этимъ дѣлаются приготовленія и въ семьѣ жениха. Между тѣмъ влюбленные козакъ и дивчина не теряютъ даромъ времени и, при встрѣчѣ въ какомъ-нибудь укромномъ «куточкѣ», цилуются та милуются, «мовъ ти голубьята».

И вдругъ, въ одинъ несчастный день «щирое кохання» козака и дивчины неожиданно прерывается:

Якъ загадано-заповидано
Усимъ парубочкомъ у військо йты:
У кого є кони, то годуйте,
Я въ кого немає, то купуйте;
Въ кого есть сынъ, то зряжайте,
Въ кого немає, то наймайте.

Острою болью врѣзывается въ «серденько» дивчины такое извѣстіе. Недаромъ же ей наканунѣ такъ «жалибненько зозуля у садочку кувала»; недаромъ же ей такіе зловѣщіе сны въ послѣднія ночи снились; недаромъ же ей ея милый-чорнобрывый такъ любъ, такъ милъ и такъ дорогъ казался въ послѣдніе вечера, что она на него «дывылась бы и не надывылася, мылувала бъ ёго и не намылувалася». Но дивчина—истая украинка; она «справжня» (настоящая) дочка своего батька-козака: зная, какой священный долгъ лежитъ на всякомъ молодомъ козакѣ, какъ защитникѣ и оборонителѣ отчизны, она старается, какъ можно, глубже скрыть свое личное чувство, она силится показать, что далека отъ того, чтобы «вдаватысь» въ тугу (печаль), и только одна ненька риднёнька знаетъ ея истинное настроеніе:

Мела хату, мела сины
Тай загадалася.
Выйшла мате въ нову хату
Тай догадалася,
Тай стала пытаты:
Чого стала, моя доню,
Важенько вздыхаты?

«Донька», тронутая участливымъ вопросомъ своей «неньки», не выдерживаетъ до конца своей роли и съ рыданіемъ признаётся матери, какъ «тяжко та важко» ей разлучаться съ суженымъ; она проситъ старую «неньку» замолить Бога, чтобы онъ далъ силы перенести тяжкую разлуку съ милымъ. Дивчина не мечтаетъ о томъ, чтобы ея козаченько, вмѣсто выступленія въ войско, предпочелъ остаться дома, возлѣ своей коханки,—нѣтъ, она знаетъ, что для всякаго козака—первая цѣль жизни — это война съ непріятелями за предковскую вѣру, за украинскій народъ, за ридну Украину. Она проситъ Бога только объ одномъ, чтобы Господь защитилъ ея коханця отъ вражеской пули и вернулъ его невредимымъ послѣ войны «додому». И сколько ласки, сколько нѣги, сколько любви выказываетъ дивчина козаку въ послѣдніе дни ихъ горькой разлуки!..

gent de tendres baisers en roucoulant comme une «paire de tourtereaux». Tout à coup se lève le jour néfaste et les «sincères amours» du cosaque et de son amoureuse sont brusquement interrompues:

«Nul n'y pensait, nul ne s'y attendait,
Mais voici que les gars doivent partir pour l'armée;
Que ceux qui ont des chevaux—les fassent vite seller,
Que ceux qui n'en ont pas, en achètent au plus vite,
Que ceux qui ont un fils,—l'équipent sans retard,
Que ceux qui n'en ont pas — louent vite un remplaçant».

Cette nouvelle perce le coeur de la jeune fille comme une lame aiguë. C'est donc pour cela que le coucou avait jeté la veille des cris si plaintifs dans le jardin pendant qu'elle le traversait; c'est donc pour cela qu'elle a des songes si effrayants depuis quelques nuits; c'est donc pour cela que depuis quelque temps son brun bienaimé lui était encore plus cher, tellement qu'elle «n'avait pas assez d'yeux pour le contempler et qu'elle ne pouvait jamais s'arracher de lui». Mais la jeune fille est une vraie fille de l'Ukraine et de son père, un cosaque: sachant bien que le devoir sacré de tout jeune cosaque est d'être le défenseur et le champion de sa patrie, elle s'efforce de refouler son chagrin, elle s'efforce de prouver qu'elle ne se laisse pas abattre par la tristesse, et seule sa mère chérie sait ce qui se passe réellement dans son âme:

«Elle balayait la maison neuve et son vestibule,
Et soudain la voici toute pensive,
Sa mère entra dans la maison neuve
Et se mit à lui demander:
«Pourquoi donc, ma fille chérie,
Soupires-tu si profondément?»

La question pleine d'intérêt de sa mère touche la jeune fille qui n'a pas la force de jouer son rôle jusqu' au bout et avoue à sa mère en sanglotant à quel point la séparation avec son bienaimé est «dure» pour elle; elle supplie sa vieille mère de prier Dieu pour qu'il lui donne la force de supporter cette dure séparation. Elle ne songe pas une minute que son cosaque puisse préférer de rester auprès d'elle au lieu de se rendre à l'armée,—non, elle sait que le but le plus important pour tout cosaque c'est de combattre l'ennemi au nom de la foi ancestrale et pour la défense de tout le peuple petit-russien et de son pays natal, l'Ukraine. Elle ne demande qu'une seule chose au Créateur, c'est qu'il préserve son bienaimé de la balle ennemie et le ramène après la guerre auprès d'elle, sain et sauf. Que de tendresse, d'abandon et d'amour ne prodigue-t-elle pas à son cosaque pendant les quelques jours qui précèdent leur dure séparation!..

«Mon cosaque, mon bel aimé,
Tu vas partir, me laisser seule.
Mon bienaimé, écoute moi donc,
Boste encore une heure auprès de moi!
— Je ne demanderai pas mieux, jeune fille,
Que d'en rester deux encore:

Козаченьку, мій голубе,
Вовльны мою волю:
Перебудь же та, серденько,
Хвылынку зо мною!
— Ой, радъ бы я, дивчинонько,
И дви зоставаты:
Уже військо выступае, —
Треба поспишаты...

. . . .

Пишлы волы въ чисте поле,
А овечкы зъ поля,
Заплакала дивчинонька,
Край козака стоя.
Козаченьку, сывый орле,
Куды одъизжаешъ?
На кого жъ ты молодую
Мене поручаешъ?

Разставаясь, козакъ и дивчина горячо увѣряютъ въ неизмѣнности любви и въ вѣчной преданности другъ другу, «покы свитъ соньця».

Мынулыся входы черезъ переходы,
Козаченьку, серце мое, любытысь намъ диво!
— Дивчинонько, серце, сывая голубко,
Хиба смертью постраждаю—любыть перестану.

Тяжко разставаться дивчинѣ со своимъ козакомъ, тяжко и матери смотрѣть на страданія своей дочери, и чтобы облегчить ихъ, мать избавляетъ свою дочь отъ послѣднихъ минутъ разставанія съ милымъ: вопреки просьбы дочери разбудить ее утромъ въ день выступленія козаковъ изъ села, мать, напротивъ того, устраняетъ все, что только можетъ нарушать сонъ ея доньки:

Чомъ мене, моя матинко, рано не збудыла,
Ой, якъ тая кумпанія съ села выходыла?
Тымъ я тебе, моя доньо, рано не збудыла,
Пишла жъ твоя женышина, щобъ ты не тужыла.
Ты думаешъ, моя мате, що я не журюся, —
Ой, якъ выйду за ворота, одъ витру валюся;
Ты думаешъ, моя мате, та що я не плачу, —
Ой, выйду я за ворота и свита не бачу.

Еще печальнѣе было тогда, когда мать не принявъ надлежащихъ мѣръ, допускала свою доньку въ послѣднія минуты къ разставанію съ ея милымъ:

Ой, ихавъ козакъ та изъ Украины
Та на коныку похылывся;
Ой, прощай, прощай, панове-громадо,
Може, зъ кимъ сварывся.
Та уклоныvся та козакъ дивчини
Та изъ коныка вороного,
А вона жъ ёму та дала хустыну
Изъ-пидъ золота самого.
Та вже жъ мени та тіи хустыны
Та вже жъ мени іи не носыты,
Ой, хиба за-для славы, козацькои славы
А сиделечко прыкрыты.

Mais vois, l'armée se met en marche,—
Et jè n'ai pas à perdre de temps...

. . . .

Comme les boeufs allaient aux champs.
On en vit revenir les brebis.
Et la jeune fille fondit en pleurs
Debout auprès de son cosaque,
— Beau cosaque, mon aigle noir
Où t'en vas-tu ainsi?
Et moi, pauvre jeune fille,
A qui me laisses-tu donc?»

En se quittant le cosaque et la jeune fille échangent d'ardents serments de fidélité et de dévoûment éternel et réciproque qui durera tant que «le soleil luira»:

«Les mois et les années auront beau passer,
Cher coeur bienaimé, nous nous aimerons tout de même!
— Jeune fille, mon coeur, ma bien douce colombe,
Je ne cesserai de t'aimer que lorsque je serai mort!»

Si la jeune fille souffre du départ de son cosaque, sa mère souffre également du chagrin de sa fille et pour lui adoucir un peu les derniers moments elle lui évite les derniers adieux déchirants, et quoique sa fille lui ait demandé de la réveiller à l'aube le jour où l'armée quittera le village, la mère écarte au contraire tout bruit pouvant interrompre le sommeil de son enfant:

«Pourquoi ne pas m'avoir réveillée à l'aube, dis ma mère,
Alors que les soldats se mettaient en marche?
— Si jè ne t'ai pas réveillé à l'aube, vois-tu, ma fille,
C'est pour t'éviter la peine de voir partir ton fiancé,
— Crois-tu donc, ma mère, que je n'ai pas de peine
Je suis si faible, mère, q'un souffle de vent me renverse.
Crois-tu donc, ma mère, que je ne verse pas de pleurs?
J'ai tant pleuré, mère, que je n'y vois plus clair.»

Mais si la mère n'avait pris aucune mesure préalable pour empêcher sa fille de faire ses adieux à son fiancé, les choses tournaient encore plus tristement:

«Au moment de se mettre en route et de quitter l'Ukraine
Le cosaque s'inclinait sur son cheval en disant:
— Adieu, adieu tous, frères et camarades,
Je demande pardon à tous ceux que j'ai pu offenser,—
Puis voici qu'il se penche et salue la jeune fille,
Sons descendre pourtant de son beau coursier noir.
Et voici la jeune fille qui lui donne son fichu,
Son beau fichu de soie et tout brodé d'or.
— Je ne le porterai plus, ce fichu, non vraiment,
Je n'aurai plus le coeur de m'en parer sans toi,
Mets-le donc sur ta selle, mon cosaque valeureux,
Qu'il soit comme un trophée d'amour et de regrets.»

En partant pour l'armée, le cosaque priait sa bienaimée de ne pas se laisser «aller à sa douleur», de ne pas permettre au chagrin d'altérer son «blanc visage», d'avoir foi en lui, en la fidélité de son amour pour elle, lui promettant de l'envoyer demander en mariage officiellement dès qu'il serait de retour:

Отъѣзжая въ войско, козакъ просилъ свою милую «не вдаватысь въ тугу», не омрачать печалью свое «билое лыченько», вѣрить ему, что онъ неизмѣнно будетъ любить ее и, когда возвратится домой, то не замедлитъ прислать къ ней сватовъ и «одружытыся» съ нею.

Ой, поихавъ козаченько
Битымы шляхамы, —
Заплакала дивчинонька
Дрибнымы слезамы...

Мучительные дни наступали для дивчины съ отъѣздомъ ея коханого козака: то она трепещетъ за то, чтобы козака не сразила «невирная куля»; то она страшится того, чтобы онъ не нашелъ «инчои дивчыны»; то она боится за то, чтобы ея мать, не дождавшись возвращенія съ похода козака, не отдала ее за другого, богатаго, но немилаго ея сердцу парубка. Съ отъѣздомъ козака невесело дивчинѣ дома, грустно и на улицѣ. Въ то время какъ ея подруги веселятся, поютъ пѣсни, жартуютъ съ козаками, дивчина, убитая горемъ, стоитъ въ одиночествѣ и вспоминаетъ о своемъ далекомъ миломъ, задавая себѣ вопросъ, помнитъ ли и онъ о ней въ далекой сторонѣ, какъ вспоминаетъ она о немъ на Украйнѣ.

Дивчина не ошибается въ своихъ мечтахъ: ея коханый козакъ не только вспоминаетъ о ней, но живетъ, дышетъ ею, думаетъ, мечтаетъ о ней; однако, страшная даль, раздѣляющая его отъ коханой дивчины, наводитъ и на него тяжкія думы:

Та не сплять мои очи
Та ни въ день та ни въ ночи,
Ой, якъ бы жъ мени, мыла,
Та орловіи крыла,
Орловіи крыла, а соловьёви очи,
То я полынувъ бы ажъ до мылои въ ночи,
Сивъ бы, упавъ бы въ мылои въ саду,
Въ мылои въ саду та на выноградy,
Чи не выйде мыла та на тыху пораду.

Далекіе походы, трудные пути, страшныя схватки со страшными врагами были причиной того, что козаки далеко не всегда возвращались въ милую ихъ сердцу Украйну, подъ тѣнь кучерявыхъ вишенъ и подъ «рясные» кусты червоной калины. Многіе изъ нихъ безвременно и трагично погибали въ дикихъ степяхъ отъ мѣткой вражеской пули или отъ вѣрныхъ ударовъ сабель-янчарокъ. И если товарищи не успѣвали выхватить тѣла убитаго изъ рукъ невѣрныхъ, то «тило ёго козацькое биле», брошенное въ открытой степи, обмываемое дождемъ, обвѣваемое буйнымъ вѣтромъ, лежало до тѣхъ поръ, пока изъ глазъ козака выросталъ высокій ковыль, а промежду реберъ выползала тырса-трава, прикрывавшая собой, вмѣсто червоной китайки, благородныя кости лыцаря-героя.

Напрасно послѣ того дивчина ждала возвращенія своего милого на Украйну: не одинъ день весной стояла она въ саду подъ калиною и задумчиво смо-

«Et le cosaque est parti,
Par des chemins sinueux, —
Et la fille se mit à pleurer
Et ses larmes coulaient promptes et drues...»

Une vie bien triste commençait pour la jeune fille après le départ de son bienaimé; tantôt elle tremblait à l'idée qu'il pouvait tomber sous les «balles des infidèles», tantôt elle se tourmentait à la pensée qu'il l'oubliait peut-être, pour une «autre», ou bien encore elle craignait de voir sa mère se lasser d'attendre le retour de l'amoureux de sa fille et de vouloir marier celle-ci à un prétendant riche, mais qu'elle n'aime pas. Depuis que son cher cosaque est parti, la jeune fille ne se déride jamais, ni à la maison ni ailleurs. Pendant que ses compagnes s'amusent, chantent et se font conter fleurette, elle se tient à l'écart, solitaire, en proie à son chagrin, songeant au bienaimé qui est si loin, se demandant s'il pense à elle là-bas, comme elle pense à lui ici, dans leur Ukraine.

Cependant les rêves amoureux de la jeune fille ne la trompent pas: non seulement son bienaimé ne l'a pas oubliée, mais encore il ne vit et ne respire que par elle, ne pense, ne rêve qu'à elle seule, mais l'éloignement lui suggère des idées mélancoliques:

«Je ne puis fermer l'oeil,
Ni le jour ni la nuit.
Oh, si j'avais, chère aimée,
Des ailes pour voler,
Si j'avais des ailes d'aigle et des yeux de rossignol,
Je me serais envolé la nuit prés de ma bienaimée,
Je me serais abattu dans son jardin ombreux,
Je me serais perché sur la treille et j'aurais attendu
Que ma bienaimée sorte et me donne la douce joie de la voir.»

La longueur des campagnes, les difficultés du trajet, les luttes terribles contre des ennemis redoutables ne permettaient pas toujours aux cosaques de revenir dans leur chère Ukraine, sous l'ombre des cerisaies et des obiers rouges. Quantité de cosaques succombaient prématurément et tragiquement dans les steppes sauvages, sous les balles ennemies ou sous les coups terribles des sabres recourbés. Et si les camarades n'avaient pas le temps d'arracher le cadavre du mort des mains des infidèles, la «dépouille cosaque» gisait abandonnée dans la steppe, baignée par les pluies, battue par la fureur des vents jasqu'à ce que des herbes poussassent dans les orbites du mort. D'autres herbes, toutes rouges, poussaient également entre les côtes, couvrant les nobles ossements du héros comme d'une espèce d'étoffe écarlate.

En vain la jeune fille attendait alors le retour de son bienaimé au pays: elle avait beau, au printemps, passer des jours entiers dans le jardin, sous l'obier, en fixant un regard pensif sur le lointain horizon; elle avait beau planter dans son jardin des pervenches au nom de son bienaimé, pour lui porter bonheur; elle avait beau broder des fichus à son intention... Cependant, voici qu'on voyait revenir un cosaque, puis un autre, un troisième, mais son bienaimé à elle ne paraissait toujours pas:

трѣла въ далекую даль; не одинъ разъ она сажала въ саду любыстокъ да хрещатый барвинокъ на счастье своего возлюбленнаго козаченька; не одну хустку она вышила для своего коханого... Уже вернулся съ похода одинъ козакъ, вернулся другой и третій, а ея милаго «якъ нема, тай немае».

Та нема жъ мого мылёнького,
Та нема мого соныля.
Ой, уже-жъ мени надокучило,
Сыдячи въ виконьця.

. . . .

Ждала дивка козаченька,
Тай ждать перестала:
Пишла жъ вона до Кіева,
Чорныцею стала...

«Mon bienaimé ne revient pas,
Il ne revient pas, le soleil de mon âme.
Que de tristes heures n'ai-je pas passées
En attendant son retour à ma fenêtre.

. . . .

Longtemps la jeune fille attendit son cosaque,
Tant qu'à la fin elle cessa de l'attendre.
A son tour, alors, elle partit pour Kiew,
Et, une fois arrivée, elle entra au couvent»...

Григорій Саввичъ Сковорода.

Съ именемъ Григорія Саввича Сковороды соединяется имя малорусскаго философа, ученаго, поэта и артиста, весьма популярнаго въ свое время во всѣхъ слояхъ общества Малороссіи, отъ образованнаго западно-европейски пана и до полуграмотнаго селянина. Родиной Григорія Саввича Сковороды было село Чернухи, кіевскаго намѣстничества, лубенскаго округа, гдѣ жили его родители, люди простого козацкаго званія, разумѣется, бѣднаго достатка и простыхъ понятій. «Одъ бидныхъ бидный я родывся, нужду пидклавъ, нуждою вскрывся» — могъ бы по справедливости сказать о себѣ Сковорода. Кто, какъ и въ какой степени вліялъ на маленькаго Сковороду въ смыслѣ развитія въ немъ страсти къ высокимъ стремленіямъ и наукѣ—неизвѣстно. Извѣстно лишь, что уже въ очень раннее время у мальчика обнаружилась страсть въ одно и то же время къ музыкѣ, пѣнью и наукѣ, вслѣдствіе чего мальчикъ ходилъ въ церковь, становился къ дьячкамъ на клиросъ и подпѣвалъ имъ. Страсть къ музыкѣ выразилась въ это время у мальчика тѣмъ, что онъ началъ играть на сопилкѣ (или дудкѣ), которую впослѣдствіи замѣнилъ флейтой. Любовь къ наукѣ сказалась въ немъ тѣмъ, что онъ, также очень рано, неизвѣстно у кого научился читать и писать и просиживалъ нерѣдко по цѣлымъ часамъ въ какомъ-нибудь углу своей хаты, выучивая что-нибудь изъ книжки наизусть. Иногда же, покидая хату, онъ уходилъ въ чащу лѣса и тамъ предавался размышленіямъ, рѣшая по-своему различные житейскіе и отвлеченные вопросы.

Особенная склонность къ наукѣ, обнаруженная мальчикомъ, была причиною того, что отецъ отдалъ его для наученія въ кіевскую духовную академію. Въ академіи мальчикъ обнаружилъ недюжинныя способности и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно пріятный голосъ, который скоро привелъ его къ тому, что

Gregoire Savvitch Skovoroda.

Ce nom de Grégoire Savvitch Skovoroda est le nom d'un philosophe petit-russien, en même temps que d'un savant, poète et artiste, qui fut fort connu à son époque dans les sphères les plus diverses de la société petite-russienne à commencer par les nobles ayant reçu une instructiont tout européenne et à finir par le paysan à demi-illettré. Skovoroda est né au village de Tchernoukhi (lieutenance de Kiew, arrondissement de Loubensk); c'est là qu'habitaient ses parents, de simples cosaques, pauvres et simples d'âme. «Né pauvre, de parents pauvres, Skovoroda aurait pu dire en toute justice de lui-même qu'il avait «lié un pacte avec la misère». Quelle fut l'influence qui inspira à Skovoroda-enfant des aspirations élevées et le goût de la science,—à quel degré et comment cette influence fut exercée,—on l'ignore. Toujours est-il que le petit garçon manifesta de fort bonne heure un amour passionné pour la musique, les chants religieux et la science; il s'en allait à l'église, se mêlait au choeur des chantres et joignait sa voix aux leurs. Sa passion pour la musique se manifesta par de continuels exercices sur le chalumeau qu'il remplaça plus tard par la flûte. Quant à l'amour de l'étude, ils eut aussi sa manifestation: de très bonne heure, sans qu'on sût qui le lui avait enseigné, il avait appris à lire et à écrire, passant souvent des heures entières dans un coin de la cabane paternelle à apprendre par coeur des passages entiers dans un livre. Quelquefois il s'en allait au fond des bois et s'y plongeait dans de profondes méditations, résolvant à sa façon maintes questions sociales et abstraites.

En présence de ces dispositions particulières, manifestée par le petit garçon, son père le plaça dans l'Académie théologique de Kiew où l'enfant donna des preuves de facultés peu communes, en même temps que d'une voix-fort agréable. Cette dernière cironstance fit qu'on le transféra bientôt de Kiew à St.-Pétesbourg pour y faire partie de la chapelle de la cour de l'Impératrice Elisabeth Petrowna qu'à cette époque déjà on formait surtout de chantres choisis parmi les petit-russiens. Skovoroda resta

изъ Кіева его забрали въ Петербургъ, въ придворную капеллу императрицы Елизаветы Петровны, наполнявшуюся уже въ то время главнымъ образомъ голосами изъ Малороссіи.

Въ пѣвчихъ Сковорода состоялъ около двухъ или трехъ лѣтъ, послѣ чего снова очутился въ Кіевѣ. Въ 1744 году Кіевъ посѣтила императрица Елизавета Петровна, и въ числѣ ея придворнаго штата былъ Сковорода. Сковорода получилъ увольненіе съ чиномъ придворнаго уставщика, дававшагося самымъ способнымъ пѣвчимъ, и въ этомъ званіи снова поступилъ въ духовную академію для окончанія ученія. Тутъ онъ училъ—еврейскій языкъ, греческій, латинскій, краснорѣчіе, философію, метафизику, естественную исторію, богословіе. Занимаясь усердно всѣми названными науками, Сковорода далекъ былъ, однако. отъ мысли посвящать себя въ духовное званіе, и потому, выйдя изъ академіи, избралъ себѣ другой путь. Ему хотѣлось, во что бы то ни стало, продолжать свое образованіе помимо академіи. Счастливый случай помогъ ему въ этомъ. Изъ Петербурга въ Венгрію отправленъ былъ, съ различными полномочіями, генералъ-маіоръ Вишневскій. Генералу Вишневскому понадобился церковникъ, знавшій уставъ, пѣніе и понимавшій по-нѣмецки и по-латыни. Вишневскому указано было на Сковороду, и вотъ Сковорода отправляется со своимъ патрономъ за границу.

За границей Сковорода побывалъ въ Вѣнѣ, Офенѣ, Пресбургѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ Австро-Венгріи, въ которыхъ видѣлъ и слушалъ извѣстныхъ философовъ и ученыхъ. Изъ-за границы Сковорода возвратился прямо на родину, но тутъ узналъ, что его родители давно уже сошли въ могилу.

Простившись съ родными мѣстами, Сковорода направился въ г. Переяславъ, куда пригласилъ его епископъ Никодимъ Сребницкій для занятія мѣста учителя поэзіи. Въ качествѣ учителя поэзіи Сковорода составилъ «Руководство о поэзіи», но ввелъ въ немъ такія новшества, которыя не понравились владыкѣ и вызвали обоюдныя неудовольствія: владыка требовалъ преподаванія словесности по старинѣ, но преподаватель, не соглашаясь съ нимъ, отвѣтилъ ему латинской пословицей: «Alia res sceptrum, alia plectrum», т. е. иное дѣло пастырскій жезлъ, а иное пастушья свирѣль, и послѣ того сложилъ съ себя званіе учителя поэзіи и перешелъ, въ качествѣ домашняго учителя, къ сыну извѣстнаго малороссійскаго помѣщика, Степана Тамары.

На первый разъ, однако, Сковорода, не сошелся и съ паномъ Тамарой, который отличался такою надменностью, что почти никогда не удостаивалъ своимъ разговоромъ учителя. Послѣ рѣшительнаго столкновенія съ Тамарой, Сковорода оставилъ его домъ и очутился сперва въ Москвѣ, потомъ въ Троицко-Сергіевской лаврѣ. Однако, любовь къ родинѣ заставила Сковороду вновь вернуться на Украйну, а совѣты друзей и неотступныя просьбы пана Тамары вновь заставили его взять на себя роль домашняго учителя при особѣ молодого Тамары. Съ этого времени между старымъ Тамарой и Сковородой уста-

chantre pendant deux on trois ans et ensuite on le retrouve de nouveau à Kiew en 1744, où il vint à la suite de l'Impératrice Elisabeth Petrowna qui visitait Kiew. Skovoroda réussit à obtenir sa démission, tout en gardant le titre de premier chantre de la cour, faveur qui n'était accordée qu'aux chantres les plus remarquables, et il rentra à l'Académie théologique pour y terminer ses études. A l'Académie il se mit à étudier l'hébreu, le grec, le latin, l'éloquence, la philosophie, la métaphysique, l'histoire naturelle, la théologie. Tout en se livrant avec acharnemetn à toutes ces études, Skovoroda était cependant bien éloigné de l'idée d'embrasser la carrière ecclésiastique et il choisit une tout autre voie à sa sortie de l'Académie. Il voulait, coûte que coûte, poursuivre ses études sans y mêler l'Académie. Un heureux hasard lui vint en aide. Le générl-major Vichnevsky venait d'être chargé d'une mission de toute confiance en Hongrie et traversait Kiew, en se rendant de Saint-Pétersbourg au pays où l'appelait cette mission. Il avait besoin d'être secondé par un homme d'église, versé dans les questions de théologie et de chant liturgique, et qui possédât en outre l'allemand et le latin. On lui désigna Skovoroda et celui-ci partit avec lui pour l'étranger. Skovoroda visita Vienne, Ofen, Presbourg et plusieurs autres villes d'Autriche et de Hongrie, où il lui fut donné de voir et d'entendre de vénérables philosophes et savants, A son retour dans sa patrie Skovoroda apprit que depuis longtemps déjà ses parents étaient descendus au tombeau.

Skovoroda fit ses adieux au pays natal et prit le chemin de la ville de Péréiaslaw, où l'évêque Nicodème Srebnitsky lui proposait de remplir l'emploi de professeur de poésie. Pendant qu'il exerçait son emploi, Skovoroda composa un «Manuel de la poésie», mais les innovations qu'il y avait introduites déplurent à Monseigneur et suscitérent entre lui et Skovoroda un mécontentement réciproque; l'évêque exigeait que les belles-lettres fussent enseignées à la vieille mode, mais le professeur n'était pas de son avis et lui répondit par le proverbe latin: «Alia res sceptrum, alia plectrum», c'est-à-dire que la crosse épiscopale est une chose, mais le chalumeau du berger en est une autre. A la suite de ce differend Skovoroda donna sa démission et entra en qualité de précepteur dans la maison d'un propriétaire petit-russien très connu, Etienne Tamara, qui avait un fils.

Mais dans les commencements Skovoroda ne s'entendit pas non plus avec Tamara dont la morgue était telle qu'il ne daignait presque jamais adresser la parole au précepteur. A la suite d'un conflit violent avec Tamara, Skovoroda quitta sa maison et partit d'abord pour Moscou et ensuite pour la laure de Saint-Serge. Mais l'amour que Skovoroda portait à son pays natal le ramena en Ukraine; une fois là, cédant aux conseils de ses amis et aux instantes prières de Tamara il consentit à reprendre son rôle de précepteur du jeune Tamara. A partir de ce moment des rapports admissibles s'établirent entre le vieux Tamara et Skovoroda. Fasciné par les beautés de l'admirable nature méridionale. Skovoroda sentit s'éveiller en lui l'inspiration poétique et il écrivit sa première pièce de vers: «Pendant que tu foules le sol de la terre, lève tes regards vers les cieux!» Lorsqu'il lut ses vers au vieux

новились болѣе или менѣе человѣческія отношенія. Очарованный красотами мягкой южнорусской природы, Сковорода почувствовалъ въ себѣ поэтическое вдохновеніе и написалъ первое свое стихотвореніе «Ходя на землѣ, обращайся на небесахъ». Когда поэтъ прочиталъ свое стихотвореніе старому Тамарѣ, то Тамара съ чувствомъ сказалъ ему: «Другъ мой, Богъ благословилъ тебя даромъ духа и слова». Особый подъемъ духа, поэтическое творчество, созерцательное настроеніе были причиной того, что Сковородѣ начали во снѣ являться различныя видѣнія. Когда онъ засыпалъ, то ему «снились царскіе чертоги, наряды, музыка, плясанія; тамъ любящіеся то пѣли, то въ зеркала смотрѣлись, то бѣгали изъ покоя въ покой, снимали маски, садились на богатыя постели. Изъ царскихъ чертоговъ повела меня сила къ простому народу. Люди шли по улицѣ, со склянницами въ рукахъ, шумя, веселясь, шатаясь, также и любовныя дѣла сроднымъ себѣ образомъ происходили у нихъ»...

Вмѣстѣ съ даромъ поэта у Сковороды въ это же время обнаружились и свойства аскета: пищу онъ принималъ только вечеромъ, по заходѣ солнца, ѣлъ только овощи и молочныя блюда, мяса и рыбы вовсе не употреблялъ, спалъ только 4 часа въ сутки, вставалъ до зари, ложился въ полночь и при всемъ томъ «былъ всегда веселъ, бодръ, подвиженъ, воздерженъ, благодушенствующъ, словоохотенъ, изъ всего выводящій правоученіе и почтителенъ».

Покончивъ съ воспитаніемъ молодого Тамары, Сковорода на нѣкоторое время оставилъ Украйну и уѣхалъ въ Курскую губернію. Въ одномъ изъ живописныхъ селъ Курской губерніи, Бѣлгородскаго уѣзда, Старицѣ, расположенномъ на р. Сѣверномъ-Донцѣ и окруженномъ со всѣхъ сторонъ вѣковѣчными, дѣвственными, дремучими лѣсами, Сковорода засѣлъ на нѣкоторое время, предался глубокимъ размышленіямъ, сталъ изучать собственную душу и тутъ написалъ нѣсколько сочиненій философскаго содержанія.

Изъ села Старицы Сковорода переѣхалъ въ городъ Харьковъ и тамъ между прочимъ познакомился съ молодымъ помѣщикомъ Ковалинскимъ и скоро сдѣлался его наставникомъ и другомъ до самой смерти. «Молодой человѣкъ, воспитываемый до той поры полуучеными, школьными риторами, а частью монахами, съ жадностью сталъ вслушиваться въ слова новаго учителя. Одни говорили ему, что счастье состоитъ въ довольствѣ, нарядахъ и праздномъ веселіи. Сковорода говоритъ, что счастье — ограниченіе желаній, обузданіе воли и трудолюбивое исправленіе долга. Вдобавокъ къ этому, словамъ Сковороды отвѣчала и жизнь его и его дѣла. Ученикъ проходилъ съ нимъ любимыхъ древнихъ авторовъ: Плутарха, Филона, Цицерона, Горація, Лукіана, Климента, Оригена, Діонисія Ареопагита, Нила и Максима Исповѣдника. Новые писатели шли съ ними рядомъ».

Своеобразная жизнь, разнообразность дарованій, неподкупная честность, особый аскетизмъ были причиной того, что Сковорода скоро сдѣлался популярнѣйшимъ человѣкомъ въ городѣ Харьковѣ какъ

Tamara celui-ci dit au nouveau poète d'un ton pénétré: «Dieu t'a béni, mon ami, en t'accordant le don de l'esprit et celui du verbe». En proie à l'extaltation particulière propre au don poétique, toujours plongé dans la contemplation d'un idéal supérieur, Skovoroda eut bientôt des visions. En s'endormant il rêvait de «palais, de riches vêtements, de musique, de belles dames; les palais étaient remplis d'amoureux qui chantaient ou se miraient dans les glaces, ou passaient en courant d'une pièce dans une autre, se démasquaient, se reposaient sur des lits somptueux. La même force mystérieuse qui m'y avait amené me conduisit de ces palais dans le milieu du peuple. Dans les rues je vis des hommes marcher en tenant des bouteilles, bruyants, gais, titubants, et chez eux comme là—bas l'amour ne perdait pas ses droits...»

Simultanément avec le don poétique, Skovoroda manifesta des vertus ascétiques il n'absorbait quelque nourriture qu'une fois par jour, le soir après le coucher du soleil, ne mangeait que des légumes et du laitage, mais jamais de viande ni de poisson, ne dormait que quatre heures par jour, se levait avant l'aube, se couchait à minuit, mais nonobstant tout cela demeurait «toujours gai vaillant, et plein de bonne humeur, causeur, aimable, sachant de toute chose dégager une moralité».

L'éducation du jeune Tamara terminée, Skovoroda quitta pour quelque temps la Petite-Russie et partit pour la province de Koursk. Il choisit pour résidence Staritza, un des villages les plus pittoresques de la province de Koursk, dans le district de Belgorod, aux bords du haut Donetz, village environné de forêts séculaires, vierges, inextricables. Il s'y livrait à de profondes méditations, scrutant tous les tréfonds de sa propre âme et il y écrivit quelques ouvrages de philosophie.

Ensuite Skovoroda se rendit dans la ville de Kharkow où il fit, entre autres, la connaissance d'un jeune propriétaire foncier Kovalsky, dont il devint bientôt le maitre et l'ami. Cette amitié dura jusqu'à sa mort. «Le jeune homme, élevé jusqu'ici en partie par des rhetoriciens d'une instruction insuffisante et en partie par des moines, prêta une oreille avide à son nouveau maître. Les premiers prétendaient que le bonheur consistait dans le bien-être, les riches vêtements, les distractions et les fêtes. Skovoroda lui enseignait que le bonheur consistait à limiter ses désirs, à savoir se dompter et à accomplir laborieusement son devoir. En outre la vie même et les actions de Skovoroda ne faisaient que confirmer ses paroles. Son disciple étudiait sous sa direction ses auteurs préférés de l'antiquité: Plutarque, Filon, Cicéron, Horace, Lucien, Clément, Origène, Denis l'Aréopagyte, Nilus et Maximele Confesseur. En même temps ques les anciens on étudiait les nouveaux auteurs».

Cette vie si à part, ces talents variés, cette intégrité et cet extrême ascétisme rendirent bientôt Skovoroda l'homme le plus populaire de Kharkow, tant dans les cercles des gens du monde que dans le peuple. Comme il jouissait d'une bienveillance particulière de la part du gouverneur de la ville, Skovoroda aurait pu obtenir une position stable, mais il n'y songeait même pas: il se livrait à présent avec passion au chant etá la musique, passant du violon à la flûte, de la pandoure au tympanon

среди людей высокаго положенія, такъ и среди простой массы. Пользуясь самымъ благосклоннымъ вниманіемъ мѣстнаго губернатора, Сковорода могъ бы упрочить себѣ надежное положеніе въ чиновнической службѣ, но онъ далекъ былъ отъ этого: теперь онъ съ особенною страстью предался пѣнію и музыкѣ, при чемъ игралъ попеременно на скрипкѣ, флейттраверсѣ, бандурѣ, гусляхъ и сопилкѣ. Въ игрѣ на сопилкѣ онъ достигъ не только артистичности, а даже виртуозности: удаляясь по вечерамъ въ рощи, онъ внимательно вслушивался тамъ въ пѣніе птицъ и потомъ артистически передавалъ его на такомъ, слишкомъ несложномъ, музыкальномъ инструментѣ, какъ сопилка. «Сопилка была неразлучною спутницею его; переходя изъ города въ городъ, изъ села въ село, по дорогѣ онъ всегда или пѣлъ, или, вынувъ изъ-за пояса любимицу свою, наигрывалъ на ней свои печальныя фантазіи и симфоніи».

Въ 1766 году Сковорода, по представленію мѣстнаго губернатора, назначенъ былъ преподавателемъ «правилъ благонравія» въ харьковское училище. Въ руководство ученикамъ онъ написалъ сочиненіе «Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодого шляхетства Харьковской губерніи». Это сочиненіе сдѣлало большое впечатлѣніе. Но въ то время какъ одни восторгались этимъ сочиненіемъ, другіе приходили отъ него въ негодованіе. Негодованіе послѣднихъ еще болѣе возросло послѣ первой лекціи преподавателя. «Весь міръ спитъ! говорилъ лекторъ. Да еще не такъ спитъ, какъ сказано: аще упадетъ не розбіется; спитъ глубоко, протянувшись, будто ушибленъ! А наставники не только не пробуживаютъ, но еще поглаживаютъ, глаголюще: спи, не бойся, мѣсто хорошее... Чего опасаться?..» И написанное сочиненіе и произнесенная лекція вызвали въ средѣ учителей и охранителей школьныхъ порядковъ цѣлый переполохъ, слѣдствіемъ чего было отстраненіе Сковороды отъ должности учителя и добровольное удаленіе его въ глухое и лѣсное имѣніе пановъ Земборскихъ, близъ Харькова.

Нисколько не сокрушаясь потерей мѣста, Сковорода, сидя въ пасѣкѣ имѣнія Земборскихъ, написалъ два философскихъ сочиненія «Наркизъ, познай самого себя» и «Книгу Асхань о познаніи себя».

Оставивъ имѣніе Земборскихъ и посѣтивъ нѣсколько селъ и городовъ (между прочимъ городъ Кіевъ), Сковорода въ концѣ концовъ снова явился въ слободскую Украйну, т. е. теперешнюю Харьковскую губернію. «Въ это время Сковородѣ было уже 53 года, говоритъ одинъ изъ его біографовъ; а онъ попрежнему былъ такой же безпечный, старый ребенокъ, такой же чудакъ и охотникъ до уединенія, такой же мыслитель и непосѣда. Съ этого времени жизнь его уже принимаетъ видъ постоянныхъ переходовъ, странствованій пѣшкомъ за сотни верстъ и краткихъ отдыховъ у немногихъ, которыхъ онъ любилъ и которые гордились его посѣщеніями... Въ крайней бѣдности переходилъ Сковорода по Украйнѣ, изъ одного дома въ другой, училъ дѣтей примѣромъ непорочной жизни и зрѣлымъ наставленіемъ. Одежду

et au chalumeau. En ce qui concerne ce dernier instrument il y acquit une véritable virtuosité: il s'enallait le soir dans les bocages écouter attentivement les chants des oiseaux qu'il imitait ensuite sur le chalumeau, cet instrument musical si simple. «Le chalumeau était son compagnon inséparable; cheminant de ville en ville, de village en village, il ne cessait de jouer et de chanter. Tirant de dessous sa ceinture son instrument favori, il exécutait ses mélancoliques improvisations et même des symphonies entières».

En 1766, sur la repésentation du gouverneur, Skovoroda fut nommé professeur «des bonnes moeurs» au collège de Kharkow. Il écrivit pour ses élèves un manuel portant ce titre: «Leçons élémentaires des bonnes moeurs à l'usage de la jeunesse noble de la province de Kharkow». Cet ouvrage fit sensation. Mais, pendant que les uns s'enthousiasmaient, d'autres étaient indignés contre l'auteur. L'indignation de ces derniers ne fit que croître après la première leçon du nouveau professeur. «Le monde entier est plongé dans le sommeil! disait ce professeur. Et ce n'est pas le sommeil dont parlent les écritures et dont on se réveille sans se faire mal; non, il git tout de son long, comme un blessé profondément assoupi! Et au lieu de le réveiller, les maitres passent doucement la main sur lui en disant; dors sans crainte, la place est sûre. A quoi bon travailler à son salut?!.» Tant l'ouvrage écrit par le professeur, que sa leçon alarmèrent le monde des professeurs et des préposés à la garde des réglements scolaires, et tout ce bruit eut pour suite la révocation de Skovoroda de son poste. Skovoroda se retira de son propre mouvement dans une propriété sauvage, entourée de bois, aux environs de Kharkow, appartenant à la famille des Zemborsky.

Nullement affecté de la perte de sa position, Skovoroda, au milieu des nombreuses ruches d'abeilles de la propriété des Zemborsky, écrivit deux ouvrages de philosophie, portant les titres suivants: «Connais toi toi-même, Narcisse», et «Comment il faut faire pour se connaître soi-même.»

Après avoir séjourné pendant un certain temps dans le bien des Zemborsky, Skovoroda partit, visita plusieurs villages et villes, (entre autres Kiew), et finit par revenir en Ukraine. «A cette époque Skovoroda était déjà âgé de 53 ans, dit un de ses biographes; mais il était toujours aussi insouciant, un véritable vieil enfant, toujours original, amoureux de la solitude, toujours penseur et nomade. A partir de ce moment sa vie prend un caractère de perpétuel vagabondage; il parcourait à pied des centaines de verstes ne faisant que de courtes haltes chez les peu nombreux amis qu'il affectionnait et qui étaient fiers de l'héberger... Très pauvre, Skovoroda, pérégrinant de village, en village servait d'enseignement vivant pour les enfants par la pureté de sa vie, et il leur inculquait les mêmes préceptes que ceux qu'il suivait. Son costume ne se composait que d'un simple sarrau gris; il ne se nourissait que des aliments les plus grossiers. Les femmes ne l'attiraient nullement; il accueillait tous les ennuis avec une indifference absolue. Lorsqu'il était resté quelque temps dans une maison amie où il dormait la nuit, — en été sous un arbre, en hiver — dans l'écurie, il prenait avec lui sa bible en hébreu, fourrait son chalumeau drns sa poche et se mettait en route, jusqu'à ce qu'il se décidât à une nouvelle

его составляла сѣрая свита; пищу—самое грубое кушанье. Къ женскому полу онъ не имѣлъ склонности; всякую непріятность сносилъ съ величайшимъ равнодушіемъ. Проживши нѣсколько времени въ одномъ домѣ, гдѣ всегда ночевалъ лѣтомъ въ саду, подъ кустарникомъ, а зимою въ конюшнѣ, бралъ свою еврейскую библію, въ карманъ флейту, и пускался далѣе, пока попадалъ на другой предметъ. Никто во всякое время года не видалъ его иначе, какъ пѣшкомъ; также малѣйшій видъ награжденія огорчалъ его душу».

Скитаясь повсюду съ посохомъ въ рукѣ и съ сумой за плечами, проповѣдуя вездѣ—и въ полѣ, и въ деревняхъ, и въ пасѣкахъ, и въ помѣщичьихъ домахъ, Сковорода окончилъ свои дни октября 29 дня, 1794 года, въ селѣ Ивановкѣ Харьковской губерніи, Богодуховскаго уѣзда, имѣніи друга своего Ковалинскаго.

О послѣднихъ минутахъ жизни Сковороды ученый И. И. Срезневскій говоритъ слѣдующее: «Въ деревнѣ у помѣщика Ковалинскаго небольшая «кимнатка», окнами въ садъ, отдѣльная, уютная, была послѣднимъ его жилищемъ. Впрочемъ, онъ бывалъ въ ней очень рѣдко; обыкновенно или бесѣдовалъ съ хозяиномъ, также старикомъ, добрымъ, благочестивымъ, или ходилъ по саду и по полямъ. Сковорода до смерти не переставалъ любить жизнь уединенную и бродячую. Былъ прекрасный день. Къ помѣщику собралось много сосѣдей погулять и повеселиться. Послушать Сковороду также было въ предметѣ. Его всѣ любили слушать. За обѣдомъ Сковорода былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ, даже шутилъ, разсказывалъ про свое былое, про свои странствія, испытанія. Изъ-за обѣда встали, будучи всѣ обворожены его краснорѣчіемъ. Сковорода скрылся. Онъ пошелъ въ садъ. Долго ходилъ онъ по излучистымъ тропинкамъ, рвалъ плоды и раздавалъ ихъ работавшимъ мальчикамъ. Такъ прошелъ день. Подъ вечеръ хозяинъ самъ пошелъ искать Сковороду и нашелъ его подъ развѣсистой липой. Солнце уже заходило; послѣдніе лучи его пробивались сквозь чащу листьевъ. Сковорода съ заступомъ въ рукѣ рылъ яму—узкую, длинную могилу. «Что это, другъ Григорій, чѣмъ это ты занятъ?» сказалъ хозяинъ, подошедши къ старцу. «Пора, другъ, кончить странствіе!» отвѣтилъ Сковорода: и такъ всѣ волосы слетѣли съ бѣдной головы отъ истязаній! «Пора успокоиться!»—«И, братъ, пустое! Полно шутить! Пойдемъ!»—«Иду! но я буду просить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя могила»... И пошли въ домъ. Сковорода не надолго въ немъ остался. Онъ пошелъ въ «кимнатку», перемѣнилъ бѣлье, помолился Богу и, подложивши подъ голову свитки (т. е. рукописи) своихъ сочиненій и сѣрую свитку (т. е. верхнюю одежду), легъ, сложивши на-крестъ руки. Долго его ждали къ ужину. Сковорода не являлся. На другой день утромъ къ чаю тоже, къ обѣду тоже. Это изумило хозяина. Онъ рѣшился войти въ его комнату, чтобъ

halte. On ne le vit jamais qu'à pied en toute saison, et jamais il n'acceptait une rémunération quelconque, sous quelque forme qu'on la lui offrît.

Toute la vie de Skovoroda s'écoula ainsi en pérégrinations; le bâton à la main, une besace sur le dos, il parcourait champs, villages, métairies, propriétés seigneuriales, prêchant partout où il pouvait. Il mourut le 29 octobre 1794 dans le village Ivanovka, (province de Kharkow, district de Bogodoukhovo), dans la maison de son ami Kovalinsky.

Les derniers moments de Skovoroda sont contés comme il suit par le savant J. Sreznevsky: «Le dernier endroit où il séjourna fut une petite chambrette isolée et confortable, aux fenêtres donnant dans le jardin de Kovalinsky; D'ailleurs il y restait rarement, passant généralement son temps à causer avec le maître de la maison, un vieillard comme lui, bon et pieux, ou bien à se promener dans le jardin et dans les champs. Skovoroda aima jusqu'à la fin la vie solitaire et nomade. Cela se passait un jour que le temps était radieux. De nombreux voisins s'étaient réunis chez Kovalinsky; le temps était occupé par des distractions champêtres et des promenades. On se faisait en outre fête d'entendre Skovoroda, car tout le monde aimait ses sages paroles. A dîner Skovoroda fut excessivement gai et éloquent, même enjoué, narrant des épisodes de son passé, ses voyages, les épreuves qu'il avait traversées. Tout le monde se leva de table charmé de son éloquence. Skovoroda s'éclipsa discrètement et descendit dans le jardin. Il se promena longuement dans ses sentiers sinueux, cueillant des fruits qu'il distribuait à des gamins qui travaillaient dans le jardin. La journée s'écoula ainsi. Vers le soir le maître de la maison se mit lui-même à la recherche de Skovoroda qu'il découvrit sous un grand tilleul. Le soleil se couchait déjà et ses derniers rayons perçaient la voûte épaisse des feuillages.

Une bêche à la main, Skovoroda creusait un trou, une espèce de fosse longue et étroite. «Que fais-tu donc là, ami Grégoire?» dit le maître de la maison en s'approchant du vieillard. «Le moment est venu, ami, de terminer mes pérégrinations: je n'ai déjà plus de cheveux sur ma pauvre tête endolorie par tant d'épreuves! Il est temps de me reposer!»—«Sornettes, mon cher ami! Trêve de plaisanteries! Viens!»—«Soit, je te suis! mais je te demande d'abord, mon bienfaiteur, de consentir à ce que cette fosse me serve de tombeau...» Puis ils rentrèrent dans la maison. Mais Skovoroda ne resta pas longtemps avec tout le monde. Il se retira dans sa «chambrette», y changea de linge, fit sa prière, et composant une espèce d'oreiller des manuscrits de ses ouvrages et de son sarrau gris, il y posa sa tête et s'étendit, les mains croisées sur la poitrine. Longtemps on l'attendit à souper. Skovoroda ne parut ni à l'heure du thé, ni à celle du dîner. Cela surprit le maître de la maison. Il se décida à entrer chez lui pour le réveiller, mais il trouva Skovoroda inerte et déjà glacé...»

Avant de mourir, Skovoroda avait ordonné qu'on l'enterrât aux environs du bocage et de l'enclos où l'on battait le blé, sur une hauteur et qu'on traçât sur sa croix l'inscription suivante: «Le monde a tenté de s'emparer de moi, mais il n'a pu y parvenir».

Candide, désintéressé, bon, loyal à l'extrême, indé-

разбудить его; но Сковорода лежалъ уже холодный, окостенѣлый»...

Еще раньше кончины Сковорода завѣщалъ предать его погребенію на возвышенномъ мѣстѣ, близъ рощи и гумна, и сдѣлать надпись на крестѣ: «Міръ ловилъ меня, но не поймалъ».

Чистосердечный, безкорыстный, добрый, честнѣйшій, независимый, откровенный, поэтъ и артистъ въ душѣ и на дѣлѣ, мыслитель, моралистъ, Григорій Саввичъ Сковорода жилъ болѣе для другихъ, нежели для себя; онъ говорилъ людямъ правду въ глаза и умеръ, нисколько не жалѣя о страннической жизни своей. Простой украинскій народъ высоко цѣнилъ Сковороду: народу онъ казался не зауряднымъ человѣкомъ, а праведникомъ, «замовлявшимъ» и своимъ словомъ, и своими пѣснями, и своей дивной игрой на «сопильци» душевныя и сердечныя раны недужихъ, сирыхъ, обиженныхъ и убогихъ. Еще и теперь простой народъ, въ особенности слѣпцы бандуристы, хорошо знаютъ Сковороду по тѣмъ псалмамъ и пѣснямъ, которые онъ сочинилъ и которые распѣваютъ теперь на ярмаркахъ, на базарахъ, на улицахъ городовъ, селъ и деревень. Изъ всѣхъ такихъ пѣсенъ наиболѣе популярная пѣсня о «правахъ и правахъ»:

Всякому городу нравъ и правá,
Всяка имѣетъ свой умъ голова.
Всякому сердцу своя есть любовь,
Всякому горлу свой есть вкусъ каковъ.
　А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума́,
　А мнѣ одно только не йдетъ съ ума.
Петръ для чиновъ углы панскіе третъ,
Ѳедька купецъ при аршинѣ все лжетъ.
Тотъ строитъ домъ свой на новый манеръ,
Тотъ все въ процентахъ: пожалуй повѣрь!
　А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума́,
　А мнѣ одно только не йдетъ съ ума.
Строитъ на свой тонъ юриста права,
Съ диспутъ студенту трещитъ голова,
Тѣхъ безпокоитъ Венеринъ амуръ,
Всякому голову мучитъ свой дуръ,
　А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума́,
　Какъ бы умерти мнѣ не безъ ума.

Но Сковорода былъ не только пѣвецъ, не только артистъ и не только поэтъ, онъ былъ для Украйны своего времени и Пиѳагоръ, и Оригенъ, и Лейбницъ, а болѣе всего Сократъ. «Гдѣ въ мірѣ семъ рай? Рай на небѣ, рай—небо, рай—Богъ... Грѣшникъ! А Богъ же гдѣ? Или и ему ты хочешь дать удѣлъ, какъ королю, какъ калифу, или какъ великому Монтецумѣ? Богъ всюду, и всюду гдѣ Богъ, есть рай и, гдѣ нѣсть Бога, нѣсть рая. Такъ есть рай и, гдѣ нѣсть Бога, нѣсть рая. Такъ есть рай и на землѣ, ибо и Богъ есть на землѣ. А гдѣ онъ на землѣ? Гдѣ благо. А гдѣ благо? Весь міръ, вся вселенная есть единое, великое благо, ибо всеблагимъ Творцомъ сотворено. И всюду найдешь его. Не ищи его за Индомъ, не ищи у верховій Нила, не будь ни вельможей, ни ростовщикомъ, ни Алкидомъ, ни Пигмеемъ. Будь только че-

pendant plein de franchise, poète et artiste dans l'âme comme dans la réalité, penseur et moraliste, Skovoroda vécut bien plus pour les autres que pour lui-même; il disait la vérité en face à tout le monde; il mourut sans regretter un seul instant d'avoir mené cette vie errante. Le peuple de l'Ukraine vénérait Skovoroda; ce n'était pas un homme ordinaire aux yeux des simples, mais un juste, dont les paroles et les chants et la merveilleuse musique «endormaient» les blessures de coeur et de l'âme des malades, des orphelins, des déshérités et des misérables. Le peuple et surtout les bardes aveugles, joueurs de pandoure, connaissent jusqu'à nos jours Skovoroda par les psaumes et les chants qu'il a composés et qu'on chante toujours aux foires, aux bazars, dans les rues des villes et des villages. Le plus populaire de ses chants est celui des «moeurs et des droits».

«A chaque ville—ses moeurs et ses droits,
Chaque ville a son esprit qui toujours y fait loi,
Chaque coeur a son amour et chaque âme a sa foi.
Chaque palais humain a son goût bien distinct,
　Mais moi, je n'ai jamais qu'une seule pensée en tête,
　Moi, je n'ai qu'une idée qui ne me quitte jamais.
Pierre flatte et adule, en vue d'un avancement,
Le marchand Théodore trompe toujours ses clients,
L'un bâtit une maison selon la mode nouvelle,
L'autre prête de l'argent à un taux usuraire!
　Mais moi, je n'ai jamais qu'une seule pensée en tête,
　Moi, je n'ai qu'une idée ne me quitte jamais.
L'homme de loi explique le code à sa façon,
A force de disserter l'étudiant perd la tête,
Ceu-là sont troublés par les flammes de Vénus,
Chaque âme a son tourment, chaque tête son idée fixe,
　Mais moi, je n'ai jamais qu'une seule pensée en tête;
　C'est que je puisse mourir en toute lucidité».

Mais pour l'Ukraine de son époque Skovoroda n'était pas seulement chansonnier, artiste et poète, mais encore Pythagore, Origène, Leibnitz et surtout Socrate. «Où donc est-il, le paradis? Le paradis est au ciel, le paradis—c'est le ciel, le paradis—c'est Dieu!.. Pécheur! Où est Dieu lui-même? Veux-tu donc lui assigner un destin, comme à un roi, à un calife ou au grand Montézuma? Dieu est partout; où Dieu est absent, —il n'y a pas de Dieu—il n'y a pas de paradis. Il y a donc un paradis sur terre, car Dieu est aussi présent ici-bas. Et où est-il sur la terre? Là—où est le bien. Qu'est—ce que le bien? Le monde et l'univers entier ne sont qu'un seul et grand bien, car ils ont été créés par le Créateur tout-clément. Et tu le trouveras partout. Ne le cherche ni par delà le Sind, ni aux sources du Nil, ne sois ni grand seigneur, ni usurier, ni Hercule, ni pygmée. Sois un homme! Aime Dieu, aime ton prochain d'un amour égal, aime tous tes prochains, vivants comme morts et jusqu'à ceux qui ne sont pas encore nés. Tous ils sont tes frères, ta famille, ta joie, ton espoir, ta prière, ta gloire, tous, tous; aime Dieu,—et tu trouveras le paradis».

On compare d'habitude le rôle et l'activité de Skovoroda au rôle et à l'activite de Socrate: Socrate et Skovoroda enseignaient également que le moyen principal pour un homme de connaître les autres hommes et de se per-

ловѣкомъ – слышишь? Человѣкомъ и обрѣтешь благо и узришь рай. Будь человѣкомъ! Люби Бога, люби тою же любовью ближняго, всѣхъ ближнихъ, всѣхъ живыхъ, столько же какъ и умершихъ и нерожденныхъ. Всѣ они братья твои, родъ твой, радость твоя, надежда твоя, молитва твоя, вѣнецъ твой, всѣ, всѣ и всѣхъ люби и Бога, и будетъ тебѣ рай».

Роль и дѣятельность Сковороды сравниваютъ съ ролью и дѣятельностью Сократа: и Сократъ и Сковорода учили, что главнымъ условіемъ для познанія и усовершенствованія человѣка должно быть самопознаніе; и Сократъ и Сковорода не ограничивались ни мѣстомъ, ни временемъ, ни возрастомъ, и вездѣ, всегда и всякаго встрѣчнаго учили мудрости; Сократъ источникомъ для объясненія природы человѣка бралъ здравый смыслъ; Сковорода — откровеніе небеснаго разума. Но тутъ же и различіе ученія Сократа отъ ученія Сковороды: «Сократъ училъ отъ разума человѣка, а Сковорода — отъ небеснаго разума, т. е. священнаго писанія».

Такъ какъ Сковорода главнымъ образомъ выступалъ въ качествѣ «сознательнаго проповѣдника нравственности», то онъ по справедливости можетъ быть названъ философомъ-моралистомъ. «Онъ создалъ себѣ высокій нравственный идеалъ и проповѣдывалъ его другимъ, ведя борьбу противъ язвы тогдашняго общества, матеріализма. Онъ понималъ важность и значеніе западно-европейской цивилизаціи, но вооружался противъ утилитарнаго направленія умовъ, заглушившаго всѣ высшіе запросы духа. Отвѣты на эти высшіе запросы онъ нашелъ въ библіи и древней классической философіи... Знакомство съ древней философіей и классическимъ міромъ помогло ему создать общечеловѣческій нравственный идеалъ, причемъ взоры его обращены были прежде всего и болѣе всего на Сократа... Подобно Сократу, Сковорода положилъ въ основаніе своей философіи изреченіе: «Познай самого себя» — и на эту тему написалъ цѣлый рядъ діалоговъ и бесѣдъ. У Платона и Аристотеля онъ нашелъ глубокую умозрительную философію; у стоиковъ — начертаніе общечеловѣческаго нравственнаго идеала и стремленіе осуществить его въ жизни. Особенно привлекалъ его римскій стоицизмъ... Но завершеніе высокаго нравственнаго идеала онъ видитъ въ христіанствѣ».

Проповѣдническая роль Сковороды не прошла даромъ для современниковъ. Сковорода оставилъ глубокій слѣдъ въ исторіи просвѣщенія южной Россіи, преимущественно той ея части, которая носила наименованіе Слободской Украйны. Вмѣщая въ себѣ цѣлую академію наукъ и обходя хутора, села и города, посѣщая дома помѣщиковъ, зажиточныхъ мѣщанъ, духовныхъ высокопоставленныхъ лицъ, Сковорода будилъ въ нихъ духъ пытливости, своею проповѣдью внѣдрялъ въ общество гуманныя идеи. Благодаря подготовленной почвѣ собранъ былъ впослѣдствіи въ Слободской Украйнѣ большой, въ 618,000 рублей, капиталъ на основаніе въ городѣ Харьковѣ университета; а также благодаря проповѣди Сковороды, во многихъ мѣстахъ Украйны смягчены были

fectionner lui-même, c'est de se connaitre d'abord soi-même; ni Socrate, ni Skovoroda ne s'arrêtaient aux considérations de bien, d'époque et d'âge, enseignant les sages préceptes partout, sans cesse et à tout le monde; en expliquant la nature humaine, Socrate prenait pour point de départ le bon sens; tandis que Skovoroda s'appuyait sur la raison suprême. Et c'est bien là que gît la différence entre l'enseignement de Socrate et celui de Skovoroda: «Socrate parlait au nom de la raison humaine, tandis que Skovoroda parlait au nom de la raison suprême, c'est-à-dire des saintes Ecritures».

Comme Skovoroda apparaissait le plus souvent en qualité de «prédicateur convaincu de la moralité» on peut en toute justice le qualifier de philosophe-moraliste. «Il s'était crée un idéal moral très élevé et il le prêchait aux hommes, combattant la plaie sociale contemporaine, — le matérialisme. Il comprenait ioute l'immense importance de la civilisation européenne de l'Occident, mais il s'armait contre la disposition utilitaire des esprits étouffant toutes les aspirations supérieures. Il découvrait les réponses aux questions supérieures dans la bible et dans la philosophie classique de l'antiquité... La counaissance de la philosophie antique et du monde classique l'aida à créer un idéal moral humain et général; il tournait avant tout et surtout ses regards vers Socrate... Tout comme Socrate Skovoroda avait pris pour base de la philosophie la sentence: «Connais-toi même», et il écrivit sur ce thème toute une série de dialogues et d'entretiens. Chez Platon et Aristote il puisa une profonde phiiosophie théorique; ce furent les stoïciens qui lui fournirent le plan de l'idéal humain général et le désir de le réaliser sur la terre. C'était le stoïcisme roman, qui exerçait sur lui la plus forte attraction... Mais c'est dans le christianisme qu'il aperçoit le faite de l'idéal moral le plus haut».

Les prédications de Skovoroda ne furent pas inutiles à ses contemporains. Skovoroda a laissé une trace profonde dans l'histoire de l'instruction de la Russie méridionale, surtout dans la région qui portait le nom de l'Ukraine bourgeoise. Résumant à lui tout seul une Académie des sciences, il parcourait métairies, villes et villages, visitant les demeures des riches propriétaires fonciers comme celles des bourgeois aisés ou d'ecclésiastiques éclairés, membres du haut clergé, Skovoroda éveillait chez chacun d'eux le goût de la science, inculquant par ses prédications les idées humanitaires à la société. Le sol etant ainsi bien préparé on put recueillir plustard dans l'Ukraine bourgeoise une somme de 618.000 roubles pour la fondation d'une université à Kharkow! et toujours grâce aux prédications de Skovoroda on vit maints propriétaires fonciers de i'Ukraine traiter leurs serfs plus humainement qu'auparavant; l'influence bienfaisante de Skovoroda se révéla encore par une autre excellente manifestation: plusieurs personnes s'adonnèrent à de féconds travaux littéraires. Ainsi, l'un des disciples du Socrate de l'Ukraine, M. Kovalinsky, écrivit une «vie» de Skovoroda pleine d'un intérêt profond malgré sa brièveté, et qui fait partie d'un volume important, publié en 1894 à Kharkow et intitulé: «Oeuvres de Grégoire Savvitch Skovoroda.»

отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ; кромѣ того, вліяніе Сковороды благодѣтельно сказалось и тѣмъ, что вызвало нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ къ литературнымъ трудамъ: такъ, одинъ изъ учениковъ украинскаго Сократа, М. И. Ковалинскій, написалъ, хотя и краткое, но полное глубокаго интереса «житіе» Сковороды, вошедшее въ большую книгу, напечатанную въ 1894 году, въ Харьковѣ, подъ названіемъ «Сочиненія Григорія Саввича Сковороды».

Путешествіе на богомолье знатной особы въ XVIII в.

Въ безконечномъ пространствѣ времени ничто не значитъ время двухсотъ или полутораста лѣтъ; но въ жизни какого-нибудь историческаго народа это цѣлая эпоха, въ теченіе которой такой народъ или пріобрѣтаетъ силу и дѣлается грознымъ для другихъ, или же слабѣетъ и дѣлается добычей другихъ. Велика, могуча и страшна въ настоящее время для сосѣдей Русь. Но, однако, не больше, какъ двѣсти или даже полтораста лѣтъ тому назадъ она далеко не была такъ страшна для своихъ сосѣдей: сосѣди Россіи—турки, татары, поляки, шведы, очень часто врывались въ предѣлы ея, жгли села, грабили имущества и захватывали множество русскихъ людей въ плѣнъ. Но въ то время какъ центральная Россія все-же и такъ или иначе пользовалась относительнымъ спокойствіемъ, южная Русь испытывала безпрестанныя бѣдствія отъ ближайшихъ ея враговъ, главнымъ образомъ татаръ и въ особенности ногайцевъ. Не проходило года, чтобы татары не врывались въ предѣлы Украйны и не уводили изъ нея въ далекую неволю множества христіанъ. Были годы, отмѣчаемые южнорусскими лѣтописцами, когда татары угоняли въ Крымъ не только тысячи, а цѣлые десятки и даже иногда сотни тысячъ несчастныхъ христіанъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Поистинѣ то были страшныя времена для Украйны. Но при всемъ томъ и въ тѣ времена украинцы жили собственною жизнью, т. е. занимались хозяйствомъ въ своихъ хуторахъ, бывали другъ у друга, выѣзжали на торги или на ярмарки, предпринимали далекія путешествія, главнымъ образомъ на богомолье, въ славные своими святынями города.

Вотъ передъ нами картина сборовъ знатной особы на «прощу», т. е. на богомолье. Знатная украинская госпожа—«прочанка», живущая гдѣ-нибудь въ отдаленномъ уголкѣ Волыни или Подоліи, возымѣла мысль отправиться въ Кіевъ, къ святымъ мѣстамъ. Въ этомъ случаѣ «прачанка» руководится или установившимся обычаемъ, въ случаѣ потери своего мужа, везти его тѣло въ Кіевъ и непремѣнно похоронить въ Кіево-печерской лаврѣ, или же чисто личнымъ побужденіемъ съѣздить и поклониться святымъ угодникамъ кіевскимъ.

Pèlerinage d'une dame de qualité au XVIII siècle.

Cent cinquante ou deux cents ans, — c'est peu de chose en comparaison de l'infini des temps, mais c'est toute une époque dans l'existénce historique d'un peuple, époque au courant de laquelle ce peuple acquiert de la force et se rend redoutable ou bien s'affaiblit et devient la proie des autres peuples. Grande, puissante, redoutable pour ses voisins—est la Russie de notre temps. Et cependant, à peine 150 ou 200 ans auparavant elle était loin d'être aussi redoutable pour les peuplades voisines, et les voisins de la Russie, — turcs, tatares, polonais, suédois ne se faisaient pas faute d'investir ses frontières, incendiant les villages, pillant les biens des habitants et emmenant de nombreux prisonniers. Et pendant que la Russie centrale jouissait malgré tout, d'une façon ou d'une autre, d'une paix relative, la Russie méridionale était en proie à des maux incessants, infliges par ses ennemis les plus voisins, les tatares notamment, et surtout les nogaïs. Pas une année ne s'écoulait sans que l'Ukraine ne fût investie par les tatares qui faisaient force prisonniers chrétiens, les emmenant dans une lointaine captivité. Ainsi que l'ont marqué les historiens il y eut des années où les tatares ont emmené en Crimée non pas des milliers, mais des dizaines, des centaines de milliers de malhereux chrétiens, hommes, femmes et enfants. Ce fut réellement pour l'Ukraine un temps épouvantable. Mais malgré tout, même dans les temps les plus difficiles, la vie des ukraniens poursuivait son cours ordinaire: les habitants s'adonnaient à l'agriculture dans leurs métairies, se rendaient visite, fréquentaient les marchés et les foires, entreprenaient de lointains voyages, surtout des pélerinages aux villes célèbres par leurs saintes reliques.

Nous avons sous nos yeux une scène de préparatifs pour un de ces pélerinages «entrepris par une dame de qualité». Une dame de qualité ukranienne, une pèlerine» de quelque lointain petit coin de la Volhynie ou de la Podolie, s'est mis en tête de se rendre à Kiew pour y vénérer les saintes reliques. La «pélerine» est guidée en cette circonstance soit par les usages établis, — lorsque par exemple elle vient de perdre son mari et que l'usage exige qu'elle conduise son corps à Kiew, afin de l'inhumer à la laure Petchersky—soit par un motif personnel quelconque, lui inspirant le désir d'aller vénérer les grands saints de Kiew.

Но прежде чѣмъ выѣхать изъ дому, «прочанка» долго къ тому приготовляется и для того поднимаетъ весь домъ на ноги: изъ «коморъ» достаются цѣлые «сувои» бѣлаго льняного холста; изъ «пивницъ» выкачиваются боченки стараго меду и кадки самаго чистаго воску; изъ «спижарни» выносятся цѣлые лантухи, т. е. большіе мѣшки, сушеныхъ карасей; изъ «горища» или чердака стаскиваются толстые свертки тонкаго, домашняго приготовленія, сукна. Тутъ же изъ «скрынь», окованныхъ толстыми полосами желѣза, достаются битые талеры и тяжеловѣсные червонцы, которые, ради сохранности отъ подорожныхъ разбойниковъ, забиваются подъ желѣзныя шины въ ободья колесъ, или же задѣлываются въ одну изъ драбинъ возка. Сверхъ всего этого берется цѣлая гора пуховыхъ подушекъ; нѣсколько одомашковыхъ червоннаго цвѣта одѣялъ или «колдеръ»; нѣсколько домотканныхъ килимо̀въ или ковриковъ и т. п.

Близкіе сосѣди «прочанки», услыхавъ о ея сборахъ на богомолье, спѣшатъ къ ней со своимъ «вита́ннямъ» и съ различными приношеніями, кто съ талеромъ, кто со злотымъ, кто съ червонцемъ, на покупку въ святой обители свѣчки или же на «наемъ» молебна за упокой души умершаго близкаго. По окончаніи всѣхъ сборовъ и пріема приношеній «прочанка» отправляетъ въ ближайшія окрестныя мѣста нѣсколько человѣкъ «машталиривъ» съ цѣлью дознанія, не собирается ли кто изъ близкихъ сосѣдей на «прощу» въ далекій Кіевъ. И если вѣсти получатся благопріятныя, то тогда «прочанка» или сама ѣдетъ къ сосѣднимъ «прочанамъ», или же собираетъ ихъ у себя, чтобы двигаться въ путь не единолично, а цѣлою валкою, ради безопасности отъ «злодіивъ». Ради же безопасности «прочанка» беретъ съ собой, кромѣ «челядокъ» или «служебницъ», цѣлую толпу мужской «челяди» и козаковъ, съ ногъ до головы вооруженныхъ и холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, т. е. ружьями, пистолетами, саблями, копьями и келепами.

При первобытныхъ путяхъ сообщенія «добраго стараго времени» прочанкѣ приходилось испытывать много и очень большихъ затрудненій, слѣдствіемъ чего было то, что «прочанская» валка слишкомъ медленно двигалась во время своего путешествія. Медленность движенія зависѣла отъ тѣхъ случайностей, которыя всегда встрѣчали путешественники, въ особенности путешественники прошедшихъ столѣтій. Часто прочане сбивались съ пути и, не видя выхода, должны были искать проводниковъ, чтобы, съ помощію ихъ, выбраться на открытую дорогу. Часто прочане встрѣчали на пути или глубокій оврагъ, вымытый недавнимъ ливнемъ, или поваленное бурей поперекъ дороги огромное дерево. И въ томъ и въ другомъ случаѣ нужно было дѣлать большіе объѣзды, влекшіе за собой и потерю времени, и потерю силъ. Кромѣ того, часто на пути прочанамъ встрѣчались полноводныя рѣчки, и чтобы переправиться черезъ нихъ, нужно было собственными средствами сооружать паромъ; кромѣ рѣчекъ

Mais avant de quitter sa maison, la pélerine se livre à de longs préparatifs et met sur pied toute la maisonnée: on exhibe du fond des placards, ces espèces de magasins domestiques, des «pièces» entières de belle toile de lin bien blanche; on roule de la «cave» des tonneaux de vieil hydromel, des cuveaux entiers de la cire la plus pure; on apporte de l'«office» de gros sacs pleins de carassins secs; on tire du grenier des pièces de drap fin, tissé à la maison. On puisait par la même occasion, du fond de grands coffres à ferrures des thalers frappés et de pesants ducats qu'on encastrait sons les bandes en fer des roues ou dans l'un des marche-pieds du carrosse, afin de les dérober à la vue des brigands qu'on pouvait rencontrer en chemin. On emportait encore toute une masse d'oreillers de duvet, plusieurs convertures rouges de fabrication domestique, plusieurs petits tapis de la même provenance et caetera.

Les plus proches voisins de la «pèlerine», informés de ses préparatifs de voyage s'empressaient d'aller la voir pour lui faire leurs adieux, chacun apportant son offrande, les uns—un thaler, les autres—un florin de Pologne, les troisièmes—un ducat, la chargeant soit de leur acheter un cierge au saint monastère, soit de «commander» des prières commémoratives à l'intention de quelque cher défunt. Les préparatifs une fois terminés et les offrandes recueillies, la «pèlerine» expédiait dans les alentours plusieurs «messagers», afin de s'informer si quelqu'un des «voisins» n'avait pas l'intention d'entreprendre également le lointain pèlerinage de Kiew. Si les renseignements rapportés se trouvaient être favorables, la «pèlerine» se rendait elle même chez les pèlerins voisins ou les rassemblait chez elle, afin de ne pas se mettre seule en route, mais en bande, ce qui présentait plus de sécurité, vu la rencontre possible de quelque bande de «malfaiteurs». Toujours pour plus de sécurité, la pèlerine emmenait, sans compter ses «suivantes» et ses «servantes», toute une troupe de «valetaille» et de cosaques, armés de pied en cap d'armes blanches et d'armes à feu, c'est à dire de fusils, de pistolets, de sabres, de lances et de marteaux d'armes.

Etant donné les voies de communication primitives du «bon vieux temps», la «pèlerine» était exposée à de nombreuses et grandes difficultés, de sorte que le cortège de la «pèlerine» ne pouvait avancer que fort lentement. La lenteur de leur marche était motivée par une foule d'accidents inattendus, accessoires habituels de tout voyage, familiers surtout aux voyageurs des siècles passés. Souvent les pèlerins s'égaraient, et, ne voyant aucune issue possible, ils se voyaient obligés de chercher des guides qui les aidassent à retrouver la grand'route. D'autres fois les pèlerins se trouvaient brusquement devant un profond ravin, creusé par une averse récente, on bien devant un arbre immense, renversé par une tempête et leur barrant le passage. Dans l'un et l'autre cas on se voyait forcé de faire de grands détours, ce qui entraînait une grande perte de tempset de forces. Souvent encore les pèlerins rencontraient des cours d'eaux très rapides pour traverser lesquels il fallait improviser un radeau; ou bien on voyait s'étendre devant soi un marécage bourbeux pour éviter lequel on était obligé de faire tout un circuit, ce qui faisait perdre beaucoup de temps.

встрѣчались и топкія болота, ради избѣжанія которыхъ нужно было дѣлать большіе объѣзды и терять много времени.

Двигаться можно было только днемъ; ночью же обязательно нужно было останавливаться на стоянку. Спать приходилось или у подножья кургана, или у опушки лѣса, въ томъ и другомъ случаѣ подъ открытымъ небомъ. Для безопасности отъ хищныхъ звѣрей, а также и отъ злыхъ людей, нужно было въ теченіе всей ночи жечь костры и разставлять стражу изъ вооруженныхъ людей. А опасаться дѣйствительно было чего: очень часто въ глубинѣ пущи, у которой располагалась прочанская валка, слышались дикія завыванія голодныхъ волковъ, а у опушки лѣса раздавался трескъ сухого валежника подъ ногами дикаго кабана или шатуна медвѣдя.

Но и при такихъ мѣрахъ предосторожности бывали нерѣдко случаи, когда прочанская валка подвергалась нападенію если не со стороны туземныхъ «злодіивъ», скрывавшихся въ дремучихъ лѣсахъ, глубокихъ балкахъ и тайныхъ пещерахъ, то со стороны татаръ, заглядывавшихъ, по выраженію лѣтописца, постоянно въ нашу Украйну, какъ заглядываютъ собаки въ кухню. Въ случаѣ внезапнаго набѣга татаръ тогда и госпожа прочанской валки, и всѣ ея слуги, и все ея добро доставались въ руки хищниковъ и немедленно отправлялись изъ Украйны въ далекую неволю, сперва къ устью Днѣпра, оттуда обычно въ городъ Кафу (теперь Ѳеодосія); изъ Кафы же, послѣ публичной распродажи, кто попадалъ въ Царьградъ, кто въ города и селенія Малой Азіи, а кто въ далекую Сирію и знойную Африку.

Но, конечно, не всегда благочестивыя предпріятія знатныхъ малороссійскихъ госпожъ оканчивались такъ трагически: испытавъ страшныя затрудненія, зависѣвшія отъ неудобствъ пути и отъ безлюдности края, избѣжавъ опасностей со стороны хищныхъ звѣрей и злонамѣренныхъ людей, прочанки въ концѣ концовъ достигали предѣловъ священнаго города Кіева и тутъ, въ виду древнихъ церквей и благочестивыхъ обителей, возносили къ Господу Богу первыя, горячія и слезныя, молитвы. Большую часть привезеннаго добра и денегъ онѣ отдавали честнымъ богомольцамъ святыхъ обителей, оставляя для себя только самое необходимое, съ чѣмъ можно было вернуться назадъ, «до ридной осéли». Возвращеніе прочанъ назадъ, отъ святыхъ мѣстъ, сопряжено было если не съ бóльшими, то и никакъ не съ мéньшими опасностями, какъ и поѣздка къ нимъ.

On ne pouvait guère avancer que le jour, car il fallait absolument faire halte la nuit. On couchait n'importe où, au pied d'un tertre ou à la lisière d'une forêt, à la belle étoile dans les deux cas. De peur d'être attaqué par des bêtes féroces ou par des brigands, on était forcé de maintenir tout le long de la nuit des bûchers allumés et de poser des sentinelles armées. Et ces précautions n'étaient millement inutiles, car souvent on entendait du fond de l'épaisse forêt à la lisière de laquelle campait le cortège de la pèlerine, des hurlements de loups affamés, tandis qu'à la lisière même des branches sèches craquaient sous les pas d'un sanglier sauvage ou d'un ours errant.

Mais toutes ces précautions même n'empêchaient pas souvent le cortège de la pèlerine d'être attaqué, sinon par des «malfaiteurs» indigènes se cachant au fond d'épais taillis, de profonds ravins et de grottes mystérieuses, du moins par les tatares qui, comme s'exprime un historien, «fourraient toujours leur museau dans l'Ukraine, comme les chiens fourrent le leur dans la cuisine.» Si le cortège était attaqué brusquement par les tatares, la pèlerine elle même, tout comme sa valetaille entière et tous ses biens tombaient entre les mains des brigands et se voyaient immédiatements expédiés de l'Ukraine dans une lointaine captivité, d'abord aux bouches du Dniéper et de là ordinairement dans la ville de Caffa, (la Théodosie actuelle); on vendait publiquement les captifs à Caffa et on les expédiait ensuite, les uns à Constantinople, les autres dans les villes et les villages de l'Asie Mineure, les troisièmes enfin dans la lointaine Syrie et la brûlante Afrique.

Mais les pieuses entreprises des dames de qualité de l'Ukraine ne se terminaient pas toujours d'une façon aussi tragique: après avoir passé par toute sorte de pénibles épreuves, vicissitudes de voyage à travers une contrée déserte, ayant évité le danger des bêtes féroces et des brigands, les pèlerines atteignaient finalement les portes de la ville sainte de Kiew, et là, en vue des vieilles églises et des pieux monastères, élevaient à Dieu, les larmes aux yeux, leurs premières prières. Elles distribuaient la majeure partie de leurs biens et de l'argent apporté aux pèlerins des saints monastères, ne gardant pour soi que le strict nécessaire, de quoi pouvoir rentrer chez elles, dans leur «pays natal». Le voyage, de retour de tous ces pèlerins des lieux saints offrait, sinon des dangers plus grands, du moins des dangers nullement moindres que ceux de leur premier voyage à ces saints lieux.

Группа кобзарей и лирниковъ на малороссійской ярмаркѣ.

Запорожскіе и малороссійскіе козаки въ военное время были воины, въ мирное время — пѣвцы и музыканты. По отзывамъ современниковъ, запорожцы

Groupe de joueurs de pandore et de bardes à une foire petite-russienne.

Soldats en temps de guerre, les cosaques zaporogues et petit-russiens se transformainet en temps de paix en chanteurs et musiciens. Selon les dires des contemporains, les zaporogues aimaient beaucoup à chanter, à faire de la musique et à danser, surtout à danser leur danse natio-

очень любили и попѣть, и поиграть, и потанцовать національнаго танца, козачка. Играли запорожцы на всевозможныхъ музыкальныхъ инструментахъ — на кобзахъ, лирахъ, скрипкахъ, ваганàхъ, басахъ, цымбалахъ, козàхъ, сопилкахъ и другихъ инструментахъ: «однимъ словомъ, на чемъ попало, на томъ и играли»...

Изъ всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ наиболѣе любимымъ и оттого наиболѣе распространеннымъ инструментомъ была у козаковъ кобза. Кобза (по тюркски «кабызъ, кобызъ, кобóзъ») несомнѣнно занесена къ козакамъ съ Востока, такъ какъ она и до сихъ поръ въ большомъ распространеніи у туземцевъ Средней Азіи. У киргизовъ кабызомъ называется музыкальный инструментъ, нѣсколько схожій со скрипкою; онъ не имѣетъ верхней деки и состоитъ изъ выдолбленнаго полушара съ выпускомъ внизу и ручкой вверху; къ ручкѣ его прибиваются желѣзныя побрякушки, которыя приводятся въ движеніе во время самой игры; къ такому кабызу полагается двѣ изъ конскихъ волосъ струны и изъ такихъ же волосъ самый незатѣйливый смычокъ; играютъ на такомъ кабызѣ, поставивъ его между двухъ колѣнъ и водя по струнамъ смычкомъ. Подобный кабызъ можно видѣть въ Ферганѣ, Бухарѣ и Хивѣ. Перейдя изъ Азіи въ Запорожье, кобза въ новомъ отечествѣ значительно измѣнилась. Запорожская кобза—это довольно сложный музыкальный инструментъ, строго отличающійся какъ отъ «пàнского» торбана, такъ и отъ «старчàчей» лиры. Она состоитъ изъ верхняка, т. е. деки, круглаго голосника или резонатора, овальнаго широкаго низа, короткой ручки (грифа), оканчивающейся шейкой съ загибомъ въ лѣвую сторону; имѣетъ 12 струнъ, изъ коихъ одна половина (числомъ 6) собственно струны, а другая (также 6)—приструнки; часть струнъ кишковѣ (кишечныя), часть сухозлотыци (обмотанныя канителью).

Что касается лиры (или «рели», какъ ее называютъ слѣпцы-малороссы), то она представляетъ изъ себя деревянный, меньше аршина длины, закрытый ящикъ, со струнами, надѣтыми на валикъ, помѣщенными внутри ящика и приводимыми въ движеніе посредствомъ желѣзной ручки, торчащей у передняго конца ящика, а также посредствомъ клапановъ, помѣщенныхъ сбоку ящика. Въ настоящее время во всей Малороссіи кобза составляетъ великую рѣдкость и ее вездѣ замѣняетъ лира.

Кобза, по понятію козаковъ, выдумана самимъ Богомъ и его святыми, отчего она и была у нихъ въ такой чести. Для одинокаго запорожца, часто скитавшагося по безлюднымъ степямъ, не имѣвшаго возможности въ теченіе многихъ дней ни «до кого промовить слова», кобза была истинною подругою, дружиною вѣрною, которой онъ повѣрялъ свои думы, на которой онъ разгонялъ свою печаль— «тугу».

«Струны мои золотіи,
Грàйте жъ мени зтыха,
Нехàй козакъ нетяжище
Позабуде лыхо».

nale. Les zaporogues jouaient de tous les instruments de musique possible, de la pandore, de la lyre, du violon, de la basse, des cymbales, du chalumeau, du galoubet et caetera: «ils jouaient en un mot de tout ce qui leur tombait sous la main...»

De tous les instruments de musique, l'instrument de prédilection et le plus répandu chez les cosaques était la pandore. C'est de l'Orient que cet instrument de musique a dû être importé chez les cosaques, car il est toujours fort usité parmi les indigènes de l'Asie Centrale. Chez les Kirghiz le nom de pandore est affecté à un instrument musical ressemblant quelque peu au violon; il n'a pas de couvercle et consiste en un demi-globe creux à saillie au bout d'en bas et à manche au bout d'en haut; à son manche sont attachés des grelots qui se mettent en mouvement lorsqu'on joue de l'instrument; une pandore de ce genre est pourvue de deux cordes en crin et d'un archet fort primitif du même crin; pour jouer de cette pandore-là, on la dresse entre ses deux genoux et on passe l'archet sur les cordes. On rencontre des pandores de ce genre à Ferganah, au Boukhara et au Khiva. En passant ainsi de l'Asie au Zaporojié, la pandore a subi dans sa nouvelle patrie une modification notable. La pandore zaporogue est un instrument musical assez compliqué, différant fortement tant de la «musette» que de la «lyre». Elle se compose d'un couvercle, c'est à dire d'une tablette supérieure, d'une boite arrondie d'une large tablette ovale inférieure et d'un manche très court terminé par un bout recourbé à gauche; il a 12 cordes, dont la moitié (6) sont les cordes principales et l'autre moitié (également 6) les cordes auxiliaires; une partie de ces cordes est en nerf de boeuf et l'autre partie est enroulée de cannetille.

Quant à la lyre des bardes petit-russiens aveugles elle représente une boite en bois, fermée, longue d'une archine à peu près à cordes fixées sur un cylindre placé à l'intérieur de la boite et mis en mouvement par un manche de fer à l'extrémité de la boite, ainsi que par des clés fixées sur les parois de la susdite boite. A l'heure actuelle la pandore ne se rencontre plus dans la Petite-Russie que bien rarement, c'est la lyre qui la remplace partout.

Les cosaques prétendent que la pandore a été inventée par Dieu en personne, et cela explique pourquoi elle était tellement en honneur chez eux. Pour le zaporogue solitaire, errant dans; les steppes désertes sans pouvoir bien souvent «échanger une parole avec un être vivant» pendant des jours et des jours, la pandore était une véritable amie, une compagne fidèle à laquelle il confiait ses plus intimes pensées, qui dissipait sa tristesse, sa «noire» mélancolie.

«Mes cordes, mes belles cordes dorées,
«Chantez-moi quelque chose de bien doux.
«Dissipez la tristesse du cosaque,
«Faites-lui oublier tous ses maux.»

Si on veut juger à quel point le cosaque chérissait sa pandore, on n'a qu'à prendre connaissance d'une ballade, dans laquelle un cosaque expirant, solitaire, au milieu d'une steppe déserte «stérile et aride», s'adresse à sa pandore avant de mourir, et, lui prodiguant les épithètes caressan-

Насколько дорогá была кобза для козака, видно изъ той козацкой думы, гдѣ говорится, какъ козакъ, умирая одинокимъ въ дикой степи отъ «безвидья и безхлибья», въ самыя послѣднія минуты своей жизни обращается къ кобзѣ и называетъ ее «дружиною вирною», «бандурою малёваною» и въ горѣ спрашиваетъ ее:

«А де-жъ мени тебе диты?
А чи у чистому поли испалыты?
И попилёнь по витру пустыты?
А чи на могыли положыты?»

Будучи въ душѣ и на дѣлѣ пѣвцами и музыкантами, козаки почти всѣ умѣли играть на кобзахъ. Но собственно профессіональными музыкантами у нихъ были слѣпцы-кобзари, потерявшіе зрѣніе или при рожденіи, или въ зрѣломъ возрастѣ вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ, или въ турецкой неволѣ, откуда пытались бѣжать на Украйну, но попадались въ руки преслѣдователей и чрезъ то лишались зрѣнія. Козацкіе кобзари—это тоже что французскіе труверы, нѣмецкіе мейстерзингеры, сербскіе слѣпчаки—пьеваки; они всегда были желанными гостями для козака, потому что кобзарь «по всёму свиту вѐштастця и долю спивае». Кромѣ того, кобзарь у запорожцевъ былъ хранителемъ завѣтныхъ козацкихъ преданій и всѣхъ войсковыхъ «звычаевъ»: онъ зналъ, какъ творились суды у козаковъ по старинѣ; какъ дѣлились земли; какъ выбиралась старшина, какъ и когда снаряжались морскіе или сухопутные противъ непріятелей походы. Во всѣхъ такихъ и подобныхъ имъ дѣлахъ кобзари иногда имѣли рѣшающее значеніе, дѣйствуя то прямо, когда къ нимъ обращалось товариство за рѣшеніемъ того или другого вопроса, то косвенно, когда они сами старались вліять на самыхъ сильныхъ и самыхъ популярныхъ людей среди войскового товарищества. Въ такихъ случаяхъ кобзари дѣлали иногда то, что своей игрой и пѣніемъ козацкихъ героическихъ пѣсенъ заставляли подниматься козаковъ изъ Сѣчи и идти на Черное море противъ невѣрныхъ бусурманъ, или же двигаться походомъ за юго-западныя границы козацкихъ вольностей, противъ ненавистныхъ ляховъ. Возбуждая къ походамъ козаковъ, кобзари, не смотря на то, что были лишены зрѣнія, нерѣдко и сами отправлялись въ походъ. Въ походахъ, такъ же какъ и въ самой Сѣчи, они были весьма полезными членами козацкого товарищества: кромѣ того, что своей игрой они развеселяли козаковъ и вмѣсто унынія вызывали въ нихъ духъ бодрости, они такъ же нерѣдко исполняли роль военныхъ врачей, такъ какъ, кромѣ неподражаемаго искусства владѣть струнами кобзы, они знали силу и тайны цѣлебныхъ травъ, которыми лѣчили заболѣвшихъ въ пути или раненыхъ во время схватокъ козаковъ: они знали и то, какъ изгонять изъ тѣла больного «пропасницу», т. е. лихорадку, и какое зелье когда прикладывать къ огнестрѣльной ранѣ, и какія шептать слова для того, чтобы остановить теченіе крови изъ раны. Независимо отъ всего этого, *

* tes de «compagne fidèle», de «belle pandore à couleurs vives», il lui dit d'un ton désolé:

«Que vais-je faire de toi dans ce moment suprême?
«Dois-je donc te brûler en plein champ?
«Dois-je disperser tes cendres à tous les quatre vents?
«Ou bien dois-tu reposer sur ma tombe?»

Chanteurs et musiciens dans l'âme et dans la vie réelle, les cosaques savaient presque tous jouer de la pandore. Mais les véritables musiciens professionnels étaient les joueurs de pandore, aveugles de naissance ou atteints de cécité plus tard, à l'âge mûr, à la suite d'un accident quelconque. Par exemple, il arrivait parfois que des joueurs de pandore, faits prisonniers par les turcs et tentant d'échapper à leur captivité en regagnant l'Ukraine étaient repris par leurs persécuteurs qui les aveuglaient pour les punir. Les joueurs de pandore cosaques, — ce sont les trouvères français, les maitres chanteurs allemands, les bardes aveugles serbes; ils étaient toujours des hôtes bienvenus chez les cosaques, ces joueurs de pandore qui «errent de par le monde en chantant de belles ballades». Ces bardes errants étaient encore chez les zaporogues les gardiens des vieilles traditions, sacrées pour eux, et de toutes les «coutumes» militaires; ils savaient comment se prononçaient les jugements selon l'usage antique et solennel, comment se pratiquait le partage des terres, comment on s'y prenait pour élire un doyen, comment et quand on devait organiser contre l'ennemi une campagne navale ou de terre ferme. Et dans toutes les occasions de ce genre les bardes avaient voix au chapitre, exerçant quelquefois une influence directe sur la décision finale, si la compagnie s'adressait à eux pour trancher une question; d'autres fois ils exerçaient une influence indirecte en tentant de gagner à leur opinion les membres les plus influents et les plus populaires de la compagnie cosaque. Il arrivait parfois que les bardes, à force de jouer et de chanter aux cosaques des airs héroïques nationaux, exaltaient l'ardeur guerrière des cosaques qui quittaient alors la Siétcha et s'en allaient à la Mer Noire combattre les mécréants ou bien passaient la frontière du territoire concédé à leur compaguie pour entreprendre une campagne contre les polonais abhorrés. Non contents d'insuffler l'ardeur guerrière aux cosaques, les bardes, quoique privés de vue, prenaient fréquemment eux-mêmes part aux campagnes, pendant lesquelles, tout comme dans la Siétcha en temps de paix, ils étaient des membres fort utiles de la compagnie cosaque. Sans parler de leur musique, ils égayaient encore les cosaques de toutes façons, les empêchant de s'abandonner à l'abattement relevant leur moral, exaltant leur vaillance; souvent aussi ils remplissaient le rôle de médecin, parce qu'en outre de l'art incomparable avec lequel ils maniaient les cordes de la pandore, ils possédaient la science des vertus cachées des herbes médicinales et savaient les administrer à propos aux cosaques tombés malades en route ou blessés dans des échauffourées; ils savaient aussi chasser la fièvre appliquer sur une blessure d'arme à feu le simple propre à la guérir; ils savaient quelles étaient les paroles magiques qu'il fallait murmurer pour arrêter l'hémorragie d'une plaie. Non contents encore, ces mêmes *

тѣ же кобзари, возвращаясь вмѣстѣ съ козаками изъ походовъ въ Сѣчь, брались за кобзы, звонко ударяли по ихъ струнамъ и тутъ же «рокотали славу» или «выславляли» самыхъ смѣлыхъ и самыхъ мужественныхъ козацкихъ героевъ только что оконченнаго похода.

Та ой, на мóри на сынéму,
На кáмини на билому,
Сóкилъ зъ орлóмъ купáестця,
Сóкилъ орлá пытáестця:
«Чи бувъ, орле, за Дунáемъ?
Чи не знаешъ про Ногáя?
Чи не чувъ ты про Мыхáйла?
— Не такъ я чувъ, якъ самъ знáю:
Ишлы ляхы на тры шляхы,
А татáры на чотыри,
Запорожци поле вкрылы,
Чобиткáмы зачорнылы,
Шабелькáмы заяснылы,
Шапочкáмы закрасылы,
Попéреду гатьмáнъ иде,
Гатьманъ иде, вíйско веде»...

Такова была роль и таково значеніе историческихъ кобзарей. Роль теперешнихъ кобзарей и лирниковъ совсѣмъ другая: «вештаясь» по ярмаркамъ, они выпрашиваютъ себѣ подаяніе и тѣмъ содержатъ себя и свои семейства. Весьма немногіе изъ нихъ сумѣютъ сыграть и спѣть козацкую пѣсню или думу, — такіе кобзари теперь величайшая рѣдкость; современные кобзари и лирники если и играютъ или поютъ что-либо, то про страшный судъ, про святого Николая, про злую фортуну обѣднѣвшаго богача; иногда «выведутъ сальму Сковородына» «Всякому городу свой нравъ и правá», а большею частью—потѣшаютъ людей «чичиточкою» или «попáденькою», не то ушкварятъ «метелыцю» или «трындыка» Такъ, все проходитъ и измѣняется на землѣ, а вмѣстѣ со всѣмъ измѣняются и вкусы людей.

Булó колысь,—мынулося,
Мынулось, пропáло;
Булы колысь и кобзáри,
Тепèръ ихъ не стáло...

bardes, revenant dans la Siétcha avec les cosaques après une campagne terminée, reprenaient leur pandore, en pinçaient gaiement les cordes et se mettaient immédiatement à «chanter» la campagne terminée ou à en «célébrer» les héros les plus hardis et les plus valeureux.

«Ohé, ohé! au milieu de la mer, de la mer azurée,
Sur un rocher, un beau rocher tout blanc,
On voit l'aigle et le faucon s'ébattre dans les flots.
Et voici le faucon qui demande au bel aigle:
«As-tu traversé le Danube, dis-moi, bel aigle noir
As-tu appris ce qui se passe chez les Nogaïs?
As-tu entendu le nom du brave Michel?»
Non, je n'ai rien entendu, mais je sais tout moi-même:
L'armée polonaise couvrait trois routes entières,
L'armée tatare en couvrait encore quatre.
Alors les zaporogues ont choisi tout un champ,
Qui est devenu tout noir sous leurs belles bottes
Et tout étincelant sous leurs sabres luisants,
Et tout rouge au-dessus à cause de leurs bonnets.
Et l'on voyait l'hetman qui marchait à leur tête
Leur brave hetman qui menait toute l'armée.

Tel était le rôle, telle était l'importance historique des joueurs de pandore. Tout autre est le rôle des joueurs de pandore et de lyre de nos jours: «errant» de foire en foire ils demandent l'aumône ce qui leur permet de subsister eux-mêmes et d'entretenir leur famille. Très peu d'entre eux sont capables de jouer et de chanter un air cosaque ou une ballade, — et des joueurs de pandore de cette espèce sont devenus à présent une grande rareté. Et si l'un d'eux exécute un air ou une ballade quelconque, le sujet du morceau sera toujours le jugement dernier, ou bien Saint-Nicolas, ou encore la légende du riche devenu pauvre; de temps en temps ils vont jusqu'à dire une des pièces de vers de Skovoroda, généralement celle «des moeurs et des lois». Mais le plus souvent ils se contentent de divertir leur auditoire par un morceau gai et égrillard ou bien de lui jouer un air de danse échevelée. C'est ainsi que tout passe, que tout change sur cette terre, en même temps que changent les goûts même des hommes.

Les choses d'autrefois—sont des choses bien passées,
Les choses passées—sont des choses bien perdues.
Jadis florissaient les joueurs de pandore,
Mais il ont passé... hélas! on n'en voit plus...»

Объясненіе таблицъ.

I. ***Гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный,*** XVI вѣка, одинъ изъ популярнѣйшихъ гетмановъ запорожскаго войска.

Виньетка: Одна изъ побѣдъ надъ турками подъ Хотиномъ.

II. ***Зиновій Богданъ Хмельницкій,*** знаменитый гетманъ Украйны, освободившій ее отъ владычества Польши и присоединившій Малороссію къ московскому государству (по гравюрѣ Hondius. Haga. Batavus. 1651 г.).

Виньетка: Козачій отрядъ въ походѣ.

III. ***Воевода Адамъ Григорьевичъ Кисель,*** проводившій примирительную политику между козаками и Рѣчью-Посполитой (по современному портрету).

Виньетка: Церковь-замокъ въ Сутковицахъ, Волынск. губ. Крестный ходъ, братчики.

IV. ***Полковникъ реестровыхъ малороссійскихъ полковъ*** (по изображенію на знаменахъ).

Виньетка: Атака на козачій обозъ польскихъ панцырныхъ гусаръ.

V. ***Хорунжій*** (по современному портрету).

Виньетка: Рушницы, копья, келепа, сабли, пистолеты, ятаганы, пороховницы. (Изъ собраній Г. П. Алексѣева въ С.-Петербургѣ и А. Н. Поля въ г. Екатеринославѣ).

VI. ***Уманскій сотникъ Иванъ Гонта*** (по современному портрету).

Виньетка: Эпизодъ изъ взятія гайдамаками Умани, подъ предводительствомъ Желѣзняка и Гонты.

VII. ***Писарь войсковой*** (по Калинскому).

Виньетка: Принадлежности писаря: чернильница, печать, фоліанты, универсалъ съ автографомъ Богдана Хмельницкаго, кресты. (Собраніе Г. П. Алексѣева).

VIII. ***Пушкарь времени*** гетмана Ивана Мазепы: при немъ мортира, литая по приказанію Мазепы, находящаяся теперь въ Артиллерійскомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ.

Виньетка: Козачьи окопы и ретраншементы.

Explication des tables.

I. **Pierre Konachévitch Sagaïdatchny,** — un des hetmans les plus populaires de l'armée zaporogue.

Vignette: une des victoires des turcs sous le Khotine.

II. **Zénobie Bogdane Khmelnitsky,** — célèbre hetman de l'Ukraine qui l'a délivrée du joug polonais et qui a réuni la Petite-Russie à l'empire russe (d'apres une gravure de Hondus, Haga, Batavus, 1651).

Vignette: détachement de cosaques en marche.

III. **Le vayvode Adam Kissel,** — agent de politique conciliatrice entre les cosaques et les polonais (d'après un portrait de l'époque).

Vignette: l'église-manoir à Southovitsy, province de Volhynie. Procession religieuse, confrérie.

IV. **Colonel de l'armée régulière,** — (d'après des peintures de drapeaux).

Vignette: attaque du train des bagages par les cuirassiers polonais.

V. **Cornette,** — (d'après un portrait de l'époque).

Vignette: lances, yatagans, marteaux d'armes, sabres, pistolets, poires à poudre, gamelles, etc. (Collection de M. M. Aléxéïeff à St.-Pétersbourg et Paul à Iékaterinoslaw).

VI. **Le centenier Jean Honta,** — (d'après un portrait de l'époque).

Vignette: épisode de la prise d'Oumane par les haïdamaques, commandés par Jélezniak et Honta.

VII. **Clerc de l'armée,** — (d'après Kalinsky)

Vignette: ses attributs, — encrier, sceau, gamelle, message universel avec autographe de Bogdane Khmelnitsky, croix. (Collection Aléxéïeff).

VIII. **Canonnier** de l'époque de l'hetman Jean Mazeppa: à ses côtés un mortier fondu par ordre de Mazeppa, — actuellement au musée de l'Artillerie de St.-Pétersbourg.

Vignette: fossés et retranchements cosaques.

IX. ***Вартовой козакъ*** (часовой).

Виньетка: Внутренность козачьяго обоза: возы, знамя, литавры (въ Артиллер. музеѣ и въ собраніи А. Н. Поля).

X. ***Типъ запорожца.***

Виньетка: Бунчуки, копья, лукъ, сагайдакъ и бердышъ, приписываемый времени Богдана Хмельницкаго. (Изъ собранія клейнодовъ въ Преображенскомъ соборѣ въ СПБ., А. Н. Поля въ Екатеринославѣ и Краковскаго музея).

XI. ***Типъ запорожца.***

Виньетка: Сцена изъ жизни въ запорожской Сѣчи: судъ надъ преступникомъ.

XII. ***Типъ запорожца.***

Виньетка: Мѣсто бывшей Чортомлыцкой Сѣчи, на рѣчкѣ Чортомлыкѣ, впадающей въ Днѣпръ, и нѣкоторыя вещи, найденныя при раскопкахъ: кресало, пороховница, набойка и проч. (Собраніе Д. И. Эварницкаго).

XIII. ***Задунайскій запорожецъ*** (по Théodor Valerio). Изъ альбома, принадлежавш. импер. Наполеону III, въ Парижѣ).

Виньетка: Дунавецкая запорожская Сѣчь на устьяхъ Дуная (по наброску съ натуры Г. Лупулеску).

XIV. ***Сѣчевый дидъ,*** абшитованный (отставной).

Виньетка: Сѣдла, уздечки, пороховница, натруски. (Изъ собраній А. Н. Поля и Г. П. Алексѣева).

XV. ***Мѣщанинъ*** (по Ригельману).

Виньетка: Ярмарка въ Малороссіи.

XVI. ***Посполитый*** (крестьянинъ), по Ригельману.

Виньетка: Зимовникъ козачій: пахарь.

XVII. ***Козачка*** (по Калинскому).

Виньетка: Сцена у колодца: проводъ козака въ войско.

XVIII. ***Именитая госпожа (полковница),*** по современному портрету.

Виньетка: Путешествіе на богомолье знатной особы въ XVIII в.

XIX. ***Сковорода, Григорій Саввичъ,*** украинскій философъ-мистикъ: род. въ 1722 г. и † 1794 г. (По современному портрету).

Виньетка: Малороссійскій пейзажъ.

XX. ***Кобзарь-слѣпецъ*** съ мальчикомъ-поводатаремъ.

Виньетка: Группа кобзарей и лирниковъ, поющихъ на ярмаркѣ. Кобза, торбанъ и бубенъ.

XXI. ***Убитый конь.***

IX. **Sentinelle cosaque.**

Vignette: intérieur d'un train de bagages cosaque: chariots, drapeau, timbales (musée de l'Artillerie et collection Paul).

X. **Type de zaporogue.**

Vignette: bâtons d'hetman, lance, arc, bannière et pertuisane, attribués à l'époque de Bogdane Khmelnitsky. (Collection des insignes de la Cathédrale Petropavlovsky de St.-Pétersbourg, collection Paul, musée de Cracovie).

XI. **Type de zaporogue.**

Vignette: scène de la vie zaporogue: criminel devant le tribunal.

XII. **Type de zaporogue.**

Vignette: emplacement de l'ancienne Siétcha de Tchortomlyk, au bord de la rivière Tchortomlyk qui se jette dans le Dnièper, et objets trouvés dans des fouilles: briquet, poire à poudre, baguette de fusil, etc. (collection de M. Evarnitsky).

XIII. **Zaporogue du Danube,**—(d'après Theodor Valerio), album ayant appartenu à l'empereur Napoléon III, Paris.

Vignette: la Siétcha zaporogue du Dounavetz à l'embouchure du Danube (d'après une étude d'après nature de M. Lupulescu).

XIV. **Ancien cosaque de la Siétcha** (en retraite).

Vignette: selles, bridons, gibernes, poires à poudre. (Collections Paul et Aléxéieff).

XV. **Un bourgeois,**—(d'après Riegelmann).

Vignette: poire petite-russienne.

XVI. **Un paysan,**—(d'après Riegelmann).

Vignette: métairie cosaque: laboureur.

XVII. **Femme cosaque,**—(d'après Kalinsky).

Vignette: scène près d'un puits: départ pour l'armée.

XVIII. **Femme de colonel,** — (d'après un portrait de l'époque)

Vignette: pèlerinage d'une dame de qualité au XVIII siècle.

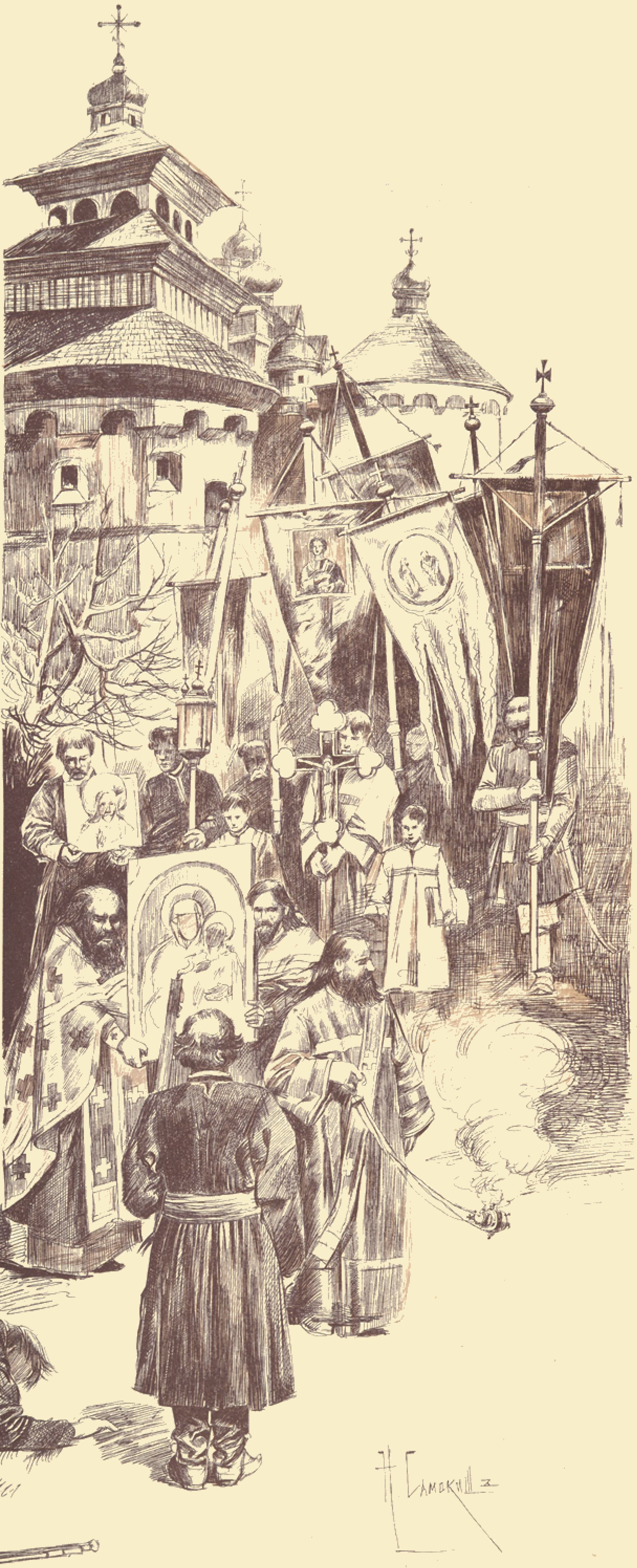
XIX. **Skovoroda, Grégoire Savvitch,** — philosophe mystique petit-russien: né en 1722, † en 1794. (D'après un portrait de l'époque).

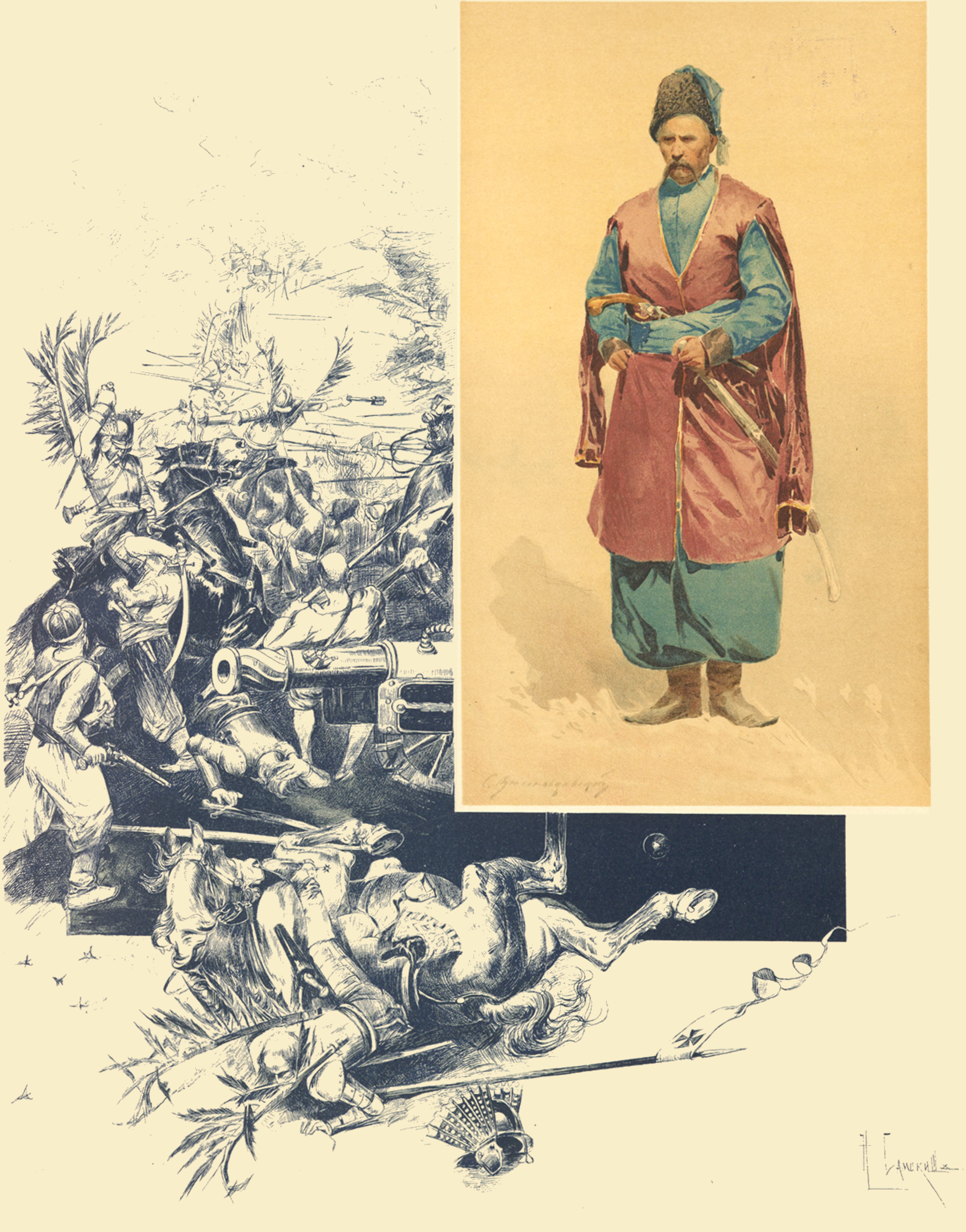
Vignette: paysage petit-russien.

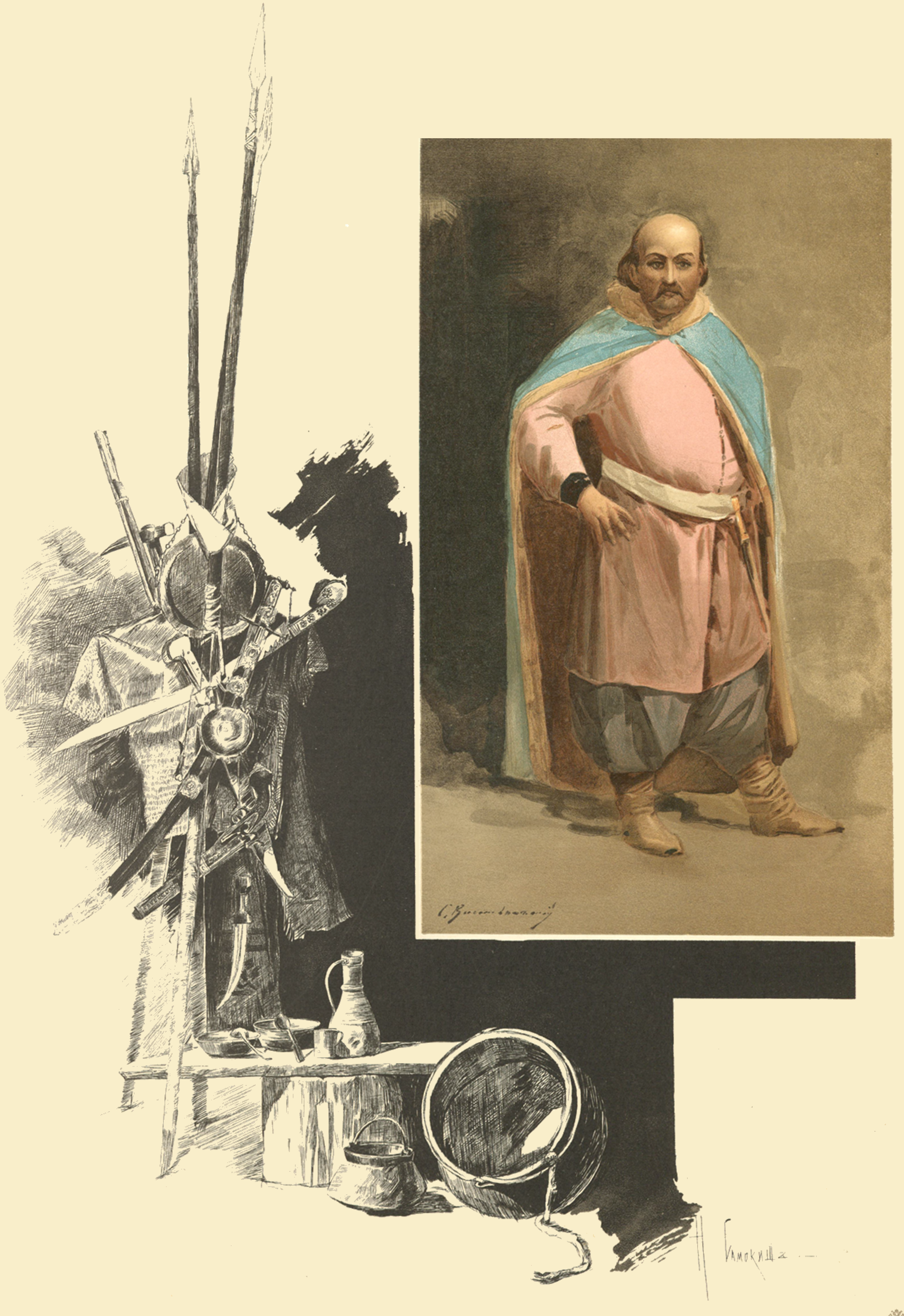
XX. **Musicien aveugle,**—et son guide, un petit garçon.

Vignette: groupe de musiciens et de bardes à une foire. Pandore, musette et tambourin.

XXI. **Cadavre d'un coursier.**

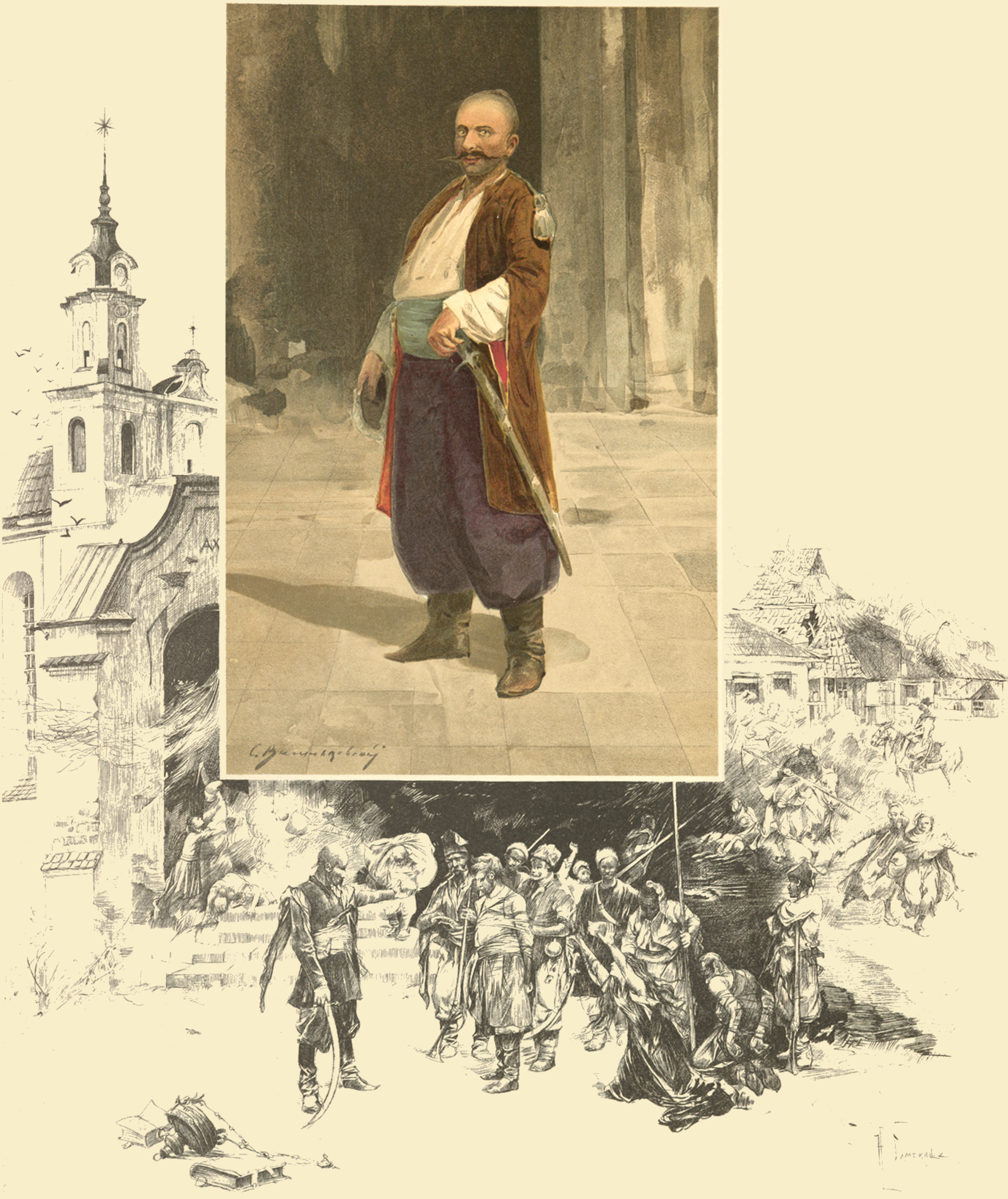






[Доз]волено Цензурою. СПБ.

Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса



…олено Цензурою. СПБ

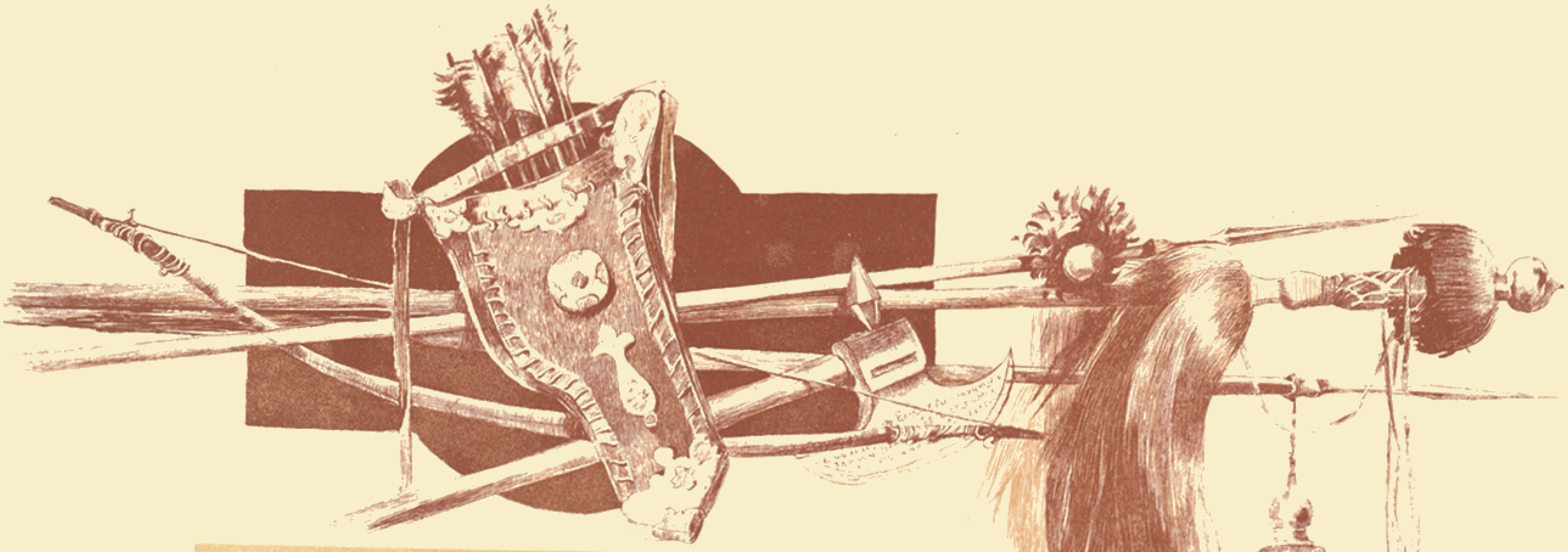
Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса.

Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. С...

Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса, СПб.

9.

Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СП



Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Марксъ

БИБЛИОТЕКА

зволено Цензурою. СПБ.

Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ.

волено Цензурою. СПБ.

Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СП

Гравировалъ Пентуровъ, СПБ.

Печ. въ Арт. завед. А. Ф. Маркса

озволено Цензурою. СПб.

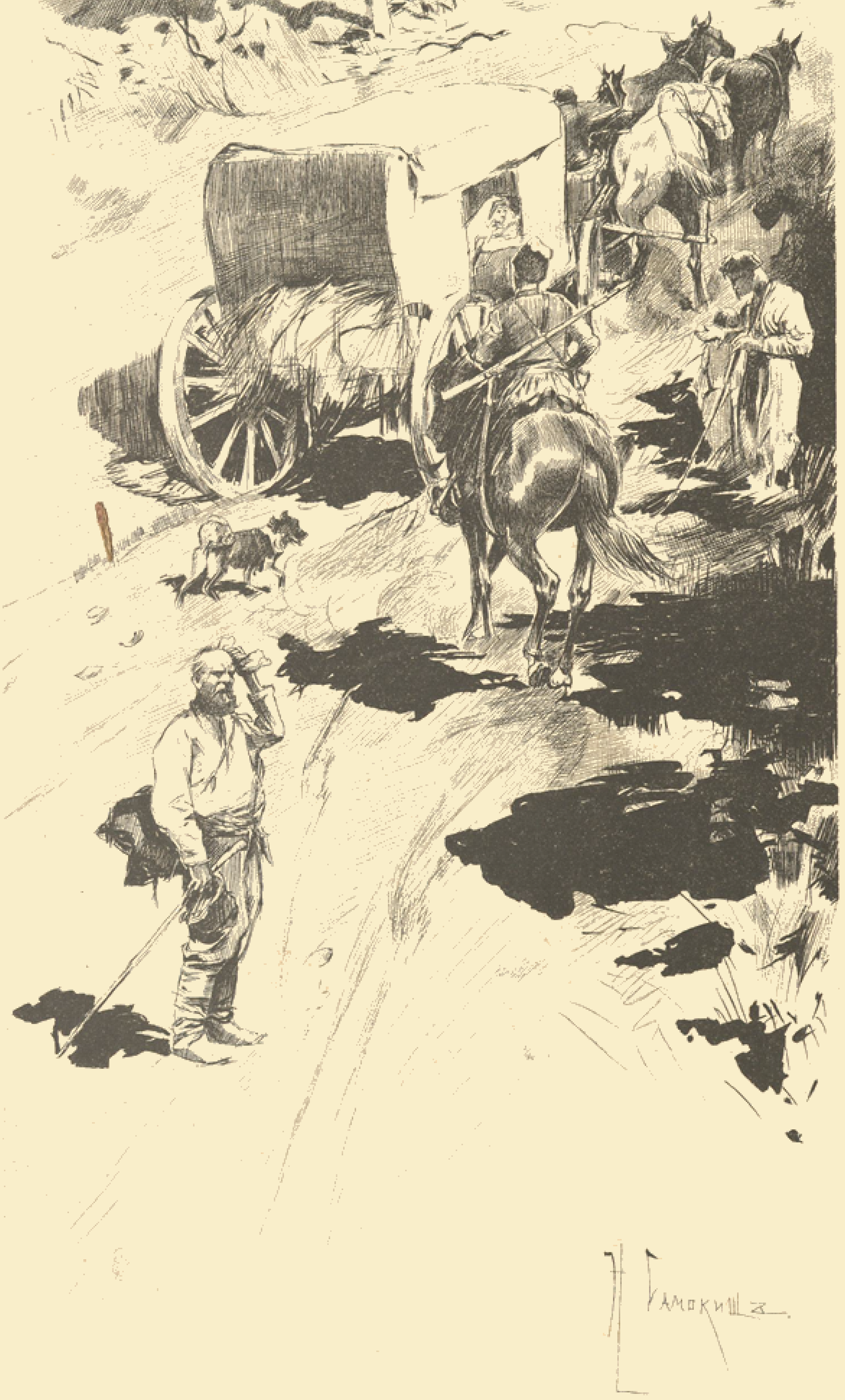
Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса.

... Цензурою. СПБ

Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СП

ПРОВЕРЕНО 1996Г.

ХАРКІВСЬКА ДЕРЖАВНА
НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
ім. В. Г. Короленка
№ 50084



Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Марк

Дозволено Цензурою, СПБ

Н. Самокишъ

ПРОВЕРЕНО 1996Г.

в 569462

ХАРКІВСЬКА ДЕРЖАВНА
НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
ім. В. Г. Короленка
№ 50084

31. VIII. 1981.

16 вкл. л. илл.

[75р.]